

Е. Р. ДАШКОВА В КРУГУ СОВРЕМЕННОКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЛИЧНОСТИ
И ЭПОХА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. Е.Р. ДАШКОВОЙ

Е.Р. ДАШКОВА В КРУГУ СОВРЕМЕННОКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ И ЭПОХА

Москва

2013

МГИ_{им.Е.Р.Дашковой}

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46
Д 21

Редколлегия:

канд. ист. наук, доц. *Л.В. Тычинина* (отв. ред.)
канд. воен. наук *Р.Б. Мухин*
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Бессарабова*

Д 21   **Е.Р. Дашкова** в кругу современников: Исторические личности и эпоха. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. – 328 с., [8] с. илл.

ISBN 978-5-89903-160-1

Сборник научных статей подготовлен по материалам докладов, прочитанных в марте 2012 года на XVIII Международных Дашковских чтениях. В центре внимания авторов – различные аспекты жизни и деятельности Е.Р. Дашковой, членов её семьи и её современников. Ряд статей посвящён внутренней и внешней политике «золотого века» Екатерины Великой, а также культурной жизни той эпохи.

Для историков и широкого круга читателей.

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46

© Московский гуманитарный институт
им. Е.Р. Дашковой, 2013
ISBN 978-5-89903-160-1   © Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Приветствие Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ Валентины Ивановны Матвиенко организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Дашковских чтений (23 марта 2012 г.).....	6
Приветствие Президента Российской Академии наук, академика Юрия Сергеевича Осипова организаторам, участникам и гостям XVIII Международных Дашковских чтений (23 марта 2012 г.).....	7
Л.В. Тычинина (канд. ист. наук, доц.) Дашковское общество. 2012 год: хроника событий.....	9
Е.Е. Приказчикова (д-р филол. наук, проф.) Записки императрицы Екатерины II и Е.Р. Дашковой: диалог двух женских мемуарных текстов.....	14
М.М. Сафонов (канд. ист. наук) Е.Р. Дашкова и Ж.-Д.-Ж. Одар.....	31
О.И. Елисеева (канд. ист. наук) Именины госпожи Решимовой.....	58
Е.Н. Фирсова Сестра и брат. Княгиня Е.Р. Дашкова и граф А.Р. Воронцов.....	66
Е.Н. Поляхова (канд. физ.-мат. наук) К родословной Е.Р. Дашковой: пересечения родов князей Дашковых и графов Воронцовых-Дашковых с родом светлейшего князя А.Д. Меншикова.....	125
И.Е. Лопатухина (канд. физ.-мат. наук) И.П. Кулибин – механик и руководитель мастерских Санкт-Петербургской Академии наук во время директорства Е.Р. Дашковой.....	156
В.Н. Алексеев (канд. ист. наук, доц.) К биографии князя П.М. Дашкова.....	163
Е.В. Полевицкова (канд. ист. наук), Украина А.Р. Воронцов в Лондоне: штрихи к портрету «русского джентльмена».....	173

Н.Я. Серебрякова

Пример служения Отечеству: письма С.Р. Воронцова
в Адмиралтейств-коллегию 186

А.О. Мещерякова (канд. ист. наук)

История одной дружбы: многолетняя переписка
С.Р. Воронцова и Ф.В. Ростопчина 209

С.Р. Долгова (канд. филол. наук)

Благотворительная деятельность
княгини Е.К. Воронцовой (урождённой Браницкой) 221

И.И. Лециловская (д-р ист. наук, проф.)

Россия в сербской народной поэзии XVIII в. 230

Т.М. Фадеева (канд. ист. наук)

Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика,
братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. ... 237

Е.В. Пчелов (канд. ист. наук, доц.)

Правление Рюрика в «исторической серии»
медалей Екатерины Великой 252

Т.И. Акимова (канд. филол. наук, доц.)

Выражение личностного самосознания в «малых жанрах»
Эрмитажного салона Екатерины II 262

К.Г. Боленко (канд. ист. наук)

«Иные» библиотеки Н.Б. Юсупова (Москва, Спасское-Котово) 270

М.П. Пряшников (канд. искусствоведения)

Антрепренёр итальянской оперы Дж. Астарита
в Петербурге: новые материалы 277

О.А. Байрд (Яценко), Великобритания

«Сотворение мира» в Петербурге: Й. Гайдн – А. Эберль –
Л.-В. Теппер де Фергюсон 289

А.А. Жиркова

История усадьбы Кирияново и образ княгини Е.Р. Дашковой
в историко-краеведческом музее «Нарвская застава» 304

В.И. Шеремет (д-р ист. наук, проф., акад. РАН)

Ислам в России: от противостояния через изучение
к сотрудничеству 319

Список сокращений 327

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Данный сборник научных статей, выходящий по материалам XVIII Международных Дашковских чтений, продолжает серию ежегодных изданий Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, посвящённых Екатерине Романовне Дашковой и её времени.

В центре внимания авторов сборника – различные аспекты жизни княгини: участие в дворцовом перевороте 1762 г., руководство Санкт-Петербургской Академией наук, литературная деятельность. Ряд работ посвящён окружению княгини: членам её семьи и современникам. В статьях о «золотом веке» Екатерины Великой освещаются актуальные проблемы внешней политики и культурной жизни той эпохи. Также в сборнике опубликованы статьи, рассказывающие о Дашковском обществе и об увековечении памяти княгини благодаря музейной деятельности.

Точка зрения отдельных авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Авторы несут ответственность за аутентичность использованного фактического материала и за справочный аппарат.

**ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ
ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ МАТВИЕНКО
ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
XVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ДАШКОВСКИХ ЧТЕНИЙ
(23 МАРТА 2012 ГОДА)**

Организаторам, участникам и гостям
XVIII Международных научных
Дашковских чтений

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую участников вашего представительного научного форума. За годы своего существования Дашковские чтения стали заметным явлением российской научной и культурной жизни, авторитетной трибуной для известных учёных и молодых исследователей.

Хочу особо отметить бескорыстный подвижнический характер деятельности всех, кто причастен к работе форума. Изучение истории нашего Отечества, просвещение и воспитание российской молодёжи – благородная и ответственная задача. В этой связи заслуживает высокой оценки вклад Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой – инициатора и бесменного организатора чтений. За годы своего существования институт стал одним из крупных научных и образовательных центров России, завоевал высокий авторитет в профессиональной среде.

Желаю участникам форума успешной работы, новых достижений в изучении отечественной истории!

Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации

 В.И. Матвиенко

**ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК,
АКАДЕМИКА ЮРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ОСИПОВА
ОРГАНИЗАТОРАМ, УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ
XVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ДАШКОВСКИХ ЧТЕНИЙ
(23 МАРТА 2012 ГОДА)**

Приветствую всех собравшихся в Московском Доме учёных на очередную конференцию, за которой закрепилось название «Дашковские чтения». В этом году ваша конференция юбилейная: двадцать лет минуло с того памятного дня, когда состоялось Первое общее собрание только что воссозданной тогда Российской Академии наук, и оно было посвящено 250-летию со дня рождения княгини Екатерины Романовны Дашковой – директора Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и одновременно президента Российской Академии. Двадцатилетие отмечает в этом году и Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой.

Нас не могут не радовать успехи вашего института и действующего в его рамках Дашковского общества. Несмотря на сложности, которые пережила наша страна в эти годы, Российская Академия наук стремилась поддержать вашу научную, просветительскую и педагогическую деятельность. Известные учёные, академики РАН, регулярно выступают у вас: это и Д.С. Львов, и Ю.С. Пивоваров, и А.О. Чубарьян и другие. Академик Е.П. Челышев многие годы является научным руководителем вашего института. Хочу упомянуть важную акцию, проведённую МГИ им. Е.Р. Дашковой и Дашковским обществом совместно с Российской Академией наук: это переиздание первого в России шеститомного толкового словаря русского языка, созданного и изданного в 1789–1794 гг. под руководством Е.Р. Дашковой. На заседании Президиума РАН состоялась его презентация с докладом ректора института и руководителя Дашковского общества Ларисы Викторовны Тычиной. Покойный Патриарх Московский и всея Руси Алексей II вручил участникам этой работы высокие награды Русской Православной Церкви.

Недавно широко отмечалось 300-летие со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова. Как тут не упомянуть Дашковское

общество, внёсшее свой вклад в это большое государственное дело. Как организатор академической науки в России, Е.Р. Дашкова была последовательницей великого русского учёного. С детских лет она имела возможность с ним общаться, считала его своим учителем и наставником. Став во главе Императорской Академии наук, княгиня первым делом взялась за подготовку и издание Собрания сочинений М.В. Ломоносова, увидевшего свет в 1784–1787 гг. Ей принадлежит заслуга восстановления в российской академической науке традиций М.В. Ломоносова; она всячески способствовала развитию творческой инициативы учёных, освобождению их труда от какого-либо вмешательства, содействовала активизации и эффективности их деятельности. Вслед за Ломоносовым она ратовала за объединение усилий учёных-гуманитариев и естествоиспытателей, за использование достижений на благо Отечества, за их внедрение в систему университетского образования.

Мы всячески поддерживаем усилия Дашковского общества, направленные на повышение уровня образования, хочу отметить также ваши достижения в области книгоиздания. В наше время добиться успехов в этой области не так просто. Это я хорошо знаю. Как говорится, Бог вам в помощь. Желаю вам больше книг, хороших и разных.

В заключение хочу пожелать всем вам, дорогие друзья, коллеги, дальнейших успехов в благородном служении науке и образованию, в приумножении гуманистических дашковских традиций воспитания молодёжи в духе высокой нравственности и любви к Родине, гордости за её великое прошлое и твёрдой веры в её лучшее будущее.

Президент
Российской Академии наук,
академик

Ю.С. Осипов

ДАШКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО. 2012 ГОД: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Л.В. Тычинина

кандидат исторических наук, доцент

Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой

В 2012 году продолжалась деятельность Дашковского общества*.

23 марта 2012 г. в Центральном Доме учёных Российской Академии наук на Пречистенке состоялись XVIII Международные Дашковские чтения, посвящённые двадцатилетию МГИ им. Е.Р. Дашковой и Году российской истории. В конференции приняли участие более ста человек из многих городов нашей страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Екатеринбурга Саранска, Твери и др.) и из четырёх государств ближнего и дальнего зарубежья (Украины, Великобритании, Румынии и Китая).

---

* О Дашковском обществе см.: Семёнова А.В. Дашковское общество: история создания, перспективы деятельности // Е.Р. Дашкова и её время: исследования и материалы. М., 1999. С. 32–34; *Она же*. Дашковское общество. 1999 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 9–12; *Она же*. Дашковское общество. 2000 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 10–12; *Она же*. Дашковское общество. 2001 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и её современники. М., 2002. С. 14–18; *Она же*. Дашковское общество. 2002 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Личность и эпоха. М., 2003. С. 18–21; *Она же*. Дашковское общество. 2003 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 6–10. *Она же*. Дашковское общество. 2004 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и эпоха Просвещения. М., 2005. С. 6–9; *Она же*. Дашковское общество. 2005 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и Золотой век Екатерины. М., 2006. С. 6–9; *Она же*. Дашковское общество. 2006 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова в науке и культуре. М., 2007. С. 6–9; *Она же*. Дашковское общество. 2007 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008. С. 6–10, Тычинина Л.В. Дашковское общество. 2008 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность. М., 2009. С. 5–9; *Она же*. Дашковское общество. 2009 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010. С. 8–10; Мухин Р.Б. Дашковское общество. 2010 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 8–12; Тычинина Л.В., Мухин Р.Б. Дашковское общество. 2011 год: хроника событий // Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы. М., 2012.

Международные Дашковские чтения были открыты вступительным словом ректора Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой и председателя Дашковского общества, кандидата исторических наук, доцента Ларисы Викторовны Тычининой, отметившей важность изучения российской истории и культуры, а также поздравившей студентов и сотрудников с двадцатилетним юбилеем института.

Участникам чтений были зачитаны приветствия Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Валентины Ивановны Матвиенко и президента Российской Академии наук, академика Юрия Сергеевича Осипова.

Студенческому театру «Пилигримы» в своём ярком выступлении удалось передать дух и колорит эпохи двух Екатерин.

В ходе пленарного заседания прозвучало несколько докладов, посвящённых актуальным проблемам прошлого и настоящего. Профессор кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета, доктор филологических наук, профессор Елена Евгеньевна Приказчикова выступила с сообщением «Записки императрицы Екатерины II и Е.Р. Дашковой: диалог двух женских мемуарных текстов XVIII столетия». Главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Каирского и Тегеранского университетов, академик Российской академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор Виталий Иванович Шерemet раскрыл такую важную проблему, как ислам в России: от противостояния через изучение к сотрудничеству. Заведующий кафедрой грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета, академик Российской академии естественных наук, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, доктор филологических наук, профессор Марк Яковлевич Блох сделал доклад на тему «Язык обиходный, язык художественный и общество-языкотворец». Член Союза писателей России и Союза журналистов Москвы Людмила Ивановна Третьякова проанализировала роль гуманитарного знания в ментальном пространстве современного человека.

Затем по давно сложившейся традиции были представлены изданные институтом в 2011 г. научные труды, в том числе – сборник научных статей «Е.Р. Дашкова и XVIII век: Традиции и новые подходы» и три сборника «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра».

Медалью княгини Е.Р. Дашковой «За служение Свободе и Просвещению» были награждены: Президент Российской ге-

неалогической федерации, генеральный секретарь Международной генеалогической академии, кандидат исторических наук Станислав Владимирович Думин; доцент кафедры небесной механики математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат физико-математических наук, доцент Елена Николаевна Поляхова; советник ректора МГИ им. Е.Р. Дашковой, доктор военных наук, профессор Владимир Павлович Чернышов; заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета экономики, управления и права МГИ им. Е.Р. Дашковой, кандидат юридических наук Сергей Петрович Бондарь; заведующая кафедрой теории и практики журналистики гуманитарного факультета МГИ им. Е.Р. Дашковой кандидат филологических наук, доцент Елена Васильевна Зеленина; заведующая кафедрой туризма факультета экономики, управления и права МГИ им. Е.Р. Дашковой, доктор филологических наук Елена Юрьевна Раскина; заведующая кафедрой экономики и гостиничного дела факультета экономики, управления и права МГИ им. Е.Р. Дашковой Елена Олеговна Черногурских; системный администратор центра информационно-технического обеспечения МГИ им. Е.Р. Дашковой Александр Юрьевич Зверев; заведующая библиотекой МГИ им. Е.Р. Дашковой Ольга Николаевна Курдюк.

По окончании пленарного заседания в соответствии с программой чтений работали следующие секции: «Е.Р. Дашкова и её время», «Проблемы политики, экономики и права», «Межкультурная коммуникация и поиски взаимопонимания», «Проблемы психологии, управления и педагогики», на которых были заслушаны около ста докладов.

Результаты работы XVIII Международных Дашковских чтений отражены в настоящем сборнике, а также в трёх сборниках «Россия и мир: вчера, сегодня, завтра».

Членами Дашковского общества продолжается изучение жизни и деятельности Екатерины Романовны: они принимают участие в научных конференциях, публикуют работы, посвящённые Е.Р. Дашковой и её эпохе.

В 2012 г. расширились международные связи Дашковского общества. Были установлены контакты с Бристольским университетом (Великобритания). Член Дашковского общества, известный петербургский учёный, кандидат исторических наук Михаил Ми-

хайлович Сафонов в сентябре принял участие в проходившей в Бристоле конференции, посвящённой французскому языку в России, которая была приурочена к 200-летию похода Наполеона на Россию. Аспирантка Бристольского университета Джессика Тимтон, недавно вступившая в Дашковское общество, провела экскурсию по памятным местам в Бристоле, которые Е.Р. Дашкова посетила в 1770 г. В октябре Дж. Тимтон выступила на конференции, посвящённой русскому языку и русской культуре, прошедшей в Центре княгини Дашковой Эдинбургского университета.

Исследователь из Великобритании, член Дашковского общества Ольга Александровна Байрд (Яценко) обнаружила, перевела с французского языка и подготовила к публикации мемуары Л.-В. Теппера де Фергюсона – композитора, исполнителя и учителя музыки, оставившего заметный след в истории русской культуры. Четверть века Теппер де Фергюсон провел в России, причем в 1816–1819 гг. он преподавал хоровое пение в Императорском Царскосельском Лицее, где среди его учеников были А.С. Пушкин и другие студенты первого, «блистательного» лицейского выпуска. Мемуары изданы Московским гуманитарным институтом им. Е.Р. Дашковой совместно с Санкт-Петербургским издательством «Дмитрий Буланин».

Дашковское общество активно сотрудничает и с российскими научными организациями, занимающимися изучением жизни и деятельности княгини и увековечением её памяти. Тесные связи поддерживаются с Воронцовским обществом: члены Дашковского общества приняли участие в работе Воронцовских чтений, прошедших в сентябре в Твери, а члены Воронцовского общества традиционно являются гостями Дашковских чтений. Государственный историко-краеведческий музей «Нарвская застава» (Санкт-Петербург), филиал которого расположен в доме усадьбы Кирияново, уже много лет поддерживает тесные контакты с Дашковским обществом. Сотрудники музея участвовали в Дашковских чтениях, а член Дашковского общества, кандидат исторических наук, доцент Нина Вячеславовна Бессарабова выступила с докладом на конференции «250 лет усадьбе Кирияново», организованной музеем.

13 ноября 2012 г. состоялась встреча руководства института с Главой Российского Императорского Дома великой княгиней Марией Владимировной. МГИ им. Е.Р. Дашковой представляли: научный руководитель института академик РАН Евгений Петрович Челышев,

ректор Лариса Викторовна Тычинина и проректор по учебной работе Николай Петрович Карпиченко. Л.В. Тычинина преподнесла в дар великой княгине переизданный институтом шеститомный «Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.)» – первый толковый словарь русского языка, подготовленный под руководством княгини Е.Р. Дашковой, а также ряд других изданий института. Мария Владимировна, отмечая вклад академика Е.П. Чельшева в укрепление российской государственности, наградила учёного медалью «В память 400-летия Дома Романовых. 1613–2013 гг.». В ходе встречи состоялся обмен мнениями о предстоящих в 2013 г. мероприятиях по случаю 400-летия Дома Романовых, 270-летия со дня рождения княгини Е.Р. Дашковой, деятельности Дашковского общества, о большой мемориальной работе института по увековечению памяти «великой россиянки».

7 декабря в МГИ им. Е.Р. Дашковой состоялось традиционное празднование именин княгини – дня св. Екатерины, в котором приняли участие члены Дашковского общества, сотрудники и студенты института. Праздник был открыт презентацией родословной княгини Е.Р. Дашковой. Её составитель – член Дашковского общества, московский исследователь Екатерина Николаевна Фирсова – тщательно проанализировала родословную графов Воронцовых – родственников княгини по линии отца. Презентацию провела ректор института Л.В. Тычинина, поблагодарив Е.Н. Фирсову за проделанную работу по подбору материала к родословной, которая представляет собой полотно размером 7 x 1,5 метра, размещённое в одной из аудиторий вуза. Гости торжественного мероприятия просмотрели фильм о Е.Р. Дашковой, подготовленный каналом «365 дней» при участии сотрудников института и членов Дашковского общества Ларисы Викторовны Тычининой, Нины Вячеславовны Бессарабовой и Виталия Николаевича Амбарова. Ставшее уже традиционным общение членов Дашковского общества прошло в тёплой и уютной атмосфере в формате встречи старых знакомых и коллег, в ходе которой они рассказали о своих достижениях, о публикации статей и книг, об участии в конференциях, поделились новостями и планами на будущее.

15 января 2013 г. по многолетней традиции в церкви Малого Вознесения на Большой Никитской улице члены Дашковского общества, сотрудники и студенты МГИ им. Е.Р. Дашковой почтили память княгини. Священник этого храма о. Алексей (Котельников) отслужил панихиду.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II И Е.Р. ДАШКОВОЙ: ДИАЛОГ ДВУХ ЖЕНСКИХ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ

Е.Е. Приказчикова

*доктор филологических наук, профессор
Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)*

XVIII век – век абсолютизма и Просвещения – это, по словам, историка нравов Э. Фукса, «...классический век женщины. Она повелевает не только как тайная государыня, её права царицы признаны официально перед лицом всего мира. Она открыто выставляет свой сан, как открыто пользуется связанными с ним привилегиями»¹. Достаточно вспомнить образ маркизы де Помпадур во Франции или австрийскую императрицу Марию-Терезию. Тем не менее, только в России существовало то, что французский мемуарист Ш. Массон, несколько лет проживший в ней, охарактеризовал термином «гинекократия»² (греч. «женская сила», «женская власть»). Кульминация этого процесса пришлась на эпоху правления Екатерины II. Российский историк Н.Л. Пушкарёва, рассматривая период 1725–1796 гг. (от смерти Петра I до воцарения Павла I), использовала термин «российский матриархат»³.

И.Н. Ионов отмечал особую гендерную культуру женщин-императриц, которая была основой их политики и в которой немалую роль играла «мужская» волевая составляющая – необходимость ориентации на мужские образцы поведения, заданные императором Петром I. В основе большинства дворцовых переворотов XVIII в. лежала гендерная альтернатива. Не случайно просветитель и писатель А.Т. Болотов признавался, рисуя состояние русского общества в декабре 1761 г. после смерти императрицы Елизаветы Петровны и вступления на престол Петра III: «Родившись и проводив все дни под кротким правлением женским, все мы к оному так привыкли, что правление мужское было для нас очень дико и ново»⁴.

По мнению И.Н. Ионова, это происходило потому, что «Пётр оставил своим наследникам-мужчинам слишком большие и раз-

ношенные сапоги, чтобы хоть один из них мог ими пользоваться без ущерба для себя и страны... На общем фоне истории трёх четвертей XVIII в. только женщины-императрицы, несмотря на все их слабости, противоречия, непоследовательность и зависимость от фаворитов, производят впечатление взрослых людей, под ногами которых, прячась за широкие юбки, бегают вечные мальчишки-императоры. Оказалось, что женщинам гораздо проще, чем мужчинам, преодолеть искушения нового... положения»⁵.

Отражение гинекратического культурного мифа эпохи Просвещения можно найти не только в художественной литературе того времени, например, в одах М.В. Ломоносова, где создаётся образ идеальной русской императрицы Елизаветы Петровны, соединяющей в себе черты Минервы и Венеры. В ещё большей степени этому способствуют мемуарно-автобиографические тексты, которые Г. Гачев называл «альтернативной» литературой по отношению к литературе художественной⁶. Именно эти «эгодокументы» зачастую давали человеку XVIII столетия, говоря словами Н.М. Карамзина, создать портрет «души и сердца своего».

Две Екатерины не были исключением. Их навсегда связал июньский день 1762 г., когда произошёл дворцовый переворот, возведший на престол императрицу Екатерину Великую. Событие, в котором Е.Р. Дашкова, по её собственному мнению, сыграла ключевую роль в противоположность якобы пассивной и нерешительной Екатерине Алексеевне. Государыня в письме к Станиславу Понятовскому с жаром отрицала этот факт: «Княгиня Дашкова... хотя и хочет приписать себе всю честь этой революции, но она не пользовалась большим доверием за её родство; вдобавок, её 19 лет не вселяли никому большого уважения... Шувалов, самый низкий и подлый человек в мире, писал, говорят, Вольтеру, что 19-летняя женщина изменила правительству этой империи: пожалуйте, выведите великого писателя из заблуждения»⁷. Тем не менее, именно Екатерина II поставила княгиню во главе Санкт-Петербургской Академии наук и Российской Академии – случай, беспрецедентный даже в эпоху Просвещения. Ш. Массон в своих «Тайных записках о России» так прокомментировал это: «Княгиня Дашкова, эта “Томирис” с французским диалектом, как прозвал её Вольтер, не только усвоила мужские вкусы и манеры, но обратилась совсем в мужчину, заняв должность

и неся обязанности Директора Академии Наук и Президента Русской Академии»⁸. Томирис – царица массагетов, победившая персидского царя Кира Старшего, о чём подробно писал в своей «Истории» Геродот. Екатерина Романовна, безусловно, имевшая, на наш взгляд, все причины обвинять государыню в «царской неблагодарности», о чём писал ещё А.И. Герцен, тем не менее, создавала в своих записках миф об идеальной правительнице России в соответствии со своей установкой: ни одного грязного пятна «на светлой короне Екатерины»⁹.

Обе необыкновенные женщины оставили мемуарные свидетельства своей жизни, написанные на французском языке и представляющие собой не только вариант интровертивной женской мемуаристики, но и один из вариантов утопии-эвпсихии. Имеется в виду, что авторы сознательно моделировали свой идеальный образ в тексте, далеко отходя от той «правды голого факта», которая, является отличительной чертой источников личного происхождения.

Начнём с записок Екатерины II. Императрица – практически единственный мемуарист XVIII в., который писал воспоминания на протяжении всей своей жизни. Первый вариант записок был создан ею в 25-летнем возрасте, второй – в возрасте 42 лет, последний, наиболее полный «классический» текст мемуаров, копия которого попала к А.И. Герцену и была напечатана им в 1858 г. в лондонской типографии, был начат государыней в 1792 г. за несколько лет до смерти. Каждый из этих текстов отличается своей концепцией изображения действительности, которая меняется в зависимости от тех задач, которые ставил перед собой автор мемуаров.

Первые, ранние воспоминания Екатерины II **менее всего** являются «утопией как реальностью». Имея эпистолярную форму, они наиболее «объективны», насколько могут быть объективны мемуары молодой женщины, исповедующейся перед своим возлюбленным, князем Станиславом Понятовским.

Первое, что обращает на себя внимание в этом сравнительно небольшом тексте – безграничное тщеславие молодой Екатерины Алексеевны, желающей всемерно возвысить себя в глазах адресата произведения. Так, она утверждает, что уже в три с половиной года читала по-французски, в семь лет вместе со взрослыми «не спала на бал-маскарадах, праздниках», но «во всём принимала участие...

трещала, как сорока, и была чрезмерно смела»¹⁰. Её смелостью и непосредственностью восхищался прусский король Фридрих II, удостаивая её серьёзных взрослых разговоров. После приезда юной Софии-Фредерики в Россию она так нравилась своему жениху, великому князю Петру Фёдоровичу, что он, по его собственному признанию, «целую ночь от этого не спал»¹¹. 14-летняя девочка поражала русских придворных своим республиканским демократизмом, кланяясь одинаково истопнику и канцлеру, и все в один голос восхищались её умом. Кроме того, в первом варианте записок Екатерины Алексеевны очень явственно чувствуется провинциальное тщеславие бедной немецкой принцессы, попавшей к богатому и блестящему русскому двору и радостно фиксирующей все знаки уважения, оказываемые ей, а также цену подарков, которые ей преподносила императрица Елизавета, самые маленькие из которых достигали стоимости 10–15 тыс. рублей. Наконец, в соответствии с «мемуарной правдой» 1755 г. она ещё совсем не мечтает о русском престоле и совсем не уверена, что когда-либо на нём окажется. Также Екатерина Алексеевна никак не афишировала пока своего русского патриотизма, ничего не говорила о желании стать русской и учить русский язык буквально с первого дня своего приезда в Россию, что она будет неизменно подчёркивать в последующих редакциях своих записок.

Второй вариант мемуаров создавался Екатериной II в середине жизненного пути, когда она, став русской императрицей, уже получила от Вольтера лестный для неё ономоимф «российской Минервы» и «Звезды Севера». Вариант 1771 г. был написан в преддверии совершеннолетия наследника престола Павла Петровича. Посвящая этот текст своим придворным и друзьям, баронессе П.А. Брюс и князю А.И. Черкасову, императрица решала в записках весьма важный для себя и для империи вопрос: почему именно она должна править Россией. По этой причине на первый план вышла стратегия собственного идеального жизнестроительства, проникнутая нравственной философией эпохи Просвещения.

Центральное место в мемуарном тексте 1771 г. занимает педагогический дискурс, система правильного воспитания, вернее, самовоспитания, которое началось у будущей императрицы с семилетнего возраста, когда у неё отобрали все игрушки и объявили

её большой девочкой. Именно в это время у ребёнка произошёл первый «просветительский» конфликт с пастором, из-за которого она едва не попробовала розог. Причина конфликта – великие мужи античности, добродетели которых заставляли будущую государыню чувствовать несправедливость христианского суда, определяющего им место в первом кругу ада.

Для того, чтобы усилить нравственно-воспитательный момент записок, Екатерина II настойчиво подчёркивала свою некрасивость, о которой ей, якобы, много твердили в детстве. Именно поэтому ей, по её словам, «следовало позаботиться о приобретении ума и достоинств»¹². Центральное место в системе самовоспитания заняло чтение «правильных» книг, которых в XVIII в. называли «мёртвыми друзьями». Тем самым педагогический дискурс подкреплялся в записках библиофилческим мифом об исключительном, порой, решающем влиянии книги на формирование идеального человеческого характера. По рекомендации графа Гюлленброка она уже в 15 лет читала «Жизнь знаменитых мужей» Плутарха, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и упадка Римской республики» Ш. Монтескьё, а также писала философское эссе «Портрет философа в 15 лет», в котором создала великолепный портрет своей собственной души и характера.

Образ великого князя Петра Фёдоровича и взаимоотношения с ним в мемуарах 1771 г. занимает промежуточное положение между текстами 1755 г. и 1792 г. Екатерина II признала, что он «казался тогда благовоспитанным и остроумным»¹³, «был довольно красив до оспы»¹⁴, но вместе с тем великий князь ребячлив и болтлив, у него нет никаких понятий ни о христианской религии, ни о нравственности, виной чему «дурное воспитание», полученное им в детстве. По признанию 1771 г., великий князь «терпеть не мог» своей невесты, а затем супруги Екатерины Алексеевны. Что касается её самой, то государыня отметила: «русская корона больше мне нравилась, нежели его особа»¹⁵. Именно в этом варианте записок она начала говорить о своём предчувствии «русской короны» и плане её «захвата» с 15-летнего возраста, в результате чего «вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть»¹⁶. Этот план включал в себя три пункта: нравиться великому князю, нравиться императрице, нравиться русскому народу.

Последний вариант мемуаров Екатерины II, созданный в 1792 г., представляет собой образец политической философии, «утопии как реальности». Мемуары были посвящены императрицей её сыну Павлу Петровичу и, казалось, в первую очередь должны были подать ему «пример» как будущему правителю России. Учитывая то обстоятельство, что великий князь любил своего отца, государыня хотела показать в записках прежде всего неспособность Петра III **быть русским императором и закономерность его трагической судьбы**. Одновременно с этим она обосновала закономерность своего возвышения, причиной которого стала её правильно выбранная философия жизни, постепенно трансформировавшаяся в философию идеального правления. При этом Екатерина II доказывала, что к роли государыни она была полностью подготовлена ещё до смерти Елизаветы Петровны.

По сути дела весь текст произведения является иллюстрацией мудрой сентенции императрицы, приведённой в начале мемуаров: «Счастье не так слепо, как обыкновенно думают. ... чаще оно бывает результатом личных качеств, характера и поведения. Чтобы лучше доказать это, я построю следующий силлогизм. Первая посылка: качества и характер. Вторая – поведение. Вывод – счастье и несчастье. И вот тому два разительных примера: Пётр III – Екатерина II»¹⁷. В соответствии с силлогизмом была выстроена структура записок, в основе которой положена антитеза: Пётр III и Екатерина II, разум и отсутствие такового, любовь к справедливости и тиранический произвол, любовь к России и презрение к ней. Как следствие – будущее счастливое 30-летнее правление Екатерины II и бесславная смерть Петра III. Именно в этом варианте записок императрица заставила своего покойного супруга признаться в том, что он «чувствует, что не рождён для России; что ни он не подходит вовсе для русских, ни русские для него, и что он убеждён, что погибнет в России»¹⁸. Себя же Екатерина II охарактеризовала следующим образом: «...я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским; но в то же время внешним образом я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви»¹⁹. Записки стали для Екатерины II «памятником моего самолюбия». В результате реализованного замысла Екате-

рина II, по справедливому замечанию О.В. Мамаевой, «создаёт универсальный образ Женщины-Императрицы, идеальную схему сакрализованной Личности»²⁰.

В отличие от Екатерины Великой Е.Р. Дашкова писала свои записки в последние годы жизни (1804–1805). В рукописи мемуары назывались «Моя история». Они были созданы княгиней по просьбе её молодой подруги, англичанки Марты Вильмот, которая в 1803 г. приехала погостить к Екатерине Романовне. По завещанию мемуаристки М. Вильмот должна была стать единственной владелицей записок «с тем условием, что они появятся только после моей смерти»²¹. Е.Р. Дашкова скончалась в 1810 г., однако первая публикация записок на английском языке была осуществлена только в 1840 г. Причиной этого стало противодействие брата княгини Семёна Романовича Воронцова, который много лет был послом в Англии. Он опасался, что в записках будут раскрыты дворцовые и семейные тайны, и это может повредить государственным интересам России.

На самом деле Екатерина Романовна была очень осторожна в своих записках с политикой. Всё-таки она была государственным человеком. А.И. Герцен имел все основания сказать о ней: «русская женская личность, разбуженная петровским разгромом», которая «выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России – и смело становится рядом с Екатериной»²².

Гораздо интереснее проследить, как в её мемуарном тексте осуществляется диалог с записками императрицы, возможно являющийся продолжением тех разговоров, которые вели две женщины при своей жизни.

Вначале отметим три черты, объединяющие двух Екатерин в пространстве мемуарного повествования.

Первая черта – это любовь к Просвещению, к «правильному» чтению. Е.Р. Дашкова подчёркивала, что она получила в доме своего дяди-канцлера не просто очень хорошее, но отличное, по меркам своего времени, воспитание и образование: «Мы говорили на четырёх языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать... у нас были изысканные и любезные манеры»²³. Это происходило в 1750-е гг., за десятилетие до основания Института благородных девиц. В 15 лет (так же, как и Екатерина II,

которая была старше Е.Р. Дашковой на 14 лет!) мемуаристка открыла для себя мир серьёзной французской просветительской литературы – Монтескьё, Гельвеция, Вольтера. Княгиня настойчиво подчёркивала, что именно под влиянием книг происходило быстрое формирование её характера. Живая, весёлая, насмешливая девушка впала в глубокую меланхолию, стала серьёзной, говорила мало и всегда обдуманно. Из-за постоянного чтения у неё начались головные боли и расстройство нервов, чем она безмерно гордилась. Тем не менее, она мужественно продолжала своё самообразование, читала трактат Гельвеция «О разуме» и пришла к выводу, что первый том этой книги «мог бы нарушить гармонию и порвать цепь, связующую все столь разнородные части, составляющие государственность»²⁴. Она признавалась: «Никогда драгоценное ожерелье не доставляло мне больше наслаждения, чем эти книги; все мои карманные деньги уходили на покупку книг»²⁵. Страсть к чтению оказалась первым связующим звеном между юной девицей Воронцовой и великой княгиней Екатериной Алексеевной. Е.Р. Дашкова писала: «Я смело могу утверждать, что кроме меня и великой княгини в то время не было женщин, занимавшихся серьёзным чтением»²⁶.

Вторая общая черта записок государыни и Екатерины Романовны заключается в том, что императрица ни в одном из вариантов своих мемуаров так и не описала главную тайну своего воцарения, неразрывно связанную для неё с преступлением mužeубийства. Это сделала за неё княгиня, создав в своих записках миф о Екатерине-законодательнице, идеальной правительнице России, которую мемуаристка противопоставила Петру Великому, нередко проявлявшему деспотизм. Е.Р. Дашкова сознательно использовала приём умолчания, когда речь идёт о «тёмных» страницах царствования государыни в соответствии со своей установкой «ни одного грязного пятна на светлой короне Екатерины». Она десятилетиями не могла простить А.Г. Орлову убийства Петра III, смерть которого произошла слишком рано «для Вашей славы и для моей»²⁷, как она написала в записках, решительно опровергая слухи о причастности Екатерины II к убийству своего супруга. Для этого Е.Р. Дашкова настойчиво упоминала о покаянном письме Алексея Григорьевича к Екатерине II, где тот рассказал императрице о страшном происшествии и просил у неё прощения. Письмо, сохранённое в шкатулке государыни,

сразу же после смерти матери якобы прочёл Павел Петрович, и оно успокоило его совесть так же, как когда-то успокоило совесть Екатерины II и Е.Р. Дашковой: «Слава богу, – будто бы сказал Павел, перекрестившись, в записках княгини, – это письмо рассеяло и тень сомнения, которая ещё могла бы сохраниться у меня»²⁸. Отметим, что вопрос о виновниках гибели Петра III является дискуссионным в современной историографии, как и вопрос о подлинности упомянутого письма А.Г. Орлова.

Только мимоходом говорится в мемуарах Екатерины Романовны о другом кровавом эпизоде начала екатерининского царствования – убийстве свергнутого ещё Елизаветой Петровной императора Иоанна Антоновича, которое произошло в 1764 г. во время попытки поручика В.Я. Мировича освободить его и провозгласить императором. Спокойное и даже насмешливое поведение поручика на допросе вплоть до самой казни, его уверенность в безнаказанности заставили современников предположить, что за его спиной стояла сама Екатерина II, **обещавшая В.Я. Мировичу вознаграждение, а затем предавшая его.** Для Е.Р. Дашковой подобная мысль совершенно недопустима. Она сделала всё зависящее от неё, чтобы оправдать императрицу. Поэтому слухи о причастности государыни к убийству шлиссельбургского узника она однозначно объясняла кознями «извне», со стороны европейских держав, которые «пользовались всяким ничтожным поводом для возведения клеветы на императрицу»²⁹. Княгиня писала: «В моё первое путешествие за границу в 1770 году мне в Париже стоило большого труда оправдать императрицу в этом двойном предательстве»³⁰. Вопрос о виновниках гибели Иоанна Антоновича также является дискуссионным в исторической науке.

Можно предположить, что Е.Р. Дашкова действительно не верила в эти преступления Екатерины II. **По крайней мере, Л.Я. Лозинская**, объясняя психологию княгини, писала: «Она будто следует... романтическому шиллеровскому призыву... “Уважай мечты своей юности!”»³¹. Юность Екатерины Романовны в представлении мемуаристки – это прежде всего триумфальное шествие в Петергоф во время дворцового переворота 1762 г., когда она в своём преобразенском мундире была похожа на 15-летнего мальчика, и вся жизнь была ещё у неё впереди.

Третья общая черта мемуаров двух женщин – активное неприятие великого князя, впоследствии императора Петра Фёдо-

ровича. Если в изображении Екатерины II её муж – это жестокий ребёнок, избивающий своих собак и даже на супружеском ложе играющий в своих любимых солдатиков, то Е.Р. Дашкова в соответствии с классицистической традицией смотрела на Петра III как на классицистического злодея, по адресу которого она произносила тираноборческие монологи, приобретая репутацию «искренней и твёрдой патриотки»³². Тем не менее, именно Пётр Федорович, который, кстати, был крёстным отцом княгини, изрёк в её записках фразу, мудрость которой она оценила после того, как между ней и Екатериной II произошло охлаждение: «Дочь моя, помните, что благоразумнее и безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с великими умами, которые, выжав весь сок из лимона, выбрасывают его вон»³³. Под «великими умами» Пётр III, разумеется, подразумевал свою «умную» супругу.

Не желая играть роль «выжатого лимона», Е.Р. Дашкова вступила на страницах своих мемуаров в полемику с императрицей, причём объектом этой полемики оказались различные варианты записок Екатерины II.

Во-первых, в противовес «бедной принцессе Фике» из мемуаров 1755 г., радующейся любой дорогой безделушке, Екатерина Романовна всё время подчёркивала благородство и знатность своего рода. Для неё в высшей степени характерна аристократическая гордость, что в целом было не свойственно для русского просветительского сознания как такового, воспитанного на сатирах «О благородстве» А.Д. Кантемира и А.П. Сумарокова. Аристократизм проявлялся уже в первой фразе записок, играющей роль экспозиции: «Я родилась в 1744 году в Петербурге. Императрица Елизавета уже вернулась к тому времени из Москвы, где она венчалась на царство. Она держала меня у купели, а моим крёстным отцом был великий князь, впоследствии император Пётр III»³⁴. Из дальнейшего мемуарного повествования читатель узнаёт, что дядя Е.Р. Дашковой, канцлер М.И. Воронцов, был женат на двоюродной сестре Елизаветы Петровны, а мать мемуаристки ссужала деньгами «дщерь Петрову» в бытность её великой княгиней.

Во-вторых, у государыни от одного мемуарного варианта к другому всё усиливалась неприязнь к своему супругу, княгиня же подчёркивала, что в замужестве была счастливейшей из женщин. История её знакомства с М.И. Дашковым, как и рассказ о жизни

в браке (Екатерина Романовна овдовела в возрасте 21 года), выдержаны в записках в ярко выраженном сентиментальном ключе. Чего стоит история, как 17-летняя женщина в день родов, узнав, что муж, вернувшийся из полка в Петербург ко времени её разрешения от бремени, заболел, и его не пускали к ней, чтобы не подвергать опасности её здоровье, против воли родных пошла в дом его тётки, где тот остановился. Пошла пешком, нисколько не думая о себе, причём за это время у нее пять раз начинались родовые схватки: «Надо себе представить 17-летнюю безумно влюблённую женщину, с горячей головой, которая не понимала другого счастья, как любить и быть любимой»³⁵, – писала она.

Шевалье К.К. де Рюльер, атташе французского посольства при российском дворе, в «Анекдотах о революции в России в 1762 году» историю знакомства Михаила Ивановича с девицей Воронцовой передал таким образом: «Однажды князь Дашков, один из самых красивых придворных кавалеров, слишком свободно начал говорить любезности девице Воронцовой. Она позвала канцлера и сказала ему: “Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки”. Не смея признаться первому сановнику империи, что слова его не заключали в себе именно такого смысла, князь женился на племяннице канцлера»³⁶. Разумеется, полностью доверять словам шевалье было бы по крайней мере наивно. Сама Е.Р. Дашкова, познакомившись с его сочинением, отнесла автора к тем современным французским писателям, которые «нагромождают целый ворох лжи»³⁷. Тем не менее, то обстоятельство, что Екатерина II собиралась выкупить у К.К. де Рюльера его сочинение, а также активное посредничество Д. Дидро, которому удалось получить обещание шевалье не печатать свое произведение при жизни императрицы, указывает на то, что «Анекдоты» представляли гораздо большую опасность для русского двора, чем небезызвестное «Путешествие в Сибирь...» Ж. Шаппа де Отроша, на которое государыня ответила своим сатирико-ироническим «Антидотом».

Если вернуться к М.И. Дашкову, то у него при дворе действительно была репутация щёголя и ветреника. Совершенно иной ответ на семейные отношения Дашковых бросила одна эпистолярная «проговорка» Екатерины Романовны в письме к своей английской подруге миссис К. Гамильтон: «Знаю только два предмета, кото-

рые были способны воспламенить бурные инстинкты, не чуждые моей природе: неверность мужа и грязные пятна на светлой короне Екатерины»³⁸. Во всяком случае, даже если у княгини и были причины для подозрений насчёт супружеской измены, это осталось за пределами записок, в которых она представляет свою семейную жизнь в самом идиллическом свете.

В-третьих, ни для кого при русском дворе не было секретом, что Екатерина II очень холодно относилась к своему сыну Павлу Петровичу. Ни в одном из трёх вариантов своих мемуаров она фактически не уделяла ему внимания, кроме горестного признания, что Елизавета Петровна фактически не пускала её к сыну, не разрешая даже справляться о его здоровье, сама же «кутала» его и не закаляла по московской традиции, из-за чего цесаревич вырос хилым и часто простужался. В противовес Екатерине II княгиня представляла себя в мемуарах «безумной» матерью, ничего не жалеющей для воспитания своих детей, прежде всего сына Павла Михайловича, которому мать дала образование в Эдинбургском университете, куда он поступил в возрасте всего 13 лет. В 16 лет юный князь уже окончил университет, изучив во время пребывания в нём языки, историю, логику, риторику, математику, физику, рисование, фортификацию, естественное право, политическое право, юриспруденцию, гражданскую архитектуру и химию. Екатерине Романовне казалось, что она делала из сына идеального человека и гражданина, а он оказался вполне заурядной личностью, таким, каким, наверное, был и его отец. Необыкновенной была лишь его красота. Увидев П.М. Дашкова, бывший фаворит Г.Г. Орлов, к негодованию княгини, высказанному в записках, предрек юноше положение любимца государыни. Павел Михайлович, впрочем, фаворитом не стал, дослужившись до чина генерал-лейтенанта. Короткий взлёт его карьеры совпал с началом правления Павла I, но уже в 1798 г. князь попал в опалу. «Прост и пьяница», – так охарактеризовала его Екатерина II. По свидетельству статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого, государыня резко отзывалась о крушении педагогических планов Е.Р. Дашковой: «С хвалёным матерью воспитанием и дочь и сын вышли негодяи: сын и военного ордена... не мог заслужить»³⁹. Самым страшным ударом, нанесённым Павлом Михайловичем матери, о чем она подробно писала в своих записках, – стала самовольная женитьба на дочери

приказчика-откупщика, Анне Семёновне Алфёровой, далекой от тех аристократических кругов, в которых вращалась Е.Р. Дашкова. Княгиня так до конца и не простила сына за этот поступок, но когда он умер, не оставив законнорожденных детей, в возрасте 43 лет, это стало последним и самым страшным ударом в её жизни.

В-четвёртых, Екатерина II, на наш взгляд, превратила фаворитизм из альковной тайны в почти государственное учреждение, когда смена одного фаворита другим осуществлялась по установленному плану, у фаворита были свои покои, свой штат, свой круг обязанностей. Хотя императрица очень осторожно сообщала в записках о своей личной жизни, предпочитая использовать приём умолчания, тем не менее, уже в первом варианте воспоминаний она «проговорилась» С.А. Понятовскому относительно истинного отца её сына Павла Петровича. Е.Р. Дашкова в записках смотрит на фаворитизм не столько с просветительской, как Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков и А.Н. Радищев, сколько с аристократической точки зрения.

Для неё, урождённой Воронцовой, принадлежащей по рождению к высшей аристократии империи, англоманке, придающей огромное значение принципу «благородства крови», было нестерпимо видеть императрицу, окружённую малообразованными и грубыми гвардейцами, вроде братьев Орловых, которых потом будут сменять другие, ещё менее достойные, на её взгляд, фавориты (может быть, за исключением Г.А. Потёмкина). Поэтому на страницах записок Е.Р. Дашкова объявила фаворитам беспощадную войну и с истинным удовольствием описывала свои «знаки презрения» по отношению к ним. В этом чувствуется явное проявление аристократической фронды. Наиболее показательным примером аристократического фрондёрства может считаться сцена столкновения Екатерины Романовны с А.Д. Ланским, который ассоциировался у неё, кстати, как и П.А. Зубов у Г.Р. Державина, с водяным пузырьём. Ниже к этим словам приведён иронический комментарий мемуаристки: «Эти слова оказались пророческими: через год, летом, Ланской умер и в буквальном смысле лопнул: у него лопнул живот»⁴⁰. Тем не менее, хотя княгиня чаще всего одерживала победы на страницах записок в своей борьбе с фаворитами, сама необходимость этой постоянной и упорной борьбы может быть рассмотрена как скрытый упрёк Екатерине II.

Всё же Е.Р. Дашкова была не просто женщиной, но женщиной XVIII столетия, для сознания которой был характерен «пафос торжествующей государственности», стиль «грандиозари», по определению Ю. Тынянова. Именно поэтому в её записках история управления двумя академиями фактически не представлена, хотя объективно она сделала очень много на этом поприще. В качестве директора Санкт-Петербургской Академии наук буквально за год Екатерине Романовне удалось увеличить число преподавателей и контингент обучающихся в академической гимназии студентов (до княгини их было лишь 17 – после – более 50 человек), организовать чтение публичных лекций профессорами на русском языке (а не на немецком или латыни), погасить долги академии, наладить работу академической типографии, начать строительство нового здания Академии наук. С 1783 г. началось издание журнала «Собеседник любителей русского слова», с 1786 г. – ещё двух периодических изданий: «Новых ежемесячных сочинений» (до 1796 г.) и «Российского феатра» (до 1794 г.). В качестве президента Российской Академии Е.Р. Дашкова возглавила труд по составлению «Словаря Академии Российской», взяв на себя работу над буквами «Ц», «Ш», «Щ» и собрав их более 700. Этот труд стал первым толковым и нормативным словарём русского языка, положившим начало русской лексикографии. За свою научную деятельность Екатерина Романовна была избрана членом Стокгольмской и Дублинской академий наук, Берлинского общества любителей природы, Философского филадельфийского общества. Д. Дидро имел все основания писать: «Княгиня Дашкова любит искусства и науки, она разбирается в людях и знает нужды своего Отечества»⁴¹.

Тем не менее, мемуарная часть, посвящённая общественно-культурной деятельности Екатерины Романовны, очень невелика: 9 страниц – из 206 страниц общего текста записок. Всех интересующихся этим вопросом Е.Р. Дашкова отсылала к отчётам, которые она представляла императрице. Такому странному, с точки зрения современного читателя, факту есть свои объяснения.

Не надо забывать, что княгиня была аристократкой до мозга костей, а занятия наукой в XVIII в. считались уделом разночинцев и иностранцев. Великий М.В. Ломоносов был сыном крестьянина. Первые русские профессора-дворяне появились в России только на рубеже XVIII–XIX вв., например, Г. Глинка, исследователь славянской мифологии.

Кроме того, записки Е.Р. Дашковой – это образец женских мемуаров, следовательно, для них характерна определённая интровертированность в изображении событий. Так, обидно мало рассказав о деятельности Академии наук, она очень подробно сообщила о своём психологическом состоянии во время публичной конференции, на которой происходило вручение премий лучшим сочинениям, написанным на заданную Академией наук тему, где ей пришлось председательствовать. Знаменательно, что Екатерина Романовна не отметила, кто был награждён, каковы были темы сочинений, как происходила процедура награждения, то есть не дала сведений историко-культурного характера. Она повествовала лишь о своих ощущениях. Дело в том, что одна из умнейших русских женщин XVIII столетия совершенно не умела говорить публично из-за страха перед большой аудиторией. Каждый раз ей едва не делалось дурно от страха. Хотя её речь на открытии конференции длилась не более 5–6 минут, княгине, по её собственному признанию, пришлось несколько раз останавливаться, чтобы отпить холодной воды из стакана.

Зато безусловной кульминацией записок Е.Р. Дашковой, «звёздным часом» мемуаристики можно считать историю восшествия на престол Екатерины II, **когда княгиня в гвардейском мундире Преображенского полка, верхом, со шпагой в руке, под звон колоколов въезжала в Петербург вместе с императрицей.**

В соответствии с логикой женского мемуарного сознания, Е.Р. Дашкову интересовала не столько внешняя цепь происходящих событий (история дворцового переворота как такового), сколько *степень собственного участия* в этих событиях. Поэтому мемуаристка подробнейшим образом описывает каждое своё душевное движение, каждый поступок, не забыв при этом отметить все знаки внимания, оказываемые в этот великий день её жизни – это опять-таки черта женского сознания. Например, когда княгиня прибыла к Зимнему дворцу, народ, по её словам, на руках нёс её через площадь, подняв высоко над головами; её называли самыми лестными именами, провозжали благословениями и пожеланиями счастья. Позднее, сенаторы, почтенные отцы отечества, увидев её в зале, где происходило заседание Государственного совета, как один встали и поклонились ей.

В подобном подходе к изображению материала можно увидеть элементы гинекократии, заставляющие вспомнить «Тайные запи-

ски» Ш. Массона, который утверждал, что Е.Р. Дашкова «усиленно просила Екатерину назначить её гвардейским полковником и, несомненно, была бы в гвардии больше на месте, чем большинство теперешних полковников»⁴². По мнению французского мемуариста, «если бы на трон после Екатерины вступила ещё одна женщина, можно с уверенностью сказать, что среди армейских генералов попадались бы девицы и женщины – среди министров. ...Уважение и страх, внушаемые Екатериной вельможам, распространились на весь её пол»⁴³. Даже если в этом есть определённое преувеличение, оно хорошо характеризует ситуацию «российского матриархата», символами которого навеки стали две Екатерины, Великая и Малая, как называли их современники.

Примечания

¹ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994. С. 67.

² Массон Ш. Секретные записки о России, и в частности о конце царствования Екатерины II и правления Павла. М., 1996. С. 142.

³ Пушкирёва Н.Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X – нач. XIX вв.: невеста, жена, любовница. М., 1997.

⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков. М., 1986. С. 372.

⁵ Ионов И.Н. Женщины и власть в России: история и перспектива // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 77.

⁶ Гачев Г. Частная честная жизнь. Альтернативная русская литература // Литературная учёба. 1989. № 3. С. 119–128.

⁷ Екатерина II. Письма имп. Екатерины II к гр. Станиславу-Августу Понятовскому (1762–1763) // Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 569–570.

⁸ Массон Ш. Указ. соч. С. 142.

⁹ Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1959. С. 359.

¹⁰ Екатерина II. Записки // Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 468.

¹¹ Там же. С. 476.

¹² Екатерина II. Записки, начатые 21 апреля 1771 года. Екатерина II. Записки, продолженные в 1791 году // Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 12.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 44.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Екатерина II. Мемуары // Памятник моему самолюбию. М., 2003. С. 172.

¹⁸ Там же. С. 443.

¹⁹ Там же. С. 507.

- ²⁰ *Мамаева О.В.* Феномен женской литературы в русской культуре второй половины XVIII века (на материале записок Екатерины II, кн. Дашковой, кн. Н.Б. Долгорукой и А.Е. Лабзиной). URL: <http://www.ruthemia.ru/folklore/mamaeva1.htm>
- ²¹ *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 208.
- ²² *Герцен А.И.* Княгиня Екатерина Романовна Дашкова // Собр. соч.: в 30 т. Т. 12. М., 1957. С. 114.
- ²³ *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁴ Там же. С. 6.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 7.
- ²⁷ Там же. С. 55.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 69.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Лозинская Л.Я.* Во главе двух академий. М., 1983. С. 27.
- ³² *Дашкова Е.Р.* Указ. соч. С. 18.
- ³³ Там же. С. 15.
- ³⁴ Там же. С. 3.
- ³⁵ Там же. С. 12.
- ³⁶ *Rulhieres Cl. de.* Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie en 1762. Paris, 1797. P. 45
- ³⁷ Замечания княгини Дашковой на сочинение Рюльера о воцарении Екатерины Второй // РА. 1890. № 12. С. 55.
- ³⁸ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ей самой. С. 359.
- ³⁹ *Храповицкий А.В.* Дневник. М., 1901. С. 234.
- ⁴⁰ *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. С. 163.
- ⁴¹ Oeuvres completes de Diderot. Sur la princesse Daschkoff. Paris. 1876. Т. 17. P. 490.
- ⁴² *Массон Ш.* Указ. соч. С. 208.
- ⁴³ Там же. С. 141–142.

Е.Р. ДАШКОВА И Ж.-Д.-Ж. ОДАР

М.М. Сафонов

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский институт российской истории РАН

«Я родился бедным; видя, что ничто так не уважается в свете, как деньги, я хочу их иметь, сего же вечера готов для них зажечь дворец; с деньгами я уеду в своё отечество и буду такой же честный человек, как и другой»¹. Этот афоризм исчерпывающе характеризует личность Жана-Доменика-Жозефа Одара, уроженца Пьемонта², приехавшего в Россию в начале 1760-х гг. «на ловлю счастья и чинов»³. «Одар беден, – писал французский посланник в Петербурге. Л.-О. Бретейль, – и мне кажется, ему надоело быть бедным»⁴.

Ради денег готов поджечь и царскую резиденцию, и как бы это ни было аморально, буду считаться честным, потому что богат – это циничное заявление вполне объясняет, что побудило итальянца принять участие в низвержении Петра III. Правда, поджигать Зимний дворец ему не пришлось, хотя такой сценарий, если верить датскому посланнику А. Шумахеру, рассматривался как один из возможных вариантов переворота⁵, но пьемонтец принял участие в «серальной революции» в России 28 июня 1762 г. Если бы не это обстоятельство, имя Одара затерялось бы среди «тех полу-авантюристов, которые во множестве начали являться в Россию ещё со времени Елизаветы Петровны»⁶. Правда, роль в подготовке заговора и степень участия итальянца в этом российском «coup d'Etat», недостаточно ясна, но имя Одара оказывается связанным с именами двух самых выдающихся женщин России XVIII в., двух Екатерин: Великой и Малой, императрицы Екатериной II и будущей главы двух академий Е.Р. Дашковой. В силу этого историк «безумно-мудрого» российского «осьмнадцатого столетия» не может пройти мимо имени Ж.-Д.-Ж. Одара: ни исследователь дворцового переворота 28 июня 1762 г., ни биограф Екатерины II или директора Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, основателя и президента Российской Академии. При этом надо иметь в виду, что императрица предпо-

читала вообще не распространяться о своих связях с пьемонтским авантюристом, учёная же княгиня, если не отрицала категорически свои контакты с Одаром, то старалась, по крайней мере, представить их случайными и малозначащими. Это обстоятельство в очень большой степени запутывает исследователя. Чрезвычайно сложно установить точно, какой именно след в истории нашего Отечества оставил этот итальянец: являлся ли он черным пятном на репутации одной из самых замечательных русских женщин XVIII в. либо же принадлежал к таким моментам её биографии, которыми нет оснований гордиться, но и стыдиться которых тоже нечего.

Собственно говоря, историческим персонажем Ж.-Д.-Ж. Одар стал только в конце XVIII в., спустя тридцать пять лет после переворота, в результате которого был свергнут, а затем и убит Пётр III, а на российском престоле оказалась Екатерина II. При этом «вхождение в историю» пьемонтского авантюриста оказалось почти сенсационным: читающая Европа с удивлением узнала о том, что благодаря именно этому итальянцу Екатерина II стала не регентом при своём семилетнем сыне, великом князе Павле Петровиче, а российской императрицей – самодержавной монархиней. Не больше и не меньше!

В 1797 г. в Париже были напечатаны два сочинения, в которых подробнейшим образом освещался дворцовый переворот 1762 г. Это были книги «История и анекдоты о дворцовой революции в России 1762 года» К.-К. де Рюльера⁷ и «Жизнь Екатерины II» Ж.-А. Кастера⁸.

Автор первого из них, К.-К. де Рюльер, в 1762 г. был секретарём французского посольства в Петербурге. Он написал свой труд спустя шесть лет после переворота 28 июня 1762 г. Императрица, узнав, что автор читает свой опус в европейских салонах, попыталась получить рукопись, чтобы предотвратить её распространение и публикацию. Государыне удалось лишь добиться обещания автора не публиковать свой труд, пока она жива. К.-К. де Рюльер своё слово сдержал, но как только Екатерина II оказалась в полях Елисейских, на книжном рынке одно за другим стали появляться изданные на основных европейских языках публикации его сочинения. Всего их вышло восемь: три на французском, два на английском, два на немецком и одно на датском языках⁹.

В предисловии к своей книге К.-К. де Рюльер ссылаясь на свидетельства Е.Р. Дашковой, пьемонтца Одара, генерал-фельдцейхмейстера А.Н. Вильбоа (*J'ai quelques liaisons avec le princesse d'Aschkof, avec piemontais Odart... maître d'artillery Vilbois*) и на собственные наблюдения¹⁰. Краеугольным камнем его сочинения является мысль о том, что самым важным действующим скрытно от глаз лицом переворота была жаждущая власти двуличная Екатерина II, насильно овладевшая престолом. Её главными сообщниками были Г.Г. Орлов и княгиня Е.Р. Дашкова. Григорий Григорьевич Орлов, тайный любовник будущей императрицы, сумел с помощью казённых денег привлечь солдат на её сторону. Екатерина Романовна, её ближайшая подруга, противница деспотизма, бесстрашная, но крайне честолюбивая молодая женщина, склоняла на сторону государыни вельмож. Непреодолимым препятствием на пути сообщников императрицы был Никита Иванович Панин, воспитатель великого князя. Он хотел лишить короны Петра III, возложить её по праву наследования на законного наследника Павла Петровича и предоставить его матери только регентство. Н.И. Панин долго и упорно сопротивлялся всякому другому предложению. «Тщетно княгиня Дашкова, в которую он был страстно влюблён, расставляла ему свои сети; она льстила его страсти, но была непоколебима, полагая между прочими принципами по тесной связи, которую имела с ним мать её, что она была дочь этого любовника. Пьемонтец по имени Одар, хранитель их тайны (*leur confident*), убедил сию женщину отложить всякое сомнение, и таким образом она сумела добиться от Панина, что он принёс в жертву интересы своего воспитанника»¹¹.

Никита Иванович и Е.Р. Дашкова хотели ограничить самодержавие и сочинили «кондиции». Екатерина Алексеевна делала вид, что одобряет их. Это позволило вовлечь в заговор значительную часть дворянства. Тем не менее, государыня «чувствовала, что от неё требуют более, нежели она хочет». Обе партии начали встречаться. Княгиня, уверенная в расположении знатных, испытывала солдат, Г.Г. Орлов, уверенный в солдатах, испытывал вельмож, а «Екатерина решила соединить обе партии. Искусно подкрепляя одну другой она сделалась главным лицом всего действия (*maîtresse de tout le mouvement*)»¹². С этой минуты Григорий Григорьевич стал «единым и настоящим исполнителем предприятия», при этом имея «особен-

ную ловкость казаться только сподвижником Дашковой». Узнав о намерениях вельмож, Г.Г. Орлов решил ни в коем случае не допустить, чтобы они предлагали условия монархине. Заговорщик говорил, что они могут поступать, как им угодно, но он «предводитель солдат; он и гвардия будут действовать одни», если потребуется, у них достаточно силы, чтобы сделать Екатерину монархиной. Было решено арестовать императора (в случае сопротивления – убить), созвать вельмож и придать отречению законный вид. «А императрица, которая, казалось бы, не принимала ни малейшего участия в сём заговоре, отдавая всякое подозрение, долженствовала для виду уступать только просьбе народной и принять по добровольным и единодушным восклицаниям права, ни с какой стороны ей не принадлежавшие». Благодаря такому поведению, она, «будучи почти невидима в заговоре, действовала всеми его пружинами и даже после очевидных опытов, в которых она по необходимости себя обнаруживала, старалась направить умы на прежнюю точку зрения (Tell fut la base de sa conduit. C'est à produire cet effet, que presque invisible dans la conspiration, elle en dirigeant tout les ressorts et même, après les démarches édalantes ou elles se vit force, elle a toujours tâché d'y ramener les esprits)»¹³.

27 июня один из заговорщиков, капитан П.Б. Пассек, был арестован. Без предосторожности пьемонца Одара, которая втайне была известна только ему и Е.Р. Дашковой, всё было бы потеряно («Tout était perdu, sans une précaution le piémontais Odart avait pris, don't lui seul et la princesse d'Aschkof avaient le secret») ¹⁴. Около каждого главного заговорщика находился шпион, который не упускал его из виду, и должен был предупредить других в случае его ареста.

Это была вторая заслуга Одара перед русским обществом, благодаря которой Екатерина Романовна узнала об аресте П.Б. Пассека и стала действовать самостоятельно. А.Г. Орлов был ею отправлен в Петергоф за императрицей и в карете, которую он «отыскал на довольно отдалённой даче, где по старанию княгини Дашковой за два дня перед сим стояла она на всякий случай в готовности», доставил Екатерину Алексеевну в Измайловский полк. Здесь её встретили главные заговорщики. «В сём первом собрании некоторые провозгласили императрицу правительницей. Орлов прибег к ним, говоря, что не должно оставлять дело наполовину и подвергаться казни, откладывая его до другого времени, и первого, кто осмелится упомянуть

о регентстве, он заколет из собственных рук». Затем в сопровождении войска Екатерина Алексеевна отправилась помолиться в соборную церковь, а после этого приехала в Зимний дворец. Сюда привезли великого князя Павла Петровича вместе с его воспитателем Н.И. Паниным. Ко дворцу стекались войска и народ. Они кричали «ура!». Многие были уверены, что «провозглашают императором юного великого князя», но распространённый по всему городу манифест «скоро объяснил истинное намерение, манифест печатный, который пьемонтец Одар в смертельном страхе хранил уже несколько дней в своей комнате. На другой день, как бы отдыхая на свode, он говорил: «Наконец я не боюсь быть колесованным». Это – третья заслуга Одара перед Россией. В манифесте говорилось, что Екатерина II, будучи убеждена просьбой подданных, взошла на престол Отечества, чтобы спасти его от гибели. Вельможи устремились во дворец для принесения присяги. В целях безопасности императрица перешла в старый Зимний дворец. Там священники помазали её на царство. Этот обряд, казалось, давал вид законности «насилию и хищению». После этого государыня переделалась в гвардейский мундир. В этом наряде она «села на коня и вместе с Е.Р. Дашковой, также верхом и в гвардейском мундире произвела войскам смотр». Затем во главе войска она двинулась в Петергоф, чтобы низложить Петра III.

Вскоре после переворота княгиня поняла природу отношений между Орловым и Екатериной II и никак не хотела смириться с этим. «Её планы вольности, её усердие участвовать в делах стали известны за границей, где повсюду ей приписывали честь заговора, между тем как Екатерина хотела казаться избранною и, может быть, успела себя в этом уверить. Наконец, Е.Р. Дашковой все не нравилось, и немилость к ней была уже решена во дни блистательной славы, которую воздали ей из приличия».

Москва встретила государыню равнодушно, зато Павел Петрович всегда был окружён толпой. «Против неё были даже заговоры, пьемонтец Одар был доносчиком. Он изменил прежним друзьям своим, которые, будучи уже недовольны императрицею, устроили ей новые ковы, и в единственную за то награду просил только денег. На все предложения, деланные ему императрицею, чтобы возвести его на высшую степень, он отвечал всегда: “Государыня, дайте мне денег”, и как скоро он их получил, то и возвратился в своё отечество».

Там он был убит молнией¹⁵. Е.Р. Дашковой же «от столь знаменитого предприятия остались в удел только беременность, скрытая досада и горестное познание людей»¹⁶, а Екатерина II, удачно противопоставляя партии Г.Г. Орлова и Н.И. Панина – остатки двух заговоров, – царствовала самодержавно.

Нетрудно понять, почему сочинение К.-К. де Рюльера, о содержании которого императрица была осведомлена, так беспокоило её. Россия представлялась в ней варварской деспотической страной. Особенно ярко эта мысль была выражена в предисловии, в русских переводах отсутствующем. Правители Российской империи под пером французского дипломата выглядят едва ли не преступниками. Екатерина II обрисована как ловкая интриганка, кумиром которой является ничем не ограниченная деспотическая власть. Для её достижения государыня пользуется услугами итальянского проходимца. Фигура Одара носит почти inferнальные черты. Продажный авантюрист чувствует себя как рыба в воде при развращённом дворе, глава которого напоминает в некотором роде Мессалину Севера. Её придворные немногим лучше: даже Е.Р. Дашкова, чьи интеллектуальные устремления вызывают симпатию автора, равно как и её политические взгляды, становится жертвою развращённости российского двора. По словам К.-К. де Рюльера княгиня – дочь не собственного отца, а её дяди Н.И. Панина. Это определённое пятно на репутации её матери. Не забудем, что «высоконравственный человек» спит и видит, как соблазнить собственную «дочь», а ведь он воспитывает наследника российского престола, семилетнего мальчика. Екатерина Романовна, замужняя женщина, вступает в преступную связь и становится «любовницей» своего отца. Этот вопиющий с моральной и с биологической точки зрения адюльтер имеет ярко выраженный политический подтекст. Змеем-искусителем выступает Одар. Итальянский авантюрист фактически превращается в орудие, с помощью которого русский деспотизм прокладывает себе путь. Совет циника устраняет главное препятствие на пути Екатерины II к неограниченной власти.

Сластолюбивый воспитатель ради «цитеровых утех», не вяще усомнившись, приносит в жертву интересы своего воспитанника. Тайный любовник императрицы Г.Г. Орлов ради собственного возвышения предаёт интересы вельмож. Они стремятся к ограничению

деспотизма и при этом условия готовы поддержать государыню. Тем не менее, они оказываются обманутыми и Григорием Орловым, и Екатериной II, которая лицемерно выставляла себя противницей деспотизма. В этой игре определённую роль играет и Одар; пока сторонники ограничения императорской власти размышляют о регентстве и сочиняют некие «кондиции», пьемонтец «в смертельном страхе» быть колесованным хранит в своей комнате уже отпечатанный манифест, провозглашающий Екатерину самодержавной императрицей без каких-либо условий, то есть документ, придающий «законный вид насилию и хищению». Нисколько не смущаясь, Одар с такой же лёгкостью предаёт своих вчерашних друзей, замышляющих против государыни. Им руководит только одно чувство: жажда обогащения, ему нужны деньги, деньги и ещё раз деньги. Читателю кажется естественным, что такого ничтожного человека в конце концов настигает гром небесный: удар молнии.

И этот человек был доверенным лицом Е.Р. Дашковой!!!

Легко представить, какую реакцию это вызвало у самой княгини, когда сочинение К.-К. де Рюльера оказалось в её руках. При этом надо иметь в виду, что портрет Екатерины Романовны, нарисованный рюльеровым пером – один из самых привлекательных во французской «Россике»¹⁷. Тем не менее, Е.Р. Дашкова никак не могла согласиться с тем, как она была представлена на страницах этого сочинения. Княгиня исправляла ошибки автора. Она отметала грубые выпады и те недостоверные сведения, которые рисовали её в крайне непривлекательном свете и являлись заведомо ложными. Что же касается недостоверных деталей, каковые не унижали Екатерину Романовну, не низводили её с пьедестала, то княгиня оставляла эти неточности без возражений. Главная цель Е.Р. Дашковой заключалась в том, чтобы опровергнуть злонамеренную ложь и клевету, вопросы же восстановления исторической истины в полном её объёме княгиню занимали несколько менее, нежели желание отразить нападки и выпады, отстоять своё доброе имя. Когда Екатерина Романовна писала свои возражения, она по-видимому, ещё не уловила того политического подтекста, который двигал автором. Во всяком случае, в её замечаниях об этом не говорится ни слова.

Замечания Е.Р. Дашковой, написанные на французском языке, публиковались в двух вариантах. В «Архиве князя Воронцова»

воспроизведён текст самих замечаний¹⁸, в сборнике же «Переворот 1762 года» маргиналии напечатаны параллельно с текстом сочинения К.-К. де Рюльера¹⁹.

Характерно, что описание самого переворота, в осуществлении которого автор отводил ей решающую роль, не встретило никакого возражения княгини. Категорически отвергает Екатерина Романовна сообщение об амурной связи со своим дядей. Против фразы об этом она пометила: «Я никогда не была любовницей Панина, ни чьей-либо»²⁰. Также вызывает резкое возражение Е.Р. Дашковой утверждение автора о том, что итальянский авантюрист являлся её конфидентом: «Одар никогда не был у меня доверенным лицом, но я ему покровительствовала»²¹. Полностью отвергает княгиня участие пьемонтца в подготовке «революции». К.-К. де Рюльер утверждал, что без предусмотрительности Одара, подавшего мысль приставить к каждому заговорщику соглядатая, выполнявшего роль «мухи», заговор потерпел бы полное фиаско. Екатерина Романовна дезавуировала это утверждение: «В три последние дня перед событием Одар до такой степени мало принимал в нём участие, что не был даже и в городе, а был у Строганова»²². Неприемлемой она нашла и фразу о том, что в удел от переворота ей досталась только беременность, скрытая досада и горестное познание людей: «Я никогда не терпела продолжительной опалы, которая бы меня унизила и подействовала на мой характер; если императрица не всегда была со мной одинакова, то причиною этого были её любимцы. Меня это не смущало, я имела смелость не раз выказывать недовольство и всегда устранялась от дружбы и от сношений с любимцами»²³.

Княгиня ставит в вину автору одну принципиальную вещь: «Впрочем, Рюльер, несколько раз ошибается и опускает или не знает других очень важных вещей: например, он не говорит ничего, что я объявила свои намерения относительно того, что императрица должна была быть только регентшей до совершеннолетия её сына (*declarée mes sentiments sur ce que l'Empereur devait n'être que Régent jusqu'à la majorité de son fils*)»²⁴, это совокупно с непризнанием Г.Г. Орлова официальным фаворитом и отвращением, выраженным А.Г. Орлову в связи с убийством Петра III, являлось главной причиной того, почему с ней плохо обращались в течении нескольких лет.

Итак, Е.Р. Дашкова была сторонницей регентства и осталась ею, когда переворот начался. Это важнейшее обстоятельство было К.-К. де Рюльеру неизвестно, а оно полностью разрушает всё построение, сооружённое французским автором. Уже не так важно, был ли Одар доверенным лицом Екатерины Романовны и Н.И. Панина, а также – какова степень участия итальянца в тех событиях. Понятно, что важнейшая «заслуга» авантюриста Одара – постельная интрига, на которой строится политическая метаморфоза Никиты Ивановича, сделавшая возможным восшествие на престол Екатерины II в качестве самодержавной монархини – это неудачная выдумка того, кто не знал, как обстояли дела на самом деле. Заключительный же вывод княгини об опусе француза был таков: «Если столь небольшое сочинение вызвало с моей стороны так много замечаний, как, возможно, и у других, я полагаю, что оно не будет пользоваться доверием у людей здравомыслящих»²⁵.

Когда Е.Р. Дашкова работала над своими мемуарами в начале XIX в., в них появился следующий отзыв о книге К.-К. де Рюльера: «Велико было моё изумление, когда я в этой брошюре прочла, будто я была любовницей графа Панина, дяди моего мужа, который и ему и мне годился в отцы... Там было написано и много других выдумок.

Размышляя о книге К.-К. де Рюльера, я подумала, что с его умом и знаниями, прослужив несколько лет в Коллегии иностранных дел, он не стал бы утверждать» того, что он написал. «Тогда я успокоилась и простила человека, который, бывая у меня в то время почти каждый день, должен был знать и мою привязанность к супругу, и вообще мои моральные устои. У меня не осталось сомнений: это произведение, приписываемое К.К. де Рюльеру, является апокрифом»²⁶.

Ж.-А. Кастера, автор «Истории императрицы Екатерины II», дипломат, литератор и переводчик, выпустил своё сочинение в тот же год, что и К.-К. де Рюльер. В отличие от него Ж.-А. Кастера, опус которого стал самым широко распространённым в России сочинением о перевороте 1762 г.²⁷, никогда не был в Петербурге и не мог знать подробностей «дворцовой революции»²⁸. Тем не менее, он не только воспользовался книгой К.-К. де Рюльера, но и всецело перенёс в своё сочинение его концепцию переворота. Ж.-А. Кастера дополнил её

другими источниками и собственными измышлениями, которые он поместил для «оживляжа». Если сочинение К.-К. де Рюльера напоминало документальное повествование, то книга Ж.-А. Кастера больше походила на исторический роман, в котором автор дал полную волю своему воображению.

Ознакомившись с произведением этого «романиста», Е.Р. Дашкова испещрила его «исторический опус» своими замечаниями и подвергла уничтожающей критике. Если на сочинение К.-К. де Рюльера она сделала всего 17 возражений, то в книге Ж.-А. Кастера в одном первом томе, где рассказывается о перевороте, их насчитывалось 211 (во втором томе – всего 9)²⁹. Поскольку писатель совсем уж утратил благопристойность, Екатерина Романовна была по-настоящему возмущена. Разве могла она оставить без замечания выдумки этого француза о том, что она позировала английскому портретисту в самом непристойном неглиже или что рослый преобразенец значил для неё гораздо более, чем все науки вместе взятые? Не могла она пройти мимо сочинённого Ж.-А. Кастера диалога Екатерины II и Н.И. Панина относительно планов регентства, сообщения о желании Никиты Ивановича ограничить власть императрицы с помощью Сената и конечно – собственного «политического адюльтера» с Н.И. Паниным, в описании которого княгиня была представлена в лучших традициях бульварного романа³⁰.

Ж.-А. Кастера вслед за К.-К. де Рюльером утверждал, что истинным основателем и вдохновителем заговора против Петра III была Екатерина II. Она поддерживала связи с двумя фракциями заговорщиков, одну из которых возглавлял Г.Г. Орлов со своими братьями, а другую – Е.Р. Дашкова с офицерами, друзьями её мужа, но до поры до времени государыня не соединяла эти фракции вместе, так что они действовали порознь, не зная о существовании друг друга.

Княгиня была с этим категорически не согласна, утверждая, что именно она являлась основательницей и главой заговора. Екатерина Романовна написала на полях: «Не императрица, но я его создала, я была во главе заговора. (Ce n'est pas l'impératrice, mais bien moi qui la forma)»³¹. Выдвигая себя на главную роль, Е.Р. Дашкова настойчиво отрицает сколько-нибудь существенно участие Одара в подготовке заговора. В самом же перевороте он не только не участвовал, но вообще не был в городе. Пассаж, где говорится

об её отношениях с итальянцем – о том, что она представила его Екатерине II, а та сделала пьемонтца своим секретарём, он же хотел обогатиться с помощью переворота, в то время как «княгиня вообразила, что вся вселенная не перестанет говорить о ней и что её слава превзойдёт славу той, которой она хотела доставить престол», – был сопровождён пометкой: «Я никогда не говорила с Одаром ни о чём, кроме литературы»³². Согласно Ж.-А. Кастера Одар и Е.Р. Дашкова стали вербовать заговорщиков среди вельможных верхов. Оба они привлекли К.Г. Разумовского. Причём Одар под пером Ж.-А. Кастера играет вовсе не второстепенную роль, и вырастает в фигуру воистину историческую, княгиня же отводит эту роль только себе, полностью отсекая всякое участие Одаря в переговорах с потенциальными заговорщиками³³. Согласно Ж.-А. Кастера Екатерина Романовна поручила Одару предложить Н.И. Панину присоединиться к ним, но княгиня начертала в маргиналиях: «Это неправда. Одар никогда не знал ничего, кроме городских слухов, неблагоприятных для Петра. Я совсем бы упала во мнении моего дяди, если бы отправила к нему Одаря как посредника в таком деле, которое требовало тайны и любви к отечеству»³⁴. Категорически не согласна Е.Р. Дашкова и с тем, что она встретила в казармах Г.Г. Орлова, через его братьев присоединила к заговору несколько офицеров, а Одар доложил Екатерине II об этом успехе. Княгиня парировала: «Одар никогда не видел императрицу частным образом и не был ей употреблён в этом деле»³⁵. Суждение о планах регентства, которые Н.И. Панин, согласно вымыслу Ж.-А. Кастера, обсуждал с государыней, вызвало у Е.Р. Дашковой такое возражение: «Граф Панин хотел, чтобы низвержение было сделано законно. Пётр отрекается, его заключают в крепость, ученика Панина провозглашают императором, учреждается регентство. Но Панин никогда не говорил об этом с императрицей»³⁶.

Ж.-А. Кастера утверждал: Екатерина II **советовала им не брезговать ничем**. Н.И. Панин был ей нужен. Она считала, что его опыт и навык в делах необходимы для успеха предприятия. Поэтому княгиня поручила Одару переговорить с Никитой Ивановичем. Движимый более нежными чувствами, нежели службой императрице и Павлу Петровичу, Н.И. Панин пообещал сделать всё, что пожелает княгиня. Е.Р. Дашкова возразила: «Он не был человеком больших страстей, он не испытывал нежности ко мне и никогда её не проявлял»³⁷.

По словам Ж.-А. Кастера, Екатерина II претендовала на то, чтобы самой захватить самодержавную власть. Г.Г. Орлов и Е.Р. Дашкова поддерживали императрицу в этом, Никита Иванович же хотел, чтобы она была только регентшей. Так же думал и К.Г. Разумовский³⁸, но Одар, Екатерина Романовна и Григорий Орлов нашли средство уговорить Н.И. Панина. Решили проблему с помощью любви. Никита Иванович испытывал нежность к княгине, но она холодно принимала его и не давала надежды на успех. Причиной этого были отнюдь не добродетели Е.Р. Дашковой: «Несколько других известных любовников уже доказали, что она вовсе не была недоступна (*Plusieurs autres amans connus avaient déjà éprouvé qu'elle n'était point invincible*)»³⁹. Екатерина Романовна испытывала чувства к другому, поэтому Н.И. Панин противоречил ей. Одар понял тайный мотив сопротивления Никиты Ивановича и решил во чтобы то ни стало его преодолеть. Пьемонтец сумел уговорить Екатерину Романовну. С важным видом он сказал ей, что во имя дружбы надо приносить жертвы. «Княгиня Дашкова, чья романтическая голова легко воспламенялась, подумала, что Панин хотел того, о чём ей сказал Одар. И Екатерина могла больше не опасаться препятствий со стороны этого заговорщика (*La princesse Daschkoff, dont la tête romantique s'exaltait aisement, cru tout ce que lui dit Odart, fut tout ce que volut Panin, et Catherine n'eut plus à crandre d'obstacles de la part de ce conjuré*)»⁴⁰. Что касается сильных чувств к другому мужчине, то княгиня иронично заметила: «Не было известно никого другого, кроме моего мужа».

Насчёт же адюльтера с Паниным и роли в этом гнусном деле Одара Е.Р. Дашкова выразилась просто: «Это неправда»⁴¹. Относительно того, что Никита Иванович больше не воздвигал препятствий государыне на пути её к неограниченной самодержавной власти, Екатерина Романовна прокомментировала: «Он этого не делал и не мог делать. Он был совершенно спокоен и очень тронут великодушием, с которым я предложила ему сообщить главным заговорщикам, чтобы провозгласили великого князя, а императрица была бы только регентшей. Он понимал, что было бы лучше, если это исходило бы от меня, нежели от воспитателя своего ученика»⁴².

Ж.-А. Кастер отметил ещё один важный момент истории заговора: Екатерина II через Е.Р. Дашкову и Одара просила денег

у французского посланника Л.-О. Бретейля на подготовку переворота, но дипломат денег не дал: авантюрист казался ему личностью слишком подозрительной⁴³. Княгиня отвергла это обвинение как ложное и подчеркнула: «Я не знаю, предлагал ли Бретейль и просила ли императрица деньги у министра, но это в самом деле было бы извинительно». Вместе с тем, Екатерина Романовна сделала такое важное заявление: «Бретейль предлагал мне деньги для совершения переворота, и мой ответ был: никогда деньги никакой иностранной державы не будут использованы для предприятия, основной мотив которого – чистейший патриотизм»⁴⁴.

Описывая переворот, Ж.-А. Кастера представил роль Одаря и Е.Р. Дашковой ещё более значительной, чем это было у его предшественника. Согласно Ж.-А. Кастера Екатерина Романовна находилась в числе тех лиц, которые сопровождали императрицу с момента её приезда в слободу Измайловского полка до Казанской церкви⁴⁵. При этом Ж.-А. Кастера насытил свой текст конкретными деталями, обличающими полное незнание исторических реалий, вроде того, что в Казанской церкви был совершён обряд коронации, естественно, с возложением императорской короны на августейшую голову, а толпа на улицах становилась на колени, принося Екатерине II присягу⁴⁶, Одар же не только тайно хранил манифест о воцарении государыни, но и напечатал его⁴⁷. Е.Р. Дашкова верхом, в гвардейской форме отправилась в петергофский поход, но перед тем она вместе с императрицей участвовала в смотре войск перед дворцом⁴⁸.

Княгиня отметила многочисленное промахи французского автора, но всё, что касалось её участия в тех событиях, в которых она в действительности не участвовала, Екатерина Романовна опровергать не стала. Что же касается участия Одаря, то она относилась к этому более, чем ревностно. Никак не могла согласиться Е.Р. Дашкова и с тем, что она вместе с Одаром приставила «шпиона» к каждому заговорщику, что в конечном итоге спасло заговор от полного провала. «Я уже говорила выше, – вывело перо на полях книги, – что Одар не пользовался ни моим доверием, ни доверием главных заговорщиков»⁴⁹. Не мог он и хранить у себя напечатанный манифест о воцарении Екатерины II: «Я уже говорила выше, что Одар вообще не был в городе. Это манифест был напечатан в большой спешке в Сенате, как печатаются все указы или манифесты»⁵⁰.

После переворота, – продолжал Ж.-А. Кастера, – претензии княгини стали казаться для Екатерины II **чрезмерными**. Е.Р. Дашкова, как и государыня, надела гвардейскую форму и шла во главе войск. Она пожертвовала своим отцом, сестрой, всей семьёй ради воцарения своей подруги. Она принесла в жертву самое себя, уступая любви Н.И. Панина, к которому испытывала сильное отвращение. В виде компенсации за всё это Екатерина Романовна потребовала чин полковника Преображенского полка, но императрица ответила ей с иронической улыбкой, что она более годится для Академии наук, чем для армии. Е.Р. Дашкова была жестоко унижена таким ответом. В обществе своих друзей она дала волю возмущению неблагодарной государыней и хотела отомстить ей. Вероломный Одар, присматривающий за ней, первым донёс об этом этих речах императрице. Княгиня тотчас же получила приказ отправиться в Москву. Её муж, который долго отсутствовал, увидел, что она беременна и неизвестно от кого, но он менее всего жаловался. Эти заключительные рассуждения Ж.-А. Кастера о судьбе, постигшей Е.Р. Дашкову после переворота, вызвали у неё энергичный протест: «Это неправда. Слишком абсурдно, мысль об Академии пришла в голову императрице только 20 лет спустя». Отрицала Екатерина Романовна и предательство Одара. Относительно же своей беременности, которую она вынесла из переворота, княгиня пометила: «Я родила 12 мая 1763 г. сына Павла, выходит я носила его 12 или 13 месяцев»⁵¹.

Но и это было ещё не всё. Одар выполнял ещё одно щекотливое поручение императрицы. «В то же время, – пишет Ж.-А. Кастера, – императрица Екатерина тешила себя мыслью обмануть народы иностранных государств, как она это сделала в России. Она хотела убедить Европу в том, что воцарилась, только уступая воле народа. Одар приглашал французского посланника написать Вольтеру и просить его остеречься тщеславия княгини Дашковой и воздержаться от восхваления её. Он должен был сказать, что, если писатель станет превозносить переворот в России, ему не следует восхвалять эту юную женщину, которая играла совершенно второстепенную роль в перевороте, потому что он оказался успешным только благодаря мудрости и мужеству императрицы»⁵². Согласно маргиналиям, все сообщения о немилости к Е.Р. Дашковой после воцарения Екатерины II не соответствуют действительности. На коронацию в Москву

она ехала в одной карете с государыней⁵³. Не могла государыня, по мнению княгини, давать конфиденциальное поручение Одару предупредить Вольтера через французского посланника воздержаться от восхваления Е.Р. Дашковой: «В присутствии всего двора императрица сказала канцлеру Бестужеву, что она обязана мне своей короной. Несколько лет спустя она повторила тоже в других выражениях князю Лобковичу, венскому послу», – не без гордости записала княгиня⁵⁴.

Кому же верить?

Каким образом в книгах К.-К. де Рюльера и Ж.-А. Кастера появились сведения о том, что именно благодаря итальянскому авантюристу Екатерина II стала самодержавной императрицей?

Источником сведений К.К. де Рюльера, а затем и Ж.-А. Кастера, был другой дипломат – Лоран Беранже, занимавший более высокопоставленное положение во французском посольстве, нежели секретарь миссии. Покинувший Петербург за две недели до переворота посланник Л.-О. Брейтейль оставил Л. Беранже поверенным в делах. Его депешами, хранившимися в архиве Министерства иностранных дел, широко пользовался Ж.-А. Кастера. При этом там, где оба свидетеля переворота противоречили друг другу, Ж.-А. Кастера отдавал предпочтение «свежему», ещё не изданному материалу Л. Беранже.

2 (13) июля Л. Беранже составил депешу герцогу Ц-Г. Шуазелю о перевороте 28 июня. Хотя дипломат стремился представить в Париж самые точные и подробные сведения, сделать этого он не мог. Л. Беранже был вынужден извиняться, что не может поручиться за их достоверность. По его словам, заговор сложился благодаря Е.Р. Дашковой: «Г-н Одар, по происхождению пьемонтец, и мой друг, имел обыкновение посещать этот дом. Он стал приближённым императрицы (*attaché personnellement à l'Impératrice*) в качестве личного секретаря (*en qualité de Secrétaire particulier*). Одар был одной из опор заговора (*un des principaux arcboutants*)⁵⁵ и ведёт себя очень умно (*avec beaucoup d'intelligence*). Вот те два заговорщика, которых я лично знаю из девяти главных»⁵⁶. Очевидно, именно они, то есть Одар и Е.Р. Дашкова, явились для Л. Беранже основным источником первых сведений о заговоре и перевороте, точность и достоверность которых он не решался подтвердить. Перечислив глав

заговора, дипломат донёс: «Заговорщики согласились, что каждого из них будет повсюду сопровождать муха (*une mouche*), которая в случае предательства или открытия заговора, должна бежать и сообщить об этом другим». «Событие оправдало мудрость этой предосторожности»⁵⁷. Как видим, Рюлер почти дословно перенёс эту фразу в своё сочинение.

Л. Беранже представил фактическую картину того, как развивались события 28 июня. Потом она была использована Ж.-А. Кастера. При описании петергофского похода поверенный в делах сообщил немаловажную деталь: императрица выехала из Петербурга в 9 часов, на коне, в старой гвардейской форме. Её сопровождала «героиня Дашкова, так же экипированная (*La héroïne Daschkoff la suivait le même équipage*)». Гетман К.Г. Разумовский шёл рядом. Волконский и Вильбуа располагали войском в 15 тысяч под командованием её императорского величества. Заговорщик Одар, судя по тому усердию и поступкам, которые он себе приписывал, действовал как настоящий генерал («*Le conjuré Odart valait bien un Général pour les soins et les mouvements qu'il se donnait*»)⁵⁸.

Перед нами интерпретация событий, записанная Л. Беранже со слов самого Одара. Дипломат отмечал, что дядя Е.Р. Дашковой, канцлер М.И. Воронцов, посланный Петром III, чтобы усовестить Екатерину Алексеевну, вместо того сразу присягнул ей. Княгиня не могла рассказать такого – она всегда категорически отрицала этот факт⁵⁹. Кроме того, в другой депеше от того же числа Л. Беранже сообщил о содержании под арестом отца Екатерины Романовны Р.И. Воронцова и её сестры Е.Р. Воронцовой. При этом дипломат подчеркнул: императрица колебалась, стоит ли их держать под арестом, но Е.Р. Дашкова настояла на аресте⁶⁰. Разумеется, эти сведения не могли быть получены от самой княгини – а вот сказать, что Одар достоин чина генерала, никто не мог, кроме его самого.

В ещё одной зашифрованной депеше от того же числа Л. Беранже рассыпался в комплиментах Одару и всячески рекомендовал его Ц.-Г. Шуазелю: «Не могу в достаточной мере воздать должное его стараниям и доверенности. Он ничуть не богат и сыт по горло мечтами о богатстве и переменчивости человеческой судьбы. Вчера он мне сказал, что только и мечтает об отставке. Он хочет поместить определённую сумму в Венецианский или Женевский банк и жить

приятно, как философ». «Философия» Одара была Л. Беранже хорошо известна. Поэтому он заверил авантюриста в том, если он хочет верно служить Франции, король доставит ему денежные средства, чтобы его мечта могла превратиться в реальность. Впрочем, Одар не нужно было убеждать в этом. Свои услуги Франции, державе враждебной России, он уже успел предложить Л.-О. Бретейлю еще до его отъезда из Петербурга. Дело в том, что за две недели до переворота пьемонтец от имени императрицы и по поручению Е.Р. Дашковой («C'est elle qui, de la part de l'impératrice, m'a envoyé le s-r Odart») ⁶¹, попросил у французской короны 60 тысяч рублей для совершения «революции». Л.-О. Бретейль дать их не решился. Ему казалось, что предприятие не сулит успеха, да и сама личность Одара вызывала у него сильные сомнения, ведь ранее государыня никогда не пользовалась услугами этого авантюриста для контактов с посланником. Он даже заподозрил, «не мошенник ли Одар, не пытался ли он приобрести доверие у императрицы, стараясь предложить ей любым способом сумму, которой она могла бы воспользоваться при благоприятных обстоятельствах».

Посланник обещал авантюристу, что если «революция» окончится неудачей, он сможет найти убежище во Франции. Если же она окажется успешной, и он сыграет в ней достаточно важную роль, то потом сможет пользоваться доверием короля, которое он приобретёт, дав ему доказательства своего усердия. Он может быть уверенным в солидных компенсациях. Л.-О. Бретейль писал Ц.-Г. Шуазелю: короля надо убедить, что Одар может стать «значительным человеком» благодаря участию в этих конспирациях, поэтому надо дать ему «знаки своего расположения», то есть, подкупить, иначе соперники Франции, австрийские дипломаты, опередят их ⁶².

Из этих депеш следует, что Одар очень рассчитывал на деньги Франции, обещанные ему Л.-О. Бретейлем за деятельное участие в перевороте. Поскольку размер «компенсаций» напрямую зависел от того, насколько активна будет эта роль – ясно дал понять французский посланник – Одар был кровно заинтересован в том, чтобы представить её как можно значительней. Если учесть, что именно он был главным поставщиком тех сведений, которые отправлялись в Париж, то нетрудно догадаться, как пьемонтец должен был живописать своё личное участие в «революции». Сделать этого он никак не мог,

не связав себя с Е.Р. Дашковой, ибо из всех заговорщиков, исключая самой Екатерины II, он был близко знаком только с её подругой: «Всё, в чём я могу уверить вас, так это то, что он друг и советник (l'amî et le conseil) княгини Дашковой. Императрица серьёзно рассчитывает на него», – заключил Л. Беранже⁶³.

«Этот заговорщик, – писал Л. Беранже в другой депеше, – назвал мне первой опорой этого огромного предприятия княгиню Дашкову, которой 19 лет, и она исповедует философию и независимость посреди невежества и деспотизма. Это особенная женщина, она не боится эшафота. Но у неё не достаёт зрелости, чтобы мудро идти к своей цели. Двадцать раз она пренебрегала моими знаниями о принципах конспирации. Тем не менее, у неё имели место собрания и плели заговор». Характеризуя главных заговорщиков, Л. Беранже начал с пьемонтца, полагая, что он был важнейшее лицо в заговоре. Одар уверял дипломата, что «дважды пытались убрать императора, но в обоих случаях не заставали его». «Я не знаю, – выражал свои сомнения Л. Беранже, – насколько Одар склонен к интриге. У меня нет полной уверенности в истинности его речей. Бретейль мне советовал держать с ним ухо остро»⁶⁴.

Становится понятным, как в депеше Л. Беранже появились сведения о том, что Одар во время петергофского похода действовал как настоящий генерал. Никто, кроме французского дипломата, никогда не говорил об этом. Не случайно, что в списке награждённых за участие в перевороте имени пьемонтца нет⁶⁵. Правда, Екатерина II дала ему 1000 рублей для того, чтобы он смог съездить на родину и привезти сюда свою семью, но другого награждения он не получил. Хотя по словам канцлера М.И. Воронцова, Одар «имел также участие в счастливой перемене» и даже мог написать реляцию о ней, это участие не было столь значительным, как он потом пытался убедить Версаль⁶⁶. Да, он выполнял конфиденциальное поручение императрицы: вёл переговоры с французскими дипломатами о денежной помощи перевороту, но они закончились ничем ещё и по той причине, что личность Одара не внушала им большого доверия, а его страсть к деньгам была общеизвестна. Чтобы представить себя не больше и не меньше, как «опору заговора», о которой писал Л. Беранже, всячески подчёркивая, что сведения его ничем не подтверждены, надо было сообщить нечто такое, что заставило бы по-

верить, будто дело обстояло именно так, а не иначе. И вот в депеше 5 (16) июля Л. Беранже такую информацию представил. Он узнал новые обстоятельства от двух участников переворота. Разумеется, среди них был и Одар.

«Вот, анекдот, который заслуживает быть сохранённым, я узнал его из хорошего источника (*de bon lieu*).

Проект Панина постоянно заключался в том, чтобы провозгласить цесаревича императором и императрицу регентшей. Не могли склонить его согласиться ни на какое другое устройство, но то, что не в состоянии совершить разум, сделала любовь. Панин был безумно влюблён в княгиню Дашкову. Эта юная дама, вовсе не представляла себя весталкой, но её честолюбие побеждало любое другое чувство. Она не питала никакой склонности к Панину. Она обращалась с ним очень сурово в этом отношении, разжигая таким образом страсть господина воспитателя. Наконец, Одар, видя, что сопротивление Панина представляет единственное препятствие к исполнению общего проекта, посоветовал княгине быть не столь суровой, и именно мудрость его совета сделала Екатерину императрицей, а не регентшей»⁶⁷.

Это уже роль историческая. Если даже рассказанное было бы правдой, княгиня никогда бы не стала говорить об этом Л. Беранже. Если ложью – тем более. А ведь представить себя персонажем историческим выгодно было самому Одари. Почему же он не сообщил этот пикантный анекдот сразу же после переворота, когда Л. Беранже составлял свою первую депешу? Потому что тогда этот анекдот ещё не был придуман. Когда появились щедрые посулы от французской дипломатии, почему не заявить себя таким ловким циником, представляющим немалый интерес для тех, кто действовал за кулисами и уже оказал важную услугу Франции: Н.И. Панин, который мог бы управлять за своего ученика, семилетнего императора, слыл за ярого противника Версальского двора?

«Записки» Е.Р. Дашковой, созданные в начале XIX в., задумывались как опровержение французских памфлетистов, громоздящих одну клевету на другую⁶⁸. Главная цель княгини заключалась в том, чтобы опровергнуть злонамеренную ложь. Она была уверена, что французские писатели чернят её не просто так, искажение её облика имеет политический подтекст. Республиканская Франция борется

с монархической Россией. Один из элементов этой борьбы – моральная дискредитация Екатерины II. Нападая на императрицу, напали и на её ближайшую сподвижницу. Это тоже бросало тень на российский престол. Pamфлетисты не брезговали ничем, поэтому досталось и ей⁶⁹. Прежде всего имелись в виду Ж.-А. Кастера и К.-К. де Рюльер – первый в большей степени: и поэтому, что он был более известен в России, и от того, что он нагромоздил гораздо больше несуразностей, чем второй. Именно книга Ж.-А. Кастера стала отправной точкой при описании переворота 1762 г. в мемуарах Е.Р. Дашковой «Mon histoire». Хотя книга Ж.-А. Кастера, на которой княгиня делала пометки, называлась «Жизнь Екатерины II», три года спустя, в 1800 г., появилось ещё два (уже трёхтомное и четырёхтомное) издания этого сочинения под названием «Histoire de Catherine II». Книга получила распространение в России, и Екатерине Романовне не могло не быть известно это новое название сочинения Ж.-А. Кастера. Название мемуаров княгини «Mon histoire» перекликается с новым названием книги Ж.-А. Кастера и как бы само по себе вступает с ней в заочный спор: там история Екатерины II, здесь история Е.Р. Дашковой.

В самом деле, при сопоставлении описания переворота в книге Ж.-А. Кастера с соответствующими фрагментами «Записок» Екатерины Романовны бросается в глаза, что последние воспроизводят общую схему последовательности событий первой. Разумеется, оценки тех же самых событий не совпадают – но последовательность их почти одинакова. Очевидно, автор «Записок» имел перед глазами сочинение Ж.-А. Кастера и «шёл» по нему, исправляя в создаваемом тексте то, что было, с его точки зрения, неверно изложено французским писателем. Главное принципиальное отличие заключалось в том, что во главе заговора Е.Р. Дашкова поставила себя самое, и в нём не нашлось никакого места для итальянского авантюриста Одара. Было бы большой ошибкой думать, что Екатериной Романовной двигало непомерное честолюбие, желание во чтобы ни стало приписать именно себе роль единственного основателя заговора и руководителя переворота. На самом же деле княгиня преследовала совсем иную цель: защитить имя Екатерины II от обвинений в том, что именно она подготовила и осуществила дворцовый переворот и насильно захватила престол, ей не принадлежавший. Именно поэтому в «Записках» при описании заговора и переворота императрица во-

обще отсутствует. Всё делается без неё и почти в тайне от неё. Не её тайным любовником, будущим фаворитом Г.Г. Орловым, а преданной подругой, патриоткой Е.Р. Дашковой. При такой исходной установке не могло быть и речи о каком-либо участии в этом патриотическом предприятии итальянского авантюриста. Даже самое незначительное признание того, что Одар, будучи доверенным лицом государыни, исполнял какие-то ее секретные поручения, не оставило бы камня на камне от легенды о полной непричастности Екатерины II к заговору против своего мужа. Для того, чтобы эту легенду сделать правдоподобной, необходимо было полностью отрицать участие Одара в заговоре и перевороте. Именно так и поступала княгиня, когда создавались её мемуары.

«Среди иностранцев, приехавших искать счастья в России, – гласят её “Записки”, – был некий Одар из Пьемонта, которому покровительствовал мой дядя вице-канцлер. Он доставил ему место советника в Коммерц-коллегии. Я с ним познакомилась; это был человек слабого здоровья, уже в годах, очень умный, живой и хитрый. В скором времени Одар почувствовал, что занимаемая должность ему не подходит: он не знал ни русского языка, ни наших товаров, ни путей сообщения и так далее. Он попросил меня похлопотать перед императрицей, чтобы она приняла его на службу; я поговорила с её величеством, которая не знала Одара и никогда его не видела. Я полагала, что его можно взять секретарём, однако императрица возразила, что секретарь ей не нужен, поскольку она переписывается только с родственниками; к тому же принять на подобную должность иностранца – значило бы породить различные догадки и вызвать подозрение. Однако я добилась, что она взяла Одара на службу, поручив привести в лучшее состояние те скверные земли, что недавно ей отдал Пётр III, и устроить на них фабрики».

К этому пассажиу сделано примечание, призванное рассеять сомнения в достоверности этих слов, которое могло бы возникнуть у читателя, если бы он ознакомился с перепиской княгини с Екатериной II⁷⁰. Переписку эту Е.Р. Дашкова предполагала опубликовать. «Из некоторых писем Екатерины видно, что Одара ей рекомендовала именно я; когда граф Строганов был сослан в своё поместье, я посоветовала Одару для поправки здоровья поехать с ним. (Одар не был ни близким мне человеком, ни наставником (Il n'a jamais été ni mon

conseiller, ni mon confident), мы даже редко виделись с ним.) За три последние недели до переворота, когда всё уже было готово для осуществления нашего замысла, мы с ним не встречались ни разу. Просто мне хотелось дать ему заработок и удовлетворительное положение. Никогда я не просила у него никаких советов и никогда бы ему не удалось уговорить меня целиком положиться на дядю, графа Панина (**il aurait encore moins réussi auprès de moi, s'il avait osé me conseiller de me livrer à mon oncle le compte Panine**), как позволили себе об этом говорить сочинители бессмысленных и лживых пасквилей, написанных по образцу язвительных памфлетов против Екатерины Великой». Как бы в подтверждение этих слов автор «Записок», чтобы читатель не ни минуточку не усомнился, категорически, как во время присяги, поклялась: «Одар никогда не был ни моим советчиком, ни наперсником, как то утверждали писатели, подкупленные французами, взбешёнными тем, что для восстановления порядка во Франции, и тем самым во всей Европе, Екатерина Великая имела Суворова и таких солдат и подданных, как русские. Писатели эти, громоздившие одну клевету на другую, не оставили в покое и меня, полагая, что им не удастся достаточно очернить Великую Екатерину, не исказив облик Екатерины Малой (мы – тёзки)»⁷¹.

На самом деле после переворота императрица сделала Одара своим библиотекарем, к его же услугам она прибегла при приглашении Даламбера в Россию в качестве воспитателя наследника (философ ответил отказом)⁷². Судя по переписке французских дипломатов, они надеялись максимально использовать Одара как поставщика секретной информации и обещали щедро оплачивать его услуги. Он их оказывал, став ненадолго доверенным лицом Н.И. Панина. Руководитель французской внешней политики Шуазель и сам король одобряли стремление Л. Беранже и Л.-О. Бретейля пользоваться услугами пьемонтца, но надежды дипломатов оказались тщетными. Одар действительно донёс Екатерине II о заговоре Н. Хитрово. Судя по всему желание императрицы, чтобы Е.Р. Дашкову не перевозносили за границу (Л.-О. Бретейль должен был уверить в этом Вольтера), осуществлялось посредством Одара, установившего тесную связь с французским посольством, Тем не менее, Екатерина II не доверяла продажному итальянцу. «Он нужен императрице, но она оказывает ему мало доверия и не посвящает в секретные дела», – писал

Л. Беранже 22 августа 1763 г. Это делало сотрудничество Одара с Версалем мало продуктивным. Дипломаты пытались использовать Одара для того, чтобы он воздействовал на Г.Г. Орлова, а через него и на Екатерину II – но и эта уловка не удалась. Французы подозревали Одара, что он оказывает такие же услуги Австрии. По словам Л. Беранже пьемонтец сообщал ему всё, что знал, но знал он слишком немного и был не в состоянии вполне удовлетворить интерес французских резидентов. В июне 1764 г. Л. Беранже уж называл Одара человеком «жадным и испорченным», недовольным тем, что его «служба» Франции не получила должной оценки в глазах короля. В России его услуги, как ему казалось, также не были оценены по достоинству. Екатерина II в конце 1763 г. назначила его членом комиссии для рассмотрения коммерции. Летом следующего года он решил навсегда покинуть Россию. На прощанье он имел разговор с Л. Беранже. Во время этой беседы итальянец так отозвался о России: императрица окружена предателями. Её поведение безумно, она идёт к своей гибели. Русские никогда ей не простят того, что сразу после переворота она хотела выйти замуж за С. Понятовского. При воцарении Елизаветы Петровны русские буквально на коленях упрасивали государыню разрешить им перебить всех иностранцев. Кончится это тем, что всех дипломатов зарежут. «Таковы приятные прощальные слова, – с грустью констатировал Л. Беранже, – которыми это пьемонтец распрощался со мной. Но ему не удалось меня смутить»⁷³.

По этому выразительному пассажи можно судить о том, насколько было достоверно то, что Одар сообщал Л. Беранже. Особенно замечателен пассаж о стремлении императрицы выйти замуж за С. Понятовского!

Екатерина II шла не к гибели, а к своей славе, а вот Одар... Из России он уезжал без денег. Стал ли он на родине, таким же «честным человеком, как и другой»? Едва ли. Во всяком случае, в памяти потомков, если вообще можно говорить о памяти, он остался авантюристом.

26 июня 1764 г., сообщая о том, что Одар покидает Россию «возмущённый» и «озлобленный», представитель саксонского двора писал в Дрезден о том, что пьемонтец, кажется очень расположен к Саксонии и предлагал этим воспользоваться, но тут же делал

оговорку, что надо соблюдать осторожность «с человеком с таким нравом, как у Одара». Деша заканчивалась словами: «Он не любит ни Панина, ни Дашкову и презирает почти весь русский народ»⁷⁴.

Несмотря на это, вспоминая Одара, есть серьёзные основания говорить об «общих ценностях». Сегодня в Италии, впрочем как и в России, никто не догадывается о том, что Ж.-Д.-Ж. Одар оставил яркий след в истории русской культуры. Пьемонтец даже не мог предположить, что его «откровенные рассказы» Л. Беранже о перевороте в Петербурге, перелитые затем в «Историю и анекдоты революции в России в 1762 года» К.-К. де Рюльером, потом вольно истолкованные Ж.-А. Кастера, побудят Е.Р. Дашкову и её помощников сестёр М. и К. Вильмот к созданию «*Mon histoire*», то есть автобиографических «Записок». Княгиня оказалась настолько возмущена тем, что про неё рассказывал этот итальянский авантюрист, которому она, по её признанию, покровительствовала, что Екатерина Романовна не могла не выступить с резкими опровержениями лжи и клеветы. В итоге был создан выдающийся памятник мемуаристики, который вместе с «Записками Екатерины II» занимает достойное место среди памятников культуры России второй половины XVIII – начала XIX в. Как это не парадоксально звучит, вслед за В. Гёте и М.А. Булгаковым Одар имел все основания повторить: «Я часть той силы, что зло творя, совершает благо».

Примечания

¹ Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России 1762 года // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 285.

² О нём см.: Кобеко Д.Ф. Екатерина Вторая и Даламбер // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 109–110.

³ Задолго до М.Ю. Лермонтова Е.Р. Дашкова употребила аналогичное выражение, назвав Одара «одним из иностранцев, приехавших искать счастья в России» («*Parmi les étrangers qui viennent chercher fortune en Russie*»). См.: Архив князя Воронцова. Кн. XXI. М., 1881. С. 5.

⁴ Сб. РИО. Т. 140. СПб., 1912. С. 24.

⁵ Шумахер А. История низложения и гибели Петра Третьего // Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. М., 1991. С. 27.

⁶ Кобеко Д.Ф. Указ. соч. С. 111.

⁷ Rulhier C.-C. Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

⁸ Castera J.-H. Vie de Catherine II. Т. 1–2. Paris, 1797.

⁹ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин, 1900. С. 479–480.

¹⁰ Rulhier C.-C. Op. cit. P. 16.

¹¹ Ibid. P. 67. В русском переводе сочинения Рюльера допущена ошибка. Здесь значит, что Одар уговорил Е.Р. Дашкову «на сих условиях также пожертвовать своим ребёнком» (*Рюльер К.-К.* Указ. соч. С. 285), однако у Рюльера написано: «et ce fut ainssi qu'elle obtient de Panin le sacrifice de son pupille».

¹² *Rulhier C.-C.* Op. cit. P. 68.

¹³ Ibid. P. 74.

¹⁴ Ibid. P. 75.

¹⁵ Ibid. P. 146.

¹⁶ Ibid. P. 130.

¹⁷ *Сомов В.А.* «Президент трёх академий» Е.Р. Дашкова во французской «Россике» конца XVIII века // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000. С. 43.

¹⁸ Заметки княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй // Архив князя Воронцова. Кн. VII. М., 1875. С. 653–656.

¹⁹ Переворот 1762 года: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908. С. 11–72. Маргиналии Е.Р. Дашковой на С. 15, 35, 36, 39, 43, 44, 56, 60, 64, 67, 71.

²⁰ Там же. С. 39.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 43.

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Заметки княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй. С. 654.

²⁵ Там же. С. 655.

²⁶ *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой: Письма сестёр Вильмот из России. М., 1991. С. 143–144.

²⁷ *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 633; *Сомов В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 182; *Он же.* Книга о Екатерине II из собрания Е.Р. Дашковой // Книжные сокровища: К 250-летию БАН. Л., 1990. С. 141.

²⁸ В.А. Бильбасов ошибочно полагал, что Кастера в Петербурге бывал (*Бильбасов В.А.* Указ. соч. С. 633). Эту ошибку повторила и Е.О. Корнилович-Зубашева (*Корнилович-Зубашева Е.О.* Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвящённый С.Ф. Платонову. СПб., 1922. С. 356). Б.В. Томашевский показал, что В.А. Бильбасов спутал переводчика Ж.-А. Кастера, который никогда в России не бывал, с тайным агентом французского короля Людовика XV, носившим такую же фамилию. (*Томашевский Б.В.* Жан Кастера, автор «Истории Екатерины II» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX еков. М.; Л., 1959. С. 79–81).

²⁹ *Корнилович-Зубашева Е.О.* Указ. соч. С. 356.

³⁰ Там же. С. 355–370; *Сомов В.А.* Книга о Екатерине II из собрания Е.Р. Дашковой. С. 144–150; *Somov V.A.* Le livre de Castera d'Artignes sur Catherine II et sa fortune // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 48.

³¹ *Castera J.-H.* Op. cit. P. 207.

³² Ibid. P. 209.

³³ Ibid. P. 217.

³⁴ Ibid. P. 214.

³⁵ Ibid. P. 216.

³⁶ Ibid. P. 218.

³⁷ Ibid. P. 214.

³⁸ Ibid. P. 218.

³⁹ Ibid. P. 222.

⁴⁰ Ibid. P. 223–224.

⁴¹ Ibid. P. 223.

⁴² Ibid. P. 224.

⁴³ Ibid. P. 224–228.

⁴⁴ Ibid. P. 226.

⁴⁵ Ibid. P. 238.

⁴⁶ Ibid. P. 240.

⁴⁷ Ibid. P. 245.

⁴⁸ Ibid. P. 246.

⁴⁹ Ibid. P. 231.

⁵⁰ Ibid. P. 245.

⁵¹ Ibid. P. 297.

⁵² Ibid. P. 298.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. P. 298.

⁵⁵ Дешпи французских представителей. Из парижского Архива Министерства иностранных дел. Дешпи Беранже // Бильбасов В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 594.

⁵⁶ Сб. РИО. Т. 140. С. 1–2.

⁵⁷ Там же. С. 3.

⁵⁸ Там же. С. 6.

⁵⁹ Архив князя Воронцова. Кн. VII. С. 654.

⁶⁰ РИО. Т. 140. С. 9.

⁶¹ Там же. С. 70–71.

⁶² Там же. С. 23–24.

⁶³ Там же. С. 12.

⁶⁴ Там же С. 13, 14.

⁶⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 9 августа.

⁶⁶ Архив князя Воронцова. Кн. V. М., 1872. С. 106.

⁶⁷ Дешпи французских представителей. С. 612. Это пассаж вставлен в дешпу Беранже, опубликованную В.А. Бильбасовым. В публикации Сб. РИО его нет.

⁶⁸ См. подробно: Сафонов М.М. «Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы // Е.Р. Дашковой и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010. С. 86–95.

⁶⁹ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 38, 66.

⁷⁰ Письма Екатерины II к Е.Р. Дашковой на языке подлинника // Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, и И.В. Лопухина. М., 1992. С. 81, 82. Вызывает недоумение реплика составителей справочного тома, что участие Одара в перевороте «почему-то отрицается Дашковой» (Там же. С. 110). Очевидно суть

такого отрицания осталась им неведомой. Впрочем Ж.-Д.-Ж. Одара они именуют «Михаилом», что, наверное, вовсе не удивительно (Там же. С. 327).

⁷¹ Там же. С. 66; Архив князя Воронцова. Кн. XXI. М., 1881. С. 51–52.

⁷² *Кобеко Д.Ф.* Указ. соч. С. 122–123.

⁷³ Сб. РИО. Т. 140. С. 27, 28, 37, 39, 220, 255, 257, 305, 424, 624, 682.

⁷⁴ Дешети саксонских представителей (Из дрезденского государственного архива)
// Бильбасов В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 690–691.

ИМЕНИНЫ ГОСПОЖИ РЕШИМОВОЙ

О.И. Елисеева

кандидат исторических наук

г. Москва

Ещё в 1772 г., когда Е.Р. Дашкова жила в Петербурге, и её отношения с императрицей, казалось, восстановились, Екатерина II написала пьесу «Именины госпожи Ворчалкиной». Гвоздь интриги – попытка главной героини, в которой современники узнавали Екатерину Романовну, выдать дочерей (в пьесе их две) замуж, но обойти женихов. «Матери-то не хочется с приданным расставаться, – объяснял один из персонажей, – она любит дочерей и желает их пристроить, только богатство любит ещё больше их». Когда старшая из девушек советует Ворчалкиной оделить сестру по совести, та возражает: «А мы с чем останемся?» И прямо говорит жениху: «Много дать ныне не могу... Я, бедная вдова, принуждена была за пятнадцать лет заплатить какову-то недоимку вместо покойного мужа моего. С мёртвых дерут»¹.

Остаётся только удивляться, что за три года до этих событий императрица точно описала поведение подруги: «Разве я в своём доме не вольна? Разве дети-то не мои? ...Ах она мерзавка! ...Что в том, противен ли он, нравен ли он ей или нет? Она ведь моя дочь, и будет за тем, за кого я выдать её хочу».

Так и получилось. Е.Р. Дашкова мыслила «мозгом princess'ы», а Анастасия в тот момент из воли матери «не выступала». Но и состояние девушки передано Екатериной II очень живо: «Она в великом смущении, побледнев и трясясь, шла через комнату, где мы сидели, и не дошед до других дверей, вдруг упала на землю, так что и поддержать никто не успел... Конечно, от печали; вот плоды вашей строгости!».

В 1786 г., когда отношения с дочерью приносили княгине только боль, когда стало ясно, что несмотря на попытки съехаться с мужем, семейного счастья не получится, наша героиня напишет комедию «Тоисиоков», где госпожа Решимова говорит: «Оставь мне определить твой жребий, положишься на меня, пусть я за тебя рещу»².

Страшно подумать: императрица видела развитие событий ещё до того, как они произошли, и предостерегала. А Е.Р. Дашкова настаивала на своём, даже когда жизнь доказала её неправоту. «Пусть я за тебя решу». Екатерина Романовна просто не могла поверить, что способна ошибаться.

Когда Анастасия возвратилась к мужу, княгиня писала: «Я очень расхворалась, судороги и рвота причинили мне разрыв около пупка, и я вскоре так ослабела, что моя сестра и мадам Гамильтон боялись за мою жизнь. Я не узнавала улиц, когда меня возили кататься, и не помнила ничего, кроме горя, доставленного мне дочерью»³.

Состояние Е.Р. Дашковой очень показательно. Много позже Марта Уилмот будет сообщать, что княгиня буквально высасывала людей во время разговора, особенно детей: «Она как бы выжимает содержимое, энергично и весьма естественно, подобно тому как соковыжималка выжимает сок из овощей»⁴. Возможно, уход из её дома энергичной, хотя и безалаберной дочери, в близком контакте с которой Екатерина Романовна прожила долгие годы, плохо подействовал на здоровье княгини. Она не так уж преувеличивала, написав брату 19 марта 1784 г.: «Ты бы за меня испугался».

Стоит только удивляться, как Е.Р. Дашковой удавалось и так сильно страдать, и так много делать? Возможно, душевные скорби были для неё катализатором, родом особого, не всем понятного наслаждения. Каждую драму княгиня переживала или пережёвывала с чувством, с толком, с расстановкой. Как гурман вкушает изысканное блюдо. Не пропуская ни малейшей детали, отыскивая поводы пострадать. Екатерина Романовна была отъявленной мазохисткой. Душевная боль давала ей силы, а не опустошала, как случается с обычными людьми.

Заслуживает внимания высокое мастерство, с которым Е.Р. Дашкова превращала тяжёлые жизненные ситуации в подлинную трагедию. Оттягивала выход из тупика. Отказывалась от примирения. Оскорблялась посредничеством – ведь посредник крадёт удовольствие, и кем бы он ни был, ему лучше не вмешиваться. Здесь пиршество скорби, чужих к столу не приглашали.

Единственным человеком, с которым княгиня соглашалась разделить свои страдания и которого сама звала присоединиться, была императрица, но слишком жизнерадостная от природы Екатерина II

неизменно уклонялась. В минуты семейных неурядиц она отказывалась примирять дочь или сына с матерью и тем дарить подруге возможность снова и снова мысленно возвращаться к случившемуся, обсуждая его на разные лады.

Страдая из-за выходов Анастасии, Екатерина Романовна за столом государыни произнесла примечательный монолог о храбрости: «Я считаю героическим мужеством не храбрость в сражении, а способность жертвовать собой и долго страдать, зная, какие мучения ожидают вас впереди. Если будут постоянно тереть тупым деревянным оружием одно и то же место на руке и вы будете терпеть это мучение, не уклоняясь от него, я сочту вас мужественнее, чем, если бы вы два часа сряду шли прямо на врага». Никто из присутствовавших не понял, к чему реплика княгини, рассказчик, повествовавший о событиях на театре военных действий, запутался. Одна императрица не сводила со старой подруги глаз, догадываясь, о каком событии та говорит.

Разговор коснулся самоубийства. «Я сказала ей, улыбаясь, что никогда ничего не предприиму ни для ускорения, ни для отдаления своей смерти... Я нахожу, что дам более яркое доказательство твёрдости своего характера, если сумею страдать, не прибегая к лекарству, которым не в праве пользоваться»⁵.

Мало кто умел так испортить настроение за столом. Согласно Е.Р. Дашковой, «с этого дня императрица пользовалась каждым случаем, чтобы развлечь» её. Камер-фурьерский журнал за 1786 г. полностью подтверждает слова княгини: она почти через день бывала у Екатерины II на малых собраниях и вечером приглашалась во внутренние покои. На любом празднике мадам директор указывалась сразу за императорской семьёй⁶.

Отдадим должное государыне – она выбрала метод, которым до сих пор пользуются психологи. Предложила подруге написать пьесу. Излить горе на бумагу, но... в комической форме. Ведь тогдашние спектакли в придворном театре не могли быть грустными, предпочитали лёгкий жанр. На отказы Е.Р. Дашковой последовал очень характерный ответ: де, «она (императрица – О.Е.) по опыту знает, как подобная работа забавляет и занимает автора». Стало быть, цель не получить «русскую пьесу», а позабавить и занять отчаявшуюся женщину.

В это время саму Екатерину II буквально захватил театральным вихрь: публиковались и переводились на немецкий язык её пьесы «Обманщик», «Обольщённый» и «Шаман Сибирский», переписывались статс-секретарями отрывки из исторических трагедий «Олег», «Рюрик» и «Игорь». Дневник А.В. Храповицкого полон упоминаний о подобной работе⁷. Е.Р. Дашкова с её знаниями в области английской комедии Шеридана и Голдсмита, с её высокими культурными запросами была как нельзя кстати. Можно поручиться, что обеим дамам было интересно вместе.

Княгиня очень держалась за дружбу с Екатериной II: прийти к ней, обсудить что-то. Поэтому и «поставила условием, что она прочтёт первые два акта, поправит и откровенно скажет, не лучше ли бросить их в огонь». Императрица обещала, в тот же вечер проглядела наспех написанный текст, смеялась и ободряла подругу к дальнейшим стараниям. Заметим, Е.Р. Дашкова сама попросила дать советы, но получив их, например, сделать комедию в пяти актах – обычное сценическое время – осталась недовольна и вину за медленное развитие сюжета возложила на подругу: «Кажется, пьеса от этого не выиграла, так как действие оказалось растянутым и скучным».

Так возникла пьеса «Тоисиоков», у которой, конечно, был английский протограф. Но которая, тем не менее, является ни чем иным, как терапевтическим откликом Екатерины Романовны на поразившее её семейное горе – разрыв с дочерью. Подобного триумфального выхода из душевного тупика княгиня не могла вообразить: она получила возможность снова всё перечувствовать, обосновать свои благородные принципы, а, кроме того, показать себя со стороны, увидеть в своём поведении смешное.

С последней задачей Е.Р. Дашкова справилась лишь отчасти, она не любила и не умела иронизировать над собой. её героиня способна вызвать смешки тем, что делает сто дел в минуту и готова всех «замуштровать», но она безусловно остаётся не просто главным положительным персонажем – а единственным **действующим** лицом. Остальные в оторопи и изумлении взирают на тётушку, в ней одной видя своё спасение от жизненных невзгод.

Пьеса Екатерины Романовны – своего рода **упорство в ереси**. Ни автор, ни героиня не меняются по мере развития действия. Но,

видимо, только так княгиня могла сохранить себя после тяжёлых жизненных ударов. Пьеса, как и многие другие тексты Е.Р. Дашковой, стала способом самохарактеристики, теперь с подмостков.

Решимова нигде не допускает просчётов. Это цельный образ, противопоставленный другому персонажу – Тоисиокову, фамилия которого происходит от выражения «то и сё», вечно колеблющемуся, неуверенному, ленивому и беспечному. «Я избрала наиболее распространённый у нас тип бесхарактерного человека», – писала Екатерина Романовна. В Тоисиокове видели и Л.А. Нарышкина, и И.И. Шувалова. Подобных лиц – «тряпок», «жестяных вертушек», «кукол без души» – княгиня встречала на своём пути немало. А вот в прототипе главной героини никто не сомневался.

«Хотя горяча, скоро и упряма, но умна и сердцем отходчива», – говорит о ней лакей Пролаз. «Я уверен, что вы в младенчестве и в молодости на других никак не походили и превосходным разумом блистали», – вторит бесхарактерный племянник Решимовой. «Я умею и знаю, как волю-то иметь... – скажет о себе сама госпожа. – Какой-нибудь нрав лучше, чем никакого».

Сюжет комедии прост: ленивый барин не замечает, как его обкрадывают слуга-француз и дворецкий. Из-за своей нерешительности и желания угодить всем он оказывается буквально на грани банкротства. Навестить «племянника» приезжает тётка жены, которая через собственного лакея и нескольких преданных слуг изобличает мошенничество.

Перед нами просвещенческая комедия в дистиллированном виде. Не слишком бойкая – ведь обладая ярким публицистическим даром, Е.Р. Дашкова отнюдь не была заметным театральным автором – но в то же время полная живых языковых оборотов.

Современные исследователи считают, что «Тоисиоков» восходит к ранней комедии Оливера Голдсмита «Добрячок», где герой-тюфяк похож на дашковского, а некоторые сцены совпадают, но вместо тётки положение спасает добродетельный дядя персонажа⁸.

Мнение, будто в комедии княгини «русской действительности и слыхом не слыхать»⁹ давно вызывает справедливую критику: барин, обираемый лакеем-французом, очень характерен для отечественной жизни того времени. Заметим – это общая тенденция для комедии Просвещения. Сомнительные персонажи, шарлатаны, ловкие вымо-

гатели, втёршиеся в доверие к простакам, присутствуют и на французской, и на английской сценах, и в русских комедиях Екатерины II, с которыми текст Е.Р. Дашковой имеет много перекличек.

По-настоящему русским, новым, нигде дотоле не опробованным является главный ход автора – помещение в центр событий женщины, превращение её в основного персонажа. Это не страдающая от чьего-либо деспотизма героиня, а властная, уверенная, богатая сама себе госпожа. Дама средних лет, многое пережившая и утвердившаяся в своих принципах. Деловая. Обременённая заботой о многочисленной родне и немалом хозяйстве.

Эдакая фонвизинская Простакова, только со знаком плюс. Она не отрицательный, как в «Недоросле», а положительный герой. От её действий, решимости зависит всё мироздание в пределах пьесы. Такой образ был поистине прорывным для отечественной литературы. К сожалению, скромные художественные достоинства пьесы не позволили ему как следует утвердиться. Но для России он не был чужим. Напротив. Матери и жёны, ведущие хозяйство, зачастую отличались властными, крутыми характерами, поздно выделяли детей, устраивали судьбы родных.

Имея в виду себя, Е.Р. Дашкова не заметила, как привела на подмостки господствующий в тогдашнем дворянском обществе тип матушки и тётушки. От Простаковой уходит линия к грибоедовским московским дамам: «командовать поставьте перед фрунтом, / присутствовать пошлите их в Сенат». К пушкинской молодой Пиковой Даме: «дедушка был род бабушкиного дворецкого». К Кабанихе. К Вассе Железновой, наконец. Все эти образы отрицательны. Возможно, потому что выходили из-под пера мужчин. Само стремление женских персонажей к действию воспринималось как посягательство на несвойственные им функции. Они должны страдать, молчать и быть спасёнными.

Автор-женщина создала уникальный персонаж – героиню положительную именно в силу склонности к действию, к решимости.

Понимала ли Е.Р. Дашкова, что совершила? Для неё образ главной героини слишком автобиографичен. Слишком связан с историей собственной семьи. У Решимовой две племянницы. Одна по своей воле вышла замуж за Тоисиокова и теперь несчастна. Другая, более скромная и робкая, живёт у сестры и наблюдает «неустройство»

её дома. Через пару женских персонажей автор показывал и промах Анастасии, и то, как счастливо события могли бы развиваться, покорись она воле матери. Госпожа Тоисиокова и Флёна Осиповна – раздвоившийся на сцене единый человек, каждая из половинок которого выбирает свой путь. «Крушусь о сестре твоей, – говорит Решимова племяннице, – но кто же виноват? Сама выбрала, влюбилась в болвана и ускорила выбором своим моё решение. Ты, моё любезное дитя, не погуби себя так же».

Княгиня не стеснялась заявить, что больше всех добродетелей ценит послушание. Восхищаясь Флёной, Решимова замечает: «Она у меня маленькая по ниточке ходила». Жених племянницы роняет: «Её нрав более умягчается повиновением». О своём муже героиня отзывается: «Он, покойник-свет, был преумный человек, никогда из воли моей не выступал». Может показаться, что эти слова – попытка посмеяться над собой. Но финал показывает: самоиронии не было. Герои по очереди восклицают: «Спокойствие наше зависит от решения тётушки!»; «Оставим лучше тётушке на волю, она лучше нас решить изволит»; «Сколь мы счастливы, что имеем столь добродетельную тётушку!».

Героиня на сцене, а Е.Р. Дашкова в жизни не замечают, как удобна для окружающих такая позиция. Ведь сколько бы «тётушка» не порицала «племянника», его разорённой жене она жалует 30 тысяч рублей содержания. Сумма совпадает с долгами Анастасии. «Она, конечно, ни в чём недостатка терпеть не будет».

Можно сколько угодно порицать Екатерину Романовну за желание кормить взрослых детей с ложки, проживать за них их жизнь – но для самих нахлебников такие отношения комфортны, хотя и тяжёлы. Непосильным грузом они ложатся на мать. Недаром героиня признаётся: «Духом я измучена». Ей хочется, чтобы родные люди «ходили по ниточке». За их отказ от самостоятельности приходится платить – не только деньгами, но и душевными силами, вечными ссорами с детьми, которые одновременно и рвутся к личной свободе, и сидят на шее. Страхом за их будущее – ведь они так и не научились ни за что отвечать. А мать стареет...

Примечания

¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные. СПб., 1893.

-
- ² Дашкова Е.Р. Тоисиоков // Е.Р. Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. М., 2001. С. 183.
- ³ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 158.
- ⁴ Письма Марты Вильмот // Е.Р. Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 394.
- ⁵ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 169.
- ⁶ Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «...Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни княгини Е.Р. Е.Р. Дашковой. М., 2009. С. 150–158.
- ⁷ Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С. 6–18.
- ⁸ Зыкова Е.П. Англофильство Е.Р. Е.Р. Дашковой в контексте русской культуры XVIII века // Е.Р. Е.Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 103–104.
- ⁹ Афанасьев А.Н. Литературные труды кн. Е.Р. Е.Р. Дашковой // Отечественные записки. 1860. Т. 129. № 3. Отд. 1. С. 210.

СЕСТРА И БРАТ. КНЯГИНЯ Е.Р. ДАШКОВА И ГРАФ А.Р. ВОРОНЦОВ

Е.Н. Фирсова

г. Москва

Ты и я – два слепка, которые природа
сделала с одной формы

*Из письма Е.Р. Дашковой
брату Александру*

Задача данной статьи – раскрыть некоторые страницы взаимоотношений графа А.Р. Воронцова и княгини Е.Р. Дашковой через эпистолярный источник, часть которого мы здесь приводим. К сожалению, он ограничивается лишь письмами княгини к брату, так как ответные письма Александра Романовича к сестре не сохранились. О том, что архив княгини Дашковой не найден, писал ещё историк и издатель П.И. Баргнев.

Возможно, архив сгорел в её доме на Никитской в 1812 г. Известно, что бумаги княгини после её смерти разбирали душеприказчики: граф Пётр Львович Санти и Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, который взял рукопись её «Записок». Вероятно, частные письма никого не заинтересовали, а отобраны были только письма высоких особ. Кроме того, письма А.Р. Воронцова отличались неразборчивым, как тогда говорили, «слепым» почерком, требующим значительного времени для прочтения. Может быть, именно этот факт и отвлек внимание душеприказчиков, и письма остались в «никитском» доме. Известно, что библиотека Екатерины Романовны сгорела в «слободском» доме, то есть в бывшем доме Александра Романовича в Немецкой слободе, который достался их племяннику Михаилу Семёновичу Воронцову, как и дом Е.Р. Дашковой. Если архив княгини перевезли с Никитской вместе с библиотекой, то его постигла та же участь.

То, что граф П.Л. Санти разбирал домашний архив, можно понять из его письма М.С. Воронцову от 18 сентября 1810 года, где речь идёт о споре душеприказчиков с дочерью княгини, Анастасией Михайловной Щербининой, которая отстаивала свои права на име-

ния, завещанные её матерью другим родственникам: *«От меня зависело сделать большую неприятность Щербининой – я имел в руках своих и имею еще теперь жестокое письмо ее, писанное к матери ее о совершенно непозволительных вещах»*¹.

Поскольку Екатерина Романовна большую часть времени в году проживала в Троицком, то там также мог находиться архив с письмами брата. Из письма П.Л. Санти Михаилу Семёновичу можно сделать вывод, что А.М. Щербинина разбирала эти письма, когда украдкой от душеприказчиков ездила в Троицкое: *«Я и Нелединский подали на нее просьбу – дело имеет теперь свое течение – она жемствя мне, представила министру письма, которые я писал в откровенности к ее матери»*².

Известно также, что Щербинина на правах хозяйки, возможно с разрешения нового хозяина Троицкого, графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова, жила в имении в 1812 году во время нашествия французов. Она имела достаточно времени разобраться с Троицким архивом. О дальнейшей судьбе архива можно только гадать.

В начале своих мемуаров Е.Р. Дашкова пишет о том, что после смерти матери она редко общалась со своими сёстрами, бывшими фрейлинами при дворе, и с младшим братом, жившим у дедушки в деревне. *«В родительском доме оставался только мой старший брат, Александр, и я лишь его одного знала с детства; мы с ним часто виделись, и между нами с раннего возраста возникла привязанность, которая с годами превратилась в неослабное взаимное доверие и верную дружбу»*³.

Был момент, когда их дружба подверглась испытанию. Граф Александр Романович Воронцов в возрасте 21 года получил назначение на должность полномочного министра в Лондоне. Девятнадцатилетняя Екатерина Романовна, живя в Петербурге с мужем, Михаилом Ивановичем Дашковым, принимала активное участие в воцарении своего кумира, Екатерины Алексеевны. Вся родня княгини была на стороне императора Петра Фёдоровича. В переписку брата и сестры постоянно вмешивался дядя – канцлер Михаил Илларионович Воронцов. Только с его слов Александр Романович знал о том, что происходит в Петербурге и Москве, и как ведёт себя его сестра – княгиня Дашкова.

Вот строки из письма дяди племяннику от 24 августа 1762 г. из Москвы: *«На пространнѣя и многія ваши Русскія письма я вам буду впредь при лучшем досуге отвѣтствовать, только вам именно запрещаю большіе о сестрѣ вашей Е.Р. не отзываться; она в нынѣшнем ея состояніи счастливѣе перваго. Письмо ваше княгине Дашковой по желанію отца вашего не отдано и здѣсь уничтожено. Она поведеніем своим не привлекает нас никого къ любви своей»*⁴. И ещё один отрывок из письма дяди племяннику: *«От благополучія ея не имеем пользы, а от паденія ея можем претерпѣть напрасное неудовольствіе»*⁵.

После ряда подобных заявленій брат предъявил в письме къ сестрѣ очень жѣсткіе претензіи, которыми она была оскорблена до глубины души. Тем не менее, несмотря на молодой возраст, Александр Романович был уже мудр. Он понимал, что нельзя осуждать человека, зная лишь одну позицію обвиненія, надо выслушать и противоположную сторону. Гордые и достойные отвѣты княгини на поставленные ей вопросы вернули расположение брата къ ней, но не сразу. Дядя Михаил Илларионович пытался и позже настроить А.Р. Воронцова против сестры. Даже будучи во Флоренціи в декабрѣ 1763 г., он написал племяннику следующее: *«При сем для извѣстія вашего посылаю копію съ указа Ея Императорскаго Величества о опредѣленіи Н.И. Панина въ Коллегію старшим членом. Вы можете, мой друг, къ нему писать о делах и требовать его вспоможенія, не смотря на то, что он, не къ похвалѣ своей, страстно любит и почитает княгиню Дашкову»*⁶.

Ещё в мартѣ этого года Екатерина Романовна закончила одно из писемъ брату такими словами: *«Умоляю вас, какъ сестра и ещё болѣе какъ верный друг, не поддаваться такъ легко кознямъ, которые подстраиваютъ люди ненавидящіе доброе согласіе и пользующіеся порождаемыми отъ того раздорами. Заверяю вас, что вы во мнѣ всегда найдѣте друга, любящаго васъ нежно и радующагося поэтому вашему возвращенію ко мнѣ. Всё, на что я вамъ здѣсь указываю, исходитъ не изъ злопамятства; я слишкомъ васъ всегда любила, чтобы питать противъ васъ неудовольствіе послѣ того, что вы, образумившись, обратились опять ко мнѣ. Прощайте, дорогой братецъ. 13 марта 1763 года. Москва»*⁷.

Для того, чтобы понять перемену въ худшую сторону въ отношеніяхъ дяди Михаила Илларионовича и его супруги Анны Карловны

к их племяннице, можно вспомнить, как семья Воронцовых при воцарении Елизаветы Петровны «попала в случАй», как тогда говорили, и возвысилась. Они ждали того же «случАя» от фаворитизма племянницы Елизаветы Романовны при Петре III, а позже от дружбы Екатерины Романовны с императрицей. Ни в одном случае они ничего не выиграли, но их досада распространилась лишь на Е.Р. Дашкову, так как после воцарения Екатерины II, фаворитке свергнутого монарха и так было плохо. Супруги Воронцовы обвиняли Екатерину Романовну во всех своих несчастьях, но главное, что раздражало их – её удачное замужество по сравнению с неудачным замужеством их единственной дочери. По версии исследователя Г.В. Черногловиной, князь М.И. Дашков до брака с Екатериной Романовной имел любовную связь с уже обручившейся с графом А.С. Строгановым Анной Михайловной Воронцовой. Из-за этого впоследствии произошёл разрыв между супругами Строгановыми и устроенная, вернее, подстроенная самой Елизаветой Петровной скорая свадьба М.И. Дашкова с Екатериной Романовной Воронцовой.

Вновь переведённые с французского языка, а также мало известные письма Дашковой брату, представленные в данной статье, относятся к концу XVIII – началу XIX в.

Они опубликованы П.И. Бартеневым в «Архиве князя Воронцова» в V, XII и XXI книгах в том порядке, который он посчитал правильным. В отдельных местах в указанном издании нарушена хронология. В данной статье порядок недатированных писем подобран по смыслу и известным событиям.

Многое остаётся в письмах пока неясным, подлежащим исследованию. Иногда княгиня ссылается на полученные ранее письма брата, из чего можно понять его отношение к тому или иному предмету, обсуждаемому в переписке.

В конце каждого письма приведены комментарии. В начале некоторых писем в скобках проставлены предполагаемые годы и место написания.

В письмах, переведённых с французского, оставлено обращение на «вы» с маленькой буквы; в русских, выделенных курсивом, Е.Р. Дашкова пишет брату «ты».

Перевод всех писем с французского языка выполнен М.П. Михайловой и Л.В. Кулагой.

«5 июля 1758 г.

Месье, самый дорогой брат!

Податель сего должен быть тебе известен, вот почему я не рекомендую тебе его; к тому же ты знаешь, что он наш лучший актёр, что очень ценно. Ты, наконец, прибыл в Париж и теперь можешь компенсировать твоими дорогими письмами тоску от твоего отсутствия: более извинительную тебе, и нет теперь плохих дорог, которые бы помешали тебе ответить на мои. Предполагая, что м-р шевалье Дуглас в Париже, я прошу тебя передать ему тысячу поклонов и попросить его одновременно почтить меня своим воспоминанием, что мне, конечно, польстит. Мы надеемся, что посланный Тугс получит неделю спустя после аудиенции отпуск, или крайний срок, в конце месяца.

Зная об участии, которое ты принимаешь во всём, что касается меня, я информирую тебя, дорогой брат, что через три недели, или не позднее месяца, я тебе представлю разрешение (или запрещение) моих дорогих родителей на свадьбу, которая мне предстоит; они ещё ничего не знают, так как их нет в городе. Но этот м-р, именуемый князь Дашков, открылся мне и попросил меня позволить ему просить согласия у моих родителей. Я ответила ему после этого, что всё в его воле и что он не доставит мне этим огорчения, но что с моей стороны он не должен ожидать ничего, что не согласовывалось бы с моими чувствами, от которых я завишу и телом, и душой. Я прошу тебя, дорогой брат, высказать мне твоё мнение об этом, так как ты его знал, и не сообщать об этом никому, особенно же моей сестре, так как его хотят женить на одной из Бутурлиных.

Я жду твоего ответа с нетерпением и опасаясь в то же время, чтобы он не потерялся. Вот почему, мой дорогой брат, не дожидаясь надёжной okazji, возможно, очень не скорой, я тебя прошу писать мне цифрами: 24a, 23b, 22c, 21d, 20e, 19f, 18g, 17h, 16i, 15k, 14l, 13m, 12n, 11o, 10p, 9q, 8r, 7s, 6t, 5u, 4v, 3x, 2y, 1z.

Так как в алфавите 24 буквы, то было бы слишком узнаваемо, если бы я не начала наоборот. Например, моё имя будет написано так: 22, 24, 6, 20, 8, 16, 12, 20.

Прощай, дорогой брат. Может быть, я буду иметь удовольствие увидеть тебя за границей. Твой верный друг Катерина Воронцова»⁸.

(1763)

«Михалково. 19 октября.

С огромной радостью я получила ваше письмо, мой дорогой брат. Я вас прошу, мой дорогой друг, продолжать, поскольку не только начало драгоценно, и я не смогу простить вас, если вы прекратите давать мне это сладостное удовольствие; по поводу того, что вы на меня напрасно надулись, то я это забыла и вас извиняю, подобно нашему дорогому моралисту, к которому мы должны пойти когда-нибудь, когда он будет читать нам проповедь. Я была также рада найти поддержку с вашей стороны в моих действиях, которые я предприняла в отношении моего отца. Успех не всегда должен зависеть от факта, вы это, конечно, понимаете как мой дорогой брат; этого, вместе с решением о моём доверии, мне достаточно. Прощайте, мой дорогой брат, любите меня и верьте, что вы всегда найдёте во мне верного друга и сестру.

Княгиня Дашкова»⁹.

Михалково – деревня князей Дашковых, расположенная в семи верстах к северу от Москвы.

(1765)

«Москва. 10 июня.

Мой дорогой брат.

По возвращении из небольшого путешествия, которое я совершила в одно из моих имений, я получила ваше последнее письмо с удовлетворением, которое я испытываю всегда, получая от вас дорогие мне новости. Я думаю, что вы уже получили мои через мадам Франс, гувернантку моей дочери. К этому я добавлю только, что не чувствую себя хорошо и что приступы ипохондрии мучают меня постоянно. Единственное моё утешение теперь видеть, что мои дети поправляются мало помалу и начинают преодолевать слабость нервов, которая доводила их до истощения. Вот, мой дорогой друг, что я хотела вам сказать, что меня волнует больше всего; так как в остальном я веду жизнь настолько однообразную и спокойную, что не нахожу ничего примечательного в её течении. У меня есть друзья, в обществе которых мне очень спокойно и приятно, что защищает меня от этой чёрной меланхолии, которая после смерти князя овладела так жестоко моим разумом.

Прощайте, мой дорогой друг и брат, будьте здоровы и счастливы для счастья вашего верного друга и сестры.

Кн. Дашкова

P.S. Мои дети кланяются вам; малышка А. хотела написать вам здесь, но я ей сказала, что это было бы невежливо, и что она должна написать отдельное письмо.

Таким образом, в первый раз вы получите вместе с моими новостями письмо от неё и даже собственноручно ею писанное, так как я ей всегда позволяю писать самой и по-своему. – Прощайте, мой дорогой друг, ещё раз.

(Адрес: м-ру. Графу Воронцову, министру Императорского Двора России в Гааге)»¹⁰.

(1767)

«Москва. 19 сентября.

Так как я совсем не уверена в вашем возвращении, я отправляю это с оказией, чтобы попросить вас сообщить мне новости о вашем драгоценном здоровье и узнать дали ли вам желаемый эффект воды, которые вы собирались принять. Я не имею, мой дорогой брат, ничего интересного сообщить вам; здесь нет ничего нового, кроме прибытия четырёх делегатов или депутатов конфедерации Польши, которые имели вчера публичную аудиенцию Её Величества. Они, должно быть, были очень удивлены, найдя здесь лето в середине сентября; ещё позавчера у нас был гром и молнии, и погода так прекрасна и так сухо, что я охотно поверила бы, что мы перенеслись в другое полушарие. Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы и не забывайте совсем вашего верного друга и сестру.

Кн. Дашкова

P.S. Я прилагаю письмо моей дочери; простите ей её каракули, как ребёнку семи лет»¹¹.

«Июня 17 дня. С. Троицкое.

Вручатель сего, племянник наш Дохтуров может тебе, мой друг, сказать, что он меня оставил в изрядном состоянии здоровья. Я за лишнее считаю тебя просить об нём, потому что ты сам любишь добро делать и разумеешь должность свойственническую, а только тебе скажу, что мне глядеть на него и стыдно, и жал-

ко. При сем прилагаю письмо, которое прошу svoеручно отдать D'Assebourg. Когда вы увидите г. Гуннинга, английского министра, прошу вас, поклонитесь от меня ему и спросите, послал ли он уже герцогине Nortumberland портрет Петра I, который я ей передала, и сообщите мне его ответ. Скажите также, прошу вас, министру Дании, что я попросила вас напомнить ему о книгах, которые он обещал мне достать. Прощайте, мой дорогой брат, у меня нет времени продолжать дальше, мои дети целуют ваши руки, преданная вам на всю жизнь, ваш верный друг кн. Д.»¹².

Данное письмо интересно тем, что здесь упоминается Дохтуров как «наш племянник». Можно предположить, что речь идёт о знаменитом впоследствии герое Отечественной войны 1812 г., генерале от инфантерии с 1810 г. Дмитрие Сергеевиче Дохтурове (1756–1816).

«10 марта.

Я получила, мой дорогой друг, ваше последнее письмо и передала вашему управляющему приложение к нему; что касается пункта о бриллиантах моей сестры, она объяснит вам всё сама. Говоря вам, как я была удивлена, что вы не получили эти бумаги, я не могла предвидеть историю, существующую теперь между вами и моим отцом; но понимала необходимый порядок в делах такого сорта. Вскоре я откажусь письменно, так как вижу, что не умею объяснить себе этого: таков и случай визави с вами в моих отношениях с мадемуазель Каменской. В то время как моё поведение подчёркнуто терпеливо и деликатно, вы меня осуждаете не только своим визитом к ней, но вы достаточно ясно высказывались и утверждаете, что моя вспыльчивость – причина нашей ссоры, о чём я узнала с большим огорчением. Знайте же, однако, что ни вы, ни кто на свете, не смог бы так долго выносить все публичные оскорбления, которые я претерпеваю от неё и её семьи, что иссушает моё чувствительное сердце больше, чем любое другое.

Мистер Кречетников сказал мне, что вы хотели бы отправиться в Польшу этим летом; я надеюсь, что вы не сделаете этого, и льщу себя надеждой, что, зная мою нежность к вам, вы напротив приедете в Новгород на встречу со мной...

Комиссариат отказал в деньгах чиновнику, которого мой брат послал за покупками различных товаров для его полка; я дала ему

650 р. Скажите мне, прошу вас, есть ли у вас новости от моего брата, и знает ли он о ваших настоящих проблемах? Я не хвалю мой загородный дом, так как я остановлюсь там по прибытии»¹³.

В конце этого письма есть приписка рукой Марии Романовны, сестры Е.Р. Дашковой. Она пишет брату о своих затратах, заложенных драгоценностях и векселях, видимо, в надежде на его помощь.

Пелагея Федотовна Каменская – бывшая подруга Е.Р. Дашковой, сопровождавшая её в первой заграничной поездке. Либо ещё за границей, либо сразу по возвращении у них возникла ссора, возможно, по причине ревности Пелагеи Федотовны к Морган и Гамильтон – новым английским подругам Екатерины Романовны. Д. Дидро был свидетелем взбалмошных выходов П.Ф. Каменской и терпеливого, выдержанного отношения к ней княгини.

Письмо это, вероятнее всего, было написано после первой заграничной поездки княгини, то есть, в начале 1770-х гг.

«Троицкое. 29 мая.

Ваше последнее письмо, дорогой друг, разбудило самые противоречивые чувства в душе вашей нежной сестры. Тем не менее, остаётся уверенность в вашем стабильном состоянии. Будьте тверды и непреклонны вы сами, и *Мурино*, и все остальные поступки нашего отца окажутся ничтожными. Вы – выше всего этого, и потому ваши знакомые воспринимают это так же. Он не пишет мне больше, и я тоже не расположена писать ему. Одному Богу известно, как он воспримет меня, но мною твёрдо решено, что ничто не оторвёт меня от вас, и я не опущусь никогда до выражения каких-либо других чувств и интересов, кроме как ваших.

М-ме В. пробыла здесь 9 дней, она казалась довольной своим пребыванием и тем, что она сделала, но я подозреваю, что жизнь у меня слишком однообразна, чтобы быть в её вкусе. Перед её прибытием сюда в её доме произошёл скандал: игроки смошенничали с краплёными картами, и публика сочла и её участницей этого. Я с ней говорила об этом, и она поклялась мне в неучастии в выигрыше, как о ней говорили.

Я уверяю вас, мой дорогой брат, что я опасаясь больше, чем бесчестия, того, что нам предстоит ещё вынести; но пусть это останется между нами. Особенно не говорите об этом ничего Полянской. Уверяют, что она в очень близких отношениях с Каменской;

я им желаю радости и процветания, но так как я не хочу ни видеть, ни общаться с м-ль Каменской, мне очень огорчительно узнать от вас, которого я уважаю и люблю всей душой, о какой-то связи с ней.

Поверьте, что указанное выше моё решение принято и будет выполнено очень жёстко. Я рассчитываю уехать через 12 дней отсюда в Москву, где я остановлюсь только на 3 недели, после чего приеду к вам, надеюсь, что вы встретите меня хотя бы до второго поста. Это очень важно для меня, так как я не хочу никого видеть раньше вас. Прощайте, мой дорогой друг, мои дети целуют ваши руки»¹⁴.

По всей видимости, это письмо написано после возвращения Е.Р. Дашковой из первой заграничной поездки, так как именно в этот период у княгини с отцом были натянутые отношения, как сказано в её записках. Орловы, по наущению некоей госпожи N, внушили графу Роману Илларионовичу, что Екатерина Романовна не его дочь, а графа Н.И. Панина, и что она этим очень гордится. Княгиня сообщает, что отец долго не хотел видеть её.

Какие разногласия в это время были у графа Романа Илларионовича с сыном Александром, нам неизвестно.

M-me В. – сестра Е.Р. Дашковой Мария Романовна Бутурлина (1738–1779). Муж её, граф Пётр Александрович Бутурлин (1734–1787), был известным игроком с не самой лучшей репутацией. Мария Романовна постоянно нуждалась в деньгах.

Елизавета Романовна Полянская – вторая сестра Дашковой, бывшая фаворитка Петра III (1739–1792).

Екатерина Романовна пишет брату, что приедет в Андреевское ко второму посту, то есть, к Успенскому (по старому стилю, к 1 августа), так как первый, Петровский, заканчивался 28 июня (по старому стилю).

(1782)

«Рим. 30 января.

Я только что получила, мой дорогой брат, ваше последнее письмо через Бакунина, за которое благодарю вас от всего сердца. Что касается денег, которые вы предлагаете мне, я вас прошу только держать их наготове к моему прибытию в Петербург. Я думаю, что они не понадобятся мне раньше, так как двух тысяч рублей, которые вы мне доставили, и денег, которые Уньковский, позволив себе, наконец, смягчиться, мне послал, я надеюсь, хватит, чтобы приехать в Петербург. Я буду особенно восхищена увидеть племянника, если его отец и мать чувствуют себя хорошо. Я жду с нетерпением мо-

мента, когда воссоединюсь с вами, и если я смогу быть полезна хоть как-то моей сестре и её детям (граф Брюс, которого я убедила рассказать мне подробно о том, о чём контр-адмирал мне только намекал, разбил моё сердце; я плакала, и она не выходит у меня из головы), я буду считать себя счастливой. Обнимите её за меня и скажите ей, что она и её дети найдут во мне заботливого друга. Мои передают вам поклон, они чувствуют себя хорошо и ведут себя тоже хорошо. Мой сын выгравировал один вид окрестностей Неаполя и один Рима, которые я вам перешлю, если будет okazия. Он был у Папы, который после говорил о нём с похвалой. Я рассчитываю увидеть Его Святейшество в один из этих дней, так как он один стоит всех римлян вместе взятых.

Прибытие Их Высочеств пока не определено. Никто не знает, останутся они здесь на час, или на день. Я очень хотела бы съездить на поклон хоть на мгновение, но не знаю, буду ли иметь счастье “перехватить” их на лету.

Вы мне доставили большое удовольствие, проинформировав о месте, которое получил мой кузен Гагарин. Он заслуживал бы быть использованным по-другому, чем быть камер-юнкером. Он был моим учеником с восьми лет, и я люблю его как моего ребёнка, и, зная его, знаю, чего он заслуживает.

Прощайте, мой дорогой брат. Тысяча приветов от меня моему брату и моей прекрасной сестре, всегда ваша кн. Дашкова.

Одобряете ли вы, мой дорогой друг, что я не ответила на милостивое письмо Её Величества? Я полагаю, что, выразив мою признательность через мистера Безбородко, я была бы более скромна и более уважительна; и, если этого не увидят, я вас прошу объяснить мою мотивацию»¹⁵.

Бакунин – возможно, речь идёт о муже двоюродной сестры Е.Р. Дашковой Анны Сергеевны Татищевой, Петре Васильевиче (меньшом), либо об одном из его сыновей, Павле или Модесте.

Уньковский и Уньковская упоминаются в других письмах как родственники Воронцовых.

Е.Р. Дашкова пишет о каком-то несчастье, постигшем её сестру Елизавету Романовну Полянскую.

Племянник – младенец Михаил Семёнович Воронцов.

Граф Яков Александрович Брюс – (1732–1791), генерал-аншеф, губернатор Москвы.

Кузен Гагарин – предположительно, Иван Петрович, родственник княгини по мужу. Его Екатерина Романовна назначила вместе с братом А.Р. Воронцовым своим первым душеприказчиком.

«Троицкое, 16 мая.

...Не можно ли хоть двух мереньев мне велеть пригнать? У меня парадные лошади есть, а ямских нету.

Призови, батюшка, человека моего, что на даче живёт, и прикажи ему луга тамошние отдать в наймы. Попроси, мой друг, у майора Маслова, чтобы Уньковскому до Сентября отсрочили. Он здесь со мною живёт, и мне очень приятно будет, чтоб его подоле здесь иметь».

(рукой Уньковского. – Е.Ф.)

«Я не должен был бы писать этому ленивцу графу Воронцову, но я не смог бы отказать себе в удовольствии каждый раз, когда представляется случай, снова выразить чувства уважения и дружбы, которые питает к вам моё сердце, может быть вопреки вам».

(рукой Е.Р. Дашковой. – Е.Ф.)

«Прощайте, мой дорогой. Чтобы наказать вас, я вам скажу, что мы развлекаемся здесь по-царски. Делайте то же, если можете. Тысяча поклонов голубушке моей Елисавете Романовне, Александру Ивановичу и их деткам»¹⁶.

Дату письма определить затруднительно. Скорее всего, это 1780-е гг. Княгиня на лето брала отпуск в Академиях и уезжала в свои имения.

Указанная здесь дача – Кирианово под Петербургом.

Письмо адресовано в Петербург, так как сестра Е.Р. Дашковой Елизавета Романовна Полянская с семьёй постоянно жила там.

(1793)

«Кирианово, 23 мая.

Вы меня спрашиваете, мой дорогой друг, в вашем последнем письме о новостях от моей дочери. Я не сообщала о ней, так как не имела их совсем. Вчера я получила их наконец: она мне сообщила, что как только её экипаж будет отремонтирован, она покинет Вену, что я должна адресовать моё письмо в Киев, что она собирается присоединиться ко мне в одном из моих имений, так как ни в Петербурге, ни в Москве жить не сможет, но, поскольку будет в России, то станет жить в деревне. Я ей только что ответила на это, что её

доводы очень серьёзны и глубоко прочувствованы сравнительно с её поведением до нашего примирения и после него; и, полагая, что она хочет вновь увидеть меня, приехав сюда, она ускорит наше воссоединение в 8 или 9 месяце; что, живя в моём доме, она сможет вести такой образ жизни, какой захочет, а в Петербурге быть столько, сколько захочет; что мои дела я должна закончить пока я здесь. Поэтому я могу тронуться с места только зимой и отправить сама всё, что не хочу бросить здесь. Одним словом, если она захочет прислушаться к моему мнению, она приедет ко мне в августе, проведя 15 или 20 дней со своим братом, который даст ей сопровождающего и денег, чтобы добраться до Круглого (так как я предполагаю, что она предпочтёт миновать Москву); что в Круглом она сможет ещё отдохнуть и получить от моего управляющего деньги, необходимые, чтобы прибыть сюда; что, кроме всего прочего, необходимо, чтобы она сама лично приняла решение и уладила всё со своим мужем: хочет, или больше не хочет она жить с ним.

Ну, думаю, довольно об этом. Вы узнаете, что Кречетников умер. Говорят, что он был послан разыскать Тутолмина, чтобы доверить ему этот пост, и что Державин от этого в ярости, но я не гарантирую достоверность этой последней новости, так как я почти никого не вижу, и это Чихачёв сказал мне её...

Вот, мой дорогой друг, все мои новости. Мисс Бейтс очень больна уже три дня, и я этим сильно обеспокоена. Я не видела Татищева уже 9 дней, так как он был на службе в Царском и Павловске. Графиня Эстергази поселилась в деревне князя Потёмкина возле Царского Села и, говорят, что все вечера она в свете. Я стараюсь заполнить свои письма новостями, чтобы хоть на мгновение развлечь или занять вас, и хотела бы для этого знать побольше, но опасаясь, что вы находите мои письма абсолютно бесполезными. Вот вам бедный Мочениго»¹⁷.

Письмо это послано Александру Романовичу в Андреевское, где он жил с февраля 1793 г., покинув службу в Петербурге.

Дочь княгини Анастасия Михайловна лечилась за границей. Сын Павел Михайлович служил в Киеве. К нему сестра должна была захватить, прежде чем отправляться в Круглое – имение Е.Р. Дашковой.

Мисс Бейтс. – англичанка, экономка Екатерины Романовны.

Дмитрий Павлович Татищев – любимый племянник Дашковой, дипломат.

Дмитрий Мочениго – генеральный морской комиссар в Италии в 1782–1783 гг. По распоряжению Екатерины II оказал помощь в переселении в Новороссию греков с острова Менорка, захваченного испанцами. Во время первой русско-турецкой войны Д. Мочениго за свой счёт снабжал русский флот картами морей, провиантом и нужной информацией. Создал центр по обслуживанию и помощи русским эскадрам. Е.Р. Дашкова познакомилась с ним в Европе. Д. Мочениго любезно уступил ей и всем её сопровождавшим свои лучшие комнаты.

(Кирианово)

«Понедельник, 6 июня. 1793.

Я благодарю вас, мой дорогой друг, за ваше последнее письмо и принимаю с удовольствием ваше предложение об обмене экипажа на лошадей Троицкого, я также написала графу Санти прибыть в Троицкое и выбрать шесть самых красивых лошадей для ямской упряжки и послать их в ваш дом в Москву. Так что надо, мой дорогой друг, чтобы вы приказали получить их и отправить вам. Скажите, я вас прошу, Николаю Михайловичу Хвостову, *что вчера его сын с племянниками моими, выступя в 7 часу по утру в поход, пришли благополучно под присмотром ко мне на дачу; что сын его ни мало не устал, что они здесь обедали и день проводили, и потом я их в карете отправила домой; что всякий месяц они такие же походы иметь будут, дабы приучить их к настоящим. Сын его здоров и учится хорошо.* Маленький Воронцов и Санти начали заниматься в манеже кадетского корпуса, и этой осенью и в течение всей зимы у них будет учитель танцев. Этот последний будет стоить и вам, и мне 25 рублей каждому, и тогда, я думаю, эти господа получат лучшее образование в России.

Граф Анхальт был у меня и привёл ко мне младшего Кочетова, он мне сказал, что не получал вашего письма относительно Нарышкина. *Прасковья Федор.* уехала вчера, она хочет остановиться на 2–3 дня в деревне у господина Львова; она не захотела остаться до вчерашнего вечера, чтобы я получила отпуск от неё, как я ей сказала, потому что она хотела смягчить Полянской горечь прощания. Они очень плохо поступили с Ариной Ивановной; они ей ничего не вернули из столовой посуды моего дяди, которая должна была быть поделена...

Арина Ивановна рассчитывает уехать также через 15 дней в Москву. Говорят, что граф Безбородко, который объявил о своём отъезде в Москву, не уезжает пока. Я хотела бы передать шкатулку с картиной моего здешнего дома для вас либо с Прасковьей Фед., либо с ним, теперь я не знаю, кто вам её передаст. Я опасаюсь, как бы мой брат не был обвинён в нарушении английских законов, не предусматривавших заключение графа д'Артуа в тюрьму за долги. Гольц, который был у меня, считает, что, кроме долгов, есть другие причины у английского министерства против прибытия графа, и он считает, что мой брат выберется из этого дела, не впутывая ещё и мою родину в ответственность за эти огромные долги...

Мария Павловна умерла от приступа гнева и несварения желудка, и никто не был ни на погребении, ни на выносе, кроме Алексея Кирилловича Загряжского, посла Швеции, Новосильцова и Саблукова. Никто из Нарышкиных, старых и молодых, не пришёл за два дня. Этими днями я получила письмо от графа Андре, который извещает меня, что моя дочь начала отрицать, что она в Вене, и что затем Хаук пришёл сказать ей, что Разумовский не имел ни наличных денег, ни кредита, он просил меня послать ей отсюда 800 дукатов, что я и сделала, переслав с прошлой почтой 4000 руб. в Gailey, консулу; таким образом, приблизительно только через три недели она покинет Вену, и необходимо, чтобы я ей написала и повторила всё то, что указывала в письме, адресованном в Киев. Я теряю надежду увидеть конец всему этому. Когда она уже придет! Мисс Бейтс вам кланяется; она полностью восстановилась от последнего недомогания. Ветров имеет основание превозносить Кирианово: вы не поверите, как много сделано здесь с прошлой осени; без пристрастия можно сказать, что оно становится жемчужиной. Тысяча поклонов от меня мистериу Ла Фермьеру. Не забудьте поблагодарить его за мебель для моего дома на Никитской, где у меня нет ни стула, ни стола; так как я рассчитываю быть там в марте, необходимо, чтобы ваши работники нашли время между делом сделать всё, что нужно для вас. Прощайте, мой дорогой друг, обнимаю вас и мечтаю о счастье сделать это в действительности»¹⁸.

Маленький Воронцов – Евграф Алексеевич Воронцов, воспитанник Екатерины Романовны и её троюродный племянник, которому княгиня помогала всю жизнь.

Сантис – либо племянник княгини, граф Александр Львович Сантис, управляющий волоколамским имением Е.Р. Дашковой Муриково, либо его брат, граф Пётр Львович, её будущий душеприказчик.

Граф Анхальт – Ангальт Фридрих (Фёдор Фёдорович), генерал-адъютант. Младший Кочетов – один из сыновей двоюродной сестры Дашковой Натальи Петровны Кочетовой.

Прасковья Фёдоровна (урождённая Квашнина-Самарина) – жена двоюродного брата Е.Р. Дашковой Артемия Ивановича Воронцова.

Мария Павловна – Нарышкина, урождённая Бланк (1730 – 28 мая 1793).

Анна Александровна Полянская – племянница княгини, дочь её сестры Елизаветы Романовны, умершей в 1792 г.

Арина Ивановна – Ирина Ивановна (урождённая Измайлова), вдова двоюродного брата Е.Р. Дашковой Иллариона Ивановича Воронцова.

Из текста письма можно понять, что Прасковья Фёдоровна и Полянская не вернули Арине Ивановне причитающуюся ей по наследству от покойного свёкра – графа Ивана Илларионовича Воронцова – столовую посуду.

На шкатулке, которую Екатерина Романовна хотела передать А.Р. Воронцову, изображена её дача Кирианово.

Франц Ла Фермьер – поэт, друг Александра Романовича, живший у него в Андреевском.

«8 мая 1793

Воскресенье, вечер.

Наконец церемония крещения состоится завтра; послезавтра помолвка, и в среду поздравления и целование рук. Таким образом, в пятницу я надеюсь переместиться в Кирианово. Ваше последнее письмо с приложением Бутурлина доставило мне большое удовольствие, т.к. оно подтверждает восстановление вашего здоровья, которое может одержать победу только при том образе жизни, который вы ведёте. Что касается меня, я страдаю от воспаления бронхов и насморка, которые я заработала в Таврическом дворце в прошедшую среду. Поэтому я избежала визита в Мраморный дворец сегодня, так как он более сырой, чем все другие. Императрица находится там по возвращении вчера. Впереди у меня три дня “барщины” (неприятной тяжёлой повинности). Пока ещё нет новостей от графа д’Артуа. Настойчиво говорят, что собираются прислать 15 тысяч человек для взаимодействия с Англичанами, и что они будут под началом моего брата.

Я не люблю сообщать вам такого рода новости, так как я не знаю вовсе их источника; я узнала их слишком поздно и, предполагаю к тому же, что вы осведомлены больше меня.

Я почти не вижу Артемия Ивановича и его жену. Он был здесь 15 дней назад, чтобы попросить у меня денег: он вечный должник всего света. Но, когда я его увижу, я скажу ему, что прежде он говорил Зубову, и потом напому в разговоре, как я отметила это в моём последнем письме к вам.

Я только что получила письмо от Сенюши, в котором он очень эмоционально выражает своё удовлетворение от знакомства с вами уже в Матренино. Я бы хотела быть там тоже. Если буду жива, буду там обязательно будущим летом. Опекун подписал бумагу, которую Терский составил для меня на предмет *записи моей дочери*, и она уже представлена в Сенат. Надо видеть какой эффект она произведёт! Я попросила Щербачёва и Маврина о содействии, и они мне его пообещали.

Что касается моего дела в Сенате, по поводу конфискованной земли моей прежней экономии в пользу Короны, я не знаю, как его начать, и, всё-таки 2 тысячи рублей я теряю.

Если сын Анны Ивановны приезжает сюда, вы можете считать, что я приму живое участие в нём и представлю графу Анхальту. Относительно него: рискую, что вы обвините меня в тщеславии, что я послала вам стихи, которые он мне передал, когда я посетила кадетский корпус.

Прощайте, мой дорогой друг, на этот вечер. Завтра после полудня я добавлю несколько строк и, может быть, несколько новостей»¹⁹.

В начале письма идёт речь о помолвке великого князя Александра Павловича с Елизаветой Алексеевной.

Артемий Иванович Воронцов – двоюродный брат Е.Р. Дашковой.

Сенюша – Семён Романович Воронцов.

Иван Васильевич, сын Анны Ивановны Нарышкиной, урождённой Воронцовой, кузины княгини, обучался в Кадетском корпусе.

В это письмо, имеющее продолжение, вложен напечатанный приложенный листок с акростихом на французском языке, восхваляющим достоинства княгини. Заглавные буквы стиха представляют её имя.

(Кирианово. 1793)

«13 июня

Моя кузина Арина Ивановна отправится завтра в Москву, и она взялась переслать от меня шкатулку, которую, я прошу вас, мой друг, оказать мне честь принять. После вашего последнего письма, которое я получила вчера, я написала записку гр. Потоцкой с просьбой дать мне окончательный ответ о покупке дома, но она уехала в Царское Село, откуда она вернётся, как говорят её люди, только в среду, таким образом, в следующий понедельник я вам сообщу её ответ. Вы просите меня поклониться от вас вице-канцлеру и рассказать вам новости о князе Долгоруком. Знаете ли вы, мой друг, что я не вижу абсолютно никого, я нигде не была, кроме суббот в Российской Академии, и я не увижу гр. Анхальта, если только он ни приедет ко мне. Он не получил ещё вашего письма спустя 6 дней после того, как младший Нарышкин был помещён в свой пансион: вот вам подтверждение пунктуальности Артемия Иван. Иван Алексеевич кланяется вам так же, как и мисс Бейтс. Вчера я видела Саблукова, но Бакунин и его жена оставались дома, чтобы подготовиться к их путешествию в небольшое имение возле Ораниенбаума, где его тесть и вся семья проведут несколько дней с ним. Я его считаю достаточно разумным, чтобы содействовать своему продвижению, по крайней мере, так я поняла из его объяснений со мной, когда он был здесь. Тяжба Любомирского с наследниками князя Потёмкина находится в суде совести... Тутолмин не приехал ещё. Он распространялся в городе, что патриоты одержали значительную победу над прусскими войсками и остались полными хозяевами поля битвы. Но новость, в которой никто не сомневается, это та, что мр. Андерсон привёз (прибыв через 15 дней из Лондона, сам её привёз) и подтвердил в газете “Дворцовый Альманах”, что англичане захватили Табаго. Итак, весь мой багаж новостей опустошён. Ко мне пришли 15 рабочих моего сына в их сельский праздничный день помочь мне убрать сено, я с вами прощаюсь, чтобы пойти в мои луга наблюдать за их работой»²⁰.

Артемий Иванович Воронцов, родной брат Анны Ивановны Нарышкиной, видимо, принимал участие в устройстве своего племянника в пансион.

Иван Алексеевич Воронцов, троюродный брат Е.Р. Дашковой, дипломат. Был послом в Лондоне в 1753–1762 гг., то есть, ещё до Александра Романовича. Сопровождал Екатерину Романовну в качестве посла в Голландии в её первой заграничной поездке.

Николай Александрович Саблуков – брат Екатерины Александровны, жены племянника Е.Р. Дашковой Павла Петровича Бакунина. Известный автор записок о времени Павла I.

Дальше речь о П.П.Бакунине и его «продвижении». Вероятно, имеется в виду предложенное ему княгиней место директора Академии наук, которое он и занял в 1794 г. Интересно, что своих детей Павел Петрович назовёт Екатериной (1795 г.р.), Александром (1797 г.р.) и Семёном – возможно, в честь своей тётки и её братьев. Его сын Александр, как известно, станет товарищем А.С. Пушкина в лицее, а дочь Екатерина – первой любовью поэта.

Тобаго – остров в Карибском море, которым поочерёдно владели Великобритания, Франция, Голландия и др.

(1793)

«29 августа

Вице- канцлер, у которого я ужинала в субботу, велел вам кланяться тысячу раз; вчера я обедала во дворце Т. Николай Иванович Салтыков, которого я не видела всё лето, сказал мне, говоря о вас, – это потеря для государства – ваше отсутствие. Ещё вице-канцлер рассказал мне, что Марков говорил ему, что я задавала детские вопросы, бесполезные и неуместные на тему Альманаха, и что он ему продиктовал ответ, который он должен был мне дать; но вице-канцлер сказал ему, что он должен дать его в письменном виде, или ещё лучше послать проект ответа на утверждение Императрице, так как, сказал он: *я от него повелений не принимаю, причём никто так часто не отклёпывается от своих слов, как он.* Этот ответ рекомендует не менять ничего и не говорить о регенте.

Поздравляю, батюшка, с завтрашним днём. Я оной проведу дома, не поеду во дворец и никуда с прискорбным восчувствованием, что оной не с тобой проведу.

Я получила письмо, ещё более холодное и странное, чем то, что вы видели, от моей дочери и от Ноак из Варшавы, которым она просит у меня ещё 300 дукатов. Я собираюсь отослать это моему сыну с наказом, чтобы он послал ей денег, так как у меня их нет и это факт: ураган сорвал у меня крышу и разрушил дом, мельница и де-

ревня сожжены в моих могилёвских имениях – всё это значительно опустошило мой кошелёк»²¹.

Вице-канцлер – Иван Андреевич Остерман.

Дворец Т. – Таврический дворец.

Николай Иванович Салтыков (1736–1816) – генерал-фельдмаршал, главный воспитатель великих князей Александра и Константина

Альманах – Академический календарь.

Е.Р. Дашкова пишет о завтрашнем дне, то есть о 30 августа. В этот день (по новому стилю 12 сентября) православная церковь празднует «Перенесение мощей благоверного князя Александра Невского», которого Александр Романович считал, видимо, своим покровителем.

Могилёвские имения – село Круглое и ещё 3 села и 19 деревень. Это имение давало княгине основную прибыль

(1793)

«Вчера в Эрмитаже должны были быть только придворные дамы; даже фрейлины были исключены, так как gr.-d. Elisabeth должна была петь также, как Радзивилл. Вместо этого там было столько кавалеров, и мадемуазель Протасова привела туда своих трёх племянниц, с тем, чтобы мы слушали пение только итальянцев; но императорская семья, Радзивилл, Зубов и Браницкий один за другим скрылись в другой комнате, и дверь была закрыта, так что мы не услышали ни звука. Марков же, не принадлежащий к узкому кругу, был там тоже, в связи с чем я поздравила его. Он мне сказал: “Но что вы хотите этим сказать? Я всегда могу прийти, когда хочу, потому, что я вхожу даже когда она в постели”. Однако он прятался за всеми и, составив мне партию, не захотел быть за столом на виду, и мы прятались за спины. Я говорю вам об этом, чтобы ярче изобразить его поведение. Говоря со мной о вас, он сказал, что вёл себя с вами как человек сильно опоздавший со своим визитом, который стыдится прийти и не приходит вовсе. “Но ведь это, отвечала я, может быть полным разрывом; я надеюсь, что это не так!”. “В душе я очень расположен к вашему брату, сказал он, в один прекрасный день я напишу ему длинное письмо”. Я не помню, положила ли я в пакет маленькую картинку Академии, которую я сделала, но так как вы о ней не упоминаете, я приложу сюда ещё один экземпляр»²².

Картинка Академии – свидетельство того, что Е.Р. Дашкова была ещё и художником, о чём позже писала Марта Вильмот.

(1793)

«Суббота, 5 октября.

Вы меня спрашиваете, мой дорогой друг, в вашем последнем письме, получили ли продолжение нападки м-ра Мягкова на гр. Безбородко. Я не имею об этом понятия, не считая того, что на балу гр. Николай Салтыков обратил моё внимание на то, что они разговаривают вместе; но это ничего не значит – сказала я ему. Извините, сказал он, но они не общались и не здоровались. Вот всё, что я об этом знаю. Князь Nassau приехал четыре дня назад, но я его не видела, так как с воскресенья я не выходила совсем: мне необходимо было делать кровопускание, и только сегодня я вышла, чтобы идти в Русскую Академию. Я обедала у Модеста и вот по возвращении домой пишу вам. Погода и дороги так ужасны, что меня несколько не удивляет отсутствие вашего письма. Я хочу думать, что у вас всё в порядке и вы более спокойны и более довольны, чем ваша Дашкова.

Мад. Щербинина очень огорчает меня, вынуждая остаться здесь. Сенат не заслушал ещё доклад опекуна, и я опасаюсь, что это продлится долго. Я написала моему сыну, чтобы он приехал сюда в декабре, но один; я льщу себя надеждой, что он не посмеет привезти с собой свою жену и, так как это всего на 19 дней, жертва, о которой я прошу, не так уж велика. Я надеюсь, что его сестра уже в Киеве; она может там дожидаться его возвращения отсюда... Мисс Бейтс, Татищев, графиня Арина Ивановна и Санти кланяются вам. Прощайте, мой дорогой друг. Передайте мои наилучшие пожелания мистеру Ла Фермьеру»²³.

Модест Петрович Бакунин – сын Петра Васильевича и двоюродной сестры Е.Р. Дашковой Анны Сергеевны, урождённой Татищевой. Дочь княгини Анастасия Михайловна Щербинина уехала за границу, оставив матери решение своих дел с секвестрированным имением.

(1794)

«Четверг, утром

На большом обеде у Браницких Львов начал развлекать гостей за столом, рассказывая, что во время пребывания Репнина послом в Константинополе, когда он играл вместе с Андреем Разумовским сонату, Репнин им сказал: “Вы играете так, как лесоруб рубит топором, без всякого вкуса, как если бы вы играли французские мотивчи-

ки”. Господин Марков набросился на него беспричинно, говоря: “*Все лжешь, тебя тут не было*”. Львов отвечал: “*Как не было, точно я был*”. Марков: “*Ты так привык лгать, что и в безделицах правды говорить не можешь*”. Львов: “**Зачем говорить грубости?**”. Разговор перешёл на французский, очевидно для того, чтобы Cobentzel не пропустил ни одного слова. Марков: “Когда я говорю вам, что вы лжец, вы от этого ничего не теряете. Это я теряю оттого, что общаюсь с таким ничтожеством, как вы, которого весь свет считает лжецом, и которого ничем нельзя унижить”. После того, как эти люди обменялись такими оскорблениями, все опустили глаза, чувствуя себя униженными таким тоном Маркова. Через шесть дней они встретились на обеде у Анны Никитичны. Львов там атаковал Маркова грязными ругательствами и оскорблениями. При этом присутствовал Самойлов. После обеда всё началось сначала. Короче, Марков покинул общество и, не имея кареты, ушёл пешком. Самойлов его догнал и увёз в своей карете к Платону Александровичу, где он имел низость сказать, что Львов был пьян. Зубов послал искать Львова, намылил ему голову и строго поговорил с ним. Однако, общественное мнение на стороне Львова и все довольны тем, что он сказал Маркову...»²⁴.

Это письмо следует за предыдущим, написанным накануне и обозначенным «В среду, на Пасху», которое целиком приведено нами в статье «Дети и воспитанники Дашковой» в Воронцовском сборнике за 2010 г.

(Весна 1794)

«Я не собираюсь никуда. Я обеспокоена, страдаю от спазм и охраняю дом. Я не переехала на дачу, не собираюсь там жить, так как я сдала её Левашову. В настоящее время я жду вашего позволения поселиться в нижнем этаже вашего дома на Фонтанке: это и будет моей дачей. Видит Бог, я не останусь там надолго. Мистер Марков захламил каретный сарай старой коляской, старыми колёсами и т.п. – превратил в мебельный склад старья, и я попросила вытащить и забрать всё это. Я взяла на себя эти хлопоты ещё до вашего позволения поселиться у вас, так как я сочла, что это необходимо, чтобы освободить ваш дом и ваших домашних. Я не была при дворе с 21. Новосильцов был у меня вчера и сказал мне, что подал представление в Военную коллегия на Глебова. Он займёт вакантное место нашего маленького Воронцова, который отправится в армию, в корпус

Строльмана в Сибирь. Он и граф Санти по дороге в Сибирь будут иметь счастье видеть вас. Это небольшой крюк по пути на один день в Матренино, который они предполагают сделать. Я довольна Санти: это не гений, но абсолютно честный малый, послушный и признательный. Я опасуюсь, что лишусь возможности продать свой дом. Губернаторские власти хотели приостановить купчую, но Овсов сумел повернуть дело так, что оно закончилось в пользу продажи.

Посочувствуйте мне, дорогой друг по поводу этих бесконечных хлопот и дразг. Моё нетерпение и желание покинуть Петербург увеличивается с каждым днём, я уже не знаю как выносить всё это...»²⁵.

Маленький Воронцов – Евграф Алексеевич, см. выше.

Санти – граф Пётр Львович, племянник Е.Р. Дашковой, см. выше.

«4 августа.

Не далее как вчера я получила, мой дорогой друг, с почтой два ваших письма одновременно, благодарю вас за них.

Я очень рада узнать о выздоровлении г. Ла Фермера и за него, и за вас. Когда он окажется за городом, его силы быстро восстановятся на чистом воздухе. То, что вы сообщаете мне о частичной отставке банкира, только подтверждает ничтожное мнение, которое я всегда имела о Завадовском, – этот поступок оставляет низкое впечатление, так как он покидает дело только тогда, когда уже не может ничего выиграть, и жертвует тем, что было под его началом. Это человек без разума и без сердца. Все узнали о его спеси и его упрямстве – плодах его глупости и гордости; относительно его твёрдости это последнее дело показало очень хорошо, что он и не обладал им.

Но довольно по этому поводу. Я всегда сожалела, что вы доверяли вашему другу, и что публика вас объединяла с ним. Его поведение на Украине и в Белоруссии по отношению к своим соседям – позорно, так как не было такого вида несправедливости и дьявольской изобретательности, которыми бы он не воспользовался, чтобы грабить своих соседей...

У меня воспаление седалищного нерва правой ноги, и я очень страдаю. Не думайте, что я здесь заработала это мучение. Я не выходила ещё совсем из бельэтажа, так как с первого дня моего прибытия не оправилась»²⁶.

Ла Фермьер – друг Александра Романовича, который скончался летом 1796 года. Возможно, письмо брату написано именно в этом году, когда до Е.Р. Дашковой ещё не дошёл слух о смерти Лаферьера.

Пётр Васильевич Завадовский – бывший фаворит Екатерины II. В конце её царствования занимал видные посты в администрации, получил звание сенатора и члена Государственного совета, управлял Дворянским и Государственным заёмным банками. Вёл активную переписку с братьями Воронцовыми. Пользуясь служебным положением, постоянно унижал княгиню, финансовое состояние которой часто зависело от банка. Для того, чтобы лучше понять негативное отношение Екатерины Романовны к П.В. Завадовскому, приводим здесь отрывки из более раннего её письма брату. Оно без даты, но по содержанию видно, что написано в период активной работы Е.Р. Дашковой в академиях:

«Вы говорите, мой друг, что Завадовский не имел намерения оскорбить меня; пусть так. Но я уверена, что возьми я, не спросясь его какого-нибудь секретаря из Банка для преподавания арифметики моим гимназистам, и без того, чтоб последний также испросил его согласия, Сенат на моё представление сего секретаря к чину, заметил бы, что это должно исходить от его прямого начальника, а не от меня; и уж, конечно, Завадовскому не понравилось бы, что я считаю его ни во что в глазах Сената и его подчинённых.

Вы говорите, дорогой друг, что если я буду принимать всё так горячо, никогда этому не будет конца. Но могу ли я не волноваться, когда со мной обращаются презрительно и унижают меня в моём собственном ведомстве? Примите в соображение, в каком состоянии я нашла Академию, сколько мне было затруднений привести её в лучшее положение, и увидите, что, если я позволю считать меня нулём, мне нельзя будет даже добиться повиновения от моих подчинённых. С тех пор, что я в Академии, я три раза была вынуждена, например, делать выговоры Гурьеву. Он совсем не хочет работать для Академии. По милости Домашнева, он получает 600 р., а работа его не стоит и шести грошей. Он без моего разрешения преподаёт в Смольном. Не испросил он и моего позволения на принятие чина, полученного не через меня. Я и захотела дать ему почувствовать, как он виноват перед Академией, и не представила его теперь к повышению; а он, заодно с Сенатом, глумится надо мной! Впрочем,

если Гурьев так необходим Завадовскому, я его предоставлю ему всецело, исключив его из наших списков, так как не могу держать подчинённого, насмехающегося надо мною. Относительно адъюнкта Головина, несмотря на то, что он без моего разрешения даёт уроки в школах, я делаю вид, что не знаю об этом, так как он всегда выполняет свои обязанности по Академии. Ограничусь выговором ему за то, что он предпочёл получить повышение через Завадовского, а не через меня, тоже наметившую его к чину асессора, только что им полученному.

По Вашему, я слишком страстно отношусь к случившемуся со мной пустякам. Не перед Вами же мне скрытничать и надевать личину податливости, выносливости, проявляемых из подлости или из целей корыстных. Нет, повторяю Вам, друг мой, я ведь ничего не прошу нового, кроме преимуществ и удобств, коими пользовались мои предшественники, но не хочу и не могу быть поставленной ниже их. Оставили бы только меня в покое, да чтоб друзья Ваши не увеличивали оскорблений, которыми меня мучают, тогда я и перестану надоедать Вам, не добиваясь ничего другого, как возможности нести мою службу с достоинством, или же оставить её вовсе и покинуть отечество. Все со мной приключаящееся в настоящее время потому так меня огорчает и терзает моё сердце, что едва ли я проведу более 14 месяцев в России, по оставлении Академии.

Уверяю Вас, дорогой брат, что если моё настоящее положение продлится, то оно сведёт меня в могилу; мне только и остаётся, что получать новые оскорбления. Г. Завадовский, не удостоив меня сообщением о своём намерении, представил Сенату двух моих адъюнктов к повышению. Один из них взялся без моего разрешения давать уроки в Смольном или в училищах; а так как он, вот уже два года, как вернулся из экспедиции по Крыму и в Турцию и не представил Академии своего отчёта и не хочет ничего делать, я не включила его в список, кого желала повысить. Головина же я, напротив, представила в адъюнкта, во внимание того, что он, хотя тоже даёт уроки, но не пренебрегает своими занятиями в Академии. Рекомендация Завадовского оказалась действительной, и мои подчинённые получили повышение без моего участия и отзыва! Нужно ли говорить о впечатлении от такой пощёчины? В прошлом году Завадовский переманил у меня одного ученика, и его сделали титулярным совет-

ником. Судите же, легко ли мне будет удерживать при себе служащих и заставить их слушаться меня и уважать. Одним словом, я умоляю Вас положить конец моим мучениям и выяснить через Ваших друзей, очернили ли меня перед Императрицей и не желает ли она, чтоб я оставила мою службу? Оставаться в настоящем положении и ежедневно поджидать новых обид и придинок, мне невозможно, да я ничем не заслужила их. Умоляю Вас всем, что для Вас свято, заставить поскорее положить конец моим терзаниям, которые волнуют и ум и душу. Я не из таких, чтобы позволять поступать с собою так неблагородно; и если я не заслуживаю лучшего обращения против Орлова, Ржевского и Домашнева, то уж не знаю, что могу ожидать более худшего! Казалось бы, что моё происхождение, место мною занимаемое, мой пол, удивительный выбор Императрицы в моём назначении, и как я выполняла мои обязанности, всё это должно было предохранить меня от переживаемого мною; а для г-на Завадовского, полагаю, достаточно того, что я Ваша сестра, чтобы заставить его считаться со мною, особенно перед Сенатом. Не заслужила я, моими отношениями к нему, получить такую пощёчину...»²⁷.

(1797)

«18 марта.

Я только что получила письмо от Лепёхина, который, я полагаю, будет вашим связным. Этот благородный человек послал мне через крестьянина Коротова лекарства, которые нельзя найти здесь. Прошу вас сообщить Нагаеву, чтобы он передал своему соседу Лепёхину прилагаемое.

Я начинаю понемногу восстанавливать свои силы, однако они восстанавливаются медленнее, чем утрачиваются. Остаётся надеяться, что весна сделает для меня больше, чем медики, если бы они были здесь. Я поддерживаю себя только горькими каплями, я почти не могу есть никакого мяса и не пью никакого вина. Я выгляжу такой слабой и исхудавшей, что даже слуги и крестьяне говорят мне об этом. До свидания, мой дорогой друг; я прошу мистера Посникова мне написать несколько строк и прислать газеты. Верно ли, что жена и теща Бутурлина хотят, чтобы он стал камергером?»²⁸.

Это письмо написано Екатериной Романовной после ссылки в Коротово.

Предыдущие письма княгини за 1796–1797 гг. опубликованы в нашей

статье: «Письма Е.Р. Дашковой из ссылки» в сборнике «Е.Р. Дашкова и XVIII век: традиции и новые подходы» (М., 2012).

Иван Иванович Лепёхин – биолог, ученик М.В. Ломоносова, секретарь княгини в Академии наук и её верный друг.

Дмитрий Петрович Бутурлин – племянник Е.Р. Дашковой. Его жена Анна Артемьевна – дочь кузена княгини Артемия Ивановича Воронцова. Тёща – Прасковья Фёдоровна, урождённая Квашнина-Самарина (1750–1797).

(1797)

«8 апреля. Благодарю вас, мой дорогой друг, за ваше письмо от субботы и хочу сказать, что я не знаю, быть ли мне довольной или недовольной тем, что вы мне не сообщили. Моё самолюбие подсказывает мне, что я должна быть недовольна. Да, мой друг, нужно, чтобы вы мне не говорили того, что вы считаете необходимым, чтобы побороть моё желание хлопотать перед... (так в подлиннике). Для доказательства я приведу в качестве свидетелей мою дочь и мисс Бейтс, которым я говорила уже в Коротове, что я не буду писать, и Воронцов слышал, как я повторяла это много раз. И я никого не подстрекала это сделать для меня.

Сейчас я хочу поговорить с вами о Waak и, чтобы покончить с этим делом, я прилагаю копию бумаги, которую я ему дала, когда он меня спросил, почему я им недовольна. Он уверил моих слуг и крестьян, что я обрезала волосы потому, что я буду помещена в монастырь и, кроме того, во время моего отсутствия он почти ничего не сделал из того, что я ему предписала. Он по собственному почину осуществил многочисленные новшества, бесполезные и дорогостоящие. – С его пенсионом дело обстоит так. Когда я его сделала приказчиком, я дала ему письменные инструкции, в которых обязывала его сделать определённые вещи. Если он улучшит сельское хозяйство, и если я останусь им довольна, я выдам ему через несколько лет пенсию в 200 р. В настоящее время, когда он спросил меня о пенсии, я ему ответила, что он меня плохо понял или сделал вид, что не понял, что моё обещание было дано на определённых условиях. Я сказала также, что он должен мне принести мою бумагу. Через два дня он мне сообщил, что эта бумага была отправлена с вещами в Серпухов, и что через три дня он её привезёт. Прошло уже более двух недель, а бумагу он не привёз. Одним словом, он

обогатился и привёл в упадок всё то, о чём я не могла позаботиться сама. Единственный упрёк, который я могу сделать сама себе в связи с этим делом, это то, что я слишком долго его терпела»²⁹.

Из текста первого абзаца можно предположить, что Е.Р. Дашкова пытается доказать брату, что не собиралась писать кому-то, хлопотать за кого-то (возможно, новому императору или его приближённым, вероятно, за сына ради его карьеры). Она приводит свидетелями этого свою дочь, экономку мисс Бейтс и племянника Евграфа Алексеевича Воронцова, который навестил её в ссылке и тоже мог подтвердить её слова.

(1797)

«12 мая.

Я вам очень обязана, дорогой друг, за ваше письмо, апельсины, горькие капли и газеты. Прилагаю письмо Овсову, которое я прошу вас передать ему через вашего управляющего в Петербурге. После того, как это письмо будет прочитано, я прошу вас его спрятать.

Я так ослабла, что мне стало трудно писать. Я устаю после писания моих каракуль через пятнадцать минут, тогда как раньше я писала по 8 часов подряд, не чувствуя усталости.

Дорогой Николай Алекс., не найди меня в Коротове, приехал сюда. Он передал мне ваше письмо. Для меня его визит истинное удовольствие. Я решила попытаться подышать свежим воздухом после обеда сегодня в кибитке; но проехала лишь в один конец слободы, не очень далеко, а вернулась домой, и у меня было головокружение. Надеюсь, что это пройдёт.

Прилагаю письмо, которое я только что получила от князя Гагарина, полагаю, оно содержит сведения, которые будут вам интересны. Что касается Поликарпова – это очень галантный мужчина. Я поговорю с вами о нём в другом письме, когда я буду не такой уставшей. Я пошлю слугу с маленькими поручениями и передам вам длинное письмо. А пока до свидания.

PS. Я вас прошу без задержки доставить письмо Овсову, потому, что я хочу поскорее покончить с этим делом. Мои потери невозможно подсчитать в Коротово! Я теряю уже 10 тысяч рублей в Круглом. За дорогу я заплатила по 25 копеек за версту и 18 копеек за каждую лошадь. Здесь дьячок, которого я отказалась сделать священником из-за его пьянства, вытеснил того, кого я выбрала, а крестьяне подписали прошение сделать священником этого негодяя.

Ваак даже не предупредил меня перед моим приездом. Эта подпись моих крестьян из *Гастешева* меня очень огорчает.

Ваак вместо того, чтобы дать мне 1170, оброк за полгода, выдал только 600. Боюсь, что у меня будут ещё основания вспоминать катастрофу, которую, Бог свидетель, я не заслужила. Пошлите, я вас прошу, прилагаемое здесь»³⁰.

Овсов – один из управляющих в имениях Е.Р. Дашковой.

Николай Алексеевич Воронцов – троюродный племянник, брат Евграфа Алексеевича, управляющий делами княгини в белорусском имении. Екатерина Романовна ждала его в Коротове, но он был по делам в Астрахани и увиделся с ней позже, уже в Троицком.

Князь Гагарин Гаврила Петрович (1745–1807) – кузен Е.Р. Дашковой по мужу, известный поэт, брат Ивана Петровича (см. выше). Послал Екатерине Романовне в Коротово несколько писем.

А.В. Поликарпов – губернатор Твери. Принял в своём городе опальную княгиню с большим уважением и гостеприимством, за что поплатился снятием с поста.

Дьячок – будущий священник в церкви святой Троицы в Троицком. Сёстры Вильмот отмечали, что он плохо вёл службу, так как был постоянно в нетрезвом состоянии. Е.Р. Дашкова терпела его, так как жалела его старую мать.

Гостешево – одно из сёл в окрестностях Троицкого, принадлежащих Екатерине Романовне.

(Июнь 1797)

«Троицкое

Благодарю вас, дорогой друг, за сведения в письме Завадовского и за ответное письмо моего брата. Я присылаю письмо для моих друзей в Англии, которое прошу вложить в пакет для него. Вы спрашиваете, есть ли у меня строения, которыми я могу заняться. Если вы приедете сюда, будете удивлены, как много изменений произошло здесь со времени вашего последнего визита, есть шесть оранжерей, два больших каменных строения и ещё одно в процессе строительства. Я сейчас совершенно одна, если не считать Кочетову и Бейтс. Вчера я получила письмо от сына. Он приедет через 8–10 дней. Я жду вашего печника, а также присылки нескольких лимонных деревьев и яблонь и деревянную мебель из Серпухова по просьбе к вашему управляющему; я вам вышлю в обмен несколько различных круп...

Сейчас я вспомнила, что хотела приписать часть письма князя Гаг. относительно Рагозина: “Если бы это зависело только от меня, он уже получил бы место, которое вы желаете, но, поскольку это зависит от князя Л., я не могу услужить вам. Я полагаю, что, если вы сами напишите министру Лопухину об этом, дело уладится”.

Однако, дорогой друг, я не написала генеральному прокурору, хотя вы советовали мне это сделать. У меня не было желания. – Знаете ли вы, что Алексис Куракин и Фёдор Барятинский и некий Матюшкин имеют разрешение не только приезжать в Москву, но и жить там когда и сколько угодно. Мои фруктовые деревья не погибли, но у меня мало яблонь, пострадало несколько лимонных деревьев, что меня очень огорчает. До свидания, мой дорогой друг»³¹.

Екатерина Николаевна Кочетова – дочь двоюродной сестры Е.Р. Дашковой Натальи Петровны, урождённой Хрущовой. Эта племянница часто гостила у Екатерины Романовны, а потом стала жить постоянно, вплоть до 1801 г., когда по просьбе княгини, была назначена фрейлиной.

Князь Гаг. – Гаврила Петрович Гагарин.

Александр Афанасьевич Рагозин – родственник Воронцовых.

Фёдор Барятинский принимал участие в убийстве Петра III.

(1797)

«18 июня.

Ваш печник прибыл и передал мне ваше письмо и лимоны, за что я вам бесконечно благодарна. Я верну печника, как только он закончит печь.

Я прошу вас переслать моему брату в вашем пакете то, что я прилагаю. Я полагаю, что он приедет не из-за статьи в газете, а по следующим причинам: 1о, он хочет и должен познакомить вас с его детьми; 2о, он попросил разрешения приехать только в хорошее время года. Он приедет по двум причинам: поблагодарить императора и увидеться с вами. Что касается моего положения в связи с его приездом, оно следующее, 1о мой брат не хочет или не может привезти сюда своих детей; 2о – я опасаюсь, что мой визит в Андреевское причинит вам неудобства. Боюсь, что вы меня примете за мистера Пинцета, человека с тройным умом, обнимаю вас, спешу попрощаться с вами»³².

Поскольку Е.Р. Дашковой было запрещено выезжать в столицы, она опасалась, что её опала может повредить и младшему брату, Семёну Романовичу, который собирался приехать в Россию с детьми, и старшему брату, если она поедет в Андреевское, чтобы познакомиться с племянниками, которых раньше не видела.

(1797)

«Троицкое. 28 июня.

Благодарю вас за письма и газеты. Сегодня я принимала Праксковию Фёдоровну с Анной Ивановной, а также Бутурлину, младшую девицу Воронцову, старшая больна, и Ребрюк. Они прибыли впятером в одном экипаже, запряжённом 8 лошадьми, им пришлось ждать до 3 часов моего скудного обеда, поскольку я ещё не могу как следует есть. Бутурлина – сумасшедшая мамаша; она сказала мне, что надеется поехать за границу, если я оплачу их долги, которые она определяет в 400 тысяч рублей. Она надеется продать свой дом за 100 тысяч рублей и Алёшино за 70 тысяч, Бобринский ей предложил только 45 тысяч, остаток долга будет оплачен из их доходов, что будет не трудно, поскольку Бутурлин надеется быть министром иностранных дел. Какие расчёты! И с какой уверенностью она говорила и рассуждала!

Я получила письмо из Тулы от своей дочери. Она была там 4 дня, пока заменяли колёса её экипажа. Добрый Масалов, у которого она остановилась, провожал её 10 вёрст. Я не получаю писем от *Никол. Алексеев. Воронцов*; это меня огорчает, потому, что я бы хотела чтобы он уже уехал отсюда в Круглое, где каждая задержка увеличивает мои потери. – Мадам Исленьева и её дочь оставались у меня 12 часов. Я отказалась оставить у себя её дочь, поскольку считаю, что мать должна о ней заботиться и что в Москве балы и роскошь вскружат ей голову. Я искренно сказала это матери, и мы договорились, что она приедет сюда осенью.

Я ожидаю ответы на мои письма в Петербург 6 или 7 июля. Если бы мне не угрожали грабежи и мошенничества, я бы не беспокоилась о результате. Я с удовольствием поехала бы в Андреевское, поскольку это был всегда праздник для меня; здесь, хотя бы в слабой степени, я могу выразить свою нежность к вам. – Прошу вас, пришлите мне черновики моих писем из Коротова к императору, я хочу оставить их сыну, чтобы он их сохранил. В письме моего брата,

которое я вам посылаю, я с удовольствием увидела, что ему отдано должное, хотя бы частично. Я прилагаю письмо, которое я прошу вас ему переслать.

Передайте мой поклон мистеру Посникову.

Маленькая Кочетова, мисс Бейтс и Федяша, присутствующие здесь, дарят вам своё почтение. Он мне сказал, что ваш плотник пообещал ему сделать бандуру, размеры которой он возьмёт со своей»³³.

28 июня 1797 г. исполнилось 35 лет со дня дворцового переворота 1762 г., который Е.Р. Дашкова считала лучшим временем своей жизни. В этот день она всегда принимала гостей.

Прасковья Фёдоровна – жена Артемия Ивановича Воронцова, Анна Ивановна Нарышкина – его сестра, Анна Артемьевна Бутурлина – дочь Артемия Ивановича, жена Дмитрия Петровича Бутурлина. Девушки Воронцовы – Екатерина и Мария – дочери Артемия Ивановича, фрейлины.

Мадам Исленьева – Елизавета Петровна (урождённая Хрушова), кузина Е.Р. Дашковой, её дочь – Анна Петровна Исленьева, в замужестве Малиновская.

Маленькая Кочетова – Екатерина Николаевна (см. выше).

Федяша – маленький казачок княгини, в жизни которого она принимала большое участие.

(Троицкое 1797)

«30 июля.

Мой сын, который доставил мне удовольствие, приехав накануне днём из Санкт-Петербурга, кланяется вам; он очень огорчён, считая, что, так как вы сердиты на него, он не имел счастья получить от вас несколько строк в ответ на письмо, которое он послал вам в марте, вернувшись из Троицкого в Москву. Послезавтра он меня покидает, чтобы закончить свои дела в Москве. Весь вчерашний день дождь и ураган не прекращались, стало холодно как осенью; этот холод и град уже причинили много ущерба и бед.

Мр. Трощинский прибыл в Тулу, мне сказали, и скоро войдёт в наше правительство. Я надеюсь увидеть его у себя. У меня гостила неделю наша кузина Исленьева с дочерью; она по-прежнему забыта мужем, даже не знает где он. Её зять Писарев, который был после у меня, сказал мне, что, по слухам, он заложил свою прекрасную

землю. Прощайте, мой дорогой друг, на сегодня. Я вас прошу переслать это письмо нашей племяннице»³⁴.

Дмитрий Прокофьевич Трошинский – государственный деятель. Переписывался с графом Александром Романовичем. Его письма о Е.Р. Дашковой и её проблемах очень доброжелательны, в отличие от писем П.В. Завадовского.

Кухина Исленьева – см. выше. Зять их – Дмитрий Писарев, муж Натальи Петровны, сестры Анны Петровны Исленьевой.

Племянница, которой Екатерина Романовна просит переслать письмо, – вероятно, княгиня Елизавета Петровна Долгорукая (1763–1798).

(Троицкое 1797)

«4 ноября.

Нежная дружба, которую вы проявляете ко мне, проливает бальзам на мои раны, и я села бы даже сегодня в кибитку, чтобы отправиться к вам, если бы не ожидала каждую минуту моего сына. Я надеюсь, что в данный момент вы получили мои письма из Круглого.. Это третье, что я пишу вам из Троицкого. Дорога, кажется, установилась, так как после двух дней сильного мороза, этой ночью обильный снег укрыл всю землю. Не сомневаюсь в этом, я – пророчица, я уверена, что смогу выехать отсюда 10 или 11 этого месяца и быть у вас 18 этого месяца. Эта перспектива – единственное, вокруг чего непрерывно вращаются мои мысли; так как будущее, кроме разрушения моего существования, которое я вижу приближающимся без опасения и сожаления, представляется мне только в виде картин ужасных и удручающих.

Есть ли у вас новости от моего брата? Как поживает его дочь? Я опасаясь, что мы должны приготовиться увидеть её немощной, так как её мать в последней степени истощения донашивала и родила её. Мисс Хокер уверяет меня, что Мишенька хорошо выглядит и хорошо себя чувствует: это утешение для нас. Я страстно желаю, чтобы вы были спокойнее, без всех этих угнетающих тревог по поводу пребывания моего брата в Англии. Что вы знаете о Кочетове? Мне говорили, что он потерял своё место; я была бы огорчена за его детей. Его дочь тоже похорошела, насколько это может быть, от своего пребывания возле меня; возможно, она придет ещё. Что касается моей племянницы, я прилагаю все усилия, чтобы всё было хорошо, я позабочусь об этом.

У меня здесь был мой сын в течение шести дней, нежный, почтительный, кающийся. Он был разорён самым ужасным образом своими слугами, которые были убеждены, что он изгнан. Они подожгли и уничтожили его знаменитую кожевенную фабрику, украли на 40 тыс. рублей зерна и сена, продали, вплоть до окон, все его оранжереи, и всё это из-за того, что он, по небрежности не писал 6–8 месяцев, и из-за его потворства отцам, братьям, мужьям... Я убеждаю его, что это – источник всех его бед, от которых он страдает, и что у него никогда не будет порядка в доме, если среди слуг есть фавориты. Он был искренне восхищён привязанностью моих и признался мне, что Троицкое превосходит все его ожидания, и что порядок, которым был устроен мой дом и который служит мне, отличен как белое от чёрного от того, в чём его хотели убедить.

Он в Москве, но я надеюсь на его отъезд в Тамбов.

Ещё меня посетила Полянская. Я так же сделала всё, чтобы доставить ей удовольствие. Арина Ивановна обедала и ужинала у меня, но не смогла здесь даже спать, настолько она обеспокоена здоровьем своего дяди. Малыш очаровательный, и это настоящая радость видеть его, так же, как и его почтенную матушку.

Мой сын желает, чтобы его курьер поступил в гвардию, и вам, мой дорогой брат, придётся это осуществить. При таком изолированном состоянии, как моё, невозможно заниматься вещами подобного рода. Впрочем, я имела влияние только в Преображенском полку, а оно постепенно сошло на нет из-за моих отношений с кн. П. Я надеюсь иметь удовольствие видеть вас на будущей неделе; вот уже 5 недель, как я не виделась с Бутурлиным; я по-прежнему стараюсь быть настроенной по отношению к нему мирно и нейтрально, но, поскольку я не могу видеть его и не побранить его, не я первая буду искать встречи. Вытащите же его, ради Бога, из этого состояния никчёмности, которое его погубит окончательно. Найдите средство его занять, и вы сделаете благое дело.

Если санный путь как следует установится, я выеду из Троицкого 11го; в Москве я пробуду только три дня (столько необходимо для моего кровопускания). Согласно вашему совету, первую ночь я проведу в вашем доме, а вторую у Прозоровских.

Моя задержка на 25 дней в ущерб моему спокойствию и моим удобствам при защите моих крестьян от мерзавцев польских судей,

очевидно, была задумана на небесах – за всё это время лишь однажды выпал небольшой снег и в течение получаса шёл дождь.

Если санный путь прочно установится, опасайтесь, чтобы я не сошла с ума и не вообразила себя превратившейся в святую Екатерину-пророчицу из Екатерины-мученицы, коей я являюсь.

В иностранных газетах сообщают как великое открытие, что некий врач излечивает лихорадку и кашель просфорами, а я уже три года использую это средство с неизменным и невероятным успехом. Я пожелаю вам, чтобы вы не нуждались в докторах, ваша сестра доставит вам всё, что вы можете иметь даже в Москве. Я чувствую непреодолимое желание болтать: надо остановиться, иначе я вам наскучу.

Если бы зять наш Пётр Иванович и не имел других достоинств к привлечению от честных людей к себе почтения, то и тогда соединение прямо дружеское его со мною, знаю, что в твоих, любезный друг, глазах было б довольно, чтоб твою к нему любовь заслужить и, как ты его уже знаешь сам, так я только тебе скажу, что я истинного, драгоценного в нем друга имею, и что все, что ты для него делать будешь, будет мне в одолжение. О себе же я ничего тебе говорить не стану. Он тебе обстоятельно все сказать может. Что касается ваших писем или ваших рассуждений по поводу меня и Каменской, я далека от того, чтобы сердиться, я ожидала от вас искренности и желала бы, чтобы вы всегда поступали так же. В качестве возражения скажу вам, что это только ваши представления о приличии общения с м-ль Каменской, которые меня шокировали. И вот вывод: у меня, может быть, и романтические представления о дружбе, но я такова, и делаю это в соответствии с моими неизменными принципами и характером.

Я осмеливаюсь открыто дружить с моими друзьями в любых обстоятельствах, в каких бы они ни находились, и кто бы, что о них не говорил. Напротив, я не стала бы сохранять ни при каких условиях отношений с тем, или с той, кто порвал бы с моим другом. Вот моё кредо, которого я придерживаюсь всегда. Называйте как угодно вам мои чувства, но поймите, что я страдаю, не получая в ответ того же. Я согласилась бы с вами, что это слишком деликатно и что я в результате не выигрываю в дружеских отношениях в нашей стране, что я вкладываю больше, чем могу получить в ответ. Это правда и, в итоге, я сожалею об этом. К тому же такая чувствительность не-

сколько влияет на здоровье, причина того, что я больше не схожусь ни с кем. Вот, мой дорогой брат, с какой чувствительной особой вы имеете дело: осмелюсь быть моим другом открыто, осмелюсь отдать справедливость душе, смею сказать, чистой и благородной, и я осмелюсь быть всем для вас. Этому сердцу, которого вы не знаете, может быть, достаточно видеть счастье только в любви, не просить ничего лучшего, как только показывать с постоянным самопожертвованием, что оно существует только для настоящей дружбы. Я уже вышла из того возраста, где почести, страсть, богатство или другие пристрастия, полностью владеют душой. Мои дети, несмотря на мою непомерную нежность к ним, ещё слишком малы, чтобы заполнить всё моё сердце, а я не создана так, чтобы ощущать эту пустоту в душе: и именно в дружбе я ищу выход. Ваше сердце, ваш ум, кровные узы – всё призывает меня искать в вас то, что я тщетно и очень долго старалась найти в м-ль Каменской. Именно эта надежда составляет главное утешение вашей верной сестры и подруги, княгини Дашковой...»³⁵.

Это длинное письмо без даты ошибочно составлено редактором П.И. Бартевым из двух писем с разницей написания в 25 лет. Первое письмо должно кончатся словами «иначе я вам наскучу». Учитывая известные нам события, описываемые в нём, его можно отнести к 1797 г.

Второе же, начинающееся словами: «Если бы зять наш Пётр Иванович...», по смыслу относится к началу 1770-х гг. Мы решили их напечатать вместе, как они представлены в «Архиве князя Воронцова».

Первое письмо могло быть написано Е.Р. Дашковой через полгода после ссылки. Она обнаружила значительные убытки в хозяйстве, поэтому отправилась в Круглое, о чём речь в начале письма. В середине письма она сообщает о задержке в Круглом на 25 дней, что не входило в её планы быстрее приехать в Троицкое, а затем в Андреевское. В «Записках» есть строки о том, что в имении Екатерина Романовна застала множество злоупотреблений, которые совершил поляк-управляющий, уверенный, что её сошлют в Сибирь.

Далее княгиня пишет брату о плохом состоянии духа. В это время, до 1798 г. она ещё находится в опале и не ждёт улучшения своего положения.

Дальше идёт речь о племянниках Михаиле и Екатерине Воронцовых, которых Семён Романович хотел привести в Россию, и об их матери Екатерине Алексеевне, скончавшейся от чахотки в Италии в 1784 г., вскоре после рождения дочери. Е.Р. Дашкова пишет, что хочет позаботиться о здоровье племянницы.

Николай Иванович Кочетов – зять княгини, муж двоюродной сестры Натальи Петровны. Их дочь – Екатерина Николаевна (см. выше).

Далее речь о сыне Е.Р. Дашковой Павле Михайловиче. Он каялся, возможно, из-за того, что написал матери в ссылку довольно резкое письмо, оправдывая свою женитьбу. Его тамбовскую усадьбу Карай-Салтыков, разорили, видимо, по причине опалы Екатерины Романовны.

Е.Р. Дашкову навестила племянница Анна Полянская, а также вдова двоюродного брата Иллариона Ивановича Воронцова, Арина (Ирина) Ивановна с семилетним сыном Иваном, будущим Воронцовым-Дашковым.

О своём влиянии в Преображенском полку княгиня вспоминает в связи с тем, что в этом полку служил её сын, а в 1782 г. она просила Г.А. Потёмкина устроить в штаб капитаном своего племянника Дмитрия Бутурлина, чтобы не пропали его дарования, и чтобы он не избаловался. Дмитрий Петрович служить не захотел, а в 1784 г. попал в немилость Екатерины II за сочинённые в её адрес пасквили. Теперь за племянника княгиня просит брата.

У Прозоровских Е.Р. Дашкова останавливалась всегда по дороге из Москвы в Андреевское, так как их усадьба под Покровом находилась на её пути. С княгиней А.М. Прозоровской Екатерина Романовна была дружна.

Второе письмо, ошибочно соединённое с первым, начинается с добрых, дружеских слов в адрес Петра Ивановича Панина, с которым Е.Р. Дашкова дружила до самой его смерти, последовавшей в 1779 году. И эти строки, и продолжающаяся далее тема ссоры с П.Ф. Каменской, помогают определить время написания данного письма. Упоминание о малом возрасте детей также подтверждает, что вторая часть письма написана в начале 1770-х гг.

(Гроицкое)

«7 июня.

Я была со своей кузиной, когда она поехала отсюда в мой дом в Серпухове, и была очень удивлена, увидев днём весь народ, бегущий по улицам в праздничных одеждах; звонящие колокола; я не знала причины, когда, свернув с улицы, я встретила митропол. Платона на дрожках. Ни его, ни мой экипаж не могли разъехаться, мы их одновременно невольно покинули и вот! о нас теперь говорят как об интимно беседовавших по-французски на улице. Я взялась положить конец этому неловкому положению и, когда я узнала

от вельмож города, которые посетили меня, что он заканчивает свои службы и возвращается в монастырь, я покинула мою кухню и всё большое общество, собравшееся в моём доме, и пошла к епископу, который, будучи менее раскован и прост, чем ваша сестра, показался мне смущённым перед выбором быть Платоном просто православным, или Платоном епископом, который должен наставлять и причащать меня. Я предложила ему разумно средний путь, который сочетает философию и религию и, главным образом, основывается на справедливости и чистой совести. Мы оставались наедине более 4 часов. Я вернулась домой в полночь, где меня ждал хороший ужин. Спустя час я покинула кухню, отдыхающую в моём доме, и прибыла в Троицкое уже днём. Эта поездка меня так утомила и вывела из равновесия, что я до сих пор ещё не восстановилась. Я надеюсь, что это письмо найдёт вас в полном здравии, мой дорогой друг, и что вскоре я получу письмо от вас, в котором вы сообщите, что ваши тревоги уменьшились, если не рассеялись вовсе.

Все небогатые деревенские и городские жители в ужасе от неурожая этого года в нашем крае и от повышения цен на все зерновые, которые будут только расти.

В Ефремове и яровых не сеяли от засухи, а теперь если сеять, то от морозов не упасёшься; соломы также не будет. Что касается до моих собственных полей, то надежда очень велика, особенно плужных десятины, ранние посевы которых здесь не любят, мне два года уже дали двойной противу прежняго урожая.

Вот, любезный друг, все мои вести, а сказать тебе, что я всею душою люблю тебя, это не будет новость. За тем прости, всех благ тебе желаю.

Захару Николаевичу скажи мой дружеский поклон»³⁶.

Платон (в миру Пётр Георгиевич Левшин) – митрополит Московский и Коломенский (с 1787 г.) основатель и ректор семинарии в Троице-Сергиевой лавре, учредил при лавре скит Вифания в 1783 г., а в 1797 г. скит стал самостоятельным монастырём. Видимо, в Серпухов Платон приезжал на службу, скорее всего, в Высоцкий мужской монастырь, где и посетила его княгиня. Во французском тексте, там, где Екатерина Романовна рассуждает о смущении Платона, кем с нею быть, она дословно пишет: либо греком, либо епископом. Мы посчитали, что слово «грек» в данном случае – это православный человек, исповедующий «греческую» веру.

Письмо можно отнести к 1797–1798 г., так как Е.Р. Дашкова пишет, что митрополит собирается возвращаться в монастырь, а не в скит. Кроме того, в конце писем брату после смерти Ла Фермьера, последовавшей в июне 1796 г., она стала передавать поклоны управляющему Андреевским Захару Николаевичу Посникову.

(Троицкое. Ок. 1798)

«Я опоздала, мой дорогой друг, ответить на ваше письмо, так как Сорокин, мой крестьянин из Гостешева, собирался ехать в Москву по своим делам, но что-то ему помешало, и в ожидании я получила ещё одно ваше последнее письмо с приложениями от моего брата и моего племянника. Что касается графа Симона, я не вижу препятствия для выдачи паспорта моей англичанке, так как кормилицы, бонны и сиделки – это тоже люди; к тому же из приписки князя Гагарина вы увидите, что шевалье Вильфор в этом не сомневается. Я убрала ваши письма, прочитав их, и передам их вам аккуратно. Письмо от Миши интересно, так как кажется мне написанным от доброго сердца и с преданностью к вам. Во всём остальном – это довольно плохой русский жаргон, который я разбирала долго. Если бы я могла дать ему в течение 15 дней уроки русского языка, льщу себя надеждой, он знал бы его лучше.

Вы мне пишете о зиме, а здесь весенняя погода не прекращается с сентября. Этому способствуют даже воды, так как реки беспрерывно выходят из берегов, и вот уже 6 недель, как разлив Протвы мешает работе моей мельницы; несколько мельниц унесено, и я уже предполагаю, что эта река вобрала в себя все дожди, так как здесь уже 4 недели нет ни одного дождя. Небольшой туман каждое утро поддерживает газонную зелень и лужайки, и, если бы деревья не были без листьев, можно было бы подумать, что это лето. Состояние моего здоровья вынуждает меня выходить только в 10 часов, после того, как туман полностью рассеется, но мы гуляем каждый день. Если мне не будет хуже, чем теперь, я покину Троицкое 15 декабря, чтобы остаться в Москве только на 6 недель, и это только для того, чтобы подольше побыть с вами, если вы приедете в Троицкое. Но я не избавляю вас от вашего визита будущим летом. Спасибо, мой дорогой друг, за маринованный виноград. Я его ещё не получила, но уверена, – он будет хорош, к тому же это новинка и раритет для деревенской жительницы, как я, которая и не мечтала никогда о подобных изысках и лакомствах.

Мадемуазель Полянская всегда упрекает меня за моё молчание, но мне помнится, что я не так давно посылала вам письмо для неё. И вот ещё одно, которое я прошу вас ей доставить, так же, как маленькую записку Захару Николаевичу и письмо для вашего поверенного в Санкт-Петербурге. Я целых три дня готовила эту почту, однако теперь у меня уже искры в глазах, что вынуждает меня прекратить моё мариане. Прощайте, мой дорогой друг, я вас обнимаю от всего сердца. 8 ноября»³⁷.

Англичанка мисс Бейтс – экономка Е.Р. Дашковой, бывшая с ней в ссылке, по возвращении оттуда решила вернуться на родину.

Миша – племянник княгини Михаил Семёнович Воронцов.

Анна Александровна Полянская – племянница Екатерины Романовны.

(1799)

«30 марта

Я очень рада, мой дорогой друг, что вы остались довольны моим пивоваром. Это удивительный человек по своей энергии и уму. Вы хотите знать какая у нас погода. В моём дворе уже нет снега. Немного снега лежит на террасе около реки, поскольку терраса с северной стороны. Погода хорошая, как в мае у вас, солнце покрыто облаками почти постоянно; землю ещё невозможно обрабатывать, потому что она промёрзла в два раза сильнее, чем обычно.

Я обеспокоена ужасной новостью о том, что, якобы, умер Суворов, отравленный французами. Пока больше я ничего не узнала... Мне также сообщили, что у князя Безбородко был второй удар и что Грибовского освободили от приказа жить в своём имении...»³⁸.

Князь Александр Андреевич Безбородко скончался 6 апреля 1799 г.

(Троицкое. Ок. 1799)

«28 ноября.

Тысяча благодарностей, мой дорогой друг, за ваше любезное письмо от 17го этого месяца. Вы увидите из приложения, которое я получила как «букет» накануне моего праздника, что я не должна рассчитывать увидеть моего сына ни сейчас, ни, может быть, за всю жизнь, так как моё здоровье значительно ослабело. У меня огромное желание увидеть вас и особенно уберечь вас от переутомления или риска простудиться по дороге сюда. Вот почему я решила выехать

отсюда 15 или 16; я остановлюсь в Серпухове на первую ночь с тем, чтобы привыкнуть к воздуху и путешествию, так как уже 15 дней я почти не выхожу.

Вчера я попыталась дойти до оранжереи: это не причинило мне вреда, но спала я не лучше. Кочетова, которая в течение нескольких месяцев, кажется, старается быть мне полезной и приятной, читает возле моей постели в течение двух часов. *Палагея Костан.* – нрава ровного, всегда обязательна, услужлива и без претензий; мисс Бейтс всё ещё больна; я опасаясь, что она не доберётся до своей родины. По этому поводу забыла вам сказать в моём последнем письме, что наш племянник Татищев меня известил, что гр. Раstopчин и... With, как только моя англичанка, мисс Навкер, прибудет в Кронштадт, этот последний оформит её въезд. Вот письмо, которое я заклинаю незамедлительно переслать моему брату, попросив его доставить его точно и наверняка.

Прощайте, мой дорогой друг, я надеюсь, что вас не заденет за живое то, что случилось с Завадовским, он получил то, что заслуживает и, поверьте, что он был вашим другом только из корысти»³⁹.

В первой фразе письма Е.Р. Дашкова благодарит брата за поздравление с её именинами, которые по старому стилю отмечались 24 ноября. Пелагея Константиновна Маслова – возможно, родственница со стороны бабушки Анны Григорьевны Масловой, жила в доме княгини. Дмитрий Павлович Татищев – племянник Екатерины Романовны, внук её тётки Прасковьи Илларионовны, дипломат.

(1800)

«Троицкое, 22 февраля.

Вот и второе моё письмо из Троицкого, и вы не можете обвинить меня в лени. Я вам посылаю, мой дорогой друг, с этой okazji семена горчицы; этого довольно, чтобы засеять два раза площадь, равную вашему большому бильярдному залу. Не забудьте, прошу вас, приказать художнику скопировать на досках два образа – *св. князя Володимера и Александра Невского*. Необходимо, чтобы он подсушил предварительно дощечки на печи, если они потрескаются, то тем лучше: их подклеивают и подкладывают сзади сверху и снизу деревянные скрепы, и тогда расписывают без риска, что они

сломаются. Прошу вас передать мистеру Озерову скатерть, которая в том же ящике, что и семена.

Скажи, батюшка, Озерову, что ныне без койм выткали мои скатерти; за то я ему посылаю прочную в два полотенца, каждая длиною 3 арш. и 9 вершков, шириною же каждая 22 вершка.

Пришли мои соседи. На сегодня прощай»⁴⁰.

Александр Романович был кавалером орденов св. Александра Невского и св. Владимира I степени.

(1800)

«27 февраля.

Здесь в губернии затевают предводителям определить на счет дворянской жалованье, – не знаю, состоится ли оно. Один из помещиков шпынскими и очень сильными выражениями опровергал онаята письменно.

Я оставила половину Москвы в кашле и больными горлами; здесь же все здоровы. Там у меня крапивы не доставало; приехав, здесь начали я, Катерина Николаевна и люди пить оную, и всем так легче, что кашель у многих совсем прошел. Сейчас мне передали ваше письмо от 17 и газеты. Отвечаю на ваши 4 вопроса: 1. Мой сын решил остаться после меня только на несколько дней; и мне неизвестно на этот момент, выехал ли он уже. 2. Я ничего не знаю о моём дорогом Евграфе и не осмеливаюсь написать его матери. 3. Я получила проект Тутолмина о ремонте дорог и сейчас я его использую максимально. 4. Я ничего не могу уладить с Анной Ивановной и начинаю думать, что мне нельзя ждать ничего хорошего. Я была у неё в первые дни по моем приезде, и я не могла, переступив порог деликатности, поговорить с ней об этом деле во время первого визита. Однако, я дала ей понять, что готова ей помочь и не буду спешить с продажей её дома за 45000. Только сад ей давал 2000 в год. Я говорила с мр. Аршеневским о нашем деле, поскольку он о нём ничего не знает, он не мог мне дать дельного совета. Когда я ему предложила деньги для моей кузины, у которой, как мне сказали, нет средств отправить сына снова в Петербург, он заявил: пусть она у вас сама попросит, а то подумает, что я вам так дурно ее состояние описал. – Сейчас я больна; моя кузина меня навестила, но не говорила о деле, к которому, по моему мнению, она должна приступить. Я из деликатности тоже молчала. Она могла бы ска-

зять: “Я не хочу разногласий с вами. Сообщите мне, как вы думаете закончить это дело”. Мне бы хотелось, чтобы она дала мне знать, что она решила, потому что время пахоты и сева приближается, и я не хочу, чтобы мои крестьяне потеряли ещё год. – 5. Я уже послала вам список книг, опубликованных мр. Туком о России. 6. Я всё ещё страдаю от гибели моей собаки; тысячи вещей напоминают мне о ней до слёз, даже сейчас я плачу. Я, кажется, ответила на все ваши вопросы. До свидания. Целую вас»⁴¹.

Катерина Николаевна Кочетова – см. примечание выше.

Евграф Алексеевич Воронцов (см. примечание выше) с 1794 г. по 1803 г. служил в Каменогорске. Его мать навещала Е.Р. Дашкову в ссылке. Анна Ивановна Нарышкина, урождённая Воронцова – дочь Ивана Илларионовича, дяди княгини, к этому времени овдовела. Жила недалеко от Троицкого – в Игнатовском-Знаменском Тарусского уезда.

(1800)

«10 мая.

Что бы я ни дала, мой дорогой друг, чтобы быть в это время с вами, или чтобы Андреевское было рядом с Москвой! Совсем больная, как сейчас, я бы приехала к вам, чтобы взаимно поделиться нашими горестями. С нетерпением жду новостей от вас. Я бы хотела каждый день быть уверенной, что с вами всё в порядке. Надеюсь, мой крестьянин вернётся послезавтра и привезёт несколько строк от вас.

12 мая, утро.

Тысячу и тысячу раз спасибо, мой дорогой друг, за ваше последнее письмо: оно облегчило мне сердце. Ради Бога, позаботьтесь о своём здоровье; для этого нужно мужество и самоограничение, но для вас необходим ещё хороший врач, эта идея не покидает меня с тех пор, как я поняла, что ваш молодой хирург, ни что иное, как юноша, абсолютно не способный к своему занятию. Вы легко можете пригласить врача из Берлина через нашего министра.

Надеюсь, что вы уже получили горчицу. При таком беспокойстве духа должны быть нарушены функции желчи; возьмите столовую ложку зёрен и размешайте в половине стакана холодной воды. Прошу вас принимать это невинное лекарство. До свидания. Я такая слабая, поскольку всю ночь мучилась от ревматизма в руках, особенно в левой ладони, пишу с трудом»⁴².

(Троицкое)

«2 октября.

Я вам изображаю, граф, сцену из романа, очень чувствительную, которая произошла со мною. Я говорила вам, что наша племянница Исленьева оставалась со мной; шесть дней назад её тётки Исленьева и Саймонова посылают ей почтой слугу с письмом: немедленно прибыть в Москву, если она хочет увидеть своего отца (которого она никогда не видела), он должен со дня на день прибыть из Петербурга. Испуг, радость, страх овладели этой молодой персоной; она была ещё более интересна тем, что она очень открыта и без тени жеманства во всём её существе. Два часа спустя после прибытия курьера я отправила её в полночь в моём экипаже с моими лошадьми до Серпухова и оттуда я ей дала моего лучшего слугу в качестве сопровождающего, и денег на почтовых лошадей. Её горничная, парикмахер и курьер были её эскортом. Я написала её матери (которая, я думаю, будет против этого); я желала бы, чтобы этот мерзкий отец увидел свою дочь, так как она это заслуживает. Она вспомнила, в конце концов, свой долг, и это будет, по крайней мере, утешением»⁴³.

Племянница Е.Р. Дашковой Анна Петровна Исленьева – дочь её двоюродной сестры Елизаветы Петровны, урождённой Хрущовой, и Петра Алексеевича Исленьева – часто гостила в Троицком. С 1801 г. она стала жить у Екатерины Романовны постоянно.

(Троицкое. 1801)

«18 марта.

Вчера, по случаю моего дня рождения, мой дорогой друг, добрый городничий прислал мне первый указ, подписанный: Александр. Я надеюсь, что секвестр имущества моего брата теперь будет отменён, и что мы с вами теперь будем спокойны. Мой сын в последнем письме описал мне в наиболее живых выражениях огорчение по поводу катастрофы моего брата, и особенно по поводу неприятностей, затруднений и дразг, которые вам придётся претерпеть, так как власть не преминет вмешаться в раздел имущества. Я, признаюсь, по своей неосведомлённости, даже не подумала об этом, и эта мысль, которую подал мне мой сын, ещё увеличила мою печаль. Я только что послала одного из слуг в Москву, чтобы отправить письмо по почте

для нашего нового Императора, оно содержит только поздравление и ещё раз выражение моей преданности; я также передала своего сына на его милость. Манифест написан рукой властителя и очень трогательный. Вот и мой управляющий, который, вернувшись из Москвы, объявил мне приятную новость, которую я уже знаю. Он принёс мне ваше последнее письмо от 10 марта, за которое я вас благодарю, мой дорогой друг. Письмо Аршеневского, при сем прилагаемое, послужит ответом на то, что вы рассказали мне о нашей кузине Анне Ивановне. Вы увидите из него, что вас хотят обмануть.

Что касается модели Тутолмина, я вам предсказывала, что это будет осуществлено грандиозно. Я вам пошлю мальчика или перешлю это с садовником, которого вы хотели ко мне прислать. Я думаю, что вас привлекут к содействию возрождения нашей бедной России, и в этом случае я считаю, положила руку на сердце, что вы не должны отказываться. Прощайте, мой дорогой друг. Я истратила все силы на это письмо»⁴⁴.

П.Я. Аршеневский – гражданский губернатор Москвы.

(Март или апрель 1801)

«Воскресенье, вечер.

Только что я получила, мой дорогой друг, ваше письмо от 24ого, и, несмотря на то, что я не отвечу вам до тех пор, пока не получу ответа на моё письмо Императору, в ожидании его я объясню вам свой взгляд на всё это. С огромным сожалением я покину Троицкое в это время года. К тому же я далека от того, чтобы уступить настояниям моего племянника; я его заставила вернуться в Москву и там ждать, так как ответ, который я получу, определит мои действия в твёрдом намерении зацепиться за малейшее проявление чувств, что позволит мне проявить свои знаки почтения в Москве. Если же я буду вынуждена уехать, то покину моё очаровательное убежище сегодня ночью. Я останусь в Москве только на 4–5 дней, чтобы отправиться в Петербург на несколько недель не нанимая дома, но жить у нашего племянника, возвратиться оттуда через «Круглое», чтобы провести часть самого хорошего сезона в Троицком и приехать за 8–10 дней в Москву до прибытия туда двора. Я решила не соглашаться ни на какое место и не стану ничего просить для себя. Пошлите мне, мой дорогой друг, если хотите, письма для Беклешова и Троицкого,

так как, если я не соберусь сама, я перешлю их через надёжные руки. Именно потому, что я не попрошу ничего для себя, я прошу вас пару строк написать этим господам; поскольку вы относитесь ко мне как к другу, а не только как к сестре, и то, что любое их действие по отношению ко мне вы расцениваете как выпад против вас, особенно Беклешова, чьё дружеское расположение ко мне всегда было сомнительно, а его отношение к моему сыну ещё хуже. Вы меня тем более обяжете, что опишете графа Воронцова и Татищева, какими я их знаю и вижу; этот последний, как вы хорошо замечаете, обладает возвышенными чувствами и никогда не замолвит сам за себя слово.

Ваши кусты будут пересажены в кадку этими днями; я желала бы, чтобы ваш садовник прибыл сюда поскорее; я бы хотела передать их ему лично. Пошлите мне, прошу вас, несколько ананасов, так как у меня их почти не осталось. Относительно того, что вы мне сказали о ваших намерениях, я сохраню это втайне, будьте уверены.

Я вам посылаю макет Архангельского с оказией и решила послать это письмо также. Если я не получу здесь в воскресенье или в понедельник ответ, я сочту, что считают, будто я уже уехала, в этом случае я буду виновата, что не уехала. Таким образом, я уеду в Москву, приеду только в четверг и останусь до вторника. А, значит, ваши письма смогут меня там застать. Я жду всегда с нетерпением вашего мнения и руководствуюсь именно им. *Захара Николаевича за дружеское письмо и за поздравление с восшествием на престол Ангела России спасителя, я усердно благодарю*⁴⁵.

Племянник, о котором речь в начале письма – Дмитрий Павлович Татищев, дипломат, приехавший послом к Е.Р. Дашковой из Петербурга с вестями о воцарении Александра. Княгиня, отправившись ко двору, остановилась в его доме.

Александр Андреевич Беклешов – генерал от инфантерии. После опалы князя М.И. Дашкова в октябре 1798 г. занял его место шефа киевского гренадерского полка. Екатерина Романовна знала его до воцарения Павла I, когда он был губернатором Орловского наместничества, в котором находилось её имение Птицыно-Дашково.

Е.Р. Дашкова просит брата замолвить слово за племянников – Воронцова и Татищева. Михаил Семёнович Воронцов приехал из Лондона на коронацию Александра Павловича.

Не совсем понятно, о каком Архангельском идёт речь. Макет Архангельского – возможно, то же самое, что в предыдущем письме названо

моделью Тутолмина. Известно, что Тимофей Иванович Тутолмин (с 1806 г. губернатор Москвы) получал в своё время задание от Екатерины собирать в Архангельском крае исторические и этнографические материалы.

«Москва, ноябрь, 1801

За дружеское твое письмо тебя, любезный брат, благодарю и, конечно, сама с твоим мнением согласна, что мне приятнее было бы 24 число проводить с тобой в Андреевском. Хотя уважение, которое к тебе имеют, польза, которую ты можешь принести отечеству, неоцененны, но я боюсь, что здоровье и силы телесные твои несоизмерны трудам. Здесь влагаю ответы на письма Миши и Катиньки. Оба Остермана и господин Еропкин поручили мне вас благодарить за сувениры.

Для того, чтобы кусать, колотить и разбивать физиономии, Каменский, как говорят, получил (сверх жалования и столовых денег, которые ему идут в благодарность за ярость и грубость) шкатулку с портретом императора, ценою в 12 тысяч рублей, а я, у которой нет ни пенсии, ни должности, и которая потратилась на коронацию, получила лишь гадкое перо, которое не оплатило бы и половины моих расходов, и которое я вернула кабинету, не получив от него и самой скромной суммы. Сколько аренд раздаётся, сколько земель распределяется! Боже мой, если бы я не была вашей сестрой, несмотря на влияние, которым вы пользуетесь, ни я, ни мой сын не смогли бы быть подвергнуты более грубому обращению. Сын выражает вам самое почтительное уважение. Он очень занят *участки и раскладки рекрутские*, и работает на кремлёвских чердаках с 9 утра до 4 дня, а часто и вечерами пишет: так как, несмотря на то, что отдан приказ о награждении орденом Святого Владимира этого глупца и мерзавца Палибина, можете представить, что нет ни протокола, ни журнала, ни реестра за все эти годы, и всё сделано настолько грубо, что из 15 уездов при Екатерине, Павел сделал 10, а теперь их 13, и что губернатор, сваливавший всегда всё на Салтыкова (прикрывая которого он позволял ему делать всё, что тот хочет), не имел ни чётких границ, ничего фактически и, в общем, абстрагировался от всего. Если он покинет пост губернатора, откроются вещи, в чём многие меня уверяли, о которых ни вы, ни я не догадывались. Здесь премного потешаются над посягательствами Державина на министров и се-

наторов в своих лживых докладах. Если рассказать вам откровенно о том, что говорится, вы увидите, что общественное мнение очень негативное; но довольно; баста!»⁴⁶.

Миша и Катенька – дети Семёна Романовича Воронцова.

Михаил Федотович Каменский – генерал-фельдмаршал, брат Пелагеи Федотовны, подруги Е.Р. Дашковой. Отличался особой жестокостью с подчинёнными. В 1809 г. был убит своими крестьянами в Орловском поместье.

Салтыков Иван Петрович – военный губернатор Москвы.

(1802)

«Я только что получила ваше письмо и сердечно вас благодарю. Спешу сообщить, что мой сын выказал такую сдержанность, на которую, как я думала, он не способен. Как вы думаете, как мог Салтыков, приказывая делать вещь абсолютно противозаконную, позволить себе сказать князю, который сам был губернатором, что он не знает законов? Мой сын не должен ждать, пока неприятности с высшими увеличатся из-за его чрезвычайного бескорыстия. Лучше ему подать в отставку. Это глупо – служить, терять время и тратиться, если знать, что ему, быть может, даже не будут признательны.

Уже давно я вас просила от имени гранд-камергера князя Голицына выслать ему испанский табак. Он думает, что я забыла вам написать об этом; поэтому я Вас прошу, или послать его ему, или сообщить мне об отказе, чтобы я могла ему показать ваше письмо и оправдаться в глазах человека, которым я не хочу манкировать. Я надеюсь, что перед своим отъездом вы поможете, как обещали, нашему достойному родственнику Лярскому, которого Державин так лихо отделал»⁴⁷.

О родственнике Лярском княгиня не один раз писала брату с просьбой ему помочь.

(1802)

«Я надеюсь, Бутурлин сдержит данное вам слово, меня он обманывал уже много лет. Поскольку он вам обещал, я надеюсь получить свои деньги в январе. Я вам не писала о скандале, происшедшем на днях у графа Салтыкова между Борисом Александровичем Загряжским и Аршеневским. Первый сказал на высоких нотах

в присутствии Салтыкова и прочих, что Аршеневский взимал в уезде, где у Загряжского были земли, по два рубли с души, говоря притом, что он для вашего превосходительства сей сбор делает, а капитан-исправник в соседнем уезде, вместо 64 копеек 2 рубли с четвертью с души собирает, говоря, что по вашему приказанию то делает, Иван Петрович притворился, будто не слышит; однако на другой день всем рассказывал, прибавя, что Аршеневский что-то прошептал в великом смятении. Вы узнаете от других об этой сцене, которая доказывает насколько правительство Москвы заражено глупостями, грабежами и хищениями»⁴⁸.

Дмитрий Петрович Бутурлин занимал большие суммы у своей тётушки Е.Р. Дашковой, но, судя по сохранившимся документам, так и не отдал.

Б.А. Загряжский – владелец усадьбы Ярополец в Волоколамском уезде, где у княгини было имение Муриково. С 1786 г. – Волоколамский уездный предводитель дворянства.

Его брат Иван Александрович Загряжский – отец будущей тётки А.С. Пушкина.

(1802)

«20 ноября

Ваше письмо, дорогой друг, доставило мне особое удовольствие, потому что ваши бесчисленные дела не оставляют мне права ожидать от вас более 2–3 строчек в месяц. Я всё ещё кашляю и страдаю от головных болей. Вся Москва побывала у меня и, поскольку я утомляюсь равно как от визитёров, так и от визитов, я начала отдавать визиты.

Господин Еропкин очень ценит то, что вы сделали для его протезе, он поручил мне вас поблагодарить и передать вам приветы и наилучшие пожелания.

Страхов уверяет всех, что вы скоро переведёте его в Петербург на более высокий пост. Все здесь недовольны тем, что Салтыков возвращается сюда на пост нашего шефа. Не могу гарантировать справедливость общего мнения, но, по словам двух лиц, которые были в Криминальном Правлении, его превосходительство захватил более 700 тысяч рублей; абсолютно верно, что он берёт 12 тысяч рублей на дрова на отопление своего дома, и что торговцы бесплатно поставляют ему свечи. Каверин получает от него нелепые приказания и выговоры. Он не осмеливается беспокоить вас своими письмами, но он уже в течение шести недель просит о разрешении оставить

свой пост. Он говорит, что поскольку графиня и господин М. воруют, было бы лучше, чтобы она являлась ответственным лицом. Тогда, может быть, было бы больше умеренности»⁴⁹.

Пётр Дмитриевич Еропкин – генерал-аншеф, московский губернатор, родственник Е.Р. Дашковой по мужу.

П.И. Страхов – профессор московского университета.

Каверин – московский обер-полицмейстер.

(Троицкое. 1802)

«11 мая.

Я только что получила 12 штофов ликёров из Мурина, за что вам приношу мою сердечную благодарность. Письмо, которое я получила из Москвы, достойно того, чтобы я из него кое-что пересказала вам. Мне сообщают, что вы сейчас более могущественный и значительный, чем когда-либо, что император бывает у вас подолгу и вас возит в своём экипаже на его семейные обеды у императрицы-матери, кроме того, все надеются, что вы преодолёте ошибки и сопротивление администрации и добьётесь снижения налогов и контрибуций; при Павле не было отменено ни одного повышенного налога, и продажность судов всё возрастает. Губернатор держит себя надменнее, чем когда-либо, с зятем Державина они лучшие друзья. *В Коломне за счет обывателей велено строить во всяком селении, в котором может поместиться эскадрон, не разбивая, как на полуэскадроны, конюшни. Граф Санти меня уверял, что ему более двух тысяч станет, ибо в Коломне лесу нет и дорог.* Как видите, у меня дела идут всё хуже. Я потеряла всякую надежду на улучшение моего положения.

Желаю, чтобы вы не подорвали окончательно своего здоровья и принесли пользу отечеству, а не только разделяли всеобщую растущую ненависть к администрации.

Завтра день рождения моего сына. Он обещал приехать ещё до моего пробуждения. У меня будут все соседи, которые помнят об этом»⁵⁰.

(1802)

«Москва, 16 ноября.

Новую министерскую организацию здесь воспринимают неоднозначно, и умирают от смеха над доводами, о которых слышно

по этому поводу. Доклады Державина шокировали всех сенаторов Москвы, особенно его предложение о том, что каждый из них должен дать письменное обоснование их суждений. Я сказала одному из сенаторов, что я считаю, что их не могут лишить права голоса иначе как через суд, на что он ответил, что я имею мнение de***, хотя он ещё никому не сообщал. Здесь собирают средства на освещение города, хотя уже собрали в прошедший июнь все налоги: одни дают, другие отказывают, и этих последних очень много. Толь – бывший начальник полиции, сказал, что в его время на содержание полиции отводилось всего 130 тысяч рублей, и ещё оставались деньги, в то время как Гертель истратил 530 тысяч за 11 месяцев. Что касается Гертеля, граф Валентин Пушкин сказал мне, что Каменский писал, между прочим, своей жене такие слова: *“У нас все послушно и покорно для того, что теперь в Петербурге чорт и диавол управляют. Гертель диавол, а я над ним чорт и сатана”*. Каменская имела неосторожность показать письмо своего мужа, и это стало забавой и поводом для смеха во всех слоях общества.

Однако мне следует сделать передышку в болтовне с министром, который не может терять время, тем более что министр этот всегда дорогой брат вашей Дашковой»⁵¹.

Граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин был соседом Е.Р. Дашковой. Он жил через улицу в бывшем доме Я.А. Брюса, после смерти которого женил своего сына Василия на Екатерине Яковлевне Брюс, дочери хозяина дома.

«5 февраля 1803.

Наш дорогой Воронцов здесь уже два дня. Он очень хотел выразить вам лично своё почтение, но он раб своей военной службы. Он только что написал то, что я прилагаю, чем я очень довольна. Он мне сказал: “я набрался терпения, надеясь, что другие полки нас заменят, но необходимость оставаться наподобие ссыльного девять лет в Каменогорске и быть забытым так долго, меня лишают последнего мужества”. Помогите ему, мой друг, выбраться оттуда на любой пост и вы сделаете доброе дело, потому что этот молодой человек любезен и достоин уважения. Все, кто помнят покойного канцлера, находят, что он очень на него похож, и я его сравнила с портретом Ротари, который я имею от моего дяди, и нашла сходство поразительным.

Дело Зеркальникова, который украл 54 тысячи, занимает весь свет, но не из-за суммы, а из-за сопутствующих обстоятельств. Мясоедов дал 360 крестьян, чтобы приостановить дело, и правительство не опубликовало запрещение, и Мясоедов продал эти земли, поскольку он один знал и осуществлял эти акты. *Донос о Зеркальникове без действия и допросов 10 дней оставили, дабы Пименов успел также все свое имение перепродать; другой член ядом отравился и умер.* Ещё одно плутовство на повестке дня. Дом Тамесса, купленный за 175 тысяч рублей, будет продан в марте за 35, потому что канцелярия Салтыкова всегда наполовину канцелярия губернатора, это два шефа канцелярии: один делится с Мятлевым и Тихомировым и со своим шефом – губернатором. *Два торга уже были. Два капитана-исправника здешней губернии, уличенные в грабежном поборе, вслух извиняются тем, что они должны по 1000 руб. в год губернатору посылать.* Здесь распространилась ненависть и презрение, уверяют, что он хотел подать в отставку, но вы склонили его остаться, как человека, услуги которого ценны»⁵².

В начале письма речь идёт о двоюродном племяннике Е.Р. Дашковой Еврафе Алексеевиче Воронцове. Он был воспитанником Екатерины Романовны с семи лет. Ему она оставила в завещании деньги. Александр Романович и княгиня называли его маленьким Воронцовым.

(1803)

«29 марта.

Тысячу, миллион раз благодарит вас ваша старая и больная сестра за ваше последнее письмо и принимает с благодарностью предложение посылать ей гамбургские газеты; Страхов больше мне не пишет после того, как просил у меня займа 3 или 4 тысячи рублей, хотя он ещё не заплатил 5% на 2000 руб., которые должен с ноября; я ему ответила очень вежливым отказом, мотивированным необходимостью спасти секвестрованные имения сына. Вы мне говорите о зиме, а я здесь уже 3 дня в настоящей весне; снег стаял на моём дворе и на террасе, с северной стороны реки, горы обнажились, и река вышла из берегов. Воздух ароматный; дикий цикорий и свежая крапива уже 6 дней на моём столе.

Мой сын пишет, что должен задержаться на несколько дней в Москве; необходимо перевести экипажи на летнее положение.

У меня со вчерашнего дня реку переезжают на пароме. Не знаю, как Арина Ивановна могла третьегоднись предпринять свой путь. Захару Николаевичу свидетельствую свой дружеский поклон. Не стану говорить о своей безграничной любви к вам; скажу только, что во время пребывания здесь моего сына, я, наполненная радостью видеть и слышать его, мысленно часто, однако, устремлялась к вам и раз 20, вместо того, чтобы назвать по имени сына, по ошибке, прозносила возлюбленное имя моего брата. Прощайте, да хранит вас небо от всех несчастий!»⁵³.

(1803)

«26 июня

В ответ на замечание в вашем письме, где вы говорите, что я гранд-дама и более чем обеспечена для своего образа жизни, я отвечаю, что у меня двое детей: один всё ещё имеет долги, а другая имеет очень среднее состояние. Я сделала завещание и никогда в нём ничего не изменю, все мои деньги распределены между различными лицами. Я не буду брать из этих средств для выплаты банку 44 тыс. рублей с тем, чтобы моё завещание могло быть исполнено без поддержки после моей смерти: таким образом, у меня долг в 44 тыс. рублей. В прошлом году император торжественно обещал мне взять этот долг на себя; затем прошло несколько месяцев, пока собирались написать указ, и я не знаю, должна ли я и каким образом нужно переслать 2.640 рублей процентов, которые нужно передать в банк через 15 дней. Что касается моего «гранд», это не мешает губернатору уже в течение 5 лет издеваться надо мной, и я не могу добиться простейшей справедливости относительно моих земель в Волоколамске. В настоящее время губернатор изменил станцию моих крестьян для ремонта дорог, которая была у них в течение 5 лет и которую они сами отремонтировали и содержали в порядке. Он выслал указ Губернского правления о передаче им участка дороги на 46 вёрст дальше, чем прежний участок, и когда мои крестьяне попытались взять в аренду ещё участок у соседей их нового участка, с них потребовали по 1 рублю с человека.

Вот и всё, что доказывает, что я не гранд-дама и не богатая дама. Но что касается этого мерзавца губернатора, то я надеюсь, что он будет наказан для примера и на благо жителей Москвы. Этот Дьяков, который тоже, по примеру своего зятя Державина, стремиться

играть роль Катона, говорит, что никогда бы не мог представить себе в отдалённой губернии такого плохого правительства: *в Губернском Правлении 750 дел нерешенных, 240 дел решенных, но не выполненных, в Надворном Суде с 1000 нерешенных, 600 решенных, но не выполненных*. Господин Еропкин, который вчера был у меня и который мне поручает тысячи вещей для вас, рассказал мне это, а также и то, что Рост, его протеже, которому вы выхлопотали чин и который тесно связан с Дьяковым, ему сказал, что последний не перестает удивляться, как Аршеневский мог приобрести репутацию хорошего губернатора»⁵⁴.

Катон (II в. до н.э.) – римский цензор, оратор; отличался строгой честностью. Рост – профессор Московского университета, издавший письма Екатерины II к П.Д. Еропкину.

(1803)

«17 августа.

Я долго вам не писала, дорогой друг, потому, что после моего последнего письма, я совершила очень утомительную поездку, чтобы выполнить обещание, данное 3 года назад – посетить в деревне канцлера. После этой поездки я заболела, а сейчас принимаю московских визитёров. В конце концов, неутомимый и не очень ловкий работник, я поранила себе правую руку. Сейчас уже всё прошло, и я спешу поблагодарить вас за последнее письмо и прошу переслать прилагаемое моему брату. Он, его дочь и мои друзья мне написали через мисс Вильмот, которая, наконец, приехала. Обнимите за меня лентяя Мишеньку, который не написал мне ни строчки. У меня нет ни минуты для себя самой, потому, что если я не присмотрю повсюду сама, всё рухнет и пропадет, а урожай это не то, чем я могу пренебречь после трёх неурожайных лет всех видов зерна»⁵⁵.

Е.Р. Дашкова ездила в имение графа И.А. Остермана.

Мисс Вильмот – Марта Вильмот, приехала к княгине из Ирландии в августе 1803 г. и гостила у неё до осени 1808 г.

Мишенька – М.С. Воронцов, который, видимо, посетил дядю, приехав с Кавказа, где служил в корпусе П.Д. Цицианова.

«30 ноября 1803.

Я вам писала, мой дорогой друг, накануне 24, и, так как у меня было очень много народа в этот день, получив письмо от литера-

тора, которому м-р Трощинский протезировал, я поручила моему сыну, который был здесь, передать его вам. Вот вам наш племянник Санти, который только что получил пощёчину, тем более оскорбительную, что это один из его подчинённых, который был назначен прокурором. Если бы, по крайней мере, ему дали орден Владимира II степени; ради Бога, и из уважения ко всей нашей семье, сделайте что-нибудь для него.

Вы увидите мою дочь в Петербурге. Чихачов, после шести лет, в которые я уплатила все её долги, предъявил мне претензию на 10 тысяч рублей, и через шесть недель пустят в продажу часть её земли. Было бы несправедливо, мой друг, если бы мне пришлось выпрашивать у вас милости для неё. Я отдаю вам должное, мой дорогой друг, за то, что вы, зная, что у меня есть только эти двое детей, которые мне дороги больше жизни, любите их также»⁵⁶.

24 ноября Дашкова отмечала свои именины.

Мы не знаем, встречалась ли княгиня с братом Александром Романовичем так же часто, как раньше, после приезда к ней Марты Вильмот. Нам известно лишь по письму Марты от 11 февраля 1805 г., что Екатерина Романовна обедала в Москве у брата А.Р. Воронцова. Это был последний год его жизни.

(1805)

«Троицкое, 13 апреля.

Здесь всеобщее беспокойство по поводу слухов о войне и передвижениях наших войск. Довольны только солдаты (в том числе под командованием Павла), которые надеются, что будет необходимо изменить и отставить в сторону мучительную муштру, которую они ненавидят. Для офицеров, большая часть которых не имеет средств для покупки лошади, – это надежда разбогатеть за счёт грабежа.

Я рада, что вам понравилась моя крупа, но вы мне не сообщили, получили ли вы мои две посылки. Когда вы приедете в Матренино, я вам пришлю ещё. Прикажите мне послать из Матренино несколько ананасов, мои погибли. Я буду вам также благодарна, если вы прикажете своему управляющему мне передать годовой взнос водки с фабрики в Мурино, потому, что у меня не осталось ни капли, а также передать мне годовой пенсион, который эта фабрика мне выдаёт. Я не получила этой зимой причитающуюся мне сумму.

Ради Бога, постарайтесь помочь нашему уважаемому племяннику Лярскому, с ним делают что-то непонятное. Первым указом ему назначили единовременный пенсион в 600, вторым – 300, и третьим – 3000. Его зятю Волкову повезло не больше с графом Романцовым. Он был у меня и рассказал мне о некоторых подробностях, которые ещё более укрепили мою веру в систему Декарта. Только Бог может спасти нас от того, чтобы все эти вихри, несущиеся к столкновению, не принесли нам страшную бурю. Если я увижу, что вас не затронуло это движение, я благословлю небо и умру спокойно.

Боли в моей левой груди стали более определёнными, но опухоли нет, возможно, я умру менее мучительной, чем от рака, смертью.

Я сегодня спокойно отдыхаю; я провела целый час на воздухе в своём саду. Я весела и даже напевала арию»⁵⁷.

За месяц до своей кончины Александр Романович по просьбе сестры, заканчивающей свои мемуары, выслал ей несколько исторических справок для уточнения событий и дат, описываемых ею. Черновик его письма, написанного по-французски, к счастью, сохранился. Приводим здесь первую его часть:

«Её Превосходительству Мадам княгине Дашковой.
Матрёино, 28 октября 1805.

В вашем последнем письме, мой дорогой друг, вы пожелали узнать даты нескольких периодов для мемуаров, которыми вы занимаетесь. Я с огромным удовольствием узнал от вас, что они очень продвинулись, и я готов удовлетворить вашу просьбу насколько могу...»⁵⁸.

Поскольку писем А.Р. Воронцова к сестре не сохранилось, за исключением четырёх самых ранних и одного этого последнего, считаем, что исследователям жизни двух замечательных людей будет интересно прочесть нижеследующее – наставление графа своему слуге о том, как встречать княгиню у него в Андреевском.

Наставления графа Александра Романовича Игнатию Богданову о домашнем хозяйстве во время пребывания княгини.

«26 февраля 1802 года

Наставление Игнатию Богданову.

1. *Стол должен состоять из двух чашек супов, пирожное и холодное блюда и по переменам розбив, говядина разварная, баранина*

- один день жареная а в другорядь вареная. Солонина ветчина, 2 горячих соусов, жаркое, зелень какая либо и пирожное [а иногда кисель или бламанже].
2. Десерт из четырех тарелок арбуза, пока есть, яблоки, тарелка изюму с черносливом по переменам и тарелка варенья. А когда арбузов не будет заменять еще тарелкою варенья а – иногда сухих конфект и виноград моченой когда привезется.
  3. Наблюдать чтоб была и рыба подаваема [за стол иногда горячая и холодная сверж] того каждую неделю подавать сток-фиши в пироге пой-бил и макароны, кои должны быть в пироге – Супы переменять, чтоб не все были одинакия а также и пирожное переменно. [Да и соус переменной и за поваром наблюдать дабы не все одно подаваемо было].
  4. Вина ставить в ведре красного и передо мною бутылку белаго: вендеграф, бержерак и мозель-вейн по переменно, но чего более, того чаще, да десерт держать по рюмке сладкого вина, фронтоньяк, люнель и из италианских вин, а иногда и малаги; так же чтоб в буфете было полпиво и кислые щи, дабы не бегать за ними на погреб когда спросят, как то нередко случается. При жарком подавать по стакану пива, которое наподобие Аглинского.
  5. Ужин должен распоряжен быть применяясь к тому, что княгиня употребляет, но так распорядить чтоб недостатку не было во время как она здесь будет. Ужины отменяются ибо за сим же столом ужин будут ставить. За ужин бутылку красного португальского вина и белаго молдавского. А при конце стола по рюмке сладкаго. За ужином нет десерта. Ставить также полпиво и кислые щи [в бутылках].
  6. Девушкам и официантам княгининым обедать и ужинать в зале и с теми кои при них служат, а лакеев кормить на кухне. Игнатей имеет наблюдать чтоб столы были приличныя. За стол где девушки обедают отпускать по два кувшина свареннаго пива и кисляя щи, а для лакеев кисляя щи.
  7. [Приезжим] официантам жить в комнате, что я указал, а лакеям в лакейской, поставя для того кровати/
  8. В комнату к княгине ставить по вечерам два шандала с восковыми свечами, а в протчия комнаты маканная свечи, так же и для девушек ставить два двойныя шандала с двумя восковыми

свечами в каждом да на двух столах по восковой свече, разумеется во время только ужина.

9. На все время сколько княгиня здесь пробудет Игнатей имеет у себя чайные приборы, а в предспальной остается только прибор единственно для меня поутру и для того ему взять приборы, а чай и сахар брать от Гнездарева.

Поутру что понадобится для княгини кофе или чай, подавать, ибо она обыкновенно завтракает с барышнями, девушкам давать так же чаю по утрам но из расхожего.

После обеда чай подавать когда мы все соберемся часу в шестом в малиновую или в каминную, а из предспальной чаю уже подавать не будут. По утрам чай посылать должен Игнатей к господам как из предспальной чинилось, употребляя на то расхожей чай – И для того ему взять с начала чая зеленого хорошаго фунт да расхожего фунт и голову сахара, а изойдет ответ требовать, для разноски чаю может употреблять помощников из казначейской, а в прибавок кого из лакеев или из разночинцев.

10. Наблюдать ему чтоб вверху официанты и протчия так же и лакеи были всегда в опрятности. Вверху где будут жить барышни определить человека который бы там числился и за верхом смотрел, а для услуг княгини одного из официантов и истопник неперемнной чтоб знал уже как топить комнаты ея»⁵⁹.

В квадратные скобки взяты слова, которые вписаны рукой Александра Романовича.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 594.

² Там же.

³ Дашкова Е.Р. Записки. Калининград, 2001. С. 7.

⁴ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. М., 1885. С. 191.

⁵ Там же. Кн. V. М., 1872. С. 106.

⁶ Там же. Кн. XXXI. С. 26.

⁷ РА. 1912. Т. I. С. 9.

⁸ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 158.

⁹ Там же. С. 173.

¹⁰ Там же. С. 174.

¹¹ Там же. С. 176.

¹² Там же. С. 231.

¹³ Там же. С. 231–232.

¹⁴ Там же. С. 203–204.

- ¹⁵ Там же. С. 183–184.
¹⁶ Там же. С. 197.
¹⁷ Там же. Кн. XII. М., 1877. С. 329–330.
¹⁸ Там же. Кн. V. С. 211–213.
¹⁹ Там же. С. 206.
²⁰ Там же. С. 204–205.
²¹ Там же. Кн. XII. С. 330–331.
²² Там же. С. 331.
²³ Там же. Кн. V. С. 202–203.
²⁴ Там же. Кн. XII. С. 334.
²⁵ Там же. С. 337.
²⁶ Там же. Кн. V. С. 230–231.
²⁷ РА. 1912. Т. I. С. 17–18.
²⁸ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 267.
²⁹ Там же. С. 267–268.
³⁰ Там же. С. 270–271.
³¹ Там же. С. 271–272.
³² Там же. С. 269.
³³ Там же. С. 269–270.
³⁴ Там же. Кн. XII. С. 361.
³⁵ Там же. С. 364–367.
³⁶ Там же. Кн. V. С. 269.
³⁷ Там же. С. 213–215.
³⁸ Там же. С. 274.
³⁹ Там же. С. 276–277.
⁴⁰ Там же. С. 277.
⁴¹ Там же. С. 278–279.
⁴² Там же. С. 280–281.
⁴³ Там же. Кн. XII. С. 363.
⁴⁴ Там же. С. 341–342.
⁴⁵ Там же. С. 342–344.
⁴⁶ Там же. С. 346–347.
⁴⁷ Там же. С. 350.
⁴⁸ Там же. С. 350–351.
⁴⁹ Там же. С. 348.
⁵⁰ Там же. С. 3.
⁵¹ Там же. С. 347–348.
⁵² Там же. С. 351–352.
⁵³ Там же. Кн. XXI. М., 1881. С. 446.
⁵⁴ Там же. Кн. XII. С. 352–353.
⁵⁵ Там же. С. 363–364.
⁵⁶ Там же. С. 448–449.
⁵⁷ Там же. С. 355–356.
⁵⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 63. Л. 7.
⁵⁹ Там же. Оп. 7. Д. 1203.

К РОДОСЛОВНОЙ Е.Р. ДАШКОВОЙ: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ РОДОВ КНЯЗЕЙ ДАШКОВЫХ И ГРАФОВ ВОРОНЦОВЫХ-ДАШКОВЫХ С РОДОМ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ А.Д. МЕНШИКОВА

Е.Н. Поляхова

кандидат физико-математических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Семья Дашковых

Семья Дашковых вместе с рядом других именитых русских фамилий вела своё происхождение от легендарного князя Рюрика. Члены семьи служили Отечеству как воеводы, стольники и бояре, но к XVIII столетию Дашковы уже не находились в центре политической власти: их влияние ослабло, они жили вдали от императорского двора в Москве или в подмосковных усадьбах. Тем не менее, они всегда гордились древностью своего рода, будучи Рюриковичами.

Родоначальником княжеского рода Дашковых принято считать смоленского князя Александра Святославовича (?–1408), потомка Рюрика в семнадцатом колене, получившего прозвище «Дашек»¹. После занятия Смоленска литовцами он переехал в Москву в правление великого князя московского Василия I. Потомки Дашека стали именоваться князьями Дашковыми. Они служили воеводами в казанских походах царя Ивана Грозного, значились среди воевод многих русских городов. Один из них, князь Пётр Андреевич Дашков, был убит под Калугой в Смутное время. Его брат Иван Андреевич Дашков проявил себя в 1612 г. вместе с князем Д.И. Пожарским, сражаясь с польскими интервентами у Арбатских ворот в Москве. С 1618 г. он стал воеводой в Брянске. Позднее, в 1633 г., он оборонял Москву от набега крымских татар.

Прадед супруга Екатерины Романовны, князя М.И. Дашкова, князь Иван Иванович Дашков, был стольником, с 1671 г. – судьёй, позже – окольничим. Царским стольником был и его сын, князь Пётр Иванович. Среди крепостных записей книг московской Юстиц-коллегии удалось отыскать следы брачных обязательств представите-

лей княжеского рода Дашковых, относящихся к началу XVIII в. Так, одна из записей свидетельствует: «16 января 1714 г. стольник князь Пётр Иванов сын Дашков и Кирилл Борисов сын Чириков сговорили дочь Петра Ивановича княгиню Марфу в замужество за лейб-гвардии солдата князя Фёдора Петрова сына Сонцова-Засекина»².

В дополнение к этой записи сообщается, что князь Пётр Иванович Дашков принадлежавший к старинному роду князей Смоленских, был стольником царицы Наталии Кирилловны (1651–1694), второй жены царя Алексея Михайловича, матери царя Петра I³. В дальнейшем князь Пётр Иванович Дашков дослужился до царского стольника у царя Алексея Михайловича. Дочь князя Марфа Петровна (род. ок. 1695 г.) первым браком была за князем Василием Андреевичем Волконским (1688–1712). Её второй муж, князь Фёдор Петрович Сонцов-Засекин (Солнцев, Сонцев – см. выше), в момент женитьбы числился солдатом лейб-гвардии Преображенского полка, а позднее получил чин капитана-поручика в том же полку. Их дочь Мария Фёдоровна вышла замуж за Петра Васильевича Салтыкова.

Княгиня Марфа Петровна – это тётка Михаила Ивановича Дашкова – мужа Екатерины Романовны Дашковой, а Кирилл Борисович Чириков – брат второй жены князя Петра Ивановича Дашкова урождённой Чириковой. Его первой женой была Софья Леонтьевна Лопухина (1665–1681)⁴, а третьей женой П.И. Дашкова (с 1693 г.) была дочь майора Фёдора Палибина Евфимия Фёдоровна⁵ (или Богдановна)⁶, от которой у князя были сын Иван и дочь Марфа.

Князь Иван Петрович Дашков (1694–1743), свёкор Екатерины Романовны, как и второй муж его сестры Марфы, числился сначала солдатом, а потом капитаном лейб-гвардии Преображенского полка. Он скончался в год рождения своей будущей невестки, в 1743 г., и по семейной традиции был погребён в московском Новоспасском монастыре.

Князь Иван Петрович Дашков был женат три раза. Первый раз, в 1712 г., он вступил в брак с дочерью стольника Афанасия Михайловича Дмитриева-Мамонова Еленой Афанасьевной, скончавшейся в 1724 г. Екатерининский фаворит Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов (1758–1803) был внуком брата Елены Афанасьевны, адмирала Василия Афанасьевича Дмитриева-Мамонова (?–1739). Другим внуком адмирала был знаменитый писатель Денис

Иванович Фонвизин. Правнуком другого брата Елены Афанасьевны, Алексея, был известный деятель, основатель Этнографического музея в Москве Василий Андреевич Дашков, представитель одного из дворянских родов Дашковых (см. ниже). Второй раз Иван Петрович женился на княжне Евдокии Яковлевне Кольцовой-Мосальской, дочери стольника и воеводы князя Якова Ивановича. После её кончины в 1735 г. И.П. Дашков вступил в брак в третий раз – с Анастасией Михайловной Леонтьевой (1712–1774), дочерью бригадира кавалерии, а позднее генерала-аншефа Михаила Ивановича Леонтьева (1682–1752)⁷. Анастасия Михайловна по отцу, приходилась двоюродной племянницей царице Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I, и её пяти братьям.

Дом овдовевшей княгини Анастасии Михайловны Дашковой в Москве стал первым пристанищем Екатерины Романовны в этом городе. Он располагался в Леонтьевском переулке недалеко от Тверской улицы. Своим названием переулок обязан фамилии отца Анастасии Михайловны, генерала М.И. Леонтьева, построившего здесь собственный дом в середине XVIII столетия. У Анастасии Михайловны Леонтьевой был родной брат Николай Михайлович Леонтьев (1717–1769) и три сестры: Анна (1715–1782), Елизавета (1727–1800) и Мария (1737–1787), урождённые Леонтьевы. Вся семья жила в Москве.

Сыном супругов Ивана Петровича и Анастасии Михайловны Дашковых был князь Михаил-Кондратий Иванович Дашков (1736–1764), камер-юнкер, бригадир, полковник лейб-гвардейского Кирасирского полка, посланник в Константинополе, муж Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810). Кроме единственного сына Михаила у супругов Дашковых было четыре дочери: Елена Ивановна, которая была замужем за полковником князем Михаилом Сергеевичем Долгоруким (?–1776), Александра Ивановна (1739–1769), которая в 1765 г. стала первой женой армии генерал-майора Фёдора Ивановича Глебова (1734–1799), Анастасия Ивановна (?–1763), которая скончалась в детстве, и Мария Ивановна, которая вышла замуж за Василия Петровича Лачинова и имела трёх дочерей: Наталию, Елизавету и Анастасию⁸. По поводу брака Александры Ивановны с Глебовым отметим: «1765 января 14 била челом княгиня Настасья Михайловна Дашкова, вдова князя Ивана Петровича Дашкова,

сговорила она дочь свою, княжну Александру Ивановну Дашкову за армии генерал-майора Фёдора Ивановича Глебова, а за ней состоит Пошехонского уезда в деревне Карповой 287 душ»⁹.

Род князей Дашковых оборвался на следующем поколении – на сыне Михаила Ивановича и Екатерины Романовны Дашковых – князе Павле Михайловиче Дашкове (1763–1807), у которого не оказалось законных наследников. Павел Михайлович, праправнучатый племянник А.Д. Меншикова, был с 1782 г. адъютантом светлейшего князя Г.А. Потёмкина. С 1788 г. он стал бригадиром, с 1790 г. – генерал-майором, с 1798 г. – военным губернатором Киева, с 1801 г. – предводитель дворянства Московской губернии. Его женой была дочь купца Анна Семёновна Алфёрова (1768–1809). Дочь Михаила Ивановича и Екатерины Романовны Дашковых Анастасия Михайловна (1760–1831) была замужем за офицером Андреем Евдокимовичем Щербининым, сестра которого Елена Евдокимовна – мать поэта и героя войны с Наполеоном Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839).

Такова в общих чертах генеалогия семьи князей Дашковых за интересующий нас период времени. Если генеалогия Екатерины Романовны Дашковой по линии её мужа Михаила Ивановича Дашкова известна достаточно подробно¹⁰, то линия Леонтьевых, из рода которых происходила её свекровь Анастасия Михайловна, освещена гораздо слабее. Тем не менее, эта линия интересует нас по их родственным связям с Меншиковыми. Кроме того, сама Екатерина Романовна благодаря своему браку в 1759 г. с князем М.И. Дашковым приобрела через Леонтьевых множество новых титулованных родственников и свойственников: князей Долгоруких, Гагариных, Куракиных, графов Паниных и др. В окружении многих из них она и оказалась, приехав в Москву.

Пересечение рода князей Дашковых с родом Меншиковых

Рассмотрим теперь родство семьи Дашковых (точнее – пересечение или свойство) с семьёй Меншиковых¹¹.

Александр Данилович Меншиков (1673–1729) – одна из ярчайших фигур российской истории, выдающийся государственный и военный деятель. Происходя из безвестной семьи, он поднялся до фаворита и ближайшего соратника Петра I и Екатерины I, стал гра-

фом Священной Римской империи (с 1702 г.), генерал-губернатором Санкт-Петербурга с момента его основания (с 1703 г.), светлейшим князем и герцогом Ижорским (с 1707 г.), генерал-фельдмаршалом (с 1709 г.), генерал-губернатором Эстляндской губернии (с 1714 г.), членом Лондонского королевского общества (с 1714 г.), президентом Военной коллегии (с 1718 г.), полным адмиралом и генералиссимусом морских и сухопутных войск России (с 1726 г.). В 1727 г. он был лишён всех титулов и званий и сослан в Берёзов, где и умер в 1729 г.

От А.Д. Меншикова пошёл княжеский род Меншиковых. Его сын, князь Александр Александрович (1714–1764), обер-камергер, был сослан в Берёзов вместе с отцом в 1727 г., возвращён из ссылки в 1731 г, а в 1764 г. стал генерал-аншефом. Ему и его потомству был возвращён титул светлейшего князя. А.А. Меншиков участвовал во многих военных кампаниях, в том числе в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. и в Семилетней войне 1756–1763 гг.

Его сын, светлейший князь Сергей Александрович (1746–1764), стал сенатором, а внук, светлейший князь Александр Сергеевич (1787–1869), был военным и государственным деятелем, генерал-адъютантом, адмиралом. Со смертью сына последнего, светлейшего князя Владимира Александровича (1815–1893), пресёкся род князей Меншиковых по мужской линии. Их майорат, фамилия и титул перешли в род Корейш. Всего выявлено 702 потомка А.Д. Меншикова по мужской и по женской линиям со второго по двенадцатое колено¹².

Что касается происхождения А.Д. Меншикова, то прямых достоверных сведений об этом нет, тем более, что вокруг его личности возникло множество легенд. В настоящее время историки выдвигают разные версии¹³. Отец светлейшего князя Данила Меншиков (1645–1695) со своей женой Анной Игнатьевной (1650–1695) имели единственного сына Александра Даниловича и нескольких дочерей, в именах и датах жизни которых наблюдается генеалогическая путаница. Татьяна Даниловна (?–1746) была замужем за Иваном Калиновичем (Калинниковичем) Пушкиным (из его рода происходил и поэт А.С. Пушкин). Мария Даниловна (или Марфа, или Матрёна, 1680–1718) состояла в браке с генерал-майором Алексеем Алексеевичем Головиным (см. ниже). Анисья Даниловна (1684–?) была женой

некоего Толстого. Анна Даниловна (1689–?) вышла замуж за графа Антона Мануйловича Девиера (1674–1745). А.Д. Меншиков противился этому сватовству по причине «безродности» А.М. Девиера, и только вмешательство Петра I. Сделало возможным этот брак.

Кроме того, ещё одна сестра, дата рождения которой определяется примерно как 1670 г., а имя которой вовсе не выяснено (есть предположение, это как раз была Татьяна, а за Пушкина вышла другая сестра, возможно – Матрёна Даниловна)¹⁴, состояла в браке с Василием Александровичем (Алексеевичем?) Эверлаковым (Эварлаковым, Еверлаковым), подъячим, приближённым царевича Алексея Петровича, управляющим его вотчинами. Путаница в именах сестёр Меншикова происходит ещё и из-за имени Матрёна, которое могло быть домашним уменьшительным именем как от Марии, так и от Марфы.

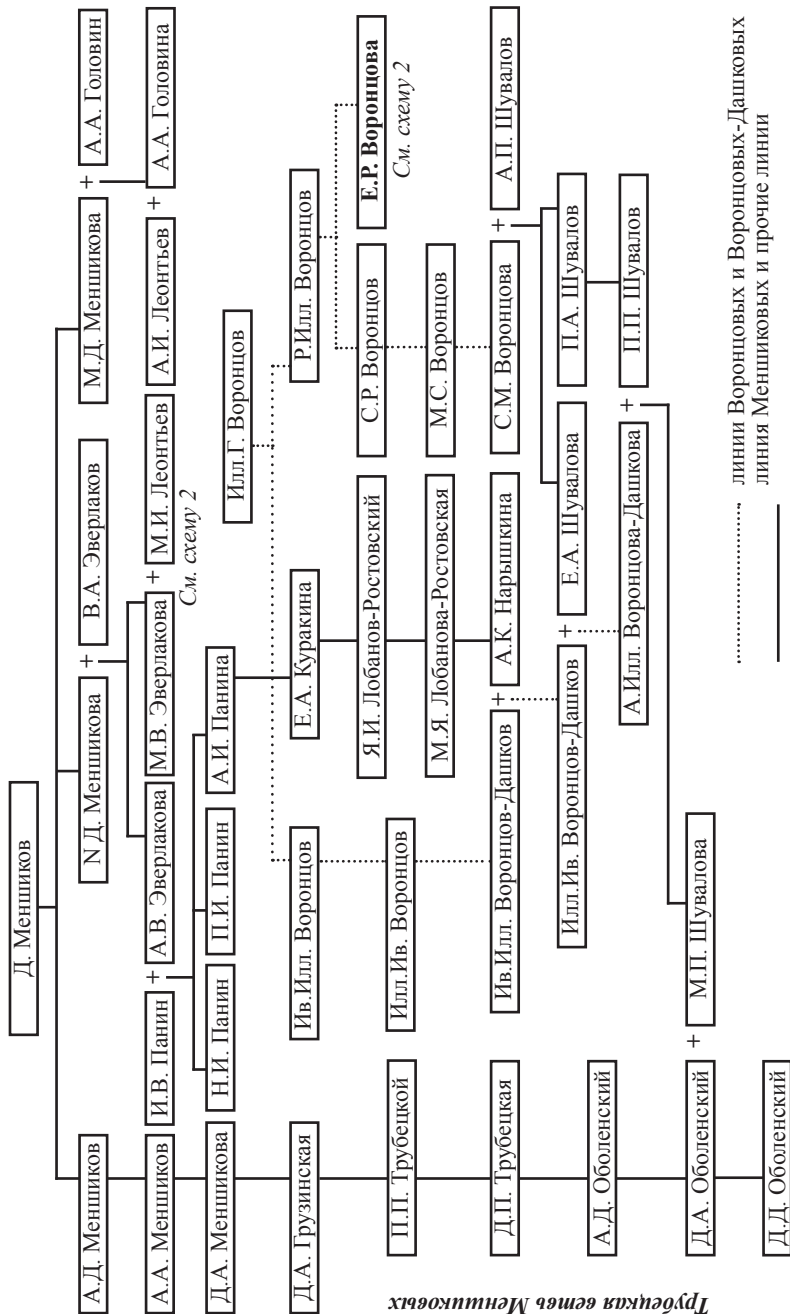
По некоторым данным, сестра А.Д. Меншикова Анисья Даниловна Толстая в родословной Толстых отсутствует¹⁵. Возможно, её путают с Аксиньей (Ксенией), сестрой жены Меншикова (см. ниже). С другой стороны, возможно, что речь идёт о каком-либо сыне (не попавшем в родословную роспись Толстых) графа Петра Андреевича Толстого (1645–1729), высокопоставленного дипломата петровского времени, который пострадал от А.Д. Меншикова: после смерти Петра I он был сослан на Соловки вместе с сыном Иваном.

Итак, более или менее достоверно известно про имена и браки лишь двух сестёр А.Д. Меншикова: про графиню Анну Даниловну Девиер и про Марию Даниловну Головину. Мы остановимся на версии, что какая-то из остальных их сестёр, имя которой точно неизвестно, была замужем за Эверлаковым.

У четы Эверлаковых было две дочери: Мария Васильевна (1687–1746) и Аграфена Васильевна (1688–1753). В некоторых источниках сестра Марии названа Агриппиной. Обе они вышли замуж за военных, причём представителей весьма известных в петровское время семейств. Точные даты их браков установить не удалось, однако иногда указывается, на наш взгляд, вполне вероятная дата брака Марии Васильевны Эверлаковой с Михаилом Ивановичем Леонтьевым – 1710 г.¹⁶

Итак, по двум племянницам А.Д. Меншикова, Марии (будущая линия Леонтьевых) и Аграфене (будущая линия Паниных),

Схема 1. Пересечение рода А.Д. Меншикова с родами Воронцовых и Воронцовых-Дашковых

Грубецкая есть Меншиковских

проследим два пересечения рода Меншиковых с родом Дашковых и Воронцовых-Дашковых.

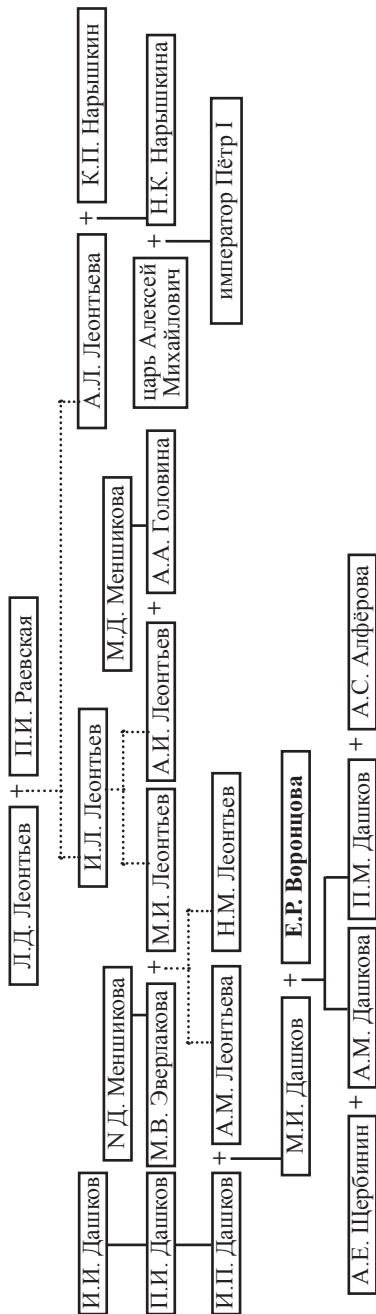
Мария Васильевна Эверлакова (1687–1746) вышла замуж в Москве около 1710 г. замуж за Михаила Ивановича Леонтьева (1682–1752). Это – родители как Анастасии Михайловны (1712–1774), свекрови Екатерины Романовны, так и трёх её сестёр и брата Николая Михайловича Леонтьева. Таким образом, одна из сестёр А.Д. Меншикова (её имя осталось неизвестным) была прабабушкой князя Михаила Ивановича Дашкова – мужа Екатерины Романовны.

Дочь Марии Даниловны, урождённой Меншиковой, и Алексея Алексеевича Головина, Анна Алексеевна (1700–?), племянница А.Д. Меншикова, вышла замуж в 1717 г. за Александра Ивановича Леонтьева (1685–1718), морского флота поручика, коменданта Кексгольма¹⁷. Свадьбу отпраздновали во дворце А.Д. Меншикова. У супругов Головиных был сын, но его имя и судьба остались неизвестными.

Напомним, что отец Анны Алексеевны А.А. Головин в 1709 г. попал в плен к шведам в битве под Полтавой и был освобождён войсками А.Д. Меншикова во время битвы под Переволочной (о чём светлейший князь упоминал в письме к жене). А.А. Головин, дослужившийся до генерал-майора, был братом знаменитого военного деятеля петровского времени, генерал-фельдмаршала и адмирала графа Фёдора Алексеевича Головина (1650–1706), второго из россиян, удостоенных титула графа Священной Римской империи после А.Д. Меншикова, и отца не менее знаменитого российского адмирала Николая Фёдоровича Головина (1695–1745), президента Адмиралтейств-коллегии с 1733 г., командующего флотом на Балтике с 1742 г.¹⁸. Род Головиных – греческого происхождения, ведёт начало от греков Ховриных, живших в Крыму и переехавших в Москву в конце XIV в. ко двору унзяз Василия I. При Иване III боярин Иван Ховрин по прозвищу Голова участвовал в постройке Успенского собора в Московском Кремле.

Муж Анны Алексеевны (урождённой Головиной) Александр Иванович Леонтьев был сыном Ивана Леонтьевича (?–1702), брата Анны Леонтьевны (?–1706) – бабушки Петра I по матери, Наталье Кирилловне (1651–1694). Анна Леонтьевна (род. до 1641 г., ум. в 1702 г.) была женой боярина Кирилла Полуэктовича Нарышкина (1623–1691),

Схема 2. Пересечение рода А.Д. Меншикова с родом Дашковых и Леонтьевых

..... линия Леонтьевых
 _____ линии Дашковых, Меншиковых и Романовых

отца царицы. Александр Иванович Леонтьев (1685–1718) приходился родным братом упомянутому выше Михаилу Ивановичу Леонтьеву (1682–1752), мужу Марии Васильевны Эверлаковой, племянницы А.Д. Меншикова. Соответственно, Александр Иванович приходился дядей княгине Анастасии Михайловне Дашковой, урождённой Леонтьевой (1712–1774), свекрови Екатерины Романовны.

Как видим, две племянницы А.Д. Меншикова, Мария Васильевна, урождённая Эверлакова (1687–1746), и Анна Алексеевна, урождённая Головина (1700–?), которые приходились друг другу двоюродными сёстрами, вышли замуж за двух родных братьев Леонтьевых, Михаила Ивановича (1682–1752) и Александра Ивановича (1685–1718) соответственно. Это родство, а также факт свадьбы Головиных во дворце Меншикова ещё раз подтверждают, что замужем за Эверлаковым была именно одна из сестёр Меншикова.

Напомним, что род Леонтьевых происходил от татарского мурзы Абатура (Батура), выехавшего из Золотой Орды в Рязань при великом князе Фёдоре Олеговиче Рязанском (1402–1427) и принявшего православие под именем Мефодия. Его праправнук Фёдор Степанович (1480–?) имел двух сыновей – Леонтия (1510–?) и Петра, которые стали родоначальниками соответственно Леонтьевых и Петрово-Соловово¹⁹.

Наиболее интересны для нас из этого рода упомянутые выше братья Александр Иванович (1685–1718) и Михаил Иванович Леонтьевы (1682–1752). Как уже упоминалось, они оба были племянниками Анны Леонтьевны Леонтьевой – супруги боярина Кирилла Полуэктовича Нарышкина, то есть приходились двоюродными братьями их детям – царице Натальи Кирилловне и её пяти братьям, из которых наибольшую известность получил боярин Лев Кириллович Нарышкин (1664–1705), начальник Посольского приказа. Родство Леонтьевых с Нарышкиными шло по линии Анны Леонтьевны. Наталья Кирилловна, царица с 1671 г., была второй женой царя Алексея Михайловича (1629–1676), матерью царя Петра I и царевны Натальи Алексеевны.

Родственные отношения с Петром I, двоюродным дядей которого он был, позволили Михаилу Ивановичу Леонтьеву успешно сделать карьеру при жизни царя и в эпоху дворцовых переворотов. Его женой стала вышеупомянутая Мария Васильевна Эверлакова, племянница А.Д. Меншикова.

Таким образом, Леонтьевы двукратно породнились со Светлейшим Князем Меншиковым через его племянниц, а сам Светлейший через мужей своих племянниц породнился с царём.

Анна Леонтьевна Нарышкина, урождённая Леонтьева и её брат Иван Леонтьевич были детьми каширского помещика Леонтия Дмитриевича Леонтьева и Прасковьи Ивановны Раевской (ум. в 1641 г.), причём Леонтий Дмитриевич относился к пятому колону после вышеупомянутого родоначальника семьи Леонтьевых Леонтия Фёдоровича (1510–?), брат которого Пётр Фёдорович стал родоначальником семьи Петрово-Солововых (Петрово-Соловово).

М.И. Леонтьев начал службу стольником, затем служил в петровской армии: с 1700 г. – унтер-офицером Семёновского полка, с 1701 г. – прапорщиком Первого драгунского полка, потом поручик-капитаном, с 1705 г. – майором, с 1706 г. – подполковником, с 1708 г. – полковником²⁰. В Полтавской битве в 1709 г. он взял семь трофейных шведских знамён. В 1720 г. М.И. Леонтьев был произведён в бригадиры. Когда в 1724 г. Пётр I учредил роту кавалергардов, Михаил Иванович был назначен в ней подпоручиком, в 1726 г. произведён в генерал-майоры, в 1732 г. – в генерал-лейтенанты. В 1727 г. он был назначен московским вице-губернатором, в 1729 г. получил орден св. Александра Невского. В 1735 г. М.И. Леонтьев стал администратором Военной коллегии, участвовал во взятии Кинбурна в 1735–1738 гг., затем отправлен в Малороссию, в Киев, для управления губернскими делами, в 1740 г. назначен сенатором, а в 1741 г. произведён в генерал-аншефы, стал киевским генерал-губернатором и главным командиром войск в Малороссии. Похоронен он был в Киево-Печерской лавре. По его фамилии в Москве назван Леонтьевский переулок, где находился его московский дом.

Его сын Николай Михайлович (1717–1769), родной брат Анастасии Михайловны Леонтьевой, внучатый племянник А.Д. Меншикова, так же, как и его отец, дослужился до звания генерал-аншефа и был награждён орденом св. Александра Невского. В сражении при Цорндорфе в 1758 г. он попал в плен к пруссакам, а по возвращении в Россию в 1762 г. подал в отставку. Судьба Николая Михайловича оказалась трагичной – в 1769 г. он был убит выстрелом в окно своими крестьянами за жестокое обращение с ними. Н.М. Леонтьев и его наследники владели усадьбой Загорье (Никольское) вблизи г. Пав-

ловский Посад. Женой Н.М. Леонтьева стала графиня Екатерина Александровна Румянцева (1724–?), родная сестра фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского (1725–1796).

Военным был и племянник Анастасии Михайловны, сын Николая Михайловича, генерал-поручик Михаил Николаевич Леонтьев (1738–1788), правнучатый племянник А.Д. Меншикова, а по своей матери Екатерине Александровне, урождённой графине Румянцевой (1724–?), он был племянником генерала-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. М.Н. Леонтьев был участником Семилетней войны и русско-турецкой войны 1768–1774 гг., кавалером ордена св. Георгия, бригадиром (с 1773 г.), генерал-майором (с 1776 г.) и генерал-поручиком (с 1783 г.).

Три сестры Анастасии Михайловны Леонтьевой (1712–1774), которая была замужем за князем Иваном Петровичем Дашковым (1694–1743), также породнились с известными русскими государственными деятелями. Так, её сестра Анна Михайловна (1715–1782) вышла за князя Петра Ивановича Гагарина (1711–1763), генерал-майора, происходившего из старшей ветви рода князей Гагариных²¹. У них были сыновья: Иван (?–1814) и Гавриил (1745–1808), который имел сына князя Павла Гаврилович Гагарина (1777–1850), а также пятерых дочерей, старшую из которых звали Александра (1747–1777).

Сестра Елизавета Михайловна (1727–1800) вышла за Петра Дмитриевича Еропкина (1724–1815), участника Семилетней войны, генерал-аншефа, сенатора с 1771 г., губернатора Москвы в 1786–1815 гг. За усмирение «чумного бунта» в Москве в 1771 г. П.Д. Еропкин был награждён императрицей Екатериной II чином генерал-поручика, орденом св. Андрея Первозванного и получил в дар 4000 душ крепостных. Впоследствии он стал кавалером ордена св. Владимира I степени и получил чин генерал-аншефа. По его фамилии в Москве назван Еропкинский переулок, где находился его дом-усадьба.

Сестра Мария Михайловна (1737–1787) в 1758 г. вышла за генерал-майора Сергея Михайловича Нарышкина (1706–1765), у них была одна дочь²². Таким образом, через четырёх сестёр, урождённых Леонтьевых, дочерей Михаила Ивановича, род Леонтьевых породнился с родом Дашковых, Гагариных, Еропкиных и Нарышки-

ных. Четыре сестры и их брат Николай Михайлович Леонтьев являлись внучатыми племянницами и племянниками А.Д. Меншикова.

Итак, мы рассмотрели первое пересечение рода Меншиковых с родом князей Дашковых по линии Леонтьевых.

Пересечение рода Меншиковых с родом графов Воронцовых-Дашковых

Обсудим теперь второе пересечение: пересечение рода Меншиковых с родом Воронцовых-Дашковых по линии Паниных. Линия сестры светлейшего князя, в замужестве Эверлаковой, продолжилась не только через её дочь Марию Васильевну (1867–1746), но и через её другую дочь Аграфену Васильевну (1688–1753), которая вышла замуж за генерал-майора Ивана Васильевича Панина (1673–1736). Аграфена стала матерью двух сыновей, впоследствии выдающихся государственных деятелей эпохи Екатерины II. Это были внучатые племянники А.Д. Меншикова, граф Никита Иванович Панин (1718–1783), канцлер и действительный тайный советник, и граф Пётр Иванович Панин (1721–1789), генерал-аншеф. Таким образом, братья графы Панины приходились Анастасии Михайловне Дашковой, урождённой Леонтьевой, и её брату Николаю Михайловичу Леонтьеву двоюродными братьями, а её сын, князь Михаил Иванович Дашков, приходился братьям Паниным двоюродным племянником. Н.М. Леонтьев и П.И. Панин участвовали в битве с прусской армией при Цорндорфе 14 августа 1758 г. и оба были тяжело ранены.

Кроме двух сыновей у Аграфены Васильевны Паниной, урождённой Эверлаковой, было две дочери. Старшая дочь Александра Ивановна (1711–1786) вышла замуж за обер-шталмейстера князя Александра Борисовича (Бориславича) Куракина (1697–1749). Младшая, Анна Ивановна (1717–1745), состояла в браке с тайным советником Иваном Ивановичем Неплюевым (1693–1773). Таким образом, с приходом в старинное дворянское семейство Паниных племянницы А.Д. Меншикова дворянский род Паниных начал стремительно возвышаться²³.

Род Куракиных происходил от великого литовского князя Гедимины. Князь Борис Иванович Куракин (1676–1727), отец вышеупомянутого Александра Борисовича, был женат на Ксении Фёдоровне Лопухиной, сестре царицы Евдокии Лопухиной, первой

жены Петра I. Князь Б.И. Куракин – значимая личность петровской эпохи: боярин, царский стольник, дипломат и военный деятель. Александр Борисович Куракин, который был сенатором и придворным шталмейстером, приходился двоюродным братом царевичу Алексею Петровичу и двоюродным дядей императору Петру II. Он занимал видное положение при дворе Петра II и активно способствовал падению А.Д. Меншикова. Будучи сторонником герцога Э.И. Бирона, А.Б. Куракин при императрице Анне Иоанновне удостоился высоких должностей и орденов, в том числе – ордена св. Андрея Первозванного и должности сенатора в 1741 г.²⁴

Итак, второе пересечение рода Меншиковых с родом Воронцовых-Дашковых идёт по линии Паниных, конкретно – по линии княгини Александры Ивановны Куракиной, урождённой Паниной (1711–1786), старшей сестры графов Паниных, внучатой племянницы А.Д. Меншикова.

Супруги Куракины, Александр Борисович и Александра Ивановна, имели семерых детей: шестерых дочерей и одного сына Бориса-Леонтия Александровича Куракина (1733–1764). Одна из их дочерей, княжна Екатерина Александровна Куракина (1735–1802), племянница Паниных и правнучатая племянница А.Д. Меншикова, вышла замуж в 1754 г. за князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (1731–1791), дипломата и офицера Конногвардейского полка, который сам был правнучатым племянником А.Д. Меншикова²⁵ по линии одного из своих родителей. Другая дочь супругов Куракиных, Наталия Александровна, стала женой знаменитого фельдмаршала екатерининской эпохи, князя Николая Васильевича Репнина (1734–1801). Этот брак породнил семьи Паниных, Куракиных и Репниных.

Родоначалником князей Лобановых-Ростовских с XV в. считался ростовский князь Иван Александрович по прозвищу Лобан, потомок Рюрика в девятнадцатом колене²⁶. У супругов Екатерины Александровны и Ивана Ивановича Лобановых-Ростовских было семеро детей. Их четвёртый сын, князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1760–1831), оберкамергер, праправнучатый племянник А.Д. Меншикова по линии своей матери Е.А. Куракиной, был офицером Семёновского полка, обер-прокурором Сената, камергером, а при Александре I получил должность сенатора и члена Московского

опекунского совета. В 1808 г. он был назначен генерал-губернатором Малороссии, участвовал в Отечественной войне 1812 г., стал членом Государственного совета, председателем Департамента законов и членом Кабинета министров. Он женился на Александре Николаевне Салтыковой (1764–1829). Супруги имели девятерых детей. Александра Николаевна была дочерью фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816), воспитателя великих князей Александра Павловича и Константина Павловича.

Старшая дочь супругов, княжна Мария Яковлевна Лобанова-Ростовская (?–1854), прапраправнучатая племянница А.Д. Меншикова, стала женой обер-гофмаршала Кирилла Александровича Нарышкина (1786–1838), члена Государственного совета, придворного и дипломата. Он был праправнуком Льва Кирилловича Нарышкина, брата царицы Наталии Кирилловны (1651–1694), матери Петра I. Нарышкины вели свой род от татарских военачальников XV в., приехавших в Москву из Крыма²⁷.

Сестра Кирилла Александровича Нарышкина, Елена Александровна, в 1800 г. вышла замуж за Аркадия Александровича Суворова, сына Александра Васильевича Суворова, и стала светлейшей княгиней Итальянской, графиней Суворовой-Рымникской. Так род Нарышкиных пересёкся с родом А.В. Суворова²⁸.

Супруги Мария Яковлевна и Кирилл Александрович Нарышкины имели троих детей. Их единственная дочь Александра Кирилловна Нарышкина (1817–1856) была с 1834 г. замужем первым браком за тайным советником, обер-церемонимейстером графом Иваном Илларионовичем Воронцовым (1790–1854), который принял титул графа Воронцова-Дашкова (он стал первым графом Воронцовым-Дашковым).

Супруги Воронцовы-Дашковы, Иван Илларионович и Александра Кирилловна, имели двоих детей, из которых сын, граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), второй граф Воронцов-Дашков, генерал от кавалерии и министр двора, в 1867 г. женился на графине Елизавете Андреевне Шуваловой (1845–1924), а их дочь, графиня Ирина Ивановна Воронцова-Дашкова (1835–1925), была замужем за генерал-Фёдором Ивановичем Паскевичем, светлейшим князем Варшавским графом Эриванским (1823–1903)²⁹.

Брак И.И. Воронцова-Дашкова и Е.А. Шуваловой объединил две ветви родословного древа Воронцовых, идущих от братьев

Романа Илларионовича Воронцова (1717–1783), отца Екатерины Романовны Дашковой, и Ивана Илларионовича Воронцова (1719–1789), её дяди, внук которого и стал первым графом Воронцовым-Дашковым³⁰. Дело в том, что Елизавета Андреевна Шувалова была внучкой графа (с 1752 г. – светлейшего князя) Михаила Семёновича Воронцова (1782–1856), племянника Е.Р. Дашковой, сына её брата Семёна Романовича Воронцова (1744–1832) и Екатерины Алексеевны Сенявиной (1760–1784). Это была ветвь графов Воронцовых по Роману Илларионовичу. Старший брат Романа и Ивана Воронцовых, знаменитый дипломат и политический деятель елизаветинского времени, вице-канцлер (с 1744 г.) и канцлер (с 1758 г. по 1762 г.), граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767), приходился Михаилу Семёновичу двоюродным дедом.

Дочь Михаила Семёновича Воронцова и Елизаветы Ксаверьевны, урождённой Браницкой, Софья Михайловна (1825–1844), вышла замуж за Андрея Павловича Шувалова (1817–1876), внука Петра Ивановича Шувалова, елизаветинского вельможи. Их сын Павел Андреевич Шувалов (1835–1885), родной брат упомянутой выше Елизаветы Андреевны Шуваловой, в 1882 г. в знак уважения к роду Воронцовых (как внук светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова) получил разрешение именоваться светлейшим князем Воронцовым графом Шуваловым. Его сыном был граф Павел Петрович Шувалов (1859–1905), правнук Петра Ивановича Шувалова, адъютант Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, после смерти которого П.П. Шувалов стал градоначальником Москвы. Он был убит анархистом в Москве в своём кабинете во время приёма посетителей³¹. Павел Петрович Шувалов был женат на своей двоюродной сестре Александре Илларионовне Воронцовой-Дашковой (1869–1959).

В заключение приведём ряд сведений о роде Воронцовых. Упомянутый выше Иван Илларионович (первый граф Воронцов-Дашков) был сыном Иллариона Ивановича Воронцова (1760–1790) и Ирины Ивановны Измайловой (1768–1848), старшей дочери советника Ивана Михайловича Измайлова и княжны Александры Борисовны, урождённой Юсуповой. Её младшая сестра княгиня Евдокия Ивановна Голицына, урождённая Измайлова, была известна петербургскому высшему обществу как «ночная княгиня». Дедом Ивана

Илларионовича был Иван Илларионович Воронцов (1719–1789), генерал-поручик, президент Вотчинной коллегии, женатый на Марии Артемьевне Волинской, дядя княгини Екатерины Романовны Дашковой. Он был младшим среди трёх знаменитых братьев Воронцовых. Старшим из них был Михаил Илларионович (1714–1767), первый обладатель графского титула, высокопоставленный вельможа елизаветинского времени, средним – Роман Илларионович (1717–1783), отец княгини Дашковой. Отцом этих трёх братьев и трёх их сестёр, Прасковьи, Дарьи и Пелагеи, был боярин Илларион Гаврилович Воронцов (1674–1750), матерью – Анна Григорьевна, урождённая Маслова (1686–1740)³².

Прямое пересечение рода Дашковых с потомками светлейшего князя А.Д. Меншикова

Третье, более позднее пересечение рода Дашковых с родом Меншиковых идёт по линии Александра Даниловича через так называемую Трубецкую ветвь потомков Меншикова³³ и относится уже к XIX в.

Сын Александра Даниловича Меншикова (всего у четы Меншиковых было семеро детей, из которых четверо умерли во младенчестве), генерал-аншеф, камергер, светлейший князь Александр Александрович (1714–1764), кавалер ордена св. Андрея Первозванного и ордена св. Екатерины (единственный из мужчин, удостоенный этого женского ордена), как уже упоминалось выше, был после падения отца сослан вместе с ним в Берёзов, откуда возвращён императрицей Анной Иоанновной в 1731 г.

В 1742 г. А.А. Меншиков женился на княжне Елизавете Петровне Голицыной (1721–1764) и имел с ней четырёх детей. Княжеский род Голицыных происходит от Наримунда, второго сына великого князя литовского Гедимина. Наримунд, получивший при крещении имя Глеб, был в середине XIV в. князем в Новгороде. Его сын Патрикей в 1408 г. поступил на службу к великому князю московскому Василию Дмитриевичу, а его внук Юрий сам породнился с Рюриковичами, женившись на Анне Васильевне, дочери великого князя московского. Родоначалником Голицыных считается боярин Михаил Иванович (?–1554) по прозвищу Булгак, один из правнуков князя Патрикея, участник походов Ивана Грозного. Булгак получил прозвище Голица, так как, по легенде, носил железную рукавицу

только на одной руке. В XVII в. род Голицыных разделился на четыре ветви, третья из которых в свою очередь в начале XVIII в. разделилась на три линии, идущие по трём внукам боярина Бориса Алексеевича Голицына (1654–1714), сподвижника Петра I, – Алексею, Василию и Сергею. Елизавета Петровна Голицына происходила из третьей (из четырёх) ветви древнего рода князей Голицыных, и по-видимому, приходилась внучкой Алексею Борисовичу Голицыну³⁴.

Одна из дочерей Елизаветы Петровны и Александра Александровича Меншиковых, светлейшая княжна Дарья Александровна (1747–1817), урождённая Меншикова, внучка А.Д. Меншикова, в 1759 г. вышла замуж за грузинского царевича Александра Бакаровича (1726–1791) и приобрела титул княгини Грузинской. Отцом царевича был князь (царевич) Бакар Вахтангович Грузинский (1700–1750), генерал-поручик на русской службе, кавалер ордена св. Андрея Первозванного, царь Картли, выехавший в Россию в 1724 г. со своим двором.

Александр Бакарович служил в лейб-гвардии Измайловском полку, во время дворцового переворота 1762 г. поддерживал императора Петра III, за что в 1764 г. попал в опалу. Он уехал в Грузию, где в 1782 г. поднял мятеж против царя Картли и Кахетии Ираклия II, был арестован, выдан России и выслан в Смоленск. В 1783 г. Ираклий II, согласно Георгиевскому трактату, стал вассалом России, а официальное присоединение Грузии к России произошло в 1801 г.

Супруги Грузинские имели пятерых детей, в том числе двух сыновей, из которых один скончался в детстве, а другой, Георгий Александрович (1752–1852), служил офицером в Санкт-Петербургском пехотном полку, а после выхода в отставку неоднократно избирался предводителем дворянства Нижегородской губернии. Одна из трёх их дочерей, княжен Грузинских, правнучек А.Д. Меншикова (четвёртое колено рода Меншиковых), княжна Грузинская Дарья Александровна (1763–1842) в 1789 г. вышла замуж за действительного статского советника князя Петра Сергеевича Трубецкого (1761–1817). Супруги Трубецкие имели пятерых детей и стали родоначальниками так называемой Трубецкой ветви потомков А.Д. Меншикова, в которой выявлено 265 человек³⁵.

Трубецкие – старинный княжеский род, происходящий от внука великого князя Литовского Гедимина, Дмитрия Ольгердовича

Старшего, князя Брянского, Черниговского и Трубчевского. Вместе со своим братом, князем Андреем Полоцким, князь Дмитрий был сподвижником Дмитрия Донского на Куликовом поле. Он погиб в битве с татарами на реке Ворскле в 1399 г. Его сын Михаил Дмитриевич был удельным князем в городе Трубчевске великого княжества Литовского. Его потомки, князья Трубчевские или Трубецкие, сохранили свой удел там до начала XVI в. Последний удельный князь Трубчевский, Андрей Иванович, в 1500 г. перешёл в подданство великого князя московского³⁶.

В первом поколении Трубецкой ветви Меншиковых (пятое колено Меншиковых) старший сын П.С. Трубецкого, Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860), князь и гвардии полковник, высокопоставленный российский военный деятель, праправнук А.Д. Меншикова, был осуждён по делу декабристов в 1825 г. как один из трёх руководителей «Северного общества» (создано в 1822 г.) и сослан в Сибирь на каторгу. Третий из четырёх сыновей Трубецких, праправнуков А.Д. Меншикова, действительный статский советник князь Пётр Петрович Трубецкой (1793–1840), был высокопоставленным военным деятелем, администратором в Одессе. Он также примкнул к движению декабристов как член «Союза благоденствия», но, к счастью, преследованиям не подвергся.

П.П. Трубецкой имел четырёх детей от первого брака с Елизаветой Николаевной Бахметевой (?–1825). Их дочь, княжна Дарья Петровна Трубецкая (1823–1906), прапраправнучка А.Д. Меншикова (шестое колено рода Меншиковых), фрейлина, вышла замуж за действительного тайного советника (с 1880 г.) князя Дмитрия Александровича Оболенского (1822–1881). Он происходил из древнего княжеского рода Оболенских, отрасли князей Черниговских, восходящей к Михаилу Всеволодовичу, потомку Рюрика в одиннадцатом колене, погибшему в Орде в 1246 г. и причисленного к лику святых. Его внук, князь Константин Юрьевич, получил в удел город Оболенск. В XIV в. земли вошли в состав великого княжества Московского. Три правнука князя Константина, Семён, Иван и Андрей, поступили на службу к московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому³⁷.

Супруги Дарья Петровна и Дмитрий Александрович Оболенские имели шестерых детей, которые по материнской линии были

потомками А.Д. Меншикова в седьмом колене. Брат Дмитрия Александровича, князь Сергей Александрович Оболенский-Нелединский-Мелецкий (1819–1882), имел в своей родословной пересечение с родом А.В. Суворова³⁸.

Старший сын князя Д.А. Оболенского, действительный тайный советник и сенатор, князь Александр Дмитриевич Оболенский (1847–1917), имел четырёх детей от брака с Анной Александровной Половцовой (1862–1917), дочери известного историка и государственного деятеля, мецената и промышленника Александра Александровича Половцева (1832–1909), действительного тайного советника и члена Государственного совета, учредителя и председателя Русского исторического общества. Единственный сын Александра Дмитриевича, камер-юнкер князь Дмитрий Александрович Оболенский (1882–1964), потомок А.Д. Меншикова в восьмом колене, был женат вторым браком (с 1917 г.) на графине Марии Павловне Шуваловой (1894–1973).

Здесь мы видим пересечение (точнее – сближение) рода Меншиковых с родом Воронцовых-Дашковых, но опять-таки не по прямому кровному родству, а по бракам, так как родителями Марии Павловны Оболенской, урождённой Шуваловой, были граф Павел Павлович Шувалов (1859–1905) и графиня Александра Илларионовна, урождённая Воронцова-Дашкова (1869–1959), которые имели восемь детей. Эта семья была упомянута нами выше в связи с линией потомков светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова.

Линия Оболенских пресеклась на сыне Дмитрия Александровича и Марии Павловны, князе Дмитрие Дмитриевиче Оболенском (1918–?), потомка Меншикова в девятом колене, который был женат на Елизавете Николаевне Лопухиной (1915–?), но наследников не имел. Д.Д. Оболенский, внук Александры Илларионовны, был учёным-филологом (славистом и византологом), профессором Кембриджского и Оксфордского университетов в Англии, почетным доктором Сорбонны.

Что касается графини Александры Илларионовны Шуваловой, урождённой графини Воронцовой-Дашковой (матери Марии Павловны Оболенской, урождённой Шуваловой), то Александра Илларионовна (1869–1959) имела четырёх братьев: Ивана (1868–1897), Романа (1874–1893), Иллариона (1877–1932) и Александра (1881–1938), а также трёх сестёр: Софию (1870–1953), Марию (1871–1927),

Ирину (1872–1939)³⁹. Сама графиня Александра Илларионовна Шувалова, урождённая Воронцова-Дашкова, была дочерью второго графа Воронцова-Дашкова, Иллариона Ивановича (1837–1916), и Елизаветы Андреевны, урождённой Шуваловой (1845–1924), о чём уже упоминалось выше.

Приведём краткие сведения о роде Шуваловых. Елизавета Андреевна, а также её братья Павел Андреевич (1835–1885), первый князь Воронцов граф Шувалов, Пётр Андреевич (1827–1889) и Михаил Андреевич были праправнуками знаменитого фельдмаршала елизаветинских времён Петра Ивановича Шувалова. Их отец Андрей Павлович и дядя Пётр Павлович Шуваловы были сыновьями Павла Андреевича Шувалова и княгини Шаховской и внуками Андрея Петровича Шувалова (1744–1789). Последний приходился сыном Петру Ивановичу и племянником Александру Ивановичу Шуваловым, елизаветинским вельможам⁴⁰.

Неподтвержденные пересечения

Заметим, что можно указать ещё одно пересечение с родом Дашковых, относящееся к жене Александра Даниловича Меншикова Дарье Михайловне, урождённой Арсеньевой (1682–1728), которая вышла за него замуж 18 августа 1706 г.

Семья Арсеньевых (как их называли в старину, Орсеньевых) принадлежала к древнейшим дворянским родам. Основателем её считался знатный татарский военачальник Аслан (Ослан)-Мурза-Челибей, перешедший на сторону великого князя Дмитрия Донского в 1389 г. вместе с отрядом из 300 ордынцев. Он принял православие под именем Прокопия, женился на дочери стольника князя Дмитрия Донского Мавре Зотовой-Житовой и оставил пятерых сыновей. От его старшего сына Арсения Прокопьевича пошёл род Арсеньевых⁴¹.

В XVI–XVII в. Арсеньевы владели поместьями во многих уездах, служили стряпчими, стольниками и воеводами, породнились со многими известными дворянскими фамилиями⁴². Дед Дарьи Михайловны, Афанасий Фёдорович, и её отец, Михаил Афанасьевич (скончался в 1697 г.), были воеводами и стольниками. Её мать звали Агафьей Елисеевной Чабирсовой. Три дочери Михаила Афанасьевича, Варвара, Дарья и Аксинья (мы её упоминали выше в связи с путаницей имён сестёр А.Д. Меншикова), были взяты «в комнаты»

царевны Наталии Алексеевны, сестры Петра I. Там и познакомились будущие супруги Меншиковы. Из трёх сыновей Михаила Афанасьевича Арсеньева (Андрея, Ивана и Василия) что-то достоверно известно только про Василия.

Василий Михайлович Арсеньев (скончался после 1727 г.) в молодости служил при русском посольстве в Голландии, затем принимал участие в Северной войне в качестве капитана корабля на Балтике, а затем стал гофмейстером. Карьера Василия закончилась со ссылкой А.Д. Меншикова в 1727 г. Потомки Василия Арсеньева оказались роднёй поэту М.Ю. Лермонтову (бабушка поэта была урождённая Арсеньева).

Сестра Дарьи Михайловны Аксинья (Ксения) урождённая Арсеньева была замужем за неким Дашковым⁴³. Никаких дат, имён и уточнений в этом пересечении родов нами не найдено. Скорее всего, этот Дашков вообще не был близкой роднёй князьям Дашковым, так как происходил не из княжеского, а из дворянского рода Дашковых⁴⁴. Один из дворян Дашковых был близким другом и однополчанином поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), который в 1813 г. посвятил ему прекрасные стихи о Москве.

Не удалось выяснить, кто такая София Андреевна урождённая Дашкова (1822–1908), вторая жена князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893). Дело в том, что его сын, князь Андрей Григорьевич Гагарин (1855–1920), был женат на княжне Марии Дмитриевне Оболенской (1864–1946), сестре вышеупомянутого Александра Дмитриевича Оболенского (1847–1917), потомка А.Д. Меншикова в седьмом колене. Оба князя Гагарина (отец и сын) были учёными⁴⁵.

Узловые точки генеалогических связей.

Свести воедино упомянутые семейные линии и представить их пересечения в виде единой схемы достаточно трудоёмко. Здесь следует объединить пять линий (Меншиковы, Воронцовы, Леонтьевы, Дашковы, Нарышкины), причём некоторые из них пересекаются сами с собой дважды и даже трижды. Отметим наиболее интересные узловые точки пересечения этих генеалогических линий:

1. Анастасия Михайловна Леонтьева (1712–1774) – пересечение линии Леонтьевых с линией Меншиковых (боковой). Формула пересечения двух линий: М + Л.

2. Михаил Иванович Дашков (1736–1764), сын п. 1, – пересечение объединённой линии из п. 1 с Дашковыми. Формула пересечения трёх линий: $(M + L) + D$.
3. Павел Михайлович Дашков (1763–1807), сын п. 2, – пересечение объединённой линии из п. 2 с линией Воронцовых. Формула пересечения четырёх линий: $[(M + L) + D] + V$.
4. Александра Кирилловна Нарышкина (1817–1856) – жена Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова (1790–1854), пересечение боковой линии Меншиковых по линии её матери М.Я. Лобановой-Ростовской с линией Нарышкиных по её отцу К.А. Нарышкину. Формула пересечения трёх линий: $(M + L + N)$.
5. Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), сын п. 4, – пересечение линии Воронцовых, идущей от Ивана Илларионовича Воронцова (1719–1789), дяди Екатерины Романовны, с объединённой линией из п. 4. Формула пересечения четырёх линий: $V + (M + L + N)$.
6. Александра Илларионовна Воронцова-Дашкова (1869–1959), дочь п. 5, – пересечение объединённой линии из п. 5 ещё раз с линией Воронцовых, идущей от Романа Илларионовича Воронцова (1717–1783), через её мать Е.А. Шувалову (1845–1924). Е.А. Шувалова была внучкой Михаила Семёновича Воронцова (1782–1856). Формула пересечения пяти линий: $[V + (M + L + N)] + V$. Мы видим двойное пересечение с Воронцовыми.
7. Мария Павловна Шувалова (1894–1973), дочь п. 6 – пересечение объединённой линии из п. 6 ещё раз с линией Воронцовых, идущей от Романа Илларионовича Воронцова через светлейшего князя П.А. Воронцова графа Шувалова (1835–1885) – внука Михаила Семёновича Воронцова. Формула пересечения шести линий: $\{[V + (M + L + N)] + V\} + V$. Отметим тройное пересечение с Воронцовыми. М.П. Шувалова – десятое колено от сестры А.Д. Меншикова и шестое колено от Ивана Илларионовича Воронцова.
8. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1918–?), сын п. 7, – пересечение прямой линии Меншиковых с объединённой линией из п. 7. Прямая линия Меншиковых идёт от светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова через отца Дмитрия Дмитриевича – Дмитрия Алексеевича Оболенского (1882–1964). Сам Д.Д. Оболенский – одиннадцатое колено от сестры А.Д. Мен-

шикова, седьмое колено от Ивана Илларионовича Воронцова и девятое колено от А.Д. Меншикова. Формула пересечения семи линий: $M + \{[B + (M + L + N)] + B\} + B$. На Д.Д. Оболенском закончилась прямая линия Меншиковых в её пересечении с Леонтьевыми и Нарышкиными, а также с тремя линиями Воронцовых и с боковой линии Меншиковых. Больше таких пересечений не обнаружено.

Роль А.Д. Меншикова в организации научных связей России с европейскими странами

В дополнение к пересечению генеалогических линий и родов обсудим вопрос, относящийся к деятельности княгини Е.Р. Дашковой как директора Санкт-Петербургской Академии наук. Речь идёт о судьбе книг из библиотеки А.Д. Меншикова, которым не суждено было попасть в академическую библиотеку. Княгиня, находясь на посту директора Академии наук, уделяла много внимания комплектованию библиотеки и наведению в ней порядка. Также рассмотрим научные связи России с европейскими академиями, во многом осуществляемые благодаря А.Д. Меншикову и другим соратникам Петра Великого.

Вплоть до открытия в 1724 г. Академии наук научная библиотека, созданная по приказу Петра I, находилась в ведении царского библиотекаря и секретаря Иоганна Даниеля (Ивана Даниловича) Шумахера и располагалась в Петербурге в здании так называемых Кикиных Палат (бывшей резиденции казнённого в 1718 г. по делу царевича Алексея Петровича А.В. Кикина) вместе с экспонатами петровского музея – будущей Кунсткамеры. И.Д. Шумахер неоднократно ездил в Европу, как и в свите Петра I, так и специально для закупки коллекций, книг и журналов.

По поводу ранних научных связей России с европейскими странами отметим факт выбора А.Д. Меншикова почётным членом Лондонского королевского общества. Это событие часто трактуется историками науки неуважительно по отношению к Александру Даниловичу и подается как малозначимый факт, свидетельствующий скорее о нескромности князя, нежели о его заслугах. Тем не менее, речь идёт не о научном потенциале А.Д. Меншикова, а об организаторской деятельности первого губернатора Санкт-Петербурга

в области науки и просвещения. Таким образом, вопрос о членстве Александра Даниловича в европейских академиях имел чётко выраженный государственный аспект престижа России в Европе.

В 1661 г. в Англии было создано Лондонское королевское общество (британский аналог Академии наук). Первоначально на общественных началах в Оксфорде в 1654 г. сформировалось некое неофициальное научное общество (коллегия), состоявшее из 12 членов **College for the Promoting of Physico-Mathematical Experimental Learning** с девизом «Nullius in Verba» («Не принимаем никаких слов на веру»), направленным против схоластики. В 1661 г. король Карл II Стюарт (1630–1685, правил с 1660 г.) утвердил это общество на государственном уровне под названием «**The Royal Society of London for Further Promoting by the Authority of Experiments the Sciences of Natural Things and of Useful Arts**» с сохранением прежнего анти-схоластического девиза. В 1663 г., общество получило более короткое название «**Regalis Societas Londini Pro Scientia Naturalis Promovenda**» или «**Royal Society of London for Improving Natural Knowledge and Advancement of Learning**», поэтому иногда датой его образования считают не 1661 г., а 1663 г.

Общество приняло название «королевское» только в знак благодарности королю, утвердившего его официальный статус. Никаких финансовых дотаций от казны оно не имело и существовало только на членские взносы, постоянно испытывая трудности с изданиями работ его членов, с помещением и с зарплатой обслуживающему персоналу. Этим Лондонское королевское общество существенно отличалось от Парижской королевской Академии наук, которая была на твёрдом государственном финансировании, размещалась в королевском дворце, а научные проекты согласовывало с французским правительством (в соответствии с потребности государства в знаниях в области навигации, картографии, строительства и зарождающейся промышленности).

В 1665 г. Лондонское королевское общество начало по возможности регулярно издавать свой научный журнал «**Philosophical Transactions**». В 1687 г. вышла книга «**Philosophia Naturalis Principia Mathematica**», автором которой был И. Ньютон (1642–1727), члена Лондонского королевского общества с 1671 г. и его президент с 1703 г., а также член Парижской Академии наук с 1699 г.

Пётр I (1672–1725) во время своих заграничных путешествий живо интересовался системой образования и работой научных учреждений европейских стран. По его инициативе в Петербурге была создана научная библиотека, в Европу посылались образованные люди для закупки книг, карт, журналов и т.п. В 1711–1712 гг. царь встречался в Саксонии со знаменитым математиком Г.В. Лейбницем (1646–1716), основателем Бранденбургской (Прусской) Академии наук в Берлине, который по его просьбе разработал план устройства Академии наук в Петербурге. Контактам с зарубежными учёными и их приглашению в Россию царь придавал первостепенное значение.

Письмо А.Д. Меншикова (безусловно согласованное, а возможно и санкционированное самим Петром I) в Лондон в 1714 г. с просьбой о принятии в члены Лондонского королевского общества было послано из Петербурга со шкипером английского торгового судна. Можно предположить, что к письму был приложен щедрый вступительный взнос. Когда письмо прибыло в Лондон и было передано И. Ньютону, он сразу же собрал внеочередное специальное заседание общества.

По-видимому, учёный был знаком с Александром Даниловичем лично, поскольку А.Д. Меншиков в числе других шестнадцать приближённых Петра I сопровождал его в путешествии по Англии весной 1698 г., предпринятом по приглашению английского короля⁴⁶. Царь посещал в Англии корабельные верфи, знакомился с кораблестроителями, инженерами, часовщиками, навигаторами, географами, математиками, астрономами, врачами и другими специалистами. Именно тогда он и его помощники уговорили многих англичан переехать работать в Россию.

Дважды Пётр I в сопровождении Я.В. Брюса и А.Д. Меншикова посетил Гринвичскую обсерваторию и участвовал в астрономических наблюдениях, встречался с её директором Эдмундом Галлеем, другом И. Ньютона. Путешественники побывали в Оксфордском университете, познакомились с преподавателями астрономии, географии и геометрии (предметов, связанных с навигацией).

Прямого ответа на вопрос, встречался ли Пётр I с И. Ньютоном, в документы не дают. Дело в том, что пребывание царя в Лондоне было неофициальным и держалось в строгой тайне. Тем не менее, дневники пребывания царя в Лондоне (которые вели

его секретари) свидетельствуют, что Пётр I неоднократно посетил Лондонское королевское общество, а также четыре раза – Монетный двор в Тауэре. Руководителем обоих учреждений был И. Ньютон, и невозможно себе представить, чтобы он не присутствовал хотя бы во время одного из монарших визитов. Наверняка царь, интересовавшийся научными проблемами, хотел встретиться со знаменитым Ньютоном, а сопровождавший государя Яков Виллимович Брюс (происходивший из рода шотландских королей), будущий основатель Навигацкой школы в Москве, наверняка был осведомлён о том, кто является самым крупным учёным Англии.

Впоследствии Я.В. Брюс, член Лондонского королевского общества с 1703 г., сыграл существенную роль в распространении ньютонианства в России. В его библиотеке находилось 30 томов лондонского научного ежегодника «Philosophical Transactions», несколько изданий книг И. Ньютона, его современников и учеников.

И. Ньютон запомнил Петра I: когда учёный составлял список рассылки дарственных экземпляров второго издания «Principia» в 1713 г., первым в этом списке он поставил имя русского царя⁴⁷. Поэтому письмо А.Д. Меншикова из России с просьбой о вступлении в члены Лондонского королевского общества не явилось для И. Ньютона неожиданностью в том смысле, что он был знаком лично с автором письма. Учёный постарался сразу выполнить просьбу Александра Даниловича, зная о его привилегированном положении в царском окружении.

В бумагах И. Ньютона сохранились черновики его ответа князю, которые в 1943 г. Лондонское королевское общество передало в дар Академии наук СССР⁴⁸. После перечисления многочисленных титулов и любезных приветствий следуют слова: «Поскольку Королевскому Обществу стало известно, что Император Ваш, Его Царское Величество, с величайшим рвением развивает во владениях своих искусства и науки, и что Вы служением Вашим помогаете Ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук,.... все мы собрались, чтобы избрать Ваше Превосходительство, при этом были мы единогласны. Общество также дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Дано в Лондоне 25 октября 1714 г.».

Аналогичная ситуация имела место в 1717 г., когда сам Пётр I во время визита в Париж был избран почётным членом Парижской Академии наук. В 1717 г. через лейб-медика и секретаря царя, шотландца Роберта Арескина, руководство этого научного учреждения сообщило Петру I о **решении избрать его почётным членом, спрашивая его согласия**. Также ему было прислано полное собрание трудов Парижской Академии наук начиная с первого года издания, то есть с 1669 г. Царь согласился и пообещал представить в академию уточнённую карту Каспийского моря и прикаспийских областей России в качестве своего научного труда, для чего снарядил в эту область научную экспедицию.

Будучи в Париже, Пётр I встречается с французскими учёными, среди которых были секретарь Академии Фонтенель (Bernard le Bovier de Fontenelle, 1657–1757), врач Дювернэ, братья Гильом Делиль (геодезист) и Жозеф Делиль (астроном). Жозеф Делиль (Joseph Nicolas Delisle, 1688–1768), член Парижской Академии наук с 1714 г., приехал в Россию в 1726 г., основав здесь знаменитую петербургскую астрономическую школу.

Таким образом, Пётр I и А.Д. Меншиков много сделали для создания базы российского образования и науки, а их организационная деятельность в этом направлении оказалась весьма плодотворной и была по достоинству оценена в Европе. А.Д. Меншиков стал вторым после Я.В. Брюса россиянином, принятым в почётные члены Лондонского королевского общества. Оба они, несомненно, получали из Лондона книги и периодические издания общества.

Библиотека А.Д. Меншикова относится к наименее известным книжным собраниям России первой четверти XVIII в., и потому история её формирования привлекает внимание исследователей⁴⁹. Библиотека была чрезвычайно обширной, насчитывала около 13 тысяч томов, включая географические карты. Книжное собрание, весьма разнообразное по тематике, имело в основном прикладной характер и было близко по составу к библиотеке Петра I. Оно содержало книги и на русском и на иностранных языках. Были книги по военному и морскому делу, политические трактаты, философские сочинения, записки путешественников, сочинения по вопросам дипломатии, права, медицины, архитектуры и т.д. Многие картографические и книжные издания в библиотеках царя Петра I и А.Д. Меншикова совпадали⁵⁰.

Книги Петра I после его смерти были переданы в библиотеку Академии наук, снова оказавшись в ведении её секретаря И.Д. Шумахера, который заведовал академической библиотекой.

Многие книги были присланы князю в подарок или заказаны им. Это относится, по-видимому, и к изданиям Лондонского королевского общества, причём судьба всех этих книг неизвестна. После высылки Александра Даниловича его книжное собрание было конфисковано с составлением описей, которые, однако, не сохранились. Его книги были вывезены в Москву, где тогда находился двор Петра II. По приказу царя книги были помещены в один из подмосковных монастырей⁵¹. Таким образом, судьба книжного собрания А.Д. Меншикова осталась неизвестной. В Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге (БАН) каких-либо сведений о книгах А.Д. Меншикова получить не удалось.

***

Автор благодарит С.Р. Долгову за полезные замечания по поводу судьбы библиотеки А.Д. Меншикова, сделанные на Международных Дашковских чтениях в марте 2012 г. Также автор выражает признательность Н.В. Бессарабовой за компьютерную вёрстку генеалогических схем.

Примечания

¹ Пчелов Е.В. Генеалогические связи Е.Р. Дашковой по мужу // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 197–201.

² Козлова Н.В. Семейно-правовые акты дворян Москвы XVIII века // Е.Р. Дашкова и екатерининская эпоха: Культурный фундамент современности. М., 2011. С. 140–149.

³ Там же.

⁴ Пчелов Е.В. Указ. соч.

⁵ Козлова Н.В. Указ. соч.

⁶ Пчелов Е.В. Указ. соч.

⁷ Весёлая Г.А., Фирсова Е.Н. Москва в судьбе княгини Е.Р. Дашковой. М., 2002; Нарбут А.Н. Леонтьевы // Родословные росписи. Вып. 4. М., 1995.

⁸ Пчелов Е.В. Указ. соч.

⁹ Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим // Нарышкины в истории России. М., 2005.

¹⁰ Пчелов Е.В. Указ. соч.

¹¹ Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П. Род Меншиковых в истории России // Библиотека фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова. СПб., 2000;

Нарбут А.Н. Род и потомки светлейшего князя А.Д. Меншикова // Родословные росписи. Вып. 13. М., 2003.

¹² *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

¹³ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

¹⁴ *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Леонтьевы; *Он же.* Род и потомки светлейшего князя А.Д. Меншикова.

¹⁸ *Жукова А.В.* Дворянские и купеческие роды России // Полная энциклопедия дворянских и купеческих фамилий царской России. Ростов/Д.; М., 2008.

¹⁹ *Нарбут А.Н.* Леонтьевы; *Нарышкин А.К.* Указ. соч.; *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.

²⁰ *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

²¹ *Жуков А.В.* Указ. соч.

²² *Нарышкин А.К.* Указ. соч.

²³ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Род и потомки светлейшего князя А.Д. Меншикова.

²⁴ *Жуков А.В.* Указ. соч.

²⁵ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.

²⁶ *Жуков А.В.* Указ. соч.

²⁷ *Нарышкин А.К.* Указ. соч.

²⁸ *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

²⁹ *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002.

³⁰ Там же.

³¹ *Алексеев В.Н.* Указ. соч.

³² *Жуков А.В.* Указ. соч.; *Алексеев В.Н.* Указ. соч.

³³ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ *Жуков А.В.* Указ. соч.

³⁷ *Жуков А.В.* Указ. соч.; *Алексеев В.Н.* Указ. соч.

³⁸ *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

³⁹ *Алексеев В.Н.* Указ. соч.

⁴⁰ *Жуков А.В.* Указ. соч.; *Алексеев В.Н.* Указ. соч.

⁴¹ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

⁴² *Жуков А.В.* Указ. соч.

⁴³ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.

⁴⁴ *Алексеев В.Н.* Дворяне Дашковы и Дашковский музей // Е.Р. Дашкова: Портрет в контексте истории. М., 2004. С. 240–244.

⁴⁵ *Щербаченко В.И., Бредихин В.Н., Филиппов С.П.* Указ. соч.; *Нарбут А.Н.* Указ. соч.

⁴⁶ *Весёлая Г.А., Фирсова Е.Н.* Указ. соч.

⁴⁷ *Карцев В.П.* Ньютон. М., 1987.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Долгова С.Р. О библиотеке А.Д. Меншикова // Русские библиотеки и их читатели (Из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С. 87–98; Саверкина И.В. К истории библиотеки А.Д. Меншикова // Книга в России XVI – середина XIX в. Л., 1987. С. 37–45; Саверкина И.В., Сомов В.А. Реестр книг А.Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 145–147.

⁵⁰ Долгова С.Р. Указ. соч.

⁵¹ Саверкина И.В., Сомов В.А. Указ. соч.

И.П. КУЛИБИН – МЕХАНИК И РУКОВОДИТЕЛЬ МАСТЕРСКИХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВО ВРЕМЯ ДИРЕКТОРСТВА Е.Р. ДАШКОВОЙ

И.Е. Лопатухина

*кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет*

XVIII в. – век превращения нашего государства из «варварской», в представлении европейцев, «Московии» в Российскую империю, с могуществом которой Европа уже не могла не считаться. Ключевую роль в этом процессе сыграли реформы Петра I, в том числе указ об основании Академии наук. Она сразу создавалась как Академия всех наук и художеств, что было вынесено в её название – Санкт-Петербургская Императорская Академия наук и художеств (самостоятельная Академия художеств создана в 1757 г.).

Очень быстро Академия наук превратилась в научный и художественный центр страны, занимаясь как большими теоретическими исследованиями, так и изготовлением и продажей ювелирных и оптических изделий (серёг, запонок, очков и т.п.). Заметную роль в деятельности этого учреждения играли существовавшие при нём мастерские (которые в XVIII в. называли «палатами»), где изготавливали различные научные приборы. Руководители этих мастерских, наряду со своими прямыми обязанностями, должны были вместе с академиками различных специальностей принимать участие в рассмотрении изобретений и технических проектов, поступавших в Академию наук, давать консультации по самым различным техническим вопросам, обучать и экзаменовывать специалистов, присылаемых в Академию наук из различных ведомств, изобретать и изготавливать новые научные приборы. Руководитель академических мастерских должен был обладать почти энциклопедическими знаниями в области различных ремёсел и быть человеком с широким техническим кругозором.

Такими качествами обладал Иван Петрович Кулибин (1735–1818), ставший механиком и руководителем мастерских в 1769 г. Уроженцу Нижнего Новгорода, бывшему на родине часовых дел мастером, открыли путь в Петербург часы яичной формы, телескоп, микроскоп и электрическая машина, которые вместе с создателем были представлены Екатерине II во время её визита в Нижний Новгород в 1767 г. Стоит отметить, что часы были тогда ещё не окончены, и Иван Петрович продолжал над ними работать до марта 1769 г. Ныне эти часы хранятся в Государственном Эрмитаже. Размером с гусиное яйцо, часы имели механизм часового боя, музыкальный аппарат, который мог воспроизводить несколько мелодий, и миниатюрный механизм, приводивший в действие фигурки в столь же крошечном встроенном театре. Разыгрывалось целое представление, куранты играли три раза молитву «Христос Воскресе». В полдень часы исполняли музыку, сочинённую И.П. Кулибиным в честь приезда императрицы Екатерины II в Нижний Новгород. В этом «гусином яйце» было 427 деталей.

27 февраля 1969 г. Иван Петрович приехал в Петербург, и до 1801 г. его жизнь была связана с этим городом и Академией наук.

Академические мастерские к тому времени существовали уже несколько десятков лет. Успех «палат» был обусловлен не только высококвалифицированным персоналом, но первоклассным для того времени оборудованием: они уже в первые годы своего существования были снабжены токарными, сверлильными и строгальными станками.

Предшественниками И.П. Кулибина на посту руководителя мастерских были крупные техники. Так, почти двадцать лет (1735–1756) их возглавлял один из лучших русских специалистов механического и инструментального дела, «токарь Петра I», конструктор и изобретатель Андрей Константинович Нартов (1693–1756). Наряду с переоборудованием мастерских он составил описание всех станков и инструментов, находящихся там, что очень помогло преемникам Андрея Константиновича, в том числе и И.П. Кулибину.

В Академии наук Ивану Петровичу было положено жалование, жильё с отоплением и большая мастерская. В то время «палаты» насчитывали шесть отделений: инструментальное, столярное, токарное, барометрическое, оптическое и пуансонное (пуансон

в металлообработке – одна из деталей инструмента, используемого при штамповке и прессовании металлов). Геодезические, гидродинамические и акустические приборы, готовальни, астролябии, электрические банки, телескопы, подзорные трубы, микроскопы, солнечные и иные часы, барометры, термометров, ватерпасы, точные весы – таков далеко не полный перечень сделанного в мастерских под руководством И.П. Кулибина.

Став во главе академических мастерских, Иван Петрович вписал яркую страницу в историю отечественного приборостроения. Это произошло не только благодаря его таланту изобретателя, но и тому, что в мастерских Академии наук он нашёл высокую техническую культуру, созданную несколькими поколениями мастеров-приборостроителей и учёных, что сохранило И.П. Кулибину много сил и избавило его от необходимости тратить время на преодоление тех трудностей, с которыми он неизбежно встретился бы в Нижнем Новгороде, где ему всё приходилось изготавливать самому. В Петербурге он освоил специализированные станки и приспособления и технологические приёмы, выработанные его предшественниками, работавшими в мастерских. Если появление Ивана Петровича в «палатах» сказалось на всей их деятельности, то нельзя недооценивать того взаимного благотворного влияния, которое испытывал замечательный механик и изобретатель, работая в коллективе искусных мастеров, богатых не только своими знаниями и опытом, но и традициями, передаваемыми из поколения в поколение. Работы академических учёных и личное общение с ними в немалой степени способствовали формированию И.П. Кулибина как выдающегося техника и изобретателя.

Иван Петрович часто присутствовал при астрономических наблюдениях Екатерины II, им были сконструированы карманные «планетные» часы: кроме часов, минут и секунд они показывали месяцы, дни недели, времена года, фазы Луны. Изобретателем были созданы проекты башенных часов и миниатюрных «часов в перстне». Разработал он также новые способы шлифовки стёкол для изготовления микроскопов, телескопов и других оптических приборов. Уделял И.П. Кулибин особое внимание и обучению молодых мастеров «палат».

Кроме этого, Иван Петрович активно занимался изобретательством. Особое внимание он уделил мостостроительству. Мосты для

Петербурга – жизненная необходимость. К 1748 г. существовало 40 мостов, но не было ни одного постоянного моста через Неву, который бы соединил Зимний дворец с Васильевским островом. И.П. Кулибин спроектировал деревянный мост через реку Неву с длиной пролёта 298 метров. В конце декабря 1776 г. была построена 14-саженная модель этого моста (в 1/10 натуральной величины), которая была испытана на академическом дворе специальной академической комиссией. Сразу же после успешного завершения испытаний на середину модели взошёл Л. Эйлер и поздравил изобретателя с большим успехом. Комиссия, в составе которой были Л. Эйлер, Д. Бернулли, С.К. Котельников и С.Я. Румовский, вынесла заключение о возможности строительства моста через Неву. К сожалению, проект так и остался проектом. Модель была установлена в Таврическом саду Г.А. Потёмкина, который спонсировал работу И.П. Кулибина над мостом. В качестве награды Екатерина II вручила изобретателю премию и специально изготовленную золотую медаль на андреевской ленте. Почётная награда давала право её владельцу беспрепятственно и в любое время входить в Зимний дворец.

В 1779 г. Иван Петрович сконструировал знаменитый фонарь-прожектор («огромное зажигающее стекло»), который давал сильное освещение при слабом источнике. Его основой служило вогнутое зеркало, состоявшее из огромного количества отдельных стёкол. Помещённый в фокусе источник света, лучи которого отражались от зеркальных кусочков, производил сильнейший осветительный эффект. «Слепящий зраки фонарь» вызвал большое впечатление в Петербурге. О нём неустанно писали и говорили. Г.Р. Державин (1743–1816) воспел кулибинскую диковинку в одном из своих стихотворений. Широко было применение фонаря: им освещались мастерские, кареты, суда, маяки, дворцовые переходы.

Как же складывалась работа И.П. Кулибина по руководству мастерскими Академии наук? Многогранная и трудная сама по себе работа в «палатах» осложнялась отношениями с администрацией Академии наук. За время руководства Иваном Петровичем мастерскими сменилось несколько директоров. При В.Г. Орлове (1766–1774) И.П. Кулибину удалось поднять работу мастерских на большую высоту. В период директорства С.Г. Домашнева (1775–1782), который был известен своими столкновениями с академиками, условия работы

Ивана Петровича значительно ухудшились: если раньше он напрямую общался только с директором, то с приходом С.Г. Домашнева стал зависеть от академика А.П. Протасова, которому было поручено «надзирание» за мастерскими. Это не улучшило, а ухудшило работу «палат».

В 1783 г. директором Академии наук стала Е.Р. Дашкова. Её деятельность на этом посту была пронизана истинным стремлением к развитию науки и образования, к сохранению академических традиций. Она была в курсе всего, что происходило в Академии наук, без её ведома и согласия не принималось ни одно решение. Княгиня старалась использовать то положительное, что было накоплено традициями академической жизни, но в тоже время при самом внимательном отношении к членам Академии наук практически всегда Екатерина Романовна предъявляла к ним достаточно высокие требования, строго следила за соблюдением установленных ею порядков и правил.

В первые годы директорства Е.Р. Дашковой работать Ивану Петровичу стало легче. Он снова оказался полноправным руководителем мастерских – не зависящим от академика А.П. Протасова. Так продолжалось, к сожалению, недолго. В конце 1785 г. надзор за всеми мастерскими Академии наук был поручен инспектору Шерпинскому. Отношения между ним и И.П. Кулибиным не сложились – Шерпинский вмешивался во все внутренние дела мастерских, что подрывало авторитет их руководителя. Сотрудники мастерских не знали, кого слушаться. Это затягивало выполнение заказов и заданий, в чём обвиняли Ивана Петровича. Кроме основных обязанностей ему приходилось следить за упаковкой и отправкой изготовленных в мастерских приборов, продажей готовых изделий, финансовой отчётностью, ведать заказами на изготовление деталей приборов на различных предприятиях Петербурга и его окрестностей. Естественно, что промахов было много, и Екатерина Романовна была недовольна работой мастерских и И.П. Кулибина. Письменные разговоры стали чередоваться со словесными. Княгиня обвиняла его в неумении руководить мастерскими, отмечая, что при его управлении работа протекает медленно, поэтому жалованья работники мастерских не заслуживают. Недовольство со стороны дирекции усугублялось сложными взаимоотношениями Ивана Петровича

с мастерами и помощниками. Возможно, он давал поводы для разного рода служебных недоразумений, будучи плохо приспособлен к административной работе.

Первоначально И.П. Кулибин не думал об уходе с места руководителя академических мастерских, а сама Екатерина Романовна откликнулась на его просьбы. Так, в апреле 1784 г. она разрешила Ивану Петровичу уехать на Волгу для постройки «машинных судов». Со временем промахи в руководстве мастерскими накапливались, и И.П. Кулибин стал думать об отставке, так как служба мешала его изобретательской работе. В январе 1787 г. Иван Петрович попросил Е.Р. Дашкову об освобождении его от руководства мастерскими. Просьба была вскоре удовлетворена. Как явствует из документа, хранящегося в Российском государственном историческом архиве, он был освобождён от занимаемой должности на следующих условиях: «Механика Кулибина по его прошению для лучшего и успешного в науках его упражнения уволить от смотра за мастерскими, и, как, по его признанию, должности за ним не будет, кроме упражнения на собственном его кошту, то он прежнего жалования получать не имеет, однако же в уважении того, что он соотечественник и имеет к механике природную склонность, а при том, что он впредь, когда случится в Академии какое частное до него дело, безоговорочно исправлял, оставить ему казённую квартиру и получаемые им дрова, також жалование вместо пенсионна по триста рублей в год, начав оное производить с 26-го числа сего января».

Уйдя в отставку с поста руководителя мастерских, Иван Петрович продолжал изобретать. Он неизменно участвовал в оформлении различных карнавалов, празднеств, торжественных ассамблей, балов, придумывал разнообразные механические игрушки для маленьких великих князей Александра Павловича и Константина Павловича. В 1791 г. И.П. Кулибин изобрёл прототип современного велосипеда и легкового автомобиля – механическую повозку-самокатку, в 1793 г. построил первый в мире лифт («самоподъёмное кресло») для Зимнего дворца, в 1794 г. создал оптический телеграф для передачи условных сигналов на расстояние. Про это изобретение вскоре забыли, а в 1835 г. для установки оптического телеграфа в Россию был приглашён француз Шато, и правительство заплатило ему за «секрет» 120 тыс. руб. Таковы парадоксы российского изобретателя.

тельства... Занимался Иван Петрович также починкой башенных часов Зимнего дворца, благодаря ему мы можем любоваться часами «Павлин», которые он собрал, перенёс в Эрмитаж и следил за их работой. В 1792 г. И.П. Кулибина избрали членом Петербургского вольного экономического общества.

Итак, Иван Петрович заведовал мастерскими до 1787 г., а затем служил в Академии наук до 1801 г. При изучении разных источников у нас сложилось впечатление, что поскольку княгиня навела порядок в делах Академии наук, то и от подчинённых она требовала того же. И.П. Кулибин не справился с новыми требованиями, и ему пришлось уйти от руководства мастерскими. При этом очевидно, что Екатерина Великая и Е.Р. Дашкова ценили изобретательский талант И.П. Кулибина, о чём свидетельствуют весьма почётные условия его отставки.

Литература

РГИА. Ф. 938. Оп. 1 (1791–1799). Л. 100–101.

Бренева И.В. История Инструментальной палаты (1724–1766) Петербургской Академии наук. СПб., 1999.

Бубнова В.А. Кулибин. СПб., 2003.

Кузавков В.М. Уатт и Кулибин. СПб., 2005.

Пипуныров В.Н., Раскин Н.М. Иван Петрович Кулибин. Л., 1986.

Смагина Г.А. Сподвижница Великой Екатерины. Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб., 2006.

Тычинина Л.В. Великая Россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002.

Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В. «Она была рождена для больших дел...»: летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М., 2009.

К БИОГРАФИИ КНЯЗЯ П.М. ДАШКОВА

В.Н. Алексеев

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный областной гуманитарный институт

Последний в роду князей Дашковых князь П.М. Дашков родился в Москве 12 мая 1763 г., а его восприемниками при крещении были императрица Екатерина Алексеевна и восьмилетний наследник престола цесаревич Павел Петрович. В немалой степени благодаря этому факту оба они впоследствии стали высочайшими покровителями последнего из князей Дашковых.

Имя Павла Михайловича неизбежно упоминается всеми биографами княгини Е.Р. Дашковой, а также всеми генеалогами князей Дашковых и графов Воронцовых, однако практически все авторы судят о личности князя и о его недолгой жизни почти исключительно по мемуарам его матери, негласно полагаясь на абсолютную точность последних.

Настоящая работа имеет целью уточнить наши представления о П.М. Дашкове на основе упоминаний о нём в опубликованном «Архиве князя Воронцова» и в некоторых других воспоминаниях современников. Таким образом, кроме малоизвестных биографических фактов мы получаем редкую возможность сравнить «Записки» Екатерины Романовны с письмами её современников и оценить степень достоверность всех этих источников.

На восьмом году жизни, то есть в 1770 г., князь был записан в гвардию прапорщиком лейб-гвардии Кирасирского полка¹. Прапорщик в гвардейской кавалерии был вторым от начала офицерским званием и соответствовал XIII классу Табели о рангах.

Запись мальчика в гвардейский полк определилась традицией XVIII в., восходящей к петровскому правилу о военной службе дворянских детей. У княгини было право выбора конкретного полка для своего сына. Предпочтение, отданное Кирасирскому полку перед другими гвардейскими полками (Преображенским, Семёновским, Измайловским и Конногвардейским) вероятно, объяснялось тем, что с 14 июля 1762 г. и до своей кончины в Польше 17 августа 1764 г.

командиром (вице-полковником) этого полка служил супруг Екатерины Романовны, генерал-майор князь М.И. Дашков. Через шесть лет в том же полку оказался его сын. Как вспоминала княгиня, зачисление в полк произошло одновременно с приказом императрицы «о повышении по мере наступления его очереди»².

Спустя двенадцать лет, летом 1782 г., окончивший Эдинбургский университет 19-летний князь вместе с матерью вернулся в Санкт-Петербург. Встал вопрос о дальнейшей службе.

Незадолго до этого Дашковы встретили в Европе князя Г.Г. Орлова который был удивлён, увидев 17-летнего Павла Дашкова «всё ещё» в мундире кирасирского полка. Григорий Григорьевич тут же предложил перевести молодого князя в конногвардейский полк, шефом которого была императрица, а командиром – он сам³. Это сразу же повысило бы Павла Михайловича на два чина, но княгиня решила отдать судьбу сына в руки императрицы.

Екатерина Романовна писала по этому поводу: «Я предназначала его к военной службе и дала ему образование, необходимое, чтобы в ней преуспеть, но своею волею я не могу переводить сына из одного полка в другой, предоставляя это решать её величеству, его крёстной матери»⁴.

Мы предполагаем, что после зачисления князя Павла Михайловича в полк приказы о его автоматическом повышении в чине не издавались, а его мать этот вопрос особенно не волновал. Это следует из того, что по возвращению в Россию Е.Р. Дашкова стала наводить справки, в каком же военном звании пребывает её сын⁵. Вероятно, что из-за пребывания княгини за границей хлопотать за П.М. Дашкова было некому. Кроме того, будучи сравнительно невеликим по численности, Кирасирский полк имел очень ограниченное штатное расписание и небольшое количество офицерских должностей, при котором очередное повышение в чине было возможно только после освобождения кем-либо требуемой должности.

Вопрос о чине Павла Михайловича осложнился ещё и тем, что по приезду в Петербург княгиня вместе с детьми была приглашена на обед к Екатерине II. Согласно традиционным петровским правилам, положение человека в обществе определялось тогда не сословием или титулом, а его гражданским или военным чином. Таким образом, не имея достаточно высокого воинского звания, молодой

князь не имел права присутствовать на обеде у государыни. Неожиданно вопрос решила сама императрица. В знак доказательство того, что к детям Екатерины Романовны она всегда будет «проявлять особое расположение»⁶, государыня милостиво разрешила прапорщику Дашкову обедать с ней.

«На следующий день, – писала Е.Р. Дашкова, – по распоряжению её величества, мне прислали копию указа, которым мой сын производился в чин штабс-капитана гвардии Семёновского полка, что давало ему звание подполковника. Наша радость была беспредельна»⁷.

Можно предположить, что перевод Павла Михайловича из Кирасирского в лейб-гвардии Семёновский полк произошёл по уже упомянутой причине ограниченности штатного расписания Кирасирского полка.

Заметим, что, сочиняя свои «Записки» много позже случившихся событий, княгиня указала новое звание своего сына («штабс-капитан») не совсем верно. С 1705 г. в гвардии существовало звание «капитан-поручик» (VIII класс Табели о рангах) и лишь в 1801 г. это звание было заменено «штабс-капитаном». Таким образом, П.М. Дашков был произведён не в штабс-капитаны, а в капитан-поручики.

Подтверждением сказанному служит письмо графа С.Р. Воронцова своему отцу от 18 июля 1782 г.: «Сестра Катерина Романовна была вчерась в Сарском Селе с сыном и дочерью, была принята отменно милостиво, а сын сегодня пожалован в капитан-поручики гвардии. Он того достоин; ибо без пристрастия могу сказать, что толь доброго, милого, скромного и с большим знанием молодого человека я никогда не видывал; в нём есть много такого, что, разделя на разных, много бы хороших людей составило»⁸.

Павел Михайлович был повышен сразу на пять классов Табели о рангах. Из приведённой выше цитаты следует, что производство в новый чин «давало звание подполковника» её сыну. Речь идёт о том, что звания в гвардии были на два чина выше званий в армии, и если бы молодой князь перешёл в армейский полк, то автоматически стал подполковником, что и произошло в 1783 г.⁹.

С этого стремительного повышения в чине началась карьера П.М. Дашкова и как военного, и как петербургского аристократа.

Тем же летом 1782 г. он был назначен адъютантом Г.А. Потёмкина, а 1785 г. присутствовал на бале-маскараде, данном светлейшим в своём Аничковом доме в присутствии императрицы. Павел Михайлович на этом балу танцевал кадрили с впервые показавшейся свету княжной Барятинской¹⁰, будущей княгиней Долгорукой.

Интересно малоизвестное письмо графа С.Р. Воронцова, где он рассуждает о будущем своего племянника.

«...Что касается её сына, я полагаю, что у него хороший характер и очень мало тщеславия, которое его мать старалась ему внушить, обращаясь с ним, как с взрослым человеком, в то время как он едва выходил из детства. Мне помнится, как при встрече она говорила мне, что хочет прославиться тем, что создаст произведение, вырастит и приготовит человека, который, отличаясь большим умом и большими познаниями, не будет иметь никаких изъянов нашего нынешнего поколения и который будет олицетворять своё Отечество. После таких экстравагантностей и частых повторов не удивительно, что у него немного свихнулась голова.

Кроме того, едва приехав, он и его сестра решили, что у нас нет никого, с кем им не было бы скучно в обществе. Я приписываю это её ранней юности и его малому опыту в свете и верю, что у него доброе сердце. Но я вам предсказываю и припомните моё пророчество, что он за всю свою жизнь не станет более, чем очень посредственным военным. Возможно, за выслугу лет или по благосклонности свыше он станет генералом или маршалом, но он всегда будет очень посредственным офицером»¹¹.

Как и многие другие предсказания Семёна Романовича, его предположение о судьбе племянника оказалось правильным.

Дальнейшие продвижения П.М. Дашкова по службе шли своим чередом. В 1783 г. он был произведён в подполковники, а 4 января 1798 г. – в генерал-лейтенанты¹². В 1785 г. в составе свиты Г.А. Потёмкина Павел Михайлович некоторое время проживал в Петербурге, где к большому неудовольствию своей матери вёл праздный образ жизни. 1787–1789 гг. он провёл в военных походах по Польше, Молдавии и Бессарабии, принимал участие в военных действиях под Измаилом. В этот период князь получил чин бригадира, а с конца 1789 г. как откомандированный от армии находился в Киеве, где 5 февраля 1790 г. был произведён в генерал-майоры.

Вошедший на престол император Павел I прямо противоположно, нежели его мать, отнёсся к Е.Р. Дашковой и её сыну. Княгиня была отправлена в ссылку, а Павел Михайлович был назначен шефом Полоцкого мушкетёрского полка, а впоследствии стал шефом Киевского гренадерского полка. 4 января 1798 г. в Петербурге князь был произведён в генерал-лейтенанты. В это время он часто посещал двор и имел долгие беседы с императором.

По словам Е.Р. Дашковой, расположение императора Павла Петровича проявилось в том, что «он советовался с ним по поводу военных планов и намечавшейся войны. Оставаясь с ним наедине в своём кабинете, император приказывал ему письменно изложить планы боевых операций и обозначить размещение войск у границы. Под высочайшим секретом Павел решил поручить сыну командование армейским корпусом, который стоял в Киеве. Он даже дал ему несколько подписанных бланков для того, чтобы, не теряя времени, можно было заполнить их в случае необходимости, а также отдал распоряжения нашему посланнику в Вене графу Разумовскому и посланнику в Константинополе господину Тамара согласовывать свои действия с князем Дашковым. Кроме того, он послал приказ командующему Черноморским флотом, действовать совместно с ним и соответственно его указаниям»¹³.

Некоторые подробности о службе и личных качествах Павла Михайловича сообщил в своих мемуарах Лев Николаевич Энгельгардт, писавший следующее: «Зять мой С.К. Вязмитинов пожалован был генерал-майором, приказано ему было принять Белорусский егерский корпус, из четырёх батальонов состоящий, на место заболевшего шефа того корпуса генерал-майора Фаминцына; Сибирский полк велено было принять полковнику князю П.М. Дашкову, который пред сим командовал Днепровским мушкетёрским полком; но большею частью сего полка люди посажены были на флотилию для путешествия императрицы к Херсону и там размещены по другим полкам. Князь Дашков принял полк на походе в Киев, откуда полк пошёл в Польшу, в корпус графа Салтыкова, которого квартира была в местечке Янове.

Зять мой вёл службу, как должно бы наблюдать каждому; в первых, военная дисциплина строго хранилась, чин чина почитал, но благородная связь была между корпусом офицеров; порядок кан-

целярии в отчётах сумм жалования, амуниции, провианта и фуража приведены были в точность, обоз был исправный; полковые лошади были добрые, полк учился превосходно, в эволюциях офицеры были намётаны, солдаты без изнурения выправлены, одеты без лишней вытяжки, хорошо. Во время похода в России и Польше ни одной подводы ни под каким видом никто не смел взять, солдаты несли на себе все тягости и даже шанцевый инструмент. Словом, полк мог быть во всех частях образцовым в армии.

При командовании же полком князем Дашковым солдаты во многом претерпевали нужды, для продовольствия провианта и фуража [он] принимал деньгами и задерживал их; то же случалось и с жалованием; хотя чрез некоторое время оно и отдавалось, но не в своё время, лошади худо были накормлены, отчего в переходах в Польше бралось множество подвод, почему беспрестанно на полк были жалобы, а во время кампании к полковому обозу наряжались солдаты, чтобы в трудных местах пособлять взводить на горы. Чтобы нижние чины не роптали, князь дал поползновение к воровству, чем, по времени, Сибирский полк получил дурную молву; полковник имел пристрастие к некоторым офицерам, зато другие были в загоне и претерпевали разные несправедливости¹⁴.

Подобные обвинения трудно комментировать, и всё же заметим, что хозяйственные непорядки и денежные трудности были обычными армейскими проблемами, особенно в мирные («бездельные») годы, когда армия содержалась на минимальном довольствии.

Павлу Михайловичу недолго удалось удержать за собой милость императора. Имя князя оказалось косвенным образом связано с так называемым «смоленским заговором» против Павла I. Дело кончилось тем, что П.М. Дашков получил следующий рескрипт: «Так как вы мешаетесь в дела, до вас не касающиеся, поэтому увольняйтесь от службы. Павел»

Выйдя в отставку, Павел Михайлович уехал в своё тамбовское имение. Которое именно – остаётся загадкой. Мы предполагаем, что таковым могло быть село Архангельское, полученное князем от матери при разделе имущества. Известно, что в 1784 г. П.М. Дашковым в этом селе была построена церковь во имя св. архистратига Михаила, вероятно, в память о покойном отце. К сожалению, церковь в селе давно разрушена и никакими иными сведениями о селе в связи с Павлом Михайловичем мы не располагаем.

Последним фактом в биографии князя, который хотелось бы обсудить, был его брак с Анной Семёновной Алфёровой. Всем известны резкие слова, высказанные Е.Р. Дашковой по поводу этого мезальянса и последовавшего разрыва отношений между ней и сыном. В русском варианте её «Записок» говорится, что А.С. Алфёрова была дочерью таможенника, вышедшего из приказчиков и не отличалась ни красотой, ни умом, ни воспитанием, а её мать, урождённая Потемкина, охарактеризована как дама «крайне предосудительного поведения»¹⁵. Другие биографы Екатерины Романовны называли А.С. Алфёрову «...простой женщиной, дочерью купца Алфёрова»¹⁶, «девушкой незнатной, дочерью приказчика»¹⁷.

Между тем, в изданных в 1999 г. на французском языке «Записках» сказано, что «Il était sans doute inconceivable, parce que la personne n'avait ni beauté, ni esprit, ni éducation. Son père, un nouveau parvenu de garçon boutiquier, était placé à la douane, où il pillait pour s'enrichir, et sa mère noble, étant une demoiselle Potemkine, mais prostituée, avait épousé cet homme, ne pouvant faire mieux»¹⁸ («Он был, без сомнения, **немыслимым (непостижимым, непонятым, поразительным)**, потому что эта персона не имела ни красоты, ни ума, ни воспитания. Её отец, недавний выскочка из лавочного приказчика, имел место в таможене, где он крал, чтобы разбогатеть, а её мать, *дворянка*, была девицей Потёмкиной, но занималась проституцией, и вышла замуж за этого человека, не сумев сделать ничего лучшего»)¹⁹.

Таким образом, мать А.С. Алфёровой оказывается дворянкой. На дворянское происхождение Анны Семёновны указывает, хотя и без ссылки на источник, В.А. Западов в комментариях к стихотворениям Г.Р. Державина, где говорится, что князь П.М. Дашков женился «на небогатой и незнатной провинциальной дворянке А.С. Алфёровой»²⁰.

Наконец, в записках Н.И. Греча указано, что его мать, Катерина Яковлевна Фрейгольд – женщина, имевшая «ум светлый, пылкое воображение, любовь к изящным искусствам, добрейшее сердце, самый кроткий нрав и неподдельное благочестие», знала немецкий, французский и итальянский языки, «страстно любила литературу и беспрерывно читала, но со вкусом и разбором.

...Матушка моя выросла в Киеве, в кругу отборном и образованном. Помню из рассказов её имена Андрея Степановича Милора-

довича (отца графа Михаила Андреевича), обер-коменданта Кохиуса, Александра Фёдоровича Башилова. Безбородко и Завадовский были секретарями Румянцева, под начальством моего деда, и частенько являлись в его передней с бумагами. Ещё нередко вспоминала она об итальянском графе Капуани, старичке забавнике и шуте, который учил её музыке и итальянскому языку и называл “мой агел Амур!”. Искреннюю приятельницу её была девица Анна Семёновна Алфёрова, вышедшая потом за князя Дашкова»²¹.

Таким образом, Анна Семёновна оказывается членом весьма и весьма почтенного круга людей, знавших её достаточно близко и не гнушавшихся общением с ней. В сочетании с добрыми словами об Анне Семёновне сестёр Вильмот приведённое свидетельство Н.М. Греча даёт основание думать о невестке Е.Р. Дашковой совершенно иначе, чем она представлена в воспоминаниях княгини.

Павел Михайлович скоропостижно умер от горячки, после трёх недель болезни 22 января 1807 г. (н.ст.). Его погребли в родовой усыпальнице князей Дашковых в московском Новоспасском монастыре, там же, где через два года погребли и его жену – последнюю княгиню Дашкову.

Всё доброе, что можно было сказать о князе, воплотилось в эпитафии, составленной его сестрой А.М. Щербининой и высеченной на могильной плите:

«Здесь лежит смертная часть князя Павла Михайловича Дашкова, мужа, отличавшагося всеми добродетелями и качествами, могущими украшать человека. Родясь 11 мая 1763, воспитывался он в Эдинбургском Университете, где прежде 16 летнего возраста учением и прилежанием достиг степени магистра. Возвратясь в 1782 в отечество своё, вступил в действительную службу. Был известен и отличаем великим Фридериком II, королём Прусским. Был ученик и друг фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго и при кончине его закрыл ему глаза. Пользовался доверием, любовью и уважением дяди своего, государственнаго канцлера графа Александра Романовича Воронцова. Удостоивался доверия и милости государя императора Павла I, служив ему в чине генерал-лейтенанта, и украшен орденом св. Анны 1-го класса; вскоре после того вышел в отставку. Дважды удостоен был благородным дворянством Московской столицы и губернии, быв предводителем

онаго, и в последний раз имел все избирательные баллы в пользу свою. В 1806 высочайшим государя императора Александра I рескриптом, изъявляющим особенное монаршее благоволение и милость к нему, облечён орденом св. Александра Невского. 1807 г., января 6 дня, быв 12 дней болен желчною горячкой и воспалением в печени, опочил от сей временной к вечной жизни. Был верный сын отечества и усерднейший подданный государя, искренний и непоколебимый друг своих друзей, справедливый и добрый начальник подчинённых, отец слуг и крестьян своих, благотворитель и подпора бедных и страждущих. Удручённая горестью сестра, Настасья Щербинина, единственная отрасль роду князей Дашковых, воздвигла сей памятник брату, другу и тому, которого любив, как нежнейшая мать, гордилась быть ему покорна, как дочь, поставляя себе чувства сии в первейшее достоинство»²².

Примечания

¹ Из «Записок» Е.Р. Дашковой следует, что князь был записан в гвардию в 1770 г., то есть на восьмом году жизни, однако в «Русских портретах XVIII и XIX веков» со ссылкой на Архив Главного штаба говорится, что П.М. Дашкова записали в гвардию в возрасте восьми лет.

² Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России / Сост. Г.А. Весёлая. М., 1987. С. 143.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 120.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же.

⁸ Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1880. С. 143.

⁹ Там же.

¹⁰ Энгельгард Л.Н. Записки. М., 1997. С. 50.

¹¹ Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876. С. 26 (пер. с фр. – В.Н. Алексеев).

¹² Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825) // URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/index.html>

¹³ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 201–202.

¹⁴ Энгельгард Л.Н. Записки. М., 1997. С. 62.

¹⁵ Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 171.

¹⁶ Огарков В.В. Е.Р. Дашкова (Её жизнь и общественная деятельность). СПб., 1893. С. 320.

¹⁷ Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 96.

¹⁸ *Princesse Dachkova. Mon Histoire. Mémoires d'une femme de lettres russe à l'époque des lumières.* Paris; Montreal, 1999. P. 181.

¹⁹ Перевод и курсив наш. – В.А.

²⁰ Западов В.А. Комментарии к стихотворению «На смерть графини Румянцевой» // Гавриила Романович Державин. Электронная библиотека русской литературы XVIII – начала XIX в.: электронная публикация. Русская виртуальная библиотека. 2002–2012. С. 382.

²¹ Греч Н.И. Записки о моей жизни // az.lib.ru/g/grech_n_i/text_0030.shtml

²² Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 3. СПб., 1907. С. 362.

А.Р. ВОРОНЦОВ В ЛОНДОНЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ «РУССКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА»

Е.В. Полевщикова

кандидат исторических наук

*Научная библиотека Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова (Украина)*

Александр Романович Воронцов с юных лет был приучен к строгой отчётности в расходах, начиная с пребывания во Франции во время обучения в школе лёгкой кавалерии в Версале. Этого неукоснительно требовали от него и отец, и дядя¹. Контроль за расходами сына и племянника продолжился и тогда, когда молодой человек уже служил на различных дипломатических постах в Вене, Гааге и Лондоне². 3 февраля 1762 г. А.Р. Воронцов был уволен от должности чрезвычайного посланника в Голландии, а 8 марта того же года получил назначение полномочным министром в Великобританию³. В Лондоне Александр Романович пробыл менее двух лет: 9 декабря 1763 г. он был отозван из британской столицы и переведён на должность полномочного министра в Гаагу⁴.

Сведения о пребывании А.Р. Воронцова в Лондоне, введённые в научный оборот, немногочисленны; основным источником информации является опубликованная в «Архиве князя Воронцова» семейная переписка. Помимо указанных материалов, в сообщении рассмотрен хранящийся в РГАДА документ под названием «Роспись домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне Графа А.Р. Воронцова» (1763 г.), позволяющий более детально воссоздать картину лондонского периода жизни Александра Романовича (текст документа приведён в приложении).

Деятельность начинающего дипломата в Лондоне протекала в один из поворотных моментов истории Российской империи, ознаменованный дворцовым переворотом 1762 г. и началом правления Екатерины II. В британской истории этот период связан с именем личного друга молодого монарха Георга III, вступившего на престол

в октябре 1760 г., – лорда Бьюта, который фактически возглавил правительство в 1762–1763 гг.⁵. Усилия дипломатов ведущих европейских держав были сосредоточены прежде всего на завершении Семилетней войны (1756–1763) и разработке статей мирных договоров. Уже в силу этих обстоятельств полученное Александром Романовичем назначение было весьма ответственным. Его напутствовал дядя, тогда ещё канцлер М.И. Воронцов: «Желаю, чтоб вы, счастливо море переехав, при Аглинском дворе в начале от короля и всей фамилии приобретае себе милость и доверенность, а потом любовь и откровенность господина Бюта и протчих Аглинских министров, могли с лутчим успехом по усердию вашему служить Его Императорскому Величеству»⁶. Он так сформулировал стоявшие перед племянником задачи: «Настоящее состояние Англии, происшествия войны с Франциею и Гишпаниею и в Германии производимые негоциации и мир, сентименты короля и Аглинской нации в рассуждении Голстинских его И-го В-а дел с Даниею, о союзе с королём Прусским и намерениях, о генеральном мире: о сих делах я желаю, чтобы ваши реляции консекутивно (то есть без перерыва. – Е.П.) писаны были»⁷; «вам надлежит употреблять всякие возможные способы к разведанию о тамошних негоциациях, что до генерального мира касается»⁸.

С поставленными задачами (договориться о новом оборонительном союзе, который обеспечил бы России британскую поддержку в отношениях с Польшей, Швецией и Турцией) начинающий дипломат и по объективным обстоятельствам, и по неопытности не справился⁹. Промахи и проблемы по службе были в определённой степени связаны с успехом молодого Воронцова в лондонском свете: «гр. Александр Романович был дружен с Питтом Старшим (лордом Чатамом)¹⁰, лордом Сиднеем и маркизом Ленсдоуном»¹¹. Контакты молодого графа с представителями оппозиции раздражали двор и высший свет не только в Лондоне, но и в Санкт-Петербурге¹². Михаил Илларионович писал по этому поводу: «Вас дружески остерегаю: берегися авансировать гадания ваши по случаю происходящих распрей между правительством и народом; ибо вы иногда со всем вашим здравым рассудком можете в гаданиях ваших обмануться, потому что известное дело было, есть и будет, что в Англии между дворовою партией, министерством и парламента

членами по обстоятельствам происходят странные поступки и издаются в народе чудные бумаги, которые однакож никаких следствий не производят»¹³. Спустя несколько недель М.И. Воронцов увещевал племянника: «Пожалуй, мой друг, будь осторожен в разговорах с Аглинским министерством», советуя ему «больше флегмы нежели горячности иметь» и «вести себя в делах с великою осторожностью, а не с горячностью»¹⁴.

Михаил Илларионович не скупился и на практические житейские советы. Он инструктировал племянника по прибытии его в Лондон относительно обустройства в английской столице и организации работы русского дипломатического представительства: «рекомендую вам учредить дом ваш и содержать в порядке; отнюдь более приходу годового, расходов и долгов не делать; а канцелярских служителей в почтении и страхе содержать, не имея с ними никакой фамилиарите, но чтобы всякой из них в должности своей был исправен, и вы им также всякую справедливость отдать имеете...»¹⁵. Спустя четыре месяца Александр Романович вновь получил наставления: «Я вас прошу учредить ваш дом без всякого излишества и отнюдь более даваемого вам жалованья не проживать и в долги не входить; ибо ни отец ваш, ни я денег к вам пересылать не в состоянии»¹⁶. Не прошло и двух недель, как дядя ещё раз напоминает о необходимости «порядочную жизнь вести и в доме вашем учредить и содержать непременно добрый порядок и экономию, чтоб, сверх определённого вам жалованья, никаких более расходов не держать...»¹⁷.

8 января 1763 г. Михаил Илларионович обратился к племяннику со следующей просьбой: «Прошу вас, для моего удовольствия и знания, отписать ко мне о вашем состоянии, каким образом вы дом свой учредили, в которой улице живёте, чей двор наняли, сколько служителей имеете, по чему им платите, какой стол и экипаж содержите, и о всей вашей экономии, чтоб я мог о всём идею и обстоятельное сведение иметь»¹⁸. В качестве ответа на дядюшкин запрос, очевидно, и была подготовлена «Роспись домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне графа А.Р. Воронцова» (1763 г.). Рукой Александра Романовича помечено, что этот документ предназначался для «Его сиятельства канцлера».

Итак, как же обустроился молодой русский джентльмен? Он «учредил» свой дом «в недалности от дворца и в хорошей улице»,

то есть в престижнейшем районе британской столицы – Вестминстере, на небольшой улочке Клиффорд-стрит, что расположена возле Олд-Бонд стрит¹⁹. Очевидно, что под «дворцом» подразумевается старейшая королевская резиденция в Лондоне – Сент-Джеймский дворец.

Установлено, что Александр Романович обосновался в доме № 6. Инвентаризация дома, проведённая в начале 1735 г., даёт представление о помещении: оно имело три этажа над цокольным этажом (или четыре этажа, включая цокольный фасад) с мансардами на крыше. На третьем (четвёртом) этаже располагались пять комнат с сосновой обшивкой и каменными каминами; снаружи окна третьего этажа имели ставни. Стены четырёх комнат на втором этаже и пяти комнат на первом этаже были также обшиты сосной, имели дубовые двери, наличники, ставни и мраморные камины. Большая лестница (вероятно, каменная) имела железные перила с дубовыми перекладинами. До того, как здание было разрушено в 1962 г., оно неоднократно перестраивалось²⁰. Об определённых «переделках в доме» и «столярных работах», произведённых по распоряжению А.Р. Воронцова, упоминается в его рукописных заметках, хранящихся в том же архивном деле.

До Александра Романовича в доме обитало немало представителей английской знати: назовём леди Тейнхэм, вдову восьмого барона Тейнхэм; Александра Хьюм-Кэмпбелла, второго графа Марчмонта; Генри Сомерсета, третьего герцога Бофорт. Перед тем, как дом снял А.Р. Воронцов, там проживал упомянутый в документе голландский посланник барон Хопп, а в 1770-е гг. – политик и общественный деятель Иеремия Дайсон и историк Уильям Митфорд²¹. О престижности данного «микрорайона» красноречиво свидетельствует и список жильцов соседних домов по Клиффорд-стрит (вторая треть XVIII в.), среди которых – аристократы, дипломаты, политики, а также высшие чины британской армии и флота, врачи, литераторы²².

Неудивительно, что подобное соседство породило у молодого человека желание «соответствовать» высоким стандартам образа жизни столичной знати, о чём свидетельствует содержание «Росписи домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне графа А.Р. Воронцова». Помимо найма дома, обходившегося в год в 180 фунтов

стерлингов, расходов на лошадей и «ординарный стол с вином, сахаром и прочая» (55 фунтов в месяц), в документе фигурируют такие статьи расходов, как «ливрея на семь человек, которую всякой год переменять должно» (91 ф. ст. в год), «платья для 5 официантов» (80 ф. ст.), чаевые лакеям «придворных, и знатных господ», полагающиеся «в новый год по здешнему обыкновению»²³. Ежегодное жалованье выплачивалось «партикулярному секретарю для аглинского языка»²⁴, метродотелю, «французскому перукахеру», двум камердинерам («Михайле» и «Орлову»), «русскому лакею» и трём иностранным лакеям, которым полагалось ещё и «портеру по 8 фунтов каждому», и «по шиленгу на день на нужды», а также «мальчику италианцу», не считая расходов на прислугу, нанятую для выполнения грязных работ по дому («старой женщине домостроительнице», «девке на кухне», «другой, которая убирает комнаты»)²⁵.

Как уже упоминалось, помимо переписанной набело «Росписи...», в этом же архивном деле имеются и черновые записи Александра Романовича²⁶. К сожалению, по причине его крайне неразборчивого почерка этот текст невозможно воспроизвести полностью. Тем не менее, эти датированные заметки («Сего 19/30 мая 1763 Лондон») весьма любопытны, так как содержат «описание всех покупок на заведение дома». Среди прочего отметим серебряный сервиз из Аугсбурга, сервиз фарфоровый «для десерту», парадную карету и карету для простого выезда, привезённые из Парижа вина и «шандали» (то есть канделябры – *chandelier*), а также вина, купленные у «венедианских послов».

«Культурная программа» пребывания в английской столице включала посещение театров («спектаклей»), до которых, как известно, Александр Романович был большой охотник. Можно предположить, что молодой русский не раз присутствовал на спектаклях труппы расположенного в Вестминстере королевского театра Друри Лейн, восхищаясь игрой тогдашнего директора театра – знаменитого английского актёра и драматурга Дэвида Гаррика. Стремясь быть в курсе политических и культурных новостей, А.Р. Воронцов приобретал «иностранные газеты и некоторое число аглинских и разных пиес, как из печати выходят». Кроме того, он тратился и на «журнал парламентской», и на «новые газеты как здесь издаются на французском языке дважды в неделю».

Тема библиофильства А.Р. Воронцова заслуживает специального и подробного рассмотрения²⁷, в рамках же данного сообщения ограничимся одним замечанием. Известно, что книжным собирательством он занялся ещё до прибытия на туманный Альбион, однако пребывание в британской столице было важным этапом формирования книжного собрания Александра Романовича. В одном из документов фамильного архива Воронцовых в РГАДА есть упоминание о «Каталоге части Лондонской библиотеки графа Александра Романовича Воронцова»²⁸. Сам каталог до сих пор не обнаружен, однако сведения о нём позволяют утверждать, что уже в начале 1760-х гг. у А.Р. Воронцова имелось собственное книжное собрание, потребовавшее систематизации. Попробуем выяснить, какие именно книги и периодические издания он мог приобрести в британской столице, выделив лондонские издания, зафиксированные в каталоге библиотеки, который был составлен спустя три года в Голландии²⁹. Можно предположить, что среди них была «Полная и правдивая история процесса над Карлом Стюартом, королём английским» («Histoire entiere & veritable du proces de Charles Stuart, Roy d'Angleterre». Londres, 1650), призванная послужить более глубокому пониманию драматических событий английской истории XVII столетия. Фундаментальный труд английского историка У. Дагдейла «Бароны Англии, или Исторический очерк жизни и наиболее памятных деяний нашей английской знати...» (The baronage of England, or, An historical account of the lives and most memorable actions of our English nobility... – London, 1675) должен был помочь начинающему дипломату разобраться в тонкостях генеалогии английской аристократии. Возможно, в Лондоне Александр Романович приобрёл восемь томов сборника английских пьес (Le Théâtre anglois... Londres, 1746–1749). Перечисленные книги до сих пор хранятся в Воронцовском фонде Научной библиотеки Одесского университета.

Молодой дипломат имел под рукой комплект «Лондонского журнала» («London Magazine», 1732–1763). Появление в его библиотеке двух томов еженедельной газеты «Северный британец» («The North Briton») за 1763 г. было связано с популярностью её издателя – радикального публициста и политического деятеля Джона Уилкса. Это издание отражало взгляды зарождавшейся непарламентской оппозиции политике монарха, направленной на выход страны из Се-

милетней войны. Главным объектом нападков «Северного британца» был лорд Бьют, но пик популярности и газеты, и её издателя пришёлся уже на время после отставки любимца Георга III. Статья Уилкса в очередном (№ 45) выпуске от 23 апреля 1763 г. и последовавший за ней арест журналиста стали «прологом к серии драматических событий, будораживших Англию на протяжении нескольких лет» под лозунгом «Уилкс и свобода!»³⁰.

Особого внимания заслуживает упоминание в черновых набросках Александра Романовича о приобретённых картинах и статуях³¹. В этой связи вспомним о его знакомстве с младшим сыном Роберта Уолпола, на протяжении многих лет возглавлявшего английский кабинет в эпоху правления вигов. Политик и известный писатель Горацио Уолпол был блистательным эрудитом и ценителем искусства³². Впоследствии это знакомство возбудило понятный интерес племянника А.Р. Воронцова – библиофила и коллекционера Д.П. Бутурлина³³.

Подсчитанная в «Росписи...» общая сумма расходов составила 1753 фунта 13 шиллингов в год. Несмотря на повышение жалованья в результате демаршей, предпринятых Михаилом Илларионовичем³⁴, расходы А.Р. Воронцова явно превысили его финансовые возможности. В собственноручных записях молодой человек пытался вычислить общую сумму сделанных им долгов – 1966 фунтов³⁵! Надо полагать, что это обстоятельство изрядно расстроило его старших родственников. М.И. Воронцову показались чрезмерны и приведённые статьи расходов, и штат «двора» молодого русского джентльмена. В начале 1764 г. он вразумляет переехавшего в Гаагу Александра Романовича: «Теперь остаётся мне, друг мой, вам искренно советовать, чтоб вы, при перемене нового места, учредили дом и расходы ваши весьма умеренными, а особливо на первый год, а потом, исправясь и оплатя долги, можете по званию чина и имени вашего пристойно жить. Истинно никто вас не зазрит в том, но паче хвалить будет, что вы и в молодых годах умеете жить. В Голландии весь народ сребролюбив, и генерально все весьма скупы. В сём случае вы можете им подражать. Я вам советую нанять небольшой апартамент, содержать одну пару лошадей с простою каретою, весьма малой стол иметь, и никому обедов не давать, и к другим на обеды не ездить. Служителей, кроме камердинера, повара и двух лакеев, кучера и работника,

более не иметь. . . Я желаю, чтобы вы буде не половину, но хотя треть вашего жалованья в готовности и в запасе в наличных деньгах имели, чтоб не было нужды у купцов в долг занимать»³⁶.

За несколько лет до пребывания в Лондоне, когда совсем юный Александр Романович только начинал свою самостоятельную жизнь «европейца», он, следуя отцовским и дядиным наставлениям, тщательно записывал свои расходы и отчитывался за них перед старшими. Эти материалы легли в основу обстоятельного и не утратившего своё значение очерка А.И. Заозерского об А.Р. Воронцове с подзаголовком «к истории быта и нравов XVIII в.»³⁷. Рассмотренный нами документ предоставляет любопытные детали картины быта молодого дворянина, обустроившего свою жизнь за Ла-Маншем. Знаменательно, что двадцать лет спустя Александр Романович вспоминал о своём лондонском опыте, выступая теперь уже в качестве консультанта младшего брата, получившего назначение полномочным послом Российской империи в Великобритании. Так, он предупреждал Семёна Романовича об опасности вовлечения во внутривосточную борьбу: «Есть ещё пункт, в котором надо очень остерегаться, о коем я тем удобнее говорить могу, что, признаться должно, что по молодости моей я не мог от того спастись: чем более ознакомишься в Англии, тем больше привяжешься в их дела, а сие самое нечувствительным образом, что и сделаешься участником дворовой ли партии, или той, которые противу министров»³⁸. Многие связи С.Р. Воронцова были продолжением контактов Александра Романовича³⁹. Последний подробно инструктировал брата обо всём, «что касается до жизни лондонской», о дороговизне, которую он до сих пор не забыл: «Во-первых, там пышности не требуют, да и в ней нужды нет; но сего недовольно, надо несколько себя женировать (то есть стеснять себя. – *Е.П.*), если в долги не захотите впасть, и дому такого, как вы здесь имели, чтоб всем в одном этаже жить за тысячу гиней не достанете. . .»⁴⁰. Очевидно, и через много лет воспоминания о доме № 6 на Клиффорд-стрит, о проведённом в Лондоне времени и о «справедливых и просвещённых» людях, встреченных им на берегах Темзы, не стёрлись из памяти графа А.Р. Воронцова, сохранившего доброе расположение «к столь уважаемой нации. . .»⁴¹.

Приложение

1763 г. Роспись «домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне» гр. А.Р. Воронцова. Черновая

1763⁴²

Роспись домашнего состояния и ежегодных расходов в Лондоне

Графа А.Р. Воронцова⁴³

Для⁴⁴ ...Ево сиятельства канцлера⁴⁵

	Фунты Ст.
Наём дома в Клифорт стритъ, где умершей голландской посланник жил, в недалности от дворца и в хорошей улице стоит в год лошади	180.
Сарай для корет	10.
Кучер	12.
Ординарной стол с вином, сахаром и прочая, кроме больших обедов	55.
Фунтов Ст. на месяц, и того	660
Ливрея на семь человек, которую всякой год переменять должно обойдется в	91.
Затем что всякое платье со шляпой приходит в	13. фунтов Ст.
Платья для 5. оффициантов, каждое по 16. фунтов Ст. и того	80.
В новой год по здешнему обыкновению придворным, и знатных господ, лакеям	<u>63.</u>
и того	1196.

Фунты Ст.

1196

Ежегодное жалованье.

Партикулярному секретарю для аглинскаго языка	25.
Метр д'отелю	25.
Францускому Перукмахеру	25.
Рускому Камердинеру Михайле	12.

Камердинеру Орлову	8
Кухмистру	8
Мальчику италианцу	6
рускому лакею	6
Трём наёмным иностранным лакеям, да одному в ливрее для накрывания Стола, и Портеру по 8. фунтов каждому и того	40.
Да им по шиленгу на день на нужды и того в год	106.
Старой женщине домостроительнице	15
девке на кухне	7
другой, которая убирает комнаты	7
На свечи сальные, лампы, фонари до	<u>30 шил</u>
Итого	1508 11

Фунты шиленги
1508 11.

За иностранныя газеты и некоторое число аглинских и разных пиес, как из печати выходят два фунта в месяц	24.
За журнал Парламентской в год	6. 6
За новыя газеты как здесь издаются на французском языке дважды в неделю за год	12 ⁴⁶ 12
На уголья и дрова на кухню ежемесячно исходит 3.фунта и того	36.
Нынешнею зимою куплено угольев для топления покоев на	80.
За мытьё моего ⁴⁷ белья: рубашек и чулков на месяц один фунт и того	12.
За мытьё кружева и починки по договору в год	25.
За мытьё скатертей, тряпиц кухарных, простыней, всего дома по два фунта с половиною на месяц и того	<u>30</u> ⁴⁸ .
	1734 9 ⁴⁹
	1734 9
На два факала на месяц по тритцати два шиленга ⁵⁰ и того в год всего того ⁵¹	1753 13

Одевание собственно для меня не считается по тому, что прямо оное означить не можно; однако ж издержки на то не далеко простираться могут.

В сём щёте многие так же издержки и означит было не можно, как на пример, мелкие всякие из кошелка расходы; спектакли, поездки в загородные дома здешних господь которыя конечно далеко простираются, по известному здесь обыкновению давать денги людям.

Почтовые расходы так же не означены, потому, что надобно дожидаться окончания года; а по сию пору уже стоили, что можно показать действительно 140. по щетам.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3054. Л. 1–2 об.

Примечания

¹ *Заозерский А.И.* Александр Романович Воронцов. К истории быта и нравов XVIII в. // Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 105–136; *Приходько М.А., Удовик В.А.* Александр Романович Воронцов // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 54, 56.

² В мае 1761 г. А.Р. Воронцов стал поверенным в делах при Венском дворе, а в октябре того же года был назначен чрезвычайным посланником в Голландию: *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 84–85.

³ *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. С. 543.

⁴ Там же.

⁵ См. подробнее: *Сидоренко Л.В.* Лорд Бьют и политическая элита Великобритании в 1760-х гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 7. СПб., 2011. С. 108–117; *Он же.* Монархия и кабинет министров Великобритании: проблема взаимоотношений в 1760–1783 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

⁶ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. М., 1885. С. 156–157. Это назначение А.Р. Воронцова получил ещё при Петре III.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 185.

⁹ *Кросс Э.* У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 30.

¹⁰ У. Питт-старший адресовал А.Р. Воронцову несколько любезных писем, проникнутых сожалением по поводу его отзыва из Лондон. См.: Архив князя Воронцова. Кн. XXIX. М., 1883. С. 303–306.

¹¹ *Александренко В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 163.

¹² *Приходько М.А., Удовик В.А.* Указ. соч. С. 58. Красноречиво приводимое авторами данной работы послание секретаря Северного департамента графа Д. Сэндвича английскому послу графу Д. Букингемширу, в котором осуждается участие А.Р. Во-

ронцова в интригах и выражается сомнение в том, что «то, что он сообщает своему двору, не может способствовать установлению согласия и союза между Англией и Россией» (Там же).

¹³ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. С. 238.

¹⁴ Там же. С. 243, 246, 261.

¹⁵ Там же. С. 157.

¹⁶ Там же. С. 179.

¹⁷ Там же. С. 186.

¹⁸ Там же. С. 198.

¹⁹ Улица Бонд-стрит находится в лондонском районе Мэйфэйр; Олд Бонд-стрит – её старинная часть, примыкающая к Оксфорд-стрит. Начиная с XVIII в. здесь расположились элитные магазины и бутики, в том числе – антикварные (на протяжении 100 лет на Бонд-стрит располагался офис аукциона Сотбис) и ювелирные магазины.

²⁰ В 1849–1850 гг. здание перешло к Джону Элмонду, который за несколько лет до того приобрёл смежный дом (№ 7), имеющий аналогичный фасад, после чего дверной проём № 6 был переделан в окно. С тех пор до Второй мировой войны здание использовалось как часть отеля «Элмонд». В 1947–1961 гг. № 6 и 7 по улице Клиффорд были заняты издательством Лонгмэн. (Survey of London: volumes 31 and 32: St James Westminster. Part 2 / F.H.W. Sheppard (General Editor). 1963. P. 466–482. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=41487>)

²¹ Cork Street and Savile Row Area: Table of notable inhabitants on the Burlington Estate, Survey of London. Vol. 1–2: St James Westminster. Part 2 (1963). P. 566–572. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=41494>

²² Среди них – леди Форбс, супруга барона Форбса, позднее – третьего графа Гранарда, флотоводца и дипломата; Джон Эгертон, второй герцог Бриджуотер и Стивен Джонсон, священник русского посла в 1756–1761 гг. (№ 3); Фрэнсис Уитворт, генеральный контролёр лесов и лесных угодий и д-р Уильям Кармайкл, впоследствии – архиепископ Дублина (№ 5); дипломат и политик Генри Гренвилл (№ 7); член парламента, генеральный контролёр казённых (королевских) земель Томас Уокер (№ 8); первый виконт Фолкстон (№ 9); дипломат и антикварий сэр Джеймс Грей (№ 10); Чарльз Литтлтон, епископ Карлайла и президент общества антиквариев (№ 14). См.: Cork Street and Savile Row Area: Table of notable inhabitants on the Burlington Estate, Survey of London.

²³ Речь идёт, очевидно, о традиции дарить подарки прислуге во второй день рождения – *Voxing Day*.

²⁴ Из письма М.И. Воронцова племяннику известно, что переводчиком при Александре Романовиче состоял некий Мальцов, произведённый в конце 1761 г. в секретари посольства (Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. С. 192).

²⁵ Цены на разные товары и услуги в Лондоне середины XVIII в. приведены в монографии Л. Пикар «Лондон доктора Джонсона». См. *Picard L. Dr Johnson's London*. New York, 2000. URL: http://footguards.tripod.com/08HISTORY/08_costofliving.htm

²⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3054. Л. 3–6.

²⁷ См., напр.: Полевицкова Е.В. Читатели-энциклопедисты и их библиотеки (на примере книжного собрания А.П. Воронцова) // Розмаїття культур: історія і соціально-

комунікативна природа Книги: Матеріали IV Міжнар. наук.-практ. Семінару (м. Харків, 12–15 квіт. 2011 р.). Харків, 2012. С. 177–188.

²⁸ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3046. Л. 86.

²⁹ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 992.

³⁰ Семёнов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 200.

³¹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3054. Л. 3.

³² Вацуро В.Э. Готический роман в России. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/vacuro-goticheskij-roman/russkie-znakomstva-uolpola.htm>. Г. Уолпол упоминает А.Р. Воронцова в своей переписке: Letters of Horace Walpole, earl of Orford, to sir Horace Mann... from 1760 to 1785. Vol. 1. London, 1843. P. 93–94, 98. В.Э. Вацуро упоминает о том, что в начале 1764 г. Г. Уолпол подарил Александру Романовичу свои сочинения, однако не установлено, о каких именно книгах идёт речь.

³³ Архив князя Воронцова. Кн. XXXII. М., 1886. С. 263.

³⁴ Архив князя Воронцова. Кн. V. М., 1872. С. 111; Кн. XXXI. С. 198, 200. Спустя примерно десять лет жалование русского полномочного министра в Лондоне (в бытность им Мусина-Пушкина) составляло 8000 руб., 400 рублей полагалось на почтовых лошадей, «да на наём двора» – 2000 рублей (Александренко В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 326).

³⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3054. Л. 5 об.

³⁶ Архив князя Воронцова. Кн. V. С. 130–131.

³⁷ Заозерский А.И. Указ. соч.

³⁸ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. С. 440.

³⁹ «Я встретил много людей, которые говорили со мной о вас, – писал С. Р. Воронцов брату вскоре после приезда в Лондон. – Г-н Питт сказал, что вы были очень близки с его отцом и что он припоминает, как тот всегда отзывался о вас с большим уважением. Лорд Сидней, в ваше время звавшийся Таунсоном, отец Чарлза Таунсона, мне сказал, что тоже очень хорошо знал вас. ...Маркиз Лэнсдаун, некогда – Шелберн... велел мне передать, что желает со мною познакомиться, так как имеет честь принадлежать к числу ваших друзей». – Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876. С. 40. Пер. на рус. яз. цит. по: Кросс Э. Указ. соч. С. 30.

⁴⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XXXI. С. 440–441.

⁴¹ Цит. по: Александренко В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 101. .

⁴² Год подчёркнут в документе.

⁴³ «А.Р.» вписано над строкой.

⁴⁴ Далее неразборчиво.

⁴⁵ «Для... Ево сиятельства канцлера» вписано рукой А.Р. Воронцова.

⁴⁶ Далее зачёркнуто «б».

⁴⁷ «моего» вписано над строкой.

⁴⁸ Далее зачёркнуто «1728 3».

⁴⁹ Далее зачёркнуто «1728 3».

⁵⁰ «тцати два шилленга» вписано над строкой.

⁵¹ Далее зачёркнуто «1747 7».

ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ: ПИСЬМА С.Р. ВОРОНЦОВА В АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИЮ

Н.Я. Серебрякова
г. Санкт-Петербург

С.Р. Воронцов (1744–1832) считал своим предназначением службу в русской армии и был убеждён, что если Отечеству угрожает опасность, то долг дворянина – одним из первых встать на его защиту. Своё убеждение он доказывал делами. Так, когда Турция объявила войну России в 1768 г., Семён Романович попросил направить его в действующую армию, хотя, как отмечал вице-президент Военной коллегии З.Г.Чернышёв, «со всех сторон сыплются просьбы об увольнении, которых получено уже больше 400»¹.

С.Р. Воронцов участвовал в военных действиях под непосредственным руководством П.А. Румянцева. Храбрость молодого офицера, особенно в сражениях при Ларге и Кагуле, была отмечена орденом св. Георгия IV и III степени и произведением его в полковники. За время службы он показал себя не только талантливым командиром, но и заботливым воспитателем своих подчинённых. «Мы молим за него Бога, – говорил один из старых сослуживцев Семёна Романовича Ф.В. Ростопчину. – Он был нам отец, а не командир»².

По окончании военных действий С.Р. Воронцов был вынужден оставить службу в армии, куда он больше не вернулся. В 1782 г. Екатерина II назначила его полномочным министром в Венецию, а с 1785 г. – послом в Лондон. Началась его дипломатическая деятельность, о которой Семён Романович не мечтал и к ней не стремился, но которая продолжалась с перерывом до 1806 г.

Рассмотрим только одну сторону его деятельности в Англии, связанную с военно-морским флотом и подготовкой кадров для него.

В 1796 г. был издан указ императрицы, в котором говорилось о необходимости «...выписывать из иностранных держав корабельных и прочих мастеров, как-то мачтового, канатного и такелажного, что было в 1763 г.

Ныне же таких мастеров нет наличных, то по прошлому примеру выписать мастеров посредством находящегося при английском дворе чрезвычайного посланника и полномочного министра графа Семёна Романовича Воронцова.

Сие учинить господину адмиралу и кавалеру Алексею Наумовичу Сенявину»³.

Сохранились служебные письма С.Р. Воронцова к вице-президентам Адмиралтейств-коллегии А.Н. Сенявину, Г.Г. Кушелёву и другим лицам⁴. По этим письмам можно судить о стремлении посла принести как можно больше пользы Отечеству, а также о личных качествах Семёна Романовича, о его внимании и заботе к нуждам присланных из России учеников. Для тех, кто проявлял должную целеустремлённость и усердие, С.Р. Воронцов становился надёжным покровителем.

Забота об учениках-кораблестроителях не входила в круг обязанностей посла. Тем не менее, Семён Романович в письме к А.А. Безбородко так описал эту заботу: «...По связи знакомства и просьбе графа Ивана Григорьевича Чернышёва, а потом и Алексея Наумовича Сенявина согласился я взять под своё призрение присылаемых сюда Адмиралтейских учеников и исправления разных препоручений»⁵.

Приезжавшие ученики определялись в пансион.

«Лондон. Июль 24 1795 г.

...Имею честь уведомить, что гимназисты Василий Ставинский и Иван Булычёв прибыли благополучно и на первый случай будут помещены в пансион для лучшей привычки к английскому языку. А потом, согласно предписанию Адмиралтейств-коллегии, определены будут к местам для обучения корабельной архитектуре, сооружений огненных машин и пр.»⁶.

Одной из труднейших задач было определение учеников на практику в верфи.

«Лондон. Июнь 29 дня 1795 г.

...по причине военных обстоятельств правление, за неимением у себя довольно числа верфей для строения новых судов, сделало контракты во всех лучших купеческих, чтобы в них строить военные корабли, фрегаты и пр. В тех самых верфях отныне помещены адмиралтейские ученики, где сделаны подряды строить

по два 74 пушечных и др. кораблей. И ученики смогут видеть начало, продолжение и конец работы. Я должен заметить, что немногие из бывших российских корабельных учеников имели случаи, столь выгодные для усовершенствования себя в науке.

Но сколь с одной стороны выгода велика, столь с другой – подвержена затруднениям, ибо как В.С.⁷ сами знать изволите, что правление желает построение кораблей держать в тайне, и я пришёл в отчаяние пристроить их. На реке Темзе находятся пять лучших купеческих верфей. В трёх мне отказали. В остальных с великими трудностями хозяева, по старому знакомству, принять согласились, да и то, с такой предосторожностью, чтобы наши корабельные ученики поступали со всею скромностью и опасением в отношении снятия чертежей, потому что в случае доноса сие может нанести хлопоты и самим хозяевам...»⁸.

Помощником Семёна Романовича стал священник посольства Яков Иванович Смирнов⁹. Видя, как мало выдаётся средств на расходы ученикам во время их учёбы в Англии, он по просьбе С.Р. Воронцова составил подробную опись необходимых вещей.

«...Каждому ученику иметь в год: 2 фрака, 6 рубашек, 4 камзола, 4 пары нижнего белья, 1 пару сапог, 6 косынок на шею, 6 карманных платков, 5 пар башмаков, 6 пар чулок, 1 шляпу, 3 пары перчаток. На мытьё белья (понедельно)... на бумагу, перья, ножик, бритву... Итого: 45 ф. 10 шил.

Ещё раз дозволюте сказать В.С. откровенно, что им неотъемлемо нужно иногда позадобрить своих товарищей и в верфи офицеров и дать им либо на портер, либо сделать маленький подарок, и как паче тем, сквозь коих руки чертежи проходят. Без того чертежей получить им не удастся: мастера корабельные открыто снять чертёж военного корабля никогда не позволят. Я слышал неоднократно от прежде бывших здесь учеников, что достать из королевских верфей, чтобы скопировать чертёж, стоило им от 2-х до 5-ти гиней¹⁰. Хоть подобные издержки в счёт никогда не ставятся, но, как я издавна знаю, без этого нельзя обойтись...

Осмеливаюсь ещё предложить на рассуждение В.С. просьбу о выдаче им денег для покупки инструментов (пилы ручные, топоры и др.) и рабочего платья. Ибо без них, не будучи в состоянии пристаться в верфи за работу, станут токмо время тратить попусту, гуляя по верфи, и они будут замечены людьми, присылаемыми иногда

от правления для смотру кораблестроения, отчего могут последовать расспросы и дальние затруднения.

Посему смею предложить В.С. всемилостивейшую просьбу сих корабельных учеников об исходатайствовании им у Государственной Адмиралтейств-коллегии прибавки жалованья (вместо 120 ф.стер. – 150 ф.стер.), ибо на упомянутые суммы жить невозможно.

В.С. ведаёт лучше меня, что со времени Вашего пребывания в Англии правление здешнее наложило податей на народ более 2-х млн. фунтов стерлингов. В короткое время всё только вздорожало.

Ученики подають надежду к особливым успехам, и что казна для них определяемая не в суге будет употреблена.

Предав сие представление на Ваше благорассмотрение, честь имею быть с глубочайшим почтением и проч...

Подлинное подписал Яков Смирнов»¹¹.

Несмотря на все трудности с получением чертежей морских судов, ученикам удавалось изготавливать их копии, которые пересылались с курьерами в Адмиралтейств-коллегию.

«Лондон. Апрель 1796 г.

Милостивый государь мой, Алексей Наумович!

Пользуясь отъездом курьера, ... посылаю с ним 3 чертежа, т.е. линейного корабля, фрегата и брига, скопированных трудами находящимися здесь... корабельных учеников Мелихова и Зенкова, коих письма при сём прилагаются.

Его Превосходительство Пётр Иванович Ханыков имел случай видеть у меня в доме упомянутый чертёж брига, нашёл онный весьма хорошим и просил меня сделать представление В.П. Если будет нужно строить подобное судно, исходатайствуйте дозволение коллегии построить оное по сему чертежу, который вид подаёт всякую надежду, что подобное судно будет весьма способным на службе Е.И.В.

...Вашего Превосходительства
покорный слуга г. С. Воронцов»¹¹.

«Лондон, июль 1796 г.

...Пользуясь отъездом курьера, ... вручил я ему 2 свёртка с разными корабельными чертежами для доставления к В.Пр. Чертежи сии принесены ко мне от обучающихся здесь учеников Разумова и Курепанова...

Добрый поступок и прилежание сих учеников заслуживают милостивое покровительство В.П. и благоволения коллегии, коим их препоручив...»¹³.

Об этих учениках, делавших чертежи на английских верфях, неоднократно упоминал Семён Романович, при этом постоянно обращаясь к вице-президенту с просьбой об их награждении. Обычно ответы на подобную просьбу посла не приходили – до назначения членом коллегии А.Н. Сенявина, о чём говорится в следующем письме.

«Лондон, октябрь 1796 г.

...В письме Вашем от 26 сентября Вы изволили писать, что чертежи судов, помпы и шкива, присланные от корабельных учеников Разумова и Курепанова, приняты с великим удовольствием Адмиралтейств-коллегией, что заказано уже сделать несколько по сим чертежам и что В.П. надеется сим ученикам исходатайствовать хоть одновременное награждение.

Я выписку Вашего письма показал ученикам и заметил, что сие было для них весьма лестно и радостно, и не сомневаюсь ни малейше, что весьма сильным будет поощрением к дальнейшим успехам. *Я уверен, что во всех людях, наипаче в подчинённых, похвала за доброе дело чрезвычайно поощряет ко всяким похвальным трудам и к прилежанию вообще*¹⁴.

Я здесь живу уже более 10 лет, послал в коллегию от находящихся здесь учеников бесчисленное множество чертежей всякого рода: но никогда до вступления Вашего в Адмиралтейство не слышал ни слова о тех планах. Так какое может быть одобрение ученику, когда он не знает даже, был ли его план развёрнут в коллегии или по получении брошен между старых бумаг?

Если бы коллегия, как В.П. теперь сделать изволили, получив планы и рассмотрев оные, приказали от времени до времени сообщить своё благоволение да и хоть самое малое награждение тем, кто отличился своими трудами и прилежностью, то, конечно, всякий из учеников на перехват старался бы доставить в коллегию всё, что ни есть здесь лучшего и каждый из них старался бы приобрести то знание, которое составляет совершенство кораблестроения, ибо одобрение есть наилучший способ к трудолюбию.

При сём остаюсь с глубочайшим почтением
Вашего Превосходительства
покорный слуга г. С. Воронцов»¹⁵.

После смерти А.Н. Сенявина (10 августа 1797 г.) вице-президентом Адмиралтейств-коллегии стал И.Л. Голенищев-Кутузов.

«Лондон декабрь 1797 г.

Милостивый государь мой, Иван Логинович!

Письмо в ответ на от 5/26 дек. получил, но нет известий о посланных чертежах от учеников Адмиралтейств-коллегии: Зенкова (черт. двойного шпиля), Мелихова (черт. мелководного гребного судна), Кукушкина (черт. огнедействующей машины)... В оправдание себя, В.П., привожу подробности, чтобы известить учеников, что их труды не остаются без примечаний их начальников.

Отмечаю усердие учеников Мелихова и Зенкова и беру смелость рекомендовать их в милость и покровительство В.П.»¹⁶.

И ещё:

«Лондон. Май 24 – июнь 4 1798

...Почти год прошёл как отправлены вещи: географ. карты..., о чём в письме 6/17 июля 1797, 2 ящ с картами 14 сент 1797 ...и три письма от дек. 1797 г. ...На означенные три письма не имею я ответа...»¹⁷.

Пытливые ученики, стремящиеся побольше узнать об устройствах английских кораблей, обратились с просьбой к послу, о чём С.Р. Воронцов докладывает в Адмиралтейство Г.Г. Кушелёву:

«Лондон. Июнь 1798 г.

Милостивый государь, граф Григорий Григорьевич!

Письмо учеников: *когда Российская эскадра прибудет сюда в соединение с Английским флотом, чтобы им можно было некоторое время побыть на военных наших кораблях, когда они будут крейсировать.*

Они мне представляют весьма хорошие причины, для хорошего кораблестроителя. Они говорят, что многие офицеры, командующие кораблями жалуются на недостатки кораблей, но, не зная строения оных, они не могут объяснить, в чём заключаются эти недостатки. Это полезно и ученикам в походе всё увидеть. С этой просьбой я и обращаюсь.

Наши корабли будут вместе с английскими, и я дам наставление сим ученикам, чтобы они во всякое время, когда можно, ходили бы на английские корабли и делали бы сравнения и примечали разницу не токмо внешнюю. Ибо на здешних кораблях стараются всё делать наилучшим порядком и выгодною не токмо для пользы службы, но и для покоя и облегчения народу.

Кроме сего, когда наши корабли идут в починку в здешние Королевские доки, то наших матросов, чинящих корабли, употребляют в работу охотно за деньги. Если кто захочет работать, то я буду просить господина вице-адмирала Макарова, чтобы он приставил сих корабельных учеников, как бы присматривать за работою и порядком матросов. Сим способом доставлено будет ученикам видеть, не токмо как здесь чинят корабли, но и получить свободный вход в здешние Королевские доки, чего никому не дозволяется.

Я о сём по почте писать не могу, для того посылаю сие письмо через возвращающегося в Россию капитан-лейт. Карташёва и прошу покорнейше В.П. донести Нашему Государю о сём деле, коего видимая польза для службы Е.И.В. заставили меня без отлагательства одобрить просьбу сих учеников, что надеюсь, не будет неуютно попечительнейшему Государю Императору...»¹⁸.

Ученики достигли большого мастерства, что видно из следующего письма:

«Лондон. Ноября 16 1799 г.

...г. Разумова здешний кораблестроитель, который завёл новую верфь и начинает в ней строить корабли, просил к нему приехать и поручает ему смотрение за порядком и строением кораблей, куда сам хозяин будет в отлучке за покупкой леса и пр. Я охотно дал моё согласие г. Разумову воспользоваться сим случаем, который без сомнения будет для него весьма полезен...»¹⁹.

«Лондон. Январь 1800

...Курепанов сделал перевод с английского на русский о мачтах и др., опробованных на здешнем флоте...»²⁰.

«Лондон. Январь 1800... Прибыли гимназисты.

К ним назначили начальниками Курепанова, Зенкова, Разумова и Мелихова, взять по несколько гимназистов под свой присмотр, водить их в доки и толковать каждому...»²¹.

Из письма Мелихова:

«Лондон 1800

...Мне удалось достать чертёж фрегата Тритон, который в недавнем времени был построен на верфи на р. Темзе. Онный фрегат славится скорым ходом...»²².

Беспокоиться о построенных в России по английским чертежам кораблях у Семёна Романовича были основания.

«...Из Лондона Российский министр граф Воронцов в письме изъясняет, что из находящихся там российских кораблей некоторые в случае ветра расшатываются и ослабляются, что делается сильная течь и служащие там подвергаются крайней опасности. При отправке их в доки находят, что болты, употребляемые для скрепления вместо того, чтобы проходить насквозь, доходят до половины брусьев, и потом *как-то их залаживают так*, что с первого взгляда кажется, что всё сделано правильно, но во время качки таковые скрепления ничему не служат. *Но сие видно происходит не от недостатка в железе, а от того, что за укреплением нет лучшего присмотра*»²³.

Сильное беспокойство С.Р. Воронцова вызывало невнимательное отношение в России к судьбам талантливых русских корабелов, ранее учившихся в Англии.

Так, «...корабельный мастер Сарычев намерен просить в отставку, причина к сему есть та, что велено было ему ехать в некоторый Черноморский порт для строения кораблей, для чего не имел выходного пособия и находился в крайней скудости, и сие принуждает его взять отставку».

«Лондон сентябрь 10/21 1798

...сегодня я здесь приватным образом с крайним сожалением узнал, что *Государь наш теряет предостойного и преискусного в своём ремесле человека, корабельного подмастерья или мастера, я чину не знаю, Сарычева...*

Он имеет столько головы и рассудка, что поправит своё состояние. Но служба Государева, потеряв сего человека, потерпит крайне.

У нас выписывают иностранных мастеров и платят им превеликие суммы, ... но лучше Сарычева сыскать весьма трудно. Он токмо был поныне один, который будучи в Англии для изучения, соорудил военный корабль. Мастер, у кот он здесь учился, столь был уверен в его знании, честности и искусстве, что когда подрядился для правления строить суда, то, заложив один корабль в 70 милях от Лондона, поручил всё строение Сарычеву, что он и кончил к совершенному удовольствию.

Доброе его поведение и прилежность к своему ремеслу столь всегда были отличны, что приметя у себя недостаток в математике, он просил у меня дозволения и помощи для изучения оной. Я о сём представлял тогда покойному графу Ив. Григ. (Чернышёву), кото-

рый велел выдать нужную сумму денег и г. Сарычев очень долго из своего доку ходил два или три раза каждую неделю более шести вёрст к своему учителю, славному здесь математику Вильямсону, который поныне говорит о его успехах с восхищением. Так не жалко ли будет потерять достойного, прилежного и искусного человека каков Сарычев!

Я уверен, что В.П. изволите согласиться со мною в том, *что издержав великие суммы на учение учеников и получив из них порядочных и искусных в своём ремесле, да если не сделать им такого состояния, которое привлекало бы их к продолжению своего ремесла, то конечно пользы для Отечества не будет никакой:* и всякая сумма употреблённая в награждение Сарычева для поправления его состояния и чтобы привлечь его остаться при своей корабельной должности, будет токмо соразмерна пользе, каковую сей человек может принести Отечеству, которое он и весьма любит, и ревностно поправить желает, и результат лишь бы ему было одобрение и чем жить пристойным образом.

Он достоин быть известен Государю, которому он мог бы объяснить премного полезного по делу корабельного строения...»²⁴.

Аналогично, о другом ученике Михаиле Степанове: «...Я знаю, что возвратясь в Россию, он (Степанов) перевёл одну английскую книгу о кораблестроении, писаную г. Сталкартом, но не знаю, была ли она напечатана.

Г. Степанов ныне где находится не знаю, последний раз сказывали, что он где-то около Казани, Саратове или у Каспийского моря, но употреблён ли он в должности? Особливые дарования сего человека заслуживают того, чтобы В.П. изволили представить его Всемилостивейшему Государю и употребили его для строения кораблей *и я уверен, что под присмотром Сарычева и Степанова наши корабли не хуже английских строятся будут...*»²⁵.

Обращение Семёна Романовича помогло, что видно из следующего письма: «...Не могу не изъявить чувства благодарности... за исходатайствование мастеру Сарычеву прибавления жалованья по 500 р. на год. Таковой милостью Вы изволили удержать усердного и искусного человека, который, пользуясь Вашим покровительством и своим ремеслом отменно в состоянии будет оказать нашему флоту отличные услуги»²⁶.

И ещё радостное известие, с которым Воронцов обращается к Г.Г. Кушелёву:

«Лондон ноябрь 1798 г.

...Одобрено моё предложение в Департаменте об умножении здесь корабельных учеников. Известили меня о новоучрежденном училище для корабельных архитекторов. Здесь ученики до отправки в Англию получают подготовительное образование.

7 или 8 лет назад я писал об учреждении подобного заведения, прося, чтобы учредив оное, отобрать сначала учеников 12 хороших дарований и остроты ума, чтобы часа по два или три по утрам были при действительном строении судов и для практического, а не теоретического употребления топора, долота и др. инструмента, а в другие часы упражнялись в чертежах и рисовании, арифметике, геометрии, знании иностранных языков. *Так подготовленный ученик не вел бы себя в здешнем доке как дикарь в лесу*, немедленно узнал бы и был бы в состоянии приметить разность в здешнем и нашем строении кораблей. Но мое представление оставлено было тогда без внимания.

Известные Вам лучшие ученики Сарычев и Степанов, возвращаясь от сели, тоже делали подобные предложения. Я рад об учреждении оногo заведения»²⁷.

К сожалению, один из учеников доставил много неприятностей С.Р. Воронцову, о чём он сообщил И.Л. Голенищеву-Кутузову.

«Лондон. Декабрь 1797 г.

Милостивый государь мой Иван Логинович!

...кроме Булычёва, от которого кроме беспутства никаких успехов не предвидится, и я думаю, что ежели В.П. прикажет возвратить его в Россию, то и коллегия и казна перестанет тратить время попусту, а в России может быть к чему-нибудь другому полезному откроется в нём склонность.

Я должен отметить, что из множества бывших в течение 12-летнего моего пребывания, сей токмо один, который не соответствует успехами благонамерениям Гос. Адмиралтейств-коллегии, но как говорят, в семье не без урода»²⁸.

С просьбой отозвать в Россию этого ученика Семён Романович обращался в Адмиралтейств-коллегию почти в каждом письме:

«Лондон. Май 24/июнь 4 1798

...в отношении Булычёва желательно знать решение Госуд. коллегии, ибо я не вижу никакой надобности держать здесь человека,

нерадеющего о должности за которой прислан, а мне также весьма скучно о таком повесе иметь тщетное попечение...»²⁹.

Не получив ответа от И.Л. Голенищева-Кутузова, Семён Романович обратился к А.А. Безбородко:

«Лондон, август 1798

Милостивый князь Александр Андреевич!

Я осмелился утруждать В.Св. для объяснения некоторых обстоятельств и для испрошения вашего пособия... По каким причинам мне неизвестно, но я не мог допроситься у господина адмирала Кутузова, чтобы он отвечал на мои представления.

Кроме других писем, касающихся разных отправлений, я представлял о весьма непорядочном и распутном поведении одного ученика Бульчёва ещё прошлого 1797 дек 15 числа и не получив ответа ещё раз писал в мае 24 числа, но и на сие нет ответа.

А означенный ученик не оказывает ни малейшей склонности к исправлению: входит в долги, пьянствует непомерно, о должности нерадив и попусту тратит казну. Не хотя, чтобы сего беспутного держать здесь 9 мес. долее, т.е. до будущей весны, я решился, прежде чем прекратится мореплавание отослать его в Россию обратно.

С сим курьером доношу я о принятом мною намерении Государю Императору, но нежели свидите Ивана Логиновича, я всех обстоятельств не упоминаю, а представив дурное поведение ученика, во извинение Господина адмирала Кутузова, говорю, что м.б. мои представления к нему не доходили? Да и к В.Св. пишу не в намерении, чтобы винить либо жаловаться на Ивана Логиновича, но на случай если Адмиралтейств-коллегия захотела бы сделать на меня представление, что присланных ею людей без разрешения отсылаю назад, то чтобы В.Св. в моё оправдание известно было о причинах меня к сему побудивших. *Я желаю иметь по всем делам нужную исправность и порядок, а если по нерадению других сохранить оного не в состоянии, то я лучше уклонюсь вовсе от сей коллегии поручений и тем избавлюсь от всех сопряжённых с оными хлопот и неприятностей.*

Остаюсь с глубочайшим почтением Вашей Светлости, покорный слуга г. С. Воронцов»³⁰.

Писал С.Р. Воронцов и императору:

«Лондон 17 авг. 1798

Всемилоостивейший Государь!

...Почти все ученики ведут себя похвально, но один из них Булычёв по несчастию взялся совсем в противное, о должности не радеет, пьёт непомерно и делает всякие излишества. Я представлял вице-адмиралу Адмиралтейств-коллегии Ив.Логин. Голенищеву-Кутузову прошлым 1797 г. Но ответа не имею.

Совершенно безо всякой пользы казна В.И.В. тратиться будет.

Не в упрёк, ни в похуление г. адмирала Кутузова я утруждаю сим письмом В.И.В., но единственно в оправдание себя, ибо может статься, что Адмиралтейств-коллегия захочет сделать представление на меня, что не дождавшись её решения я отсылаю от сели людей Ею сюда присланных.

Я надеюсь, что В.И.В. сей мой поступок оправдать изволите. Я сие сделал из усердия к пользе службы Вашей и если В.И.В. угодно поручать мне надзирание за успехами и поведением присылаемых сюда от разных Департаментов молодых людей, то я уверен и совершенно спокоен с той стороны, что В.И.В. за благо принять изволите и оправдаете меня, когда я, видя упрямство, распутный образ жизни, нерадение и др. беспорядки, по необходимости принуждён себя вести так, как тому беспутному человеку должен прекратить способы расточать казну, разорять себя и подавать другим дурной пример, возвращением его в Россию, где он скорее удержится и с лучшею пользой употреблён быть может.

С глубочайшим благоговением остаюсь.

Всемилоостивейший Государь!

Вашего Императорского Величества

Вернейший подданный г. С. Воронцов»³¹.

Неизвестно, был ли получен ответ на письма, отправленные в августе 1798, так как в октябре 1798 г. в письме к Г.Г. Кушелёву Семён Романович писал:

«...Отправил паспорт, но Булычёв вернул его обратно, не живёт дома и сказал хозяйке, что “он лучше согласится быть солдатом или матросом, нежели ехать в Россию”.

...Булычёв взялся в охоту гонять голубей, ходить с ружьём на охоту, не радея о должности. В корабельную верфь он давно не ходил и знакомым рассказывал, что намерен идти на корабле в Восточную Индию...

Нужно выбирать учеников, чтобы они были добрых родителей, имели бы уже привычку к кораблестроению, знали бы геометрию и умели чертить...»³².

Прошёл год.

«Лондон. Октябрь 1799 г. ...Граф Воронцов изъясняет, что хотя он и доносил всеподданнейше о намерении своём отправить в Россию ученика Булычёва по причине развратного его поведения, для чего паспорт его и деньги на путевые издержки отосланы были в контору Пителя и Бродена, но известился, что он Булычёв пред тем временем ушёл в Рочестер, якобы для свидания с приятелями, потом спустя две недели прислал обратно к нему паспорт, не *означив места, где он находится*, а к хозяину дома, где он квартировался пишет, что он *в Россию возвратиться не намерен*, а имеет желание идти на корабле в Восточную Индию. Он и попытается исполнить сие, ибо ему в Англии по причине многих на нём долгов, остаться невозможно, не заплатя коих достанется быть всю жизнь в тюрьме. ...С.Р. *испрашивает повеления, что буде бы кто впредь оказался из учеников нерадивым и дурного поведения, то чтоб позволено ему было сразу высылать таковых в Россию без предварительного об оном отношении...»³³.*

Одной из главных забот кораблестроителей был лес – как его вырастить и подготовить для строительства кораблей.

«Лондон, сентябрь 1798

...В рассуждении лесов я постараюсь сообщить, что здесь отыскать смогу. Как лес для кораблестроения главнейший предмет, то покойная Государыня, слыша жалобы о худобе и недостатке оногo, велела славнейшему натуралисту Палласу сделать разным деревьям описание: на какой земле, какие и когда деревья сажать, сколь долго они растут, когда приходят в самую силу и в какое время их рубить.

Сей учёный человек сделал материал и подал его покойной Императрице. Князь Андрей Андреевич читал и сказал, что оное сочинение есть одно из наилучших и преполезнейших. Стоит В.П. его отыскать и напечатать, если он затерялся, то найти вчерне у г. Палласа и публиковать его для общественной пользы.

Извините, что наношу столько хлопот.

P.S. Не понимаю, как у нас при осмотре и вооружении кораблей портят, что прежде было сделано...»³⁴.

Из письма С.Р. Воронцова в марте 1799 г.: «...Книги о лесах переданы...».

«Лондон. Январь 1800

...О сбережении я говорил с искуснейшим человеком г. Бенгамом, который есть преопытный химик, всё знающий в натуральной истории, в математике и в механике.

Здесь правление имеет столь великое мнение о нём, что для него учредило в адмиралтействе особый департамент “Генерал инспекторский”, в коем г. Бенгам председатель и ему поручено всё, что касается улучшения доков и усовершенствования кораблестроения.

Он начал переделывать Портсмутский док, который я, будучи в Портсмуте, сам видел и это есть бесподобно. *Жаль, что Россия, имея однажды у себя этого человека, не воспользовалась его дарованиями.*

Говорил с ним о сбережении лесов... (Лиственница – со срубленного дерева не снимать коры, положить на возвышение, хотя кора и делается гнилью, но дерево не терпит порчи и повреждения)...»³⁵.

«Лондон. Января 11 дня 1799.

Пользуясь отправлением курьера – мысли со всякою откровенностью и свободою.

О делопроизводстве Адмиралтейств-коллегии.

Сердце содрогается, видя, в каком состоянии В.П. нашли Адмиралтейские департаменты, тем более что яснейшие доказательства правды я имею почти перед глазами во многих, находящихся здесь наших кораблях, состоящих из одной гнили.

Зная бывшее непростительное нерадение, не могу не возреть на порядки, которые Вы ныне завезть стараетесь. Вводимые Вами методы приготовления и сохранения лесов есть наилучшие.

Признаюсь, что присланные от Вас важные любопытства и вопросы, я доставлю здесь ученикам, но велю перевести на английский язык, и сам буду просить лорда Спенсера³⁶, чтобы он разослал оные вопросы по королевским верфям и велел бы дать на оные практические ответы. Я узнаю ещё, как получить сведения о здешнем кораблестроении.

Мне удалось достать некоторые книги. Есть здесь общество, старающее о приведении в лучшее состояние здешнее кораблестроение.

Посылаемые ныне чертежи не будут брошены и оставлены во всяком нерадении.

Не укроется от В.П. и то злоупотребление, о котором я слышал, что в тех местах, где велено было строить корабли из лиственницы, лиственничный лес употребили для купеческих кораблей, а военные корабли были составлены наскоро из гнилого, либо сырого соснового леса, кои прежде чем спущены на воду уже не годились к плаванью.

Не трудно предвидеть, что строящиеся под Вашим призрением суда, с помощью Божией, не будут уступать англичкам.

Беседуя с Вами откровенно, не скрою прискорбия, слыша, что многие из лучших офицеров вышли в отставку: Павел Васильевич Чичагов, Г.А. Сенявин, Бодиско и Чернявин, которые могли бы сделать честь морской службе – все они испытаны на практике и в храбрости...

Лорд Спенсер узнав, что П.В. Чичагов пошёл в отставку сам мне сказывал: *“Я сожалею о Вашем флоте, который лишился офицера, каковых и у нас в столь обширном флоте весьма немного”*. А Рамздан, первейший мастер математических инструментов говорил везде, что делал некоторые инструменты для капитана Чичагова и что между всеми английскими офицерами не нашёл ни одного, имеющего больше сведений в морском искусстве...»³⁷.

Интересный факт.

«Лондон 4 марта 1799 г.

...Член здешнего Адмиралтейства *граф Спенсер получил знаменитый и первый в здешней земле Орден Подвязки*, коего знак предпочтительно носится гравированным на камне, что наз. *ониксом*, который состоит из двух слоёв разного цвета тёмный, а другой белый, так, что по совершении гравировки на тёмном поле на белом изображается Св. Георгий на коне убивает змею.

Графиня Спенсер издавна моя приятельница, желая подарить мужу гравированный знак, обратилась ко мне с просьбою достать камень в России (Купить 2 или 3, что у нас около Оренбурга и в Сибири, а именно около Нерчинска много таких ониксов).

Я прошу В.П. сделать мне одолжение осведомиться у Михаила Фёдоровича Соймонова можно ли достать и выслать мне вексель, который я оплачу с великой благодарностью.

Я затем утврждаю В.П., что дело идёт сделать удовольствие жене того, который был, есть и будет полезен по разным делам нашей эскадры и нашего флота, ибо я от него получаю много сведений кои доставляют мне способ отвечать на разные Ваши вопросы, всегда клонящиеся на усовершенствие нашего флота.

...покорный слуга г. С. Воронцов»³⁸.

«Лондон май 16 1799 г.

Прибывший сюда английский курьер доставил присланный Вами бесподобный сердоникс. ...Графиня Спенсер сим драгоценным камнем бесконечно довольна. Гравёры сказали, что ничего подобного не видели.

Прошу Ваше Сиятельство, при случае повернуть к стопам Всемиловитейшего нашего Государя наиглубочайшее моё благодарение за такую Высочайшую милость, оказанную такому достойному и почтенному мужу, коего доброе расположение во всякое время может быть весьма полезно для наших иноземцев. Все они должны чувствовать себя обязанными Вашему Сиятельству за таковое в пользу их попечение.

Я никогда не буду в состоянии изъяснить Вам тую совершенную признательность и то отличное и непременно почтение с каковым всегда остаюсь.

В.С. покорный слуга г. С. Воронцов»³⁹.

Следующие четыре письма – пример чуткого отношения к просьбам английских моряков и рекомендации Семёна Романовича английским специалистам.

«Лондон. Генваря 28/февраля 8 1797

...господин Шаптенеф, служивший в России в чине лейтенанта, по причине болезни оставил Россию, не дождавшись получения резолюции на свое письмо, которое он подавал покойной Государыне, ныне находится в затруднительных обстоятельствах.

В бытность свою в России на службе имел случаи оказывать оной своё усердие, спасением от смерти многих погибающих, что подало ему надежду на получение вознаграждения, о чём он и адресовался ко мне с прошением о доставлении к Его Императорскому Величеству писем.

Я, видя каковую сей офицер оказывал ревность к службе (о чём, не сомневаюсь, известно Адмиралтейств-коллегии) и зная, сколь

Господь наш справедлив и милостив, беру смелость просить В.П. доложить о сём офицере Е.И.В., представить его письма, и не оставить меня извещением о резолюции...»⁴⁰.

«Лондон. Октября 30 дня 1797

...Здесьней службы лейтенант Скилль, который будет иметь честь вручить В.П. сие письмо, рекомендован мне разными почтенными и искусными людьми по морской науке.

Сей офицер признан здесь весьма знающим и искусным в своём ремесле. Будучи в действительной английской службе, несчастье случилось, что капитан корабля потерял голову и в сём сумасшествии находясь близко от берегов стал править судно прямо на берег. Господин Скилль будучи ст. лейтенантом, с совету офицеров и экипажа, арестовал капитана и тем спас судно. И хотя признан сей поступок похвальным, но в публичном судопроизводстве он обвинен (для сохранения повиновения и субординации) и отрешён от службы.

Находясь в сём положении и любя морское ремесло, он весьма желает вступить в нашу службу. Я ему на сие ответил, что, не имея для принятия офицеров повеления от Высочайшего Двора, я ему не могу обещать никаких в сём деле успехов; но, как и приятели ему советуют и он сам решился съездить в Россию попытать своё счастье, то я не могу отказать снабдить его сим письмом к В.П., прося вас покорно донести Государю Императору об охоте и желаниии сего офицера поступить на службу Е.И.В. Аттестат его службы, доказательства его знаний и искусства, он сам б иметь честь Вам представить»⁴¹.

«Лондон, ноября 1799.

...Шевалье Попгам отправляется от здесьнего Двора в СПб. Я беру смелость препоручить его в милость В.С.

Я могу Вас уверить, что он есть человек весьма усердный, преисполненный признательности и благодарности к Государю, и весьма ревностен к надобностям и сохранению дружбы и союза между Россию и Англиею, коей, как В.С. лучше меня понимаете, что для России ныне весьма нужно и полезно, что кроме Англии не остаётся теперь у нас ни одного благонадежного и твёрдого союзника...»⁴².

«Лондон, декабрь 1799

...В.С. известило о Высочайшем повелении объявить здесьнему доктору Блейну благоволение Е.И.В. за усердие и скорейшее излечение больных служителей эскадры вице-адмирала Макарова.

Совет: Наградить его либо бриллиантовым перстнем, либо золотой табакеркой с эмалью и бриллиантовым вензелем, которая была бы сему доброму и старательному человеку весьма лестна и приятна»⁴³.

Семен Романович способствовал продвижению по службе будущих адмиралов Михаила Кондратьевича Макарова, Алексея Самуиловича Грейга и Ивана Фёдоровича Крузенштерна, обратив на них внимание Адмиралтейств-коллегии.

«Лондон, мая 12 1794 (5?)

...Получив Высочайшее повеление Государя Императора о возвращении в Российские порты эскадры Е.И.В., находящиеся здесь под командою *контр-адмирала Михаила Кондратьевича Макарова*⁴⁴, я с удовольствием сделал надлежащее сообщение Высочайшей воли сему командиру; и хотя я не сомневаюсь, что прежние заслуги сего достойного офицера известны В.П. во умножении оных будучи имея верные известия о его достохвальном здесь поведении (сообщаю):

Командующий Российской эскадры любит морскую службу, усердно в ней служа.

В прошедшую войну с Турками в Средиземном море в нижнем офицерском чине тогда ещё оказал знаки великого усердия к службе;

в прошедшую Шведскую войну, служа под командою адмирала Самойла Карловича Грейга, отличил себя особливо в день сражения, и покойный адмирал Грейг всегда отзывался о нём с отличною похвалою;

с тех же пор, как находящаяся здесь наша Эскадра поручена ему в команду, он управляет оною таким образом, которая делает особливую честь Российской Службе;

во всём соблюден превеликий порядок, крайнее повиновение с доброхотством, особливо чистота, неусыпное попечение за больными, благоустройством и справедливости между экипажем, во всем отменная скорость, исправность и готовность.

Но имея во всём отличные таланты и достоинства, сей достойный г. контр-адмирал за неимением друзей остаётся в неизвестности и почти в забвении.

Для того, зная, что В.П. изволит находиться при Всемилошвейшем нашем Государе по делам морским, и уверен, будучи сколь

вы любите делать добро усердно любящим свою службу и Отечество, прошу покорнейше принять в Ваше благоприятство и заступление сего доброго и почтенного человека и при случае донести Е.И.В. о его заслугах и достоинствах, и я не сомневаюсь что Всемилостивейший наш Государь воздаст достойную справедливость его усердию и облегчит крайнюю бедность до днесь угнетающую сего человека»⁴⁵.

«Милостивый Государь, граф Григорий Григорьевич!

Служившие на здешних Английских флотах волонтёрами капитан-лейтенант *Крузенштерн*⁴⁶ и Баскаков, прибыв сюда недавно из Восточной Индии и мыса Доброй Надежды в силу Высочайшего Е.И.В. повеления отправляются при сём в Россию...

Дозвольте мне рекомендовать их обоих в милость и покровительство Ваше. Здешнее их пребывание и поведение делают честь офицерам нашего флота. Про гос. Крузенштерна говорят все его бывшие здесь командиры, что он есть офицер отличных знаний, прилежности и усердия, любящий свою должность и видевший много практики.

Утверждаясь на таковых свидетельствах, смело прибегаю к В.С. с моею просьбою о поручении в команду при первом открытии случая судов, следующих по их чину и практическому знанию. *Употребляя опытных офицеров флот наш, о коем В.С. имеет попечение, в короткое время между первейшими почитаться будет...*»⁴⁷.

«Лондон, ноября 1799 г.

...Получил награды для Грейга⁴⁸ орден Св. Анны 3-ей степени и грамоту...

...В ответ на награды, относительно ордена Грейгу:

Я уверен, что для сего молодого офицера ничего не может быть лестнее, как видеть себя в молодых летах украшенным знаками явного монаршего благоволения. Но хотя и очень приятно будет его честолюбию, хотя он крайне послужит к возбуждению его усердия, но сей орден не даёт никакого преимущества его команде.

Сие отличие возвышает его честолюбие, ставя его наравне со многими достойными капитанами и адмиралами, каков, например, П.В. Чичагов.

Но для пользы службы лучше бы ему был пожалован чин капитана-лейтенанта, то он имел бы право командовать фрегатом или др. военными судами, и в таком случае таланты, храбрость и зна-

ния сего молодого офицера могли бы обращены на пользу службы, а теперь со всеми своими знаниями и способностями он должен отпирать лейтенантскую службу с подчинением может быть какому-нибудь пьяному и самому глупому, но старшему себя.

Блаженной памяти Император Пётр I, покойный великий Фридрих, король Прусский и покойный великий наш фельдмаршал граф Пётр Александрович Румянцев всегда, коли скоро приметили в каком-нибудь офицере воинского достоинства, знания, решительность, присутствие духа в опасностях, честность, усердие таковых повышали чинами и поручали им команды, а затем и предприятия их всегда были сопровождаемы желаемыми успехами, затем жизни их будут увенчаны бессмертием: в доказательство сего я мог бы привести премножество примеров, но Ваше знание истории, конечно, не требует моих доводов.

Затем, не утруждая Вас более письмом, я только упомяну, что фельдмаршал граф Румянцев произвёл некоего гусарского вахмистра Дмитриева в подполковники и произвёл бы далее, если бы имел власть.

Впрочем, прошу Вас принять сии мои примечания доказательством неограниченной моей к Вам доверенности, преданности...»⁴⁹.

Семён Романович не ошибся в своих рекомендациях.

И.Ф. Крузенштерн был организатором первой русской кругосветной экспедиции, которая продлилась три года и прошла через Атлантический, Тихий океаны, Камчатку, Сахалин. В перерывах между экспедициями Иван Фёдорович преподавал в Санкт-Петербургском морском кадетском корпусе, сначала был инспектором, а затем стал директором. Известен он и как один из учредителей Русского географического общества.

А.С. Грейг участвовал в русско-турецких войнах, командовал отрядом кораблей в эскадре Д.Н. Сенявина, а затем – у адмирала П.В. Чичагова. В 1816–1833 гг. он являлся главнокомандующим Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя. С 1833 г. стал членом Государственного совета, а в 1834–1839 гг. осуществил свою мечту – строительство Пулковской обсерватории.

За заслуги перед Отечеством И.Ф. Крузенштерну и А.С. Грейгу были поставлены памятники. В 1869 г. в Петербурге на набережной

Лейтенанта Шмидта напротив Морского корпуса открыт памятник И.Ф. Крузенштерну (скульптор И.Н. Шредер, архитектор И. Монигетти). В 1873 г. в Николаеве установлен памятник А.С. Грейгу за заслуги в развитии города (проект М.О. Микешина, скульптор А.М. Опекушин). Памятник не сохранился.

В 1800 г. официальные дипломатические связи между Англией и Россией были прерваны, а С.Р. Воронцов, чьё неодобрение политических действий Павла I проявлялось слишком очевидно, был смещён с поста.

«Лондон, мая 21 1800 (получено июнь 1 дня 1800)

...Получив Высочайшее повеление ехать к водам на матёрую Землю для излечения моего расслабленного здоровья, не мог однакож окончить моё служение не изъявив В.С. чувствительной признательности за особую Вашу ко мне откровенность, дружбу и благосклонность, которые сохраню навсегда в незабвенной памяти...»⁵⁰.

«Лондон июля 9 1800

Милостивый Государь, граф Григорий Григорьевич!

Письмо В.С. имел честь получить, коим благодарить изволите за попечение и пособие, оказываемые мною российским эскадрам и ведения В.С. находящимся здесь разным чинам.

...В продолжительную мою службу руководствуем я был непрерывно усердием выполнять угодное моему Государю и желанием быть полезну моим соотечественникам и наблюдением того, что к чести и достоинству относиться могло любезному моему Отечеству...»⁵¹.

Таким был посол в Англии, который по праву вошёл в число наиболее выдающихся русских дипломатов конца XVIII в.

На все замечания о его англоманстве С.Р. Воронцов, не уставая, говорил: «Я русский и только русский» и «честь моей родины для меня превыше всего на свете»⁵².

Примечания

¹ Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова // РА. 1876. Кн. 1. № 1. С. 39.

² Захарова О.Ю. Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, 2005. С. 18.

³ РГА ВМФ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 80. Л. 31–32.

⁴ Письма, приводимые в статье, находятся в Санкт-Петербурге в РГА ВМФ.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 72. Л. 22. Письмо к кн. А.А. Безбородко (август 1798 г.).

⁶ Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 95. Л. 224.

⁷ Применяемые сокращения: В.С. – Ваше Сиятельство, В.Св. – Ваша Светлость, В.П. – Ваше Превосходительство, Е.И.В. – Ея (Его) Императорское Величество.

⁸ Там же. Д. 9. Л. 216–217.

⁹ Яков Иванович Смирнов (1754–1840) прослужил 60 лет священником русского посольства. Владел четырьмя языками (латинским, французским, немецким, итальянским), бегло говорил по-английски, переводил и сочинял, а самое главное – хорошо знал жизнь и быт Лондона.

¹⁰ Гиней – золотая монета, равна 21 шиллингу. Фунт стерлингов – серебряная монета. 1 фунт стерлингов = 20 шиллингов.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 201. Оп. 1. Д. 95. Л. 213–220.

¹² Там же. Д. 54 Письма С.Р. Воронцова к А.Н. Сенявину.

¹³ Там же.

¹⁴ Здесь и далее: выделение курсивом в письмах сделаны автором статьи.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 72. Л. 11–12.

¹⁷ Там же. Л. 15–16.

¹⁸ Там же. Л. 17–18.

¹⁹ Там же. Л. 124.

²⁰ Там же. Л. 176.

²¹ Там же. Л. 182.

²² Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 72. Л. 226.

²³ Из доклада Г.Г. Кушелева 1 сентября 1799 г. См.: Там же. Д. 16. Л. 19–21.

²⁴ Там же. Л. 29–31.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 56.

²⁷ Там же. Л. 52–53.

²⁸ Там же. Л. 11–12.

²⁹ Там же. Л. 15–16. Голенищеву-Кутузову.

³⁰ Там же. Л. 22–25. К А.А. Безбородко.

³¹ Там же. Л. 32. К императору.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Д. 16. Л. 182.

³⁴ Там же. Д. 72.

³⁵ Там же. Л. 182.

³⁶ Джордж Спенсер, 2-й граф Спенсер (1758–1834) – британский политик. С 1794 г. по 1801 г. – первый лорд Адмиралтейства. В этой должности лорд Спенсер проводил политику перспективного и экспериментального строительства. Британские корабли по многим качествам уступали французским, и Дж. Спенсер поощрял проекты, сокращавшие технический разрыв. В частности, он одобрил постройку больших 74-пушечных кораблей, 18-фунтовых фрегатов. С 1806 г. до 1807 г. – министр внутренних дел.

³⁷ Там же. Д. 72. Л. 134.

³⁸ Там же. Л. 72.

³⁹ Там же. Л. 86.

⁴⁰ Там же. Ф. 201. Оп. 1. Д. 54. Письма к А.Н. Сенявину.

⁴¹ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 72. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 132.

⁴³ Там же. Л. 195.

⁴⁴ Михаил Кондратьевич Макаров (1735–1813) – адмирал. Макаров не относился к числу широко известных деятелей, но по его биографии можно изучать историю русского флота. Он участвовал в первой Архипелагской экспедиции, защищал правила вооружённого нейтралитета, отличился в русско-шведской войне 1788–1790 гг., не раз водил эскадру к берегам Англии.

⁴⁵ Там же. Л. 1–2

⁴⁶ Иван Фёдорович Крузенштерн (1770–1846) – адмирал. Окончил морской кадетский корпус, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. В 1793 г. уехал в Англию, чтобы продолжить изучение морского дела.

47 27 января 1799 г. доложено. Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 26. Л. 177.

⁴⁸ Алексей Самуилович Грейг (1775–1845). С 10 лет учился в Англии и до 1796 г. проходил там морскую службу на кораблях всех классов, плавал в Атлантическом и Тихом океанах.

⁴⁹ Там же. Д. 26. Л. 178–179.

⁵⁰ Там же. Д. 72. Л. 228.

⁵¹ Там же. Л. 233.

⁵² Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДРУЖБЫ: МНОГОЛЕТНЯЯ ПЕРЕПИСКА С.Р. ВОРОНЦОВА И Ф.В. РОСТОПЧИНА

А.О. Мещерякова

кандидат исторических наук

Воронежский государственный университет

«Мы узнали друг друга в Лондоне; мы связались дружбою, которая даже укрепилась, несмотря на разлуку, время и расстояние, нас разъединяющие; и, что довольно редко, эта дружба была и всегда будет основана на взаимном уважении», – писал о своём почти десятилетнем знакомстве с Ф.В. Ростопчиным С.Р. Воронцов¹. Спустя 30 лет после написания этих слов, когда многолетняя дружба двух государственных деятелей России пресеклась со смертью Ф.В. Ростопчина (1826 г.), эти слова в неизменном виде Семён Романович мог бы повторить ещё раз.

Знакомство молодого незнатного дворянина Фёдора Васильевича Ростопчина (1765–1826) с послом России в Лондоне графом Семёном Романовичем Воронцовым (1744–1832) произошло в 1787 г. в английской столице, которую посетил будущий московский главнокомандующий 1812 г. во время своего заграничного путешествия 1786–1788 гг. 22-летний Ф.В. Ростопчин приехал в Англию с многочисленными рекомендательными письмами от русских вельмож (среди которых были князь А.А. Вяземский, граф И.А. Остерман, граф Н.П. Румянцев) и был тепло встречен Семёном Романовичем. На русского дипломата, по его собственному признанию, произвело впечатление не только безупречное поведение молодого человека, но и возвышенность его души, бескорыстие и честность². В письме к своему старшему брату Александру Романовичу Воронцов впоследствии весьма высоко отзывался о Фёдоре Васильевиче: «Если бы наши молодые люди были похожи на Ростопчина и Кочубея, – писал он, – мы имели бы надежду на будущее. Но это исключение. Те, которые не испорчены в сердце, испорчены уже в уме их. Страсть быть универсальным и всё знать и уметь, всё делать, хотя ничего

не знают и ничего нигде нельзя употребить их с пользою»³. Думается, что существенную роль в расположении Семёна Романовича к Ф.В. Ростопчину сыграл масонский фактор. Русский посол в Англии был крупным и влиятельным масоном, а Фёдор Васильевич незадолго до приезда в Лондон вступил в масонскую ложу⁴. Хотя он преследовал прежде всего практические цели: стремился обзавестись полезными связями и знакомствами, общая идейная база, вероятно, способствовала его сближению с С.Р. Воронцовым.

Фёдор Васильевич провёл в Лондоне два месяца, пользуясь неизменным гостеприимством и расположением графа. Вскоре после этого он вернулся на родину и в качестве офицера лейб-гвардии Преображенского полка принял участие сразу в двух военных кампаниях: в войнах со Швецией (1788–1790) и Турцией (1788–1791). В этот же период и началась его переписка с Семёном Романовичем. Впрочем, первоначально это была не переписка двух друзей, и даже не переписка ученика и учителя: учитывая разницу в возрасте (21 год) и положении корреспондентов, это были отдельные письма Ф.В. Ростопчина, который в течение нескольких лет не получал никакого ответа из Англии. Лишь с 1791 г., благодаря своему упорству, Фёдору Васильевичу удалось установить переписку с С.Р. Воронцовым – сначала натянутую, а впоследствии живую и достаточно активную⁵. Причину такой настойчивости со стороны Ф.В. Ростопчина Д.Д. Рябинин объяснял потребностью молодого человека в нравственной опоре, которой мог служить для него Семён Романович, пользовавшийся безупречной репутацией и непререкаемым авторитетом не только среди русской знати и императорской семьи, но и у простых солдат⁶. С этим, безусловно, можно согласиться, но следует также добавить и то, что Фёдор Васильевич, будучи молодым дворянином незнатного происхождения, но весьма амбициозным и честолюбивым, таким образом стремился заручиться поддержкой влиятельного покровителя. Так, все попытки Ф.В. Ростопчина отличиться на военном поприще, добиться высоких наград и чинов, несмотря на значительные усилия, не увенчались успехом. В 1791 г. он сообщал С.Р. Воронцову о своих невзгодах следующее: «Неудача была наградою за усердие, с каким я старался заслужить отличие. ...К сожалению, опыт доказал мне, что человеческие усилия не могут преодолеть судьбы; целые три года неудач, гонений и неприятностей отвратили меня от поприща,

избранного мною с пламенным порывом и на котором я чаял найти верные случаи отличиться и удостоиться почестей, которые раздавались так щедро, а на мою долю не выпали единственно потому, что я родился несчастливым и слишком заботился о соглашении моих поступков с моею совестью»⁷. Разочаровавшись в военной службе, он хотел лишь одного – стать камер-юнкером, чтобы заслужить себе доброе имя на государственном поприще, в чём и признавался Семёну Романовичу⁸.

В конце 1791 г., вероятно, при ходатайстве С.Р. Воронцова граф А.А. Безбородко взял Фёдора Васильевича на Яскую мирную конференцию, поручив ему составление журнала протоколов. После завершения конференции молодой офицер был отправлен в Петербург к императрице с сообщением о заключении мира. Этот «счастливый случай», как назвал это поручение сам Ф.В. Ростопчин⁹, серьёзным образом изменил его жизнь. За участие в подписании Яского мирного договора (29 декабря 1791 г.) в феврале 1792 г. он был произведён в камер-юнкеры. «Впервые в жизни я получил то, чего мог желать при настоящих обстоятельствах», – писал он своему благодетелю сразу после «объявления этой царской милости»¹⁰. Новое звание способствовало быстрому приближению Фёдора Васильевича ко дворам Екатерины II и великого князя Павла Петровича.

С этого момента переписка двух столь разных по возрасту и характеру людей приобретает постоянство и некоторую непринуждённость. Ф.В. Ростопчин, оказавшись в гуще политической и придворной жизни Российской империи, не только добросовестно информировал своего покровителя о важнейших событиях последних лет екатерининского царствования, но и снабжал новости яркими и хлёсткими комментариями. Для С.Р. Воронцова, находящегося вдали от родины, молодой и хорошо информированный корреспондент стал настоящей находкой.

«Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I» – название записки Фёдора Васильевича о событии, сыгравшем в его жизни ключевую роль. Примечательно, что эту записку, написанную необыкновенно живо и ярко и ставшую важным источником по истории России конца XVIII в., он составил специально для своего «английского» корреспондента. С первых же часов правления Павла I Ф.В. Ростопчин сделался его

правой рукой, человеком, которому император доверял исполнение наиболее важных и ответственных дел¹¹. Оказавшись у вершин государственной власти, бывший камер-юнкер поспешил вознаградить своего покровителя за дружбу и участие в его судьбе. Ещё до появления упомянутой записки, 7 ноября 1796 г. Фёдор Васильевич сообщал в кратком письме к С.Р. Воронцову о смерти Екатерины II и воцарении Павла I, в очередной раз подчёркивая свою признательность ему («Как мне доказать, что признательность, которую я к вам питаю, наполняет мне сердце!») и подавая добрый совет русскому дипломату относительно его поведения в новых условиях: «Знайте, что ваша личность и ваши труды угодны и нужны Императору. Не лишайте его такого слуги, как вы. Осмеливаюсь подать вам совет: живите покойно на своём месте, напишите Императору поздравительное письмо. Он знает вашу службу и цену ей»¹². С этого момента меняется тон переписки между Ф.В. Ростопчиным и Семёном Романовичем. Теперь это не общение ученика и учителя, но общение на равных двух друзей, младший из которых, пользуясь реальным влиянием и властью, мог оказывать ценные услуги и давать добрые советы своему старшему другу. В то же время Фёдор Васильевич неизменно выражал своё глубокое уважение и свою признательность С.Р. Воронцову. Будучи на пике власти, он не уставал называть своего многолетнего корреспондента «благодетелем»¹³. Это чувство благодарности Семёну Романовичу он сохранил до конца жизни.

Сразу после вступления на престол Павла I Фёдор Васильевич посоветовал С.Р. Воронцову написать письмо, в котором бы тот изложил свои мысли и желания в связи с последними крупномасштабными переменами в российской государственной жизни¹⁴. Ответом на эту просьбу-совет явилась «Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова»¹⁵, составленная им специально для Ф.В. Ростопчина. Объясняя цель подготовки этого документа, дипломат писал Фёдору Васильевичу следующее: «Вы спрашиваете меня, какие я имею намерения относительно самого себя. Я не могу и не желаю скрывать их от друга, которого столько люблю и уважаю, как вас, и который принимает столько участия во всём, меня касающемся; но, к сожалению, я вынужден буду утомлять вас длинным перечнем моих приключений: ибо не могу поступить иначе. Вам нужно знать всё, что случилось со мною, моё прежнее и теперешнее положение;

в противном случае вам непонятен будет образ действий, которого я должен держаться»¹⁶. Хотя подробности личной жизни и службы при Петре III и Екатерине II предназначались якобы исключительно для Ф.В. Ростопчина («прошу вас, убеждаю вас, умоляю вас не показывать этого очерка никому на свете») ¹⁷, тем не менее, удачно расставленные в повествовании акценты адресовались, по всей видимости, и новому императору. Во-первых, С.Р. Воронцов довольно подробно остановился на событиях дворцового переворота 1762 г., подчеркнув свою исключительную преданность свергнутому императору Петру III¹⁸. Во-вторых, он отметил жизненную необходимость своего пребывания в Англии, так как климат России, по его уверению, способен погубить и без того плохое здоровье. Кроме того, он подчёркивал невозможность принести государству пользу, находясь в России (опять же в силу своего физического состояния), зато пребывая в Англии, где он хорошо ориентируется в местной обстановке, он сможет послужить родине¹⁹.

В первые же дни царствования Павла I не без содействия Фёдора Васильевича произошло повышение С.Р. Воронцова по службе: он был произведён в чин генерала от инфантерии. По этому поводу Ф.В. Ростопчин написал графу весьма эмоциональное письмо, в котором, в частности, были следующие строки: «Нынешним утром я повергал к стопам Императора признательность мою за производство вас в полные генералы. Он мне сам сказал, что ваше повышение вскружило мне голову. Ему известно всё, чем я обязан вам. Он вас уважает и весьма радуется, оказав вам знак своего благоволения. О, благодетель мой! Сколько счастливым я себя чувствовал и теперь ещё чувствую! Пусть эта слеза, падающая на бумагу, изгладит из вашей памяти огорчения, которые заставляла вас сносить несправедливость»²⁰.

Настоящую услугу Ф.В. Ростопчин оказал своему другу позже, когда над Семёном Романовичем нависла угроза возвращения в Россию. Тяжёлая болезнь, а затем и смерть (в апреле 1799 г.) канцлера А.А. Безбородко вынудила императора искать ему достойную замену. Выбор пал на чрезвычайного посланника в Лондоне С.Р. Воронцова. Императорским рескриптом от 2 марта 1799 г. Павел I в весьма категоричной форме вызывал его в Россию. «Крайность, в какой я нахожусь по болезни князя Безбородки, – отмечалось в рескрипте, –

заставляет меня опять прибегнуть к вам и просить вас, не только для меня, но и для государства и всей Европы, принять на себя призыв мой...»²¹. Вместо ответа на это послание Павел I ожидал скорого приезда Семёна Романовича в Россию²². По словам биографа С.Р. Воронцова, при получении данного рескрипта русский посланник в Лондоне ощутил всю безвыходность своего положения. Он начал готовиться к возвращению на родину, предаваясь самым тяжёлым предчувствиям. Его письма этого периода к брату были наполнены «мрачным унынием и даже уверенностью в близкой гибели»²³. Счастливого избавление от тяжёлой необходимости возвращения в Россию пришло неожиданно – сначала эта новость сообщалась в письме Ф.В. Ростопчина, а вслед за ним последовал императорский рескрипт, в котором графу официально разрешалось остаться в Англии. Вероятно, на решение императора повлиял Фёдор Васильевич, поскольку в письме от 14 мая 1799 г. С.Р. Воронцов выражал ему величайшую благодарность. «Вы мне жизнь возвратили, мой добрый друг, – признавался он. – Я уже писал вам, что если вам удастся спасти меня, то я воздвигну вам алтарь, как спасителю моему. Он уже сооружён в моём сердце; но я намерен выстроить храм в одном из моих имений... Этот храм будет посвящён дружбе и благодарности, и в числе лиц, которые внушили мне эти чувства, ваш образ займёт почётное место»²⁴. Впоследствии Семён Романович неоднократно вспоминал об услуге, оказанной ему Ф.В. Ростопчиным. Так, в уже в александровское царствование 15 лет спустя С.Р. Воронцов писал своему другу о том, что он никогда не сможет забыть всё то, что тот сделал для него при первой же возможности в царствование Павла I²⁵.

В сентябре 1799 г. Фёдор Васильевич был назначен первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, став, таким образом, начальником своего старшего друга. В качестве главы внешнеполитического ведомства Ф.В. Ростопчин выступил теоретиком нового внешнеполитического курса России, в основе которого лежала идея русско-французского союза. Его политический вес на европейской арене был тогда настолько велик, что руководителя внешней политикой Российской империи ставили рядом с всесильным английским министром Питтом как реального вершителя судеб Европы²⁶.

Формально суть нового внешнеполитического курса заключалась в установлении союзнических отношений с Францией

в противовес традиционной ориентации России на Великобританию и Австрию. Фактически же Фёдор Васильевич стремился перевести внешнюю политику Российской империи из области общеевропейских приоритетов в сферу её национальных интересов. Ещё в сентябре 1799 г. в разгар Итальянского похода А.В. Суворова, возмущённый вероломством «негодных австрийцев»²⁷, в письме к Семёну Романовичу Ф.В. Ростопчин высказал мысль о том, что в интересах России в данных обстоятельствах было бы освободиться от хлопот, доставляемых Францией, с тем, чтобы в период затишья заняться собственными делами. На тот момент Фёдор Васильевич видел их в том, чтобы «поукротить гордыню Австрийского дома»²⁸, активно ведущего экспансионистскую политику за чужой счёт, и пресечь поползновения Англии к мировому господству. Даже в переписке с таким известным англофилом, как его друг, Ф.В. Ростопчин не без раздражения указывал на недопустимое усиление английского могущества. Он полагал, что из войны Англия выйдет вдвое богаче прежнего, а это позволит ей с ещё большим успехом «возжигать в Европе новые войны и платить деньгами за людей, которые будут гибнуть для её выгод»²⁹. Ф.В. Ростопчин не скрывал того, что испытывает ненависть к крайне эгоистичным принципам английской политики³⁰.

В переписке с графом, оказавшимся не только подчинённым Ф.В. Ростопчина, но и его идейным противником, глава русской внешней политики активно и открыто (невзирая на англофильство своего старшего друга) обсуждал важнейшие политические вопросы. В письмах к нему 1799–1800 гг. Федор Васильевич высказал идеи, которые вскоре были изложены им в знаменитом внешнеполитическом меморандуме, известном в литературе как «Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования»³¹. Этот документ был всецело одобрен императором, его высочайшая конфирмация состоялась 2 октября 1800 г. Записка Ф.В. Ростопчина легла в основу нового курса во внешней политике, которому Россия следовала вплоть до гибели императора Павла I.

И в России, и в Англии были могущественные противники русско-французского сближения, одними из наиболее видных сторонников проанглийской внешней политики России были: лорд Уитворт,

английский посланник при русском дворе (высланный из России в 1800 г.), генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф П.А. Пален, русский посол в Англии граф С.Р. Воронцов, а также его друг и постоянный корреспондент вице-канцлер граф Н.П. Панин. Они представляли собой так называемую «английскую партию», результатом деятельности которой, стало убийство Павла I в марте 1801 г.

Искренне привязанный к Павлу I, после его гибели Фёдор Васильевич не смог воздержаться от откровенных и резких суждений в отношении участников заговора. В некогда активной и тёплой переписке с С.Р. Воронцовым³² наступил период тягостного молчания. Лишь в конце июня 1801 г. Ф.В. Ростопчин нарушил его, отправив Семёну Романовичу письмо-исповедь³³, в котором он не только признавался в неизменном уважении к нему, но и награждал резкими и нелюбезными характеристиками участников заговора против императора. Не считая нужным скрывать своё крайнее раздражение против Н.П. Панина – близкого друга и единомышленника С.Р. Воронцова – Фёдор Васильевич писал, что Н.П. Панина, «следовало бы повесить», ибо его поведение заслужило «презрения честных людей и удивления негодяев»³⁴. В этом же письме Ф.В. Ростопчин выражал своё огорчение в связи с гибелью Павла I, преданность которому он сохранял на протяжении всей своей жизни. «Душа моя полна к нему вечною признательностью, – писал он к не любившему Павла I С.Р. Воронцову, – и язык не поворачивается судить о нём. Похвала же моя его добрым качествам будет казаться пристрастием. История произнесет над ним слишком строгий суд; но я могу засвидетельствовать, что сей Государь, имея все средства к тому, чтобы царствовать со славою и быть обожаему, не пользовался никогда ни одною минутою благополучия и кончил также несчастливо, как и жил»³⁵.

С этого момента и вплоть до конца Отечественной войны 1812 г. переписка двух друзей носила случайный и эпизодический характер. Новый этап в их отношениях и переписке начался по инициативе С.Р. Воронцова в 1813 г., когда на всю Европу (но не Россию!) гремела слава Фёдора Васильевича как спасителя Отечества. С этого момента переписка стала по-настоящему доверительной, искренней и непринуждённой, не прерываясь до самой смерти Ф.В. Ростопчина в 1826 г. Семён Романович очень высоко оценил роль своего друга

в войне 1812 г., считая его главным действующим лицом в общенациональной трагедии и главным творцом русского триумфа над Наполеоном. Думается, мало, кто на родине мог дать подобную оценку Ф.В. Ростопчину, который по целому ряду причин, в том числе и личного характера³⁶, оказался в немилости у императора и русской элиты. «Вам предстояло быть тою благотворною искрою, – писал Семён Романович, – которая вызвала проявление высокого духа наших возлюбленных соотечественников, тех, кого мы называем кровными русскими, то есть говорящих одним языком и исповедующих одну веру. Я могу сравнить вас только с князем Пожарским; но ваше призвание было труднее его задачи. Его время слывёт веком невежества и простоты; но наше время, торжественно провозглашаемое веком просвещения и философии, едва ли в известном смысле не носит в себе более варварства, чем все предыдущие поколения... Ваша задача была трудная, но вы её выполнили во славу и во спасение Отечества»³⁷. В другом письме, утешая своего непризнанного на родине друга, С.Р. Воронцов отметил, что достойное воздаяние за его заслуги перед Отечеством «не может соразмеряться с милостями двора, а должно состоять в благодарности будущей России и в том удивлении, которое на скрижалях истины и истории» сольётся с его именем, чтобы «передать его будущим векам»³⁸.

С 1815 г. по 1823 г. Фёдор Васильевич путешествовал по Европе, поправляя своё расстроенное во время войны здоровье. В этот период старые друзья не только активно переписывались, но и встречались лично. Граф неоднократно ездил в Париж, где в течение нескольких лет вместе с семьёй жил Ф.В. Ростопчин. Тот, в свою очередь, ездил в 1820 г. в Лондон и несколько месяцев гостил у своего старого друга³⁹. Личное общение способствовало ещё большему сближению. Более того, в 1819 г. они породнились: старшая дочь Ф.В. Ростопчина Наталья Фёдоровна вышла замуж за любимого племянника С.Р. Воронцова Дмитрия Васильевича Нарышкина⁴⁰. Впоследствии Д.В. Нарышкин, некогда рекомендованный Семёном Романовичем, заслужил глубокое уважение и настоящее доверие со стороны Ф.В. Ростопчина⁴¹.

Помимо вопросов личного характера, в переписке друзей активно обсуждались события и явления общественной и политической жизни послевоенной Европы. Оценки и выводы Фёдора

Васильевича как и прежде отличались искромётностью, остротой и необыкновенной меткостью. С.Р. Воронцову было тем более интересно получать подобные сообщения от своего друга, так как тот находился в Париже, в гуще событий, и самое главное – так же сильно, как и он не любил Францию и французов. «...Никакие подробности не могут ускользнуть от вас, – писал С.Р. Воронцов, – и потому я прошу вас сообщать мне, насколько возможно, чего следует ожидать в будущем от этой беспутной, чванливой и в конец развращённой нации»⁴². Свои многолетние наблюдения за политической жизнью Франции Фёдор Васильевич отразил впоследствии в записке «Картина Франции 1823 года»⁴³, предназначенной для императора. Идеи и суждения, высказанные в своё время в переписке с С.Р. Воронцовым, отчасти легли в основу этой записки, сочетавшей в себе резкие антифранцузские выпады старого галлофоба с достаточно глубокими историософскими рассуждениями о западной цивилизации и торжествующем либерализме.

В 1823 г. Ф.В. Ростопчин собрался на родину. Никакие уговоры Семёна Романовича отложить поездку, никакие предостережения в том, что суровый московский климат погубит его, не имели действия. Фёдор Васильевич приехал в Россию в осень 1823 г. и не покидал её до конца своей жизни. Многолетняя переписка двух друзей прервалась летом 1825 г. В своём последнем письме Ф.В. Ростопчину С.Р. Воронцов в очередной раз настойчиво уговаривал его покинуть страну, климат которой подвергает опасности его жизнь. «Почему же вы упорствуете в вашем намерении там остаться?»⁴⁴, – с недоумением и досадой спрашивал граф. Спустя несколько месяцев Фёдор Васильевич тяжело заболел и в январе 1826 г. умер. Перед своим возвращением на родину он давал такое наставление дочери: «Ты хорошо делаешь, что любишь родину. ...Всегда нужно кончать возвращением на родину, чтобы умереть там, если на то будет воля Божия. Можно странствовать по свету для своего удовольствия, образования или здоровья, и всё-таки внутренний голос скажет нам: иди кончать жизнь там, где ты её начал»⁴⁵. Семён Романович пережил своего младшего друга на шесть лет. Он умер в Англии летом 1832 г., где прожил большую часть своей жизни.

Князь П.А. Вяземский назвал в своё время переписку Ф.В. Ростопчина с С.Р. Воронцовым «горячим памфлетом» – почти полуме-

ковым и ни на минуту не остывающим, в котором живое отражение современных событий и лиц, оценки меткие, часто страстные и возможно не вполне справедливые придавали ему совершенно особый характер⁴⁶. Действительно, многолетняя переписка двух ярких и незаурядных людей своего времени, которые часто были не только участниками, но и творцами политических, общественных и культурных событий своей эпохи, является бесценным материалом по европейской истории конца XVIII – первой четверти XIX в. Своеобразие этой переписки состоит ещё и в том, что люди столь разные по возрасту, темпераменту и взглядам, а изначально и по своему положению, на протяжении нескольких десятилетий не только сохраняли уважение и почтение друг к другу (невзирая на возникавшие временами серьёзные разногласия и размолвки), но и собственно настоящую дружбу, которая с годами лишь укреплялась и росла.

Примечания

¹ Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова // РА. 1876. Кн. 1. № 1. С. 34.

² Архив князя Воронцова. Кн. IX. М., 1876. С. 358.

³ Там же. С. 145.

⁴ Journal écrit à Berlin pendant les années 1786 et 1787 // Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rastapchine rassemblés par son fils. Tiré a douze exemplaires. Bruxelles, 1864. P. 10.

⁵ *Рябинин Д.Д.* Биография графа С.Р. Воронцова // РА. 1879. № 3. С. 307.

⁶ Там же. С. 306–307; № 2. С. 74.

⁷ Вести из России в Англию [Письма гр. Ф.В. Ростопчина к гр. С.Р. Воронцову] // РА. 1876. № 1. С. 83.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Там же. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Ростопчин Ф.В. Ох. Французы! М., 1992. С. 76.

¹² Вести из России в Англию // РА. 1876. № 4. С. 415.

¹³ См., например: Архив князя Воронцова. Кн. VIII. Ч. I. М., 1876. С. 460.

¹⁴ Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 81.

¹⁵ Автобиография графа Семёна Романовича Воронцова. С. 33–59.

¹⁶ Там же. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 58.

¹⁸ Там же. С. 34–38.

¹⁹ Там же. С. 58.

²⁰ Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 81.

²¹ Цит. по: *Рябинин Д.Д.* Указ. соч. С. 320.

²² Там же.

²³ Там же. С. 321.

²⁴ Письма графа Семёна Романовича Воронцова к графу Ф.В. Ростопчину // РА. 1872. Кн. II. Стб. 2172.

²⁵ Там же. Стб. 2194.

²⁶ *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998. С. 134.

²⁷ Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 5. С. 87.

²⁸ Там же. С. 89.

²⁹ Там же. С. 86; № 12. С. 427.

³⁰ Там же. С. 425.

³¹ Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы Павловского царствования // РА. 1878. № 1. С. 103–110.

³² Переписка с С.Р. Воронцовым прервалась накануне отставки Ф.В. Ростопчина 20 февраля 1801 г. в подготовленной «английской партии».

³³ Вести из России в Англию // Русский архив. 1876. № 12. С. 422–429.

³⁴ Там же. С. 422.

³⁵ Там же. С. 429.

³⁶ Император Александр I не любил Ф.В. Ростопчина, в частности, из-за того, что тот открыто осуждал его за участие в заговоре против Павла I. В 1812 г. он вынужден был воспользоваться услугами любимца своего отца, так как этого требовало общественное мнение и на этом настаивала великая княгиня Екатерина Павловна, расположенная к Ростопчину. После победы над Наполеоном Александр I поспешил избавиться от нелюбимого им государственного деятеля, проявившего в 1812 г. чрезмерную независимость в своих поступках.

³⁷ Письма графа Семёна Романовича Воронцова к графу Ф.В. Ростопчину Стб. 2185–2186.

³⁸ Там же. Стб. 2196–2197.

³⁹ *Рябинин Д.Д.* Указ. соч. С. 482.

⁴⁰ Письма графа Семёна Романовича Воронцова к графу Ф.В. Ростопчину Стб. 2229.

⁴¹ Перед смертью Ф.В. Ростопчин поручил воспитание своего младшего сына Андрея людям, которым он всецело доверял – А.Ф. Брокеру и Д.В. Нарышкину.

⁴² Там же. Стб. 2223.

⁴³ Картина Франции 1823 года. Представлена Александру Павловичу графом Ф.В. Ростопчиным // РА. 1872. № 5. Стб. 965–985.

⁴⁴ Письма графа Семёна Романовича Воронцова к графу Ф.В. Ростопчину. Стб. 2244.

⁴⁵ Цит. по: *Кизеветтер А.А.* 1812 г. Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 100.

⁴⁶ *Вяземский П.А.* Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // РА. 1877. Кн. II. С. 71.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯГИНИ Е.К. ВОРОНЦОВОЙ (УРОЖДЁННОЙ БРАНИЦКОЙ)

С.Р. Долгова

кандидат филологических наук

Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

Елизавета Ксаверьевна родилась 8 сентября 1792 г.; детство и молодость она провела в Белой церкви (около Киева), имении своей матери Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт – любимой племянницы князя Г.А. Потёмкина. При дворе Александра Васильевна была пожалована в камер-фрейлины, а впоследствии стала статс-дамой и была выдана замуж за Ксаверия Петровича Браницкого.

Елизавета Ксаверьевна стала фрейлиной в 1807 г. Путешествуя с матерью за границей, она встретила командующего русским оккупационным корпусом в Мобёже князя М.С. Воронцова. Свадьба состоялась в Париже в 1819 г.; во время свадебного путешествия Воронцовы посетили Лондон, и Елизавета Ксаверьевна познакомилась со своей новой роднёй.

7 мая 1823 г. М.С. Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором. Материалы личного фонда Воронцовых и его дневниковые записи говорят о масштабном строительстве в новой губернии дорог, мостов, дворцов; закладывались оливковые сады и виноградники, открывались школы и приюты. Заботы разделяла с супругом Елизавета Ксаверьевна. Они вместе были на закладке церкви в Алупке (7 ноября 1836 г.)¹, на открытии Морского училища в Херсоне, в «дамском сиротском отделении» в Нововоронцовке². В 1835 г. в Одессе по инициативе Воронцовых была построена церковь во имя Архистратига Михаила. В числе пожертвователей был император Николай I, М.С. Воронцов и его сослуживцы, а также одесские купцы Сидор Егоров и Исаак Потапов, брянский купец Алексей Чамов, архитектор Егор Торачелли и др. Видимо всеми

делами по строительству церкви ведала Елизавета Ксаверьевна, которая в ноябре 1835 г. получила подробный отчёт попечителей церкви Архистратига Михаила³.

В Одессе Е.К. Воронцова возглавила Совет Одесского института благородных девиц. Сохранились квитанции и других учебных заведений о внесении Воронцовыми денег за обучение, причём вносились не только в учреждения, но целевым назначением за отдельных учеников. Так были внесены деньги за воспитание обучающихся в институте девиц Марии Василевской, Н. Величко, Элеоноры Буш, Пульхерии Сидорской, за учеников Ришельевской гимназии и др.⁴.

Даже оставив Одессу, Елизавета Ксаверьевна заботилась об училище, названном в её честь. Ей регулярно присылались ведомости об успеваемости, образцы работ по чистописанию, расписание предметов. Одна из учениц Нимфадора Соломон кратко изложила благородную деятельность княгини, которая «взяла на себя труд заняться образованием и устройством на Кавказе женских учебных заведений, ...где дала убежище сиротам и детям недостаточных родителей, предоставляя им способ получить приличное воспитание. Она не ограничила этим своих благодеяний, но по доброте своей приняла на собственный счёт несколько воспитанниц, в числе которых осчастливлена и я»⁵. Опекая несколько благотворительных учреждений уже будучи на Кавказе (где М.С. Воронцов получил должность наместника), Е.К.Воронцова пыталась в 1859 г. сложить с себя полномочия председательницы Одесского женского Благотворительного общества (приложение 2), однако по просьбе правления и «адресов, поднесённых от имени общества», 6 февраля снова приняла на себя звание председательницы.

10 июля 1846 г. княгиня получила благодарность наследника цесаревича Александра Николаевича за учреждение Женского благотворительно общества в Тифлисе «для воспитания бедных девиц дворянского происхождения» (приложение 1).

В Ставрополе Елизавета Ксаверьевна основала училище св. Александра для девиц всех сословий (в том числе черкешенок и калмычек). Воронцовы способствовали тому, чтобы для училища, которое помещалось в двух наёмных домах, было выстроено новое здание в лучшей части города. Сохранились многочисленные письма

попечителя училища Я.И. Булычёва княгине о занятиях учениц «по хозяйству, а более рукоделием, необходимым в их будущем положении». 5 ноября 1855 г. он сообщает о важном для училища событии – посещении персидского посланника. «Мы представили, – пишет Я.И. Булычёв, – всех воспитанниц, объяснили цель существования заведения и не могли умолчать о незабвенной благодетельнице, основавшей училище». Посланнику была подарена подушка «шитая по канве», который в свою очередь прислал воспитанницам «две штуки персидской ткани». В этом же письме Я.И. Булычёв сообщает о шести воспитанницах Воронцовых⁶.

В XIX в. была составлена «Ведомость о благотворительной деятельности в имении Воронцовых», где перечислялись приходские училища в Андреевском Владимирской губернии, Романовке Саратовской губернии, Воронцовке Воронежской губернии, Александровке Ставропольской губернии, Исенском Пензенской губернии. Всего в них обучалось 519 учеников⁷.

Елизавете Ксаверьевне писали из самых дальних уголков России, в основном это были вдовы военных, которые обращались с просьбой определить детей в сиротские дома. Не без волнения читаешь письмо мещанки Марьи Талызиной: «Прибыв в Одессу, я познакомилась случайно с мещанином Дмитрием Бунаковским, у которого нашла шестилетнее дитя, оставленное её родителями, неизвестно куда скрывшимися. По крайней бедности он не только не может устроить участь дитяти, но даже затрудняется в самом содержании»⁸.

Особо нужно отметить участие княгини в деятельности храма св. Николая при русском консульстве в Варне (Болгария). Это событие связано с участием М.С. Воронцова в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в которой он отличился при взятии Варны, за что был награждён золотой шпагой с алмазами «За храбрость» (об этом в архиве имеется рескрипт императора Николая I М.С. Воронцову⁹. Из Болгарии А. Ольхин подробно описывает Елизавете Ксаверьевне состояние храма, «который существует, – как он пишет, – Вашими благодеяниями»¹⁰ (приложение 3).

Благотворительная деятельность Воронцовых даёт основание говорить о их громадном вкладе в дело образования в России и поддержке православия за рубежом.

Приложение 1

Княгиня Елисавета Ксавериевна. До сведения моего доведено, что при вашем содействии учреждается в Тифлисе женское благотворительное Общество с целью устроить заведение для воспитания бедных девиц дворянского происхождения. Ожидая от такого учреждения благотельные последствия для отдалённого Закавказского края, где едва укоренившиеся начала общественного образования требуют особенных ещё попечений о развитии их и распространении, Я с живейшим чувством удовольствия поспеваю изъявить вам за сие общепольное дело искреннейшую мою признательность. Вместе с тем мне приятно удостоверить вас в совершенной моей готовности принять учреждаемое вами благотворительное Общество под особое моё покровительство.

Пребываю в прочем к вам навсегда искренно доброжелательным
Александр.

За Елагином Остров.

Июля 10 дня 1846 года.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 52. Л. 1

Приложение 2

22 января сего 1859 года её светлость княгиня Елисавета Ксавериевна Воронцова как председательница Одесского женского благотворительного общества, пригласила всех членов правления оногo на экстраординарное заседание, в котором прочитано было г. секретарём Общества следующая записка от имени её светлости:

«Особенное обстоятельство заставило меня беспокоить гг. членов правления приглашением на экстраординарное заседание. К тому, на что решилась я, побудили меня многие причины: не нужно было бы другой, если упомянуть об одних своих летах; их преклонность даёт право на покой. Убедившись при этом, что у меня нет более сил бороться с трудностями, в какие я поставлена была в исполнении лежавших на мне обязанностей, я непоколебимо решилась сложить с себя звание председательницы Общества, и совершенно и навсегда отсторонить себя от всякого участия в действиях его.

Оставляя Общество, я всегда буду от всего сердца желать ему всех возможных успехов и всегда буду помнить, что с незабвенною

учредительницею одного графиню Эдлинг, которая всегда для меня была и будет примером истинной христианской благотворительности, мы положили ему основание, и что вблизи, как издалека, около 25-ти лет я следила за ним с материнскою любовью, почему и позволяю себе, прощаясь с ним навсегда, просить правление принять от меня последний совет: 1) стараться уравнивать расходы с приходами; 2) два заведённые в нём хозяйства соединить в одно; 3) всё его устройство упростить и 4) целью воспитания сирот иметь то, чтобы сделать из них добрых христианок, трудолюбивых и не гнушающихся так называемыми чёрными работами, неизбежными в том жребии жизни, который им предстоит».

Правление Общества, с прискорбием выслушав сообщённую ему волю её светлости, решилось обратиться к ней с покорнейшею просьбою принять снова звание Председательницы в следующих выражениях:

«Милостивая Государыня, княгиня Елисавета Ксавериевна!

С глубоким сожалением приняло правление объявленную так неожиданно решимость Вашей светлости отстраниться от всякого участия в действиях его и сложить звание председательницы Общества, обязанного Вам своим существованием. Позвольте нам надеяться, что сердцу Вашему нелегко отторгаться от рассадника, Вами же насаждённого, и что оно одержит победу и возвратит Вас Обществу, если трудности, побудившие Вас возыметь это намерение, будут устранены. С Вашего согласия – ничего нет легче, если Вам угодно снисходительно принять просьбу нашу не оставлять Общества, привыкшего видеть Вас во главе своей около 25 лет, то покорнейше просим Вас принять снова оставленное Вами звание, предоставляя нам бороться со всеми трудностями и входить во все подробности управления заведениями. Таким образом ни лета, ни здоровье не воспрепятствуют Вам склониться на нашу покорнейшую и убедительнейшую просьбу и тем изгладить и память о всех грустных впечатлениях последнего времени».

В ответ на эту бумагу от правления последовало частное письмо от её светлости с выражением признательности за высказанное правлением желание. Вместе с тем её светлость повторила непоколебимую решимость не изменять своего намерения, сообщённого правлению 22 января.

Вице-председательница кн. Гагарина.

После печатного текста следует запись: «Вследствие возобновленной просьбы со стороны правления и адреса, поднесённого от имени Общества, 6 февраля её светлость снова приняла на себя звание председательницы Общества».

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2701. Л. 1–1 об.

Приложение 3

Варна. 15 мая 1863 г.

Милостивая государыня княгиня Елизавета Ксаверьевна!

Я обещал Вашей светлости постоянно доставлять Вам сведения о состоянии храма Св. Николая, сооружённого при Варнском вице-консульстве и существующего вашими благодеяниями.

В исполнение этого обещания имею честь известить Вашу светлость, что церковь наша продолжает приносить пользу краю, подобно тому как я уже имел честь писать Вам в моём предыдущем отчёте. О. архимандрит Филарет по-прежнему поучает прихожан своими проповедями. С 1-го января по 13 апреля, т.е. день второй годовщины храма, их сказано 20. В великий пост церковь всегда была полна. По замечанию о. архимандрита в этом году народу приходило ещё больше чем в прошлом. И не удивительно: старые прихожане приводят новых, особенно для исповеди. Чем дольше будет существовать наша церковь, тем более будет она приобретать духовных чад, покуда болгарам не удастся выстроить в Варне собственного храма. Я думаю, что даже и тогда она не останется без влияния, потому что болгарские духовники не в состоянии будут заменить о. архимандрита Филарета. В нынешний Великий пост о. архимандрит исповедывал 192-х человек и причастил 145 ч[еловек]. Под канонем осталось до 90 человек. В прошлом моем отчёте я уже имел честь объяснить Вашей светлости, отчего так много исповедников остаются под канонем.

В этом году исповедники приходили не только из ближних, но даже из дальних селений, например из с. Девны (в 5 часах от Варны) и из Камчика (в 9 часах). Они говорили о. архимандриту, что слышавши от других о его наставлениях и что приходят за ними. Хорошая исповедь была для этих людей совершенной новостью.

До сих пор они или вовсе не исполняли этого таинства или исполняли его почти бесплодно, ибо может ли человек хорошо исповедываться у необразованного священника, который сам не понимает значения сего таинства, или у другого священника столько же необразованного, но сверх того не знающего даже языка своего духовного сына? Наконец, и недостаток в церквях в здешнем крае тоже послужил распространению невежества и равнодушия в деле исполнения таинств. Многие даже не причащались с самого детства и говорили о причастии как о таинстве, о котором слышали когда-то, знают, что оно полезно, но и только. Эти бедные люди знают Бога только по имени и сохраняют тень религии только по преданию отцов. В некоторых селеньях завёлся обычай совершенно имеющий характер ереси. Старые бабы дают проходящим к ним хлеб и вино и называют это комкою или причастием. Но этого нельзя назвать настоящей ересью. Причащающиеся таким образом знают и чувствуют, что лучше было бы сходить к священнику, но он далеко, а комка, по их понятию, может заменить его причастие. Конечно, если бы священники были образованы и умели бы проповедовать Слово Божие и правила нравственности, то селянин не поленился бы пойти отыскивать его, но несчастный болгарин знает, что вместо утешителя ему приходится отыскивать или грека, не понимающего его и не сочувствующего ему, или такого же бедного и невежественного болгарина как он, не умеющего утешить и наставить его, а только выгадывающего как бы получить от него деньгу, чтобы самому избавиться от долга митрополиту, за деньги посвятившего его и только за деньги позволяющего ему священствовать.

Узнавши об исповеди архимандрита Филарета селяне толпою приходили к нему и получали утешение. С приездом второго певчего пение в церкви улучшилось. К несчастью с наступлением весны, а с нею и экзаменов в семинарии, они оба должны покинуть Варну и явиться в Одессу для испытания. Кажется, варнская скучная жизнь тоже подействовала на их молодость и они больше не хотят сюда возвращаться. Таким образом до окончания экзаменов в семинарии и до приезда новых певчих церковь наша опять будет принуждена довольствоваться весьма недостаточным пением.

В субботу 13 апреля церковь праздновала своё двухлетнее существование. Накануне отслужили вечерню и утреню, а в са-

мый день была сперва панихида по усопшим императоре Николае, великом князе Михаиле Павловиче, светлейшем князе Михаиле Семёновиче и всех русских воинах, павших при осаде и взятии Варны; потом отслужили литургию и, наконец, молебен, на котором о. архимандрит провозгласил многолетие государю императору, всему царствующему дому, потом создателям храма сего – Вашей светлости и А.В. Дачинскому и, наконец, всем пекущимся о храме. По окончании молебствия, когда мы вышли из храма, я сказал о. архимандриту и нашему церковному клиру несколько слов, которые имею честь предложить милостивому вниманию Вашей светлости: «поздравляю Вас с окончанием второго года существования нашего храма. В это короткое время он принёс много пользы нашим единовверным и единоплеменным братьям болгарам; в него приходили они слушать литургию на родном языке, лишённые этой отрады православными же братьями-греками. В нашей же церкви учились они истинному пониманию христианской нравственности, исповедуясь как следует христианину, чего тоже были лишены до сих пор по причине невежества своих духовных пастырей.

В эти два года церковь наша, несмотря на своё высокое и полезное существование, претерпела много неприятностей и противодействия. Её противники не гнушались употреблять даже клеветы и интриги, чтобы заставить закрыть её, но Бог помог своему храму, тяжёлая пора прошла и после двухлетней борьбы церковь наша не только не закрыта, а наоборот – постоянно улучшается и крепнет.

До сих пор она имела характер воюющей, но война её не противоречит величайшему христианскому началу – любви. Она воюет за любовь, она помогает угнетённым подняться и совершает это не из ненависти к угнетающим по заблуждению, а потому что не может и не должна равнодушно смотреть на унижение родного нам болгарского народа и славянского языка, воспитавшего так много доблестных народов. Наша церковь сильна в войне, потому что воюет за любовь! Но дай Боже, чтобы и эта война кончилась как можно скорее и чтобы храм наш превратился в смиренный дом молитвы и в памятник над русскими героями, доблестно павшими при взятии Варны. Это будет тогда, когда угнетённые болгары сами воздвигнут в Варне славянский храм и получат достаточно сил, чтобы одним бороться с угнетением. Тогда нашей церкви предста-

вится другой, более отрядный подвиг: удерживать болгар от крайних увлечений и мирить их с греками, с которыми они всё таки братья. Помогите Боже!».

С совершенным почтением и полнейшею преданностью имею честь быть Вашей светлости покорнейший слуга А. Ольхин.

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2714. Л. 2–4 об.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1261. Воронцовы. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Д. 2685. Л. 1–17 об.

⁴ Там же. Д. 2489. Л. 1–24.

⁵ Там же. Д. 3107. Л. 5 об. Литературные упражнения воспитанниц Е.К. Воронцовой.

⁶ Там же. Д. 2696. Л. 1–1 об, б.

⁷ Там же. Д. 2697.

⁸ Там же. Д. 2707. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 37.

¹⁰ Там же. Д. 2716. Л. 2.

РОССИЯ В СЕРБСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ XVIII В.

И.И. Лециловская

*доктор исторических наук, профессор
Институт славяноведения РАН (г. Москва)*

Восприятие сербами России в XVIII в. определялось их положением, общими православными ценностями у русского и сербского народов, исконными дружественными связями между ними. Принципиальное значение имели внешнеполитические успехи Российской империи в балканском направлении, явившиеся самым сильным аргументом в пользу повышенного внимания к ней. Взгляды на Россию различались у разных кругов сербского населения, отражая их настроения и интересы. Понимание её менялось в процессе развития сербской общественной мысли.

Отношение неграмотного простого народа к России получило яркое выражение в фольклоре. Он занял особое место в культурном развитии сербов. Именно в нём прежде всего проявлялась их духовная жизнь в условиях упадка письменности, градостроительства, церковной живописи, последовавшего в результате турецкого нашествия и пятисотлетнего владычества.

Живительные родники сербского фольклора находились на Балканах. Отсутствие здесь аристократической культуры, консервация патриархальных устоев жизни, удалённость от центров Запада и Востока с их культурными влияниями и, как следствие, живучесть социальных идеалов героического эпоса – всё это способствовало сохранению и дальнейшему развитию фольклорной традиции.

Фольклор, сопровождавший крестьянскую жизнь с колыбели, отражал мечты и предрассудки, этические нормы и моральные ценности простого народа. Он бытовал, впрочем, во всех слоях населения, и это делало его общенародным достоянием.

Наиболее характерной частью сербского устного творчества была эпическая поэзия, в которой выражалось историческое самосознание простого народа. Сербский эпос, вырастая на конкретно-исторической почве, поднимался до обобщающих представлений об исторических судьбах Родины. Он создавался и существовал

в условиях постоянного сопротивления сербов чужеземной власти, поэтому его пафос составляли ненависть к поработителям, мечта о свободе, беспредельная любовь к родной земле. Трагические песни Косовского цикла с их вечным призывом к отмщению, юнацкие песни, прославлявшие народных героев, цикл песен о богатыре Марко-кравеиче передавали страдания, надежды и героизм народа. Эпические песни, показывая стабильность исторической памяти неграмотной части населения, раскрывали крестьянское толкование поворотов сербской истории. Историческое значение сербского эпоса состояло в его связи с антиосманской борьбой народа. Через эпическую народную песню выражалось и отношение к современности¹.

XVII в. и XVIII в. были временем расцвета народной поэзии. Песни, вошедшие в фольклорные сборники выдающегося сербского учёного, фольклориста, писателя Вука Стефановича Караджича, возникли, кроме песен о Первом сербском восстании 1804–1813 гг., не в XIX в., а гораздо раньше. Облик, в котором их записал Караджич, сложился по крайней мере в XVIII в.²

Народные песни запечатлели образ Петра I. Одну из них, бытовавшую в Черногории, опубликовал крупный деятель сербской культуры XVIII в. Захария Орфелин в своём знаменитом труде «Житие и славные дела государя императора Петра Великого» (Ч. I–2. Венеция, 1762 г.). Ей предшествовало описание восприятия черногорцами адресованной им грамоты царя от 1711 г. с призывом поддержать Россию в войне с турками. «Радость, какую грамота онаж в них тогда произвела, была не сказанна, – писал Орфелин. – Не было в Чёрной Горе веселия, в коем бы высокое имя царя российского не воспоминалось. Не опознили они своё к оному великому монарху усердие поставить и на стихи, которые они, радости о нём исполнены будучи, друг со другом воспевали, и которых я здесь приложити, должности моя быть нахожу»³.

В народной песне выражалась мольба черногорцев к богу о помощи царю Петру I, который вознамерился пройти по землям, изгнать «идолопоклонников» и действительно дойти до «славного места» – Царьграда. Она приписывала Петру I желание каждому «дать своё», обласкать христиан и вместе с ними воевать против турок. Песня завершалась здравицей в честь «сильного московского царя»:

«От востока до запада
Много душ ему добра желали».

Народная песня была исполнена надеждой на Петра I – военного героя в деле освобождения христиан от власти турок, верой в него.

Победе русского оружия была посвящена песня «Поход босняков на Московию»⁴. Она начиналась с описания полёта двух воронов, наблюдавших сражение между русскими и турками под Озией (Очаковым), в Боснию:

«Полетели два чёрных ворона
От Озии из-под Московии,
Кровавые крылья до плеч,
Кровавые клювы до глаз.
Три-четыре земли пролетели:
Валахию и Молдавию,
Скендерию и Румелию,
Полетели в Герцеговину,
Долетели до ровного Загорья...».

Образ окровавленных чёрных воронов давал настрой всей песне.

Далее следовал рассказ воронов жене вымышленного участника битвы Ченгич-Бечир-паши о ходе сражения. «Московская королева» «госпожа Елисавка»:

«Под турок сделала подкоп,
И в подкоп турок заманила».
И когда подземный ход был подожжён,
«Взлетели под небеса турки,
Третий день они с неба падали».
Сражение ужесточалось:
«На тех, что остались, турок,
Бросила московская королева
Шесть сотен тысяч кавалеристов,
Все всадники лютые рыцари,
Загнали турок в Озию;
Здесь погибло турецкое войско».

Среди погибших были 12 больших везиров, 8 малых пашей и 80 боснийских бегов.

Драматизм песни нарастал. Вороны поведали турчанке, что её муж и сын Осман-бег попали в плен. Здесь они встретились с Црноевичем-Савой, жестоко пострадавшим некогда от турок и бежавшим в Московию. Црноевич убил в знак мести Ченгич-Бечир-пашу и хотел расправиться с его сыном, но не позволили это сделать «московские господа» («Ещё дитя, и глуп, и молод»).

«И тогда Осман крестился,
Московские науки изучил,
И теперь постригся в монахи».

Турчанка, услышав всё это, упала бездыханной на землю.

Эта небольшая сербская песня, выражая историческую память народа, вместила в себя и героику борьбы с турецкими угнетателями, и мотив отмщения за османские бесчинства, и сознание мощи русской армии, и убеждённость в гуманности русских, и надежду на помощь России, и веру в победу. Елизавета Петровна предстала в песне как талантливый военачальник, способный ловкими и неожиданными действиями разить врагов-турок. При этом народное сознание приписало ей военные успехи, которые в действительности принадлежали либо Анне Иоанновне (взятие Очакова в 1737 г.), либо Екатерине II (падение крепости в 1788 г.).

Песня отличалась высоким эмоциональным накалом. Это достигалось постепенным нарастанием напряжённости действия. Последний аккорд – торжество православия и гибель турчанки – звучал трагически и оптимистично.

Сражение русских войск против турок стало темой песни «Турецкий поход на Вену»⁵. В ней рассказывалось о том, как перед лицом осады турками Вены (это случилось в 1683 г.) местная государыня написала «московскому королю» письмо с предложением выдать дочь цесаря за его сына, если тот освободит город. Вымышленное лицо – «королевич Михаил» – отвечал, что он готов разбить врага и без женитьбы, если цесарь согласится поститься по средам и пятницам и соблюдать четыре поста в год. Цесарь дал на это согласие. Так в песне получила выражение идея торжества православия.

Королевич Михаил собрал 300-тысячное войско и в союзе с поляками двинулся на Вену. Султан при виде московских знамён сказал своему везиру:

«Это московские знамёна,
Я с ними трижды воевал,
Все три раза пред ними бежал,
И никогда их не преследовал».

В результате сражения под Веной русско-польских и турецких войск, говорилось в заключение,

«Из гяуров (христиан) мало кто погиб,
Из турок мало кто остался».
Певец вложил в уста султана слова, обращённые к Михаилу:
«Пока двигаются солнце и месяц,
Никогда против тебя не буду воевать».

Сильной, грозной и победоносной была нарисована Россия. В этой песне получили отзвук разновременные исторические события: освобождение Вены Яном Собеским в XVII в. и война России и Австрии против Турции в конце XVIII в. В народной песне слились воедино исторический факт с поэтическим вымыслом, но при этом она давала обобщённую характеристику борьбы против турок и понимания роли России в ней.

Богатства России были показаны в песне «Московские дары и турецкие в ответ подарки»⁶. Она повествовала об обмене подарками между «великим царём московским» и султаном Муезитом.

Царь подарил, говорилось в песне,

«Самому султану золотой стол,
На столе золотая мечеть,
Около неё сплетённая змея,
На голове у неё драгоценный камень,
При котором можно ходить
Среди тёмной ночи без месяца,
Как днём, когда греет солнце;
Ибрагиму, сыну султана,
Пришлись две острые сабли,
На саблях два гайтана золотые,

На гайтанах два драгоценных камня;
Старшей султанше –
Ей была золотая колыбель,
На колыбели – сокол птица сизая».

Султану дары понравились, и он измучился, какой подарок ему сделать царю в ответ. Султан решил послать в Москву символы православия:

«Посох Неманича Савы,
Золотую корону царя Константина
И одежду святого Иоанна,
Крестовое знамя сербского князя Лазаря».

Тем самым в народной песне проводилась мысль, что Россия являлась преемницей Византии и средневековой Сербии, хранительницей православных и сербских святынь.

У этой песни был более поздний вариант⁷. В нём шла речь о московской царице «госпе Елисавке», которая обратилась к султану Сулейману с предложением вернуть ей отцовское наследство. За это Елисавка обещала соблюдать мир с турками в течение 30 лет, снабжать турецкое войско пшеницей на протяжении девяти лет и покрыть золотом мечеть. В песне Россия была представлена не только «пространной», но и безмерно богатой страной.

Султан ответил, что наследство царицы находится у татар. На обращение Елисавки к ним те грубо отказались отдать наследство и угрожали войной. В результате военных действий Елисавка завладела Крымом и вернула своё наследство, которое составляли золотая корона царя Симеона, одежда святого Иоанна, крестовое знамя царя Константина, золотой посох святого отца Савы, а также

«Острая сабля сильного Стефана,
И икона отца Димитрия».

В народном сознании прочно удерживалось понимание России как оплота православия. Певцы-сказители величали Елизавету Петровну, но исторически овладение Крымом относилось к царствованию Екатерины II.

Россия упоминалась в народной песне «Джурджева Ерина»⁸. Мать Ерина просит у Максима совета, за кого отдать младшую дочь:

за Филипа Мадьяра, «московского короля» или за турецкого «царя». Максим отвечает:

«Ты отдай за московского краля,
Если будем с кралем приятели,
Московы храбрые юнаки
Могут нам помочь воевать».

В песне была выражена вера в Россию и надежда на помощь русских.

В сербских народных песнях прославлялась и возвеличивалась Россия как мощная, богатая православная держава. Певцы-сказители воспевали самоотверженную борьбу русских против Турции. Сербский эпос распространял вширь среди народа факты и поэтические представления о славных победах русского оружия. Простые сербы связывали с Россией свои чаяния и поклонялись ей. Вышерассмотренные песни далеко не исчерпывали знаний неграмотного населения о России, как и обращений сказителей к российским сюжетам, но они воплощали обобщённый образ России, как она представлялась крестьянству.

Примечания

¹ Подробно о сербских народных песнях см.: *Лециловская И.И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994.

² *Остојић Т.* Историја српске књижевности. Београд, 1923. С. 132.

³ *Орфелин З.* Житие и славныя дела государя императора Петра Великаго. В Венеции, 1772. Ч. II. С. 81.

⁴ *Караџић В.* Српске народне пјесме. Београд, 1985. Књ. III. № 88. С. 395–399.

⁶ Там же. Књ. III. № 15. С. 62–64.

⁷ Там же. С. 65–66.

⁸ *Караџић В.* Српске народне пјесме. Београд, 1958. Књ. II. № 79. С. 465–466.

ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ЛИЦАХ: МАРКИЗ П. МАРУЦЦИ, КНЯЖНА З. ГИКА, БРАТЬЯ А.Г. И Ф.Г. ОРЛОВЫ В РУССКО- ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 ГГ.

Т.М. Фадеева

кандидат исторических наук

*Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН (г. Москва)*

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, будущий директор Академии наук и президент Российской Академии, совершила в 1781–1782 гг. путешествие по Европе с сыном – выпускником Эдинбургского университета с целью осмотра самых прославленных достопримечательностей Европы. В мемуарах она описала встречу с П. Маруцци: «В Венеции наш представитель, маркиз Маруцци, приготовил для нас свой дом, окружив нас роскошью и великолепием. Он был очень многим обязан покойному моему дяде, государственному канцлеру графу Воронцову (Михаилу Илларионовичу, канцлеру в 1758–1762 гг. – Т.Ф.), и я приписывала великолепие оказанного нам приёма его благодарности и тщеславию. Он только что получил орден св. Анны и поэтому повсюду в его доме, на дверях, на воротах, на экипажах красовались либо лента, либо звезда этого ордена. Он мне доставил самое большое удовольствие (и я им пользуюсь и поныне) уступкой двух великолепных картин Каналетти»¹.

Каждая строка здесь требует обстоятельного комментария.

Маркиз Пано (Панайотис, Павел) Маруцци (1730–1799)² был с 1768 г. назначен русским поверенным в делах в Венеции. Этому предшествовала его личная встреча с Екатериной II в 1767 г. П. Маруцци был представителем знатного греческого рода православного вероисповедания, как и многие семьи переселившиеся в Венецию после падения Византии. Антиосманские настроения были сильны в этой среде. Известно также, что его банк финансировал Архипелагскую экспедицию А.Г. Орлова в ходе первой русско-турецкой войны. К этому времени во внешнеполитическом курсе Екатерины II

произошли большие перемены. Принятая в 1764 г. военная доктрина России, согласно которой её основным противником на море являлась Швеция, претерпела резкое изменение, и место Швеции заняла Турция. Взоры императрицы устремились на Польшу (участие в её разделах) и на Чёрное море (получение права свободного прохода российских торговых кораблей через проливы). В этом отношении можно отметить преемственность курса Екатерины II с политикой Петра I, наметившейся ещё в начале XVIII в.

В 1711 г. в Венеции было учреждено первое на территории Италии и второе в мире после Амстердама российское консульство. Существует предположение, что консульство в Венеции возникло по прямому указу Петра I, сумевшего посетить инкогнито венецианские кораблестроительные верфи. Во всяком случае, имеющийся в архиве МИД России документ подтверждает, что патент первого русского консула Дмитрия Боциса был подписан 2 марта 1711 г. лично Петром I. В 1748 г. Россия попыталась установить официальные отношения с Венецией и подписать с ней торговый договор, однако в то время Вена оказала сильное противодействие дипломатическим усилиям Российской империи.

Вышеприведённые слова Е.Р. Дашковой свидетельствуют о том, что контакты банкирского дома Маруцци с российской стороной в лице М.И. Воронцова начались задолго до появления в Италии братьев Орловых. Вероятно, они произошли уже в ходе первого заграничного путешествия вице-канцлера Михаила Илларионовича, которое состоялось в 1745–1746 гг. В 1758 г. он занял пост канцлера, однако дворцовый переворот 1762 г. изменил расстановку сил при дворе, и во второе путешествие за границу граф отправился в августе 1763 г., после того, как получил отставку с поста канцлера. Поездка продлилась до февраля 1765 г.

Якоб Штелин отзывался о М.И. Воронцове как о «превосходном знатоке и любителе изящных искусств... милостивом покровителе учёных и мастеров искусства»³. Он был знаком и переписывался с Франческо Альгаротти – сыном венецианского купца, писателем, просветителем и знатоком искусств, который жил в Париже, Лондоне, Потсдаме и Дрездене, а в 1739 г. отправился в Санкт-Петербург, где, вероятно, и познакомился с Михаилом Илларионовичем. Свои впечатления Ф. Альгаротти изложил в книге «Письма из России»,

в то время весьма популярной. Его советами в области собирательства произведений искусства пользовались саксонские курфюрсты, прусский король Фридрих Великий и польский король Август III.

Существующее в литературе мнение, что отъезд М.И. Воронцова за границу объясняется стремлением канцлера А.П. Бестужева удалить его от двора из-за подозрений к нему, В.Н. Алексеев считает необоснованным: «При недоверии к Воронцову было бы крайне опрометчиво посылать его в поездку с визитами по европейским дворам, где вице-канцлера, конечно же, будут всеми силами пытаться склонить на свою сторону. Более вероятно, что, учитывая отсутствие дипломатического опыта, Михаилу Илларионовичу предоставили возможность за короткий срок познакомиться с Европой и её государями, побывать в атмосфере европейских событий. Официальным же прикрытием такой поездки могло быть лечение вице-канцлера»⁴.

М.И. Воронцов, пожалованный в 1744 г. в графы Римской империи, проявил себя как меценат, любитель и ценитель искусств. В первое путешествие он отправился с женой и дочерью (родившейся в 1743 г.), в конце 1745 г. Подтверждением того, что Михаил Илларионович путешествовал отнюдь не как частное лицо, являются приёмы, которые оказывали вице-канцлеру. Во французских городах, через которые проезжал М.И. Воронцов, в его честь ставили гарнизоны в ружьё, стреляли из пушек, выставляли роты для караула. Граф был принят при дворе Людовика XV, имел он аудиенцию и у Фридриха II, которого 22 октября 1745 г., то есть незадолго до ввода русской армии в Курляндию, уверял в дружеском расположении Елизаветы Петровны к Пруссии. Возвращаясь в Россию (в июле 1746 г.), вице-канцлер вновь был принят прусским королём в Потсдаме и в самых вежливых формах уверял Фридриха II в благосклонном отношении к нему российской государыни⁵. По обыкновению всех путешествующих русских вельмож М.И. Воронцов интересовался достопримечательностями, покупал различные редкости, представлялся по дороге знатым лицам и царствующим особам.

Во время пребывания в Италии Михаил Илларионович проявлял интерес преимущественно к искусству – однако не всё обстояло так просто, как могло показаться на первый взгляд. Ряд опубликованных документов свидетельствует о стремлении итальянской стороны, прежде всего, Венеции и Генуи, установить взаимовыгодные тор-

говые связи с Россией уже в 1740–1760-е гг. После русско-турецкой войны 1735–1739 гг., завершившейся Белградским миром, когда Российская империя вернула крепость Азов, появилась возможность вести торговлю с Италией через Чёрное море, а не только через балтийские порты. Инициатором в обсуждении вопросов черноморско-средиземноморской торговли выступила Коммерц-коллегия. Её вице-президент И.А. Мелиссино (потомок знатной греческой семьи) представил проект черноморской торговли с Венецией, Генуей и Архипелагом в 1741 г. Вице-канцлеру М.И. Воронцову было что обсудить с главой богатого банкирского дома Маруцци и с другими заинтересованными в торговле с Россией лицами.

Всё это впоследствии помогло при подготовке Архипелагской экспедиции, имевшей целью поддержать сухопутные действия русской армии против турок во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Будучи в Италии в течение двух недель, Орловы установили контакты с представителями высшей итальянской аристократии, особенно греческого и южнославянского происхождения и православного вероисповедания. Кроме семьи Войновичей к их числу можно отнести графов Мочениго, Джика (Гика), Маруцци; впоследствии некоторые из них навсегда остались на русской службе. Венецианец Антонио Джика по поручению А.Г. Орлова пытался вербовать волонтёров в воинский легион не только среди греков, южных славян и итальянцев, но и албанцев.

Наиболее важную роль в организации осуществляемых Екатериной II мероприятий по подготовке российской военно-морской экспедиции в Эгейское море, наряду с тайной миссией Орловых, сыграл привлечённый на русскую службу венецианский маркиз и банкир П. Маруцци, выходец из Эпира. Его предки-греки обосновались в Венецианской республике ещё в XVI в. Семья разбогатела и стала весьма влиятельной благодаря тем финансовым услугам, которые она оказывала многим владетельным домам – и не только Италии. Переход на русскую службу и приобретение высокого российского покровительства были для П. Маруцци столь привлекательны, что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно⁶. Кроме того, маркиз взял на себя кредитование итальянских расходов Архипелагской экспедиции. По сути, заинтересованность в развитии черноморской торговли с Россией была взаимной. В 1767 г.

П. Маруцци был представлен Екатерине II, вероятно, графом Г.Г. Орловым и имел с ней одну или несколько продолжительных бесед. Императрица должным образом оценила его дипломатические качества и средиземноморские связи и составила о нём благоприятное впечатление, о чём можно судить по тем деликатным поручениям, которые она доверяла П. Маруцци, а также по предоставленному ему праву письменно обращаться напрямую к ней. Кроме того, в порядке поощрения, а также для придания ему большего веса в дипломатических кругах, императрица наградила П. Маруцци орденом св. Анны, прежде чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии. Как сказал глава российской Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин, это объяснялось важностью «привлечения к интересам двора нашего столь богатого дома, каков есть Маруцци, да и в той земле, где оной нам со временем и бесполезен быть может»⁷. О том, как П. Маруцци гордился этой наградой, свидетельствуют слова Е.Р. Дашковой (приведённые в начале статьи), а также изображение ордена на фамильном гербе.

Маркиз П. Маруцци стал важной фигурой в антиосманской дипломатической игре. Хотя назначение в Петербург венецианского представителя задерживалось, Коллегия иностранных дел, отступив от установленных правил, решила отправить в Венецию своего дипломата в одностороннем порядке. 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении П. Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии... для остережения и предохранения случающихся тамо наших дел и коммерции»⁸. При этом у венецианского сената потребовали предоставления её представителю всех дипломатических прав и привилегий. Сенат формально дал согласие на это назначение, ограничив сферу деятельности П. Маруцци. Последний, уже находясь на русской дипломатической службе, в то время занимал также должность поверенного в делах России на Мальте.

Сфера его деятельности в Средиземноморье была достаточно обширной. Согласно его донесениям российскому двору, он информировал о ситуации в Черногории, о ходе восстания на Корсике против Франции, о попытках тайных переговоров с корсиканским предводителем Паоли с целью в перспективе обеспечить на этом острове базы для русского флота. Маркизу предлагалось также скло-

нять состоятельных греков к переселению в Россию, предварительно выяснив их настроения и материальные возможности: «Если люди греческого вероисповедания обратятся с желанием переселиться в Россию, в таком случае имеете маркиз обнадёживать их Высочайшею Её императорского Величества милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить... ожидая отсюда резолюции»⁹.

Этим обязанности П. Маруцци не ограничивались. Он разбирался в искусстве, хорошо знал художников, и ему поручали делать заказы и приобретать редкие полотна для пополнения Эрмитажа и частных коллекций. Выпускники Академии художеств, удостоившиеся чести быть отправленными в Италию за счет академии (так называемая пенсия), также были у него под присмотром. Пенсионеры должны были отправлять «рипорты» – отчёты о своём пребывании и занятиях, а отзыв П. Маруцци являлся существенным подтверждением их усердия в занятиях искусством. В частности, в одно время с Е.Р. Дашковой с П. Маруцци общались князь и княгиня Северные – Павел Петрович с супругой Марией Фёдоровной – и для них П. Маруцци приобрел картины.

Итак, имя П. Маруцци стало известным в связи с первой русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Чтобы поддержать действия сухопутной армии в Северном Причерноморье, было принято решение отправить в Эгейское море русскую эскадру и поддержать борьбу греков за независимость, что существенно ослабило бы турецкий флот. Инициатива принадлежала братьям Орловым, активным участникам дворцового переворота 1762 г., в результате которого Екатерина Алексеевна стала императрицей. Братья всячески поддерживали друг друга, образуя ядро сильной придворной партии, которую возглавлял Григорий Григорьевич Орлов, фаворит императрицы.

Не занимая формально видных должностей, Алексей Григорьевич Орлов долгое время оказывал сильное влияние на государственные дела. В 1768–1769 гг. он разработал план военной операции против Турции в Средиземном море (Первая Архипелагская экспедиция), в 1769 г. получил командование эскадрой русского флота, за победу в Чесменском бою в 1770 г. ему было даровано право присоединить к фамилии наименование Чесменского.

Фёдор Григорьевич Орлов в 1762 г. был пожалован чином капитана лейб-гвардии Семёновского полка, позднее он получил назначение обер-прокурором четвёртого департамента Сената и был награждён орденом св. Александра Невского с сохранением чина капитана гвардии. В 1767 г. он участвовал в деятельности Уложенной комиссии в качестве депутата от дворянства Орловской губернии.

Архипелагской экспедиции предшествовала важная дипломатическая деятельность по налаживанию отношений со странами Средиземноморья. Среди них особое место занимали отношения с Венецианской республикой – давним врагом Османской империи. Попыткам России установить официальные отношения с Венецией и подписать с ней торговый договор оказывала активное противодействие Австрия, опасаясь усиления Российской империи в регионе. Придя к власти, Екатерина II активно занялась южным направлением внешней политики и в 1768 г. отправила в Италию с секретной миссией братьев Орловых – Алексея и Фёдора. Небезызвестный К.-К. Рюльер в книге «История анархии в Польше и расчленения этой республики» описывает впечатление, произведённое ими в Венеции: «Алексей в это время – самое важное лицо во всей России, известный как истинный глава партии фаворита (Г.Г. Орлова. – Т.Ф.)... замечательный своей сверхъестественной силой, красотой своих черт, свирепостью физиономии... Он казался отважным и рассудительным, гордым и популярным; он извлекал для одного себя пользу из кредита и службы всех своих братьев...». Фёдор был «красоты более женственной, чем у Алексея, но мужества более истинного». Не сомневаясь в истинной цели их появления, К.-К. Рюльер ехидно отмечал: «Двое Орловых выбрали в качестве предлога путешествия по Италии простое любопытство»¹⁰.

Венеция была выбрана братьями, поскольку здесь весьма терпимо относились к православию; сюда традиционно по делам торговли прибывали славяне и греки. Орловы ежедневно показывались в православных храмах, подчёркивая свою набожность и одновременно завязывая новые контакты, щедро раздавая милостыню и пожертвования.

Именно в православных храмах Венеции Алексей и Фёдор Орловы могли установить контакты с местными а также (что особенно важно) приезжающими в Венецию по торговым и иным делам

греками и славянами, завязать первые связи и начать осторожную работу по вербовке агентов и подготовке с их помощью населения Черногории, Мореи (Пелопоннеса) и островов Архипелага к вооружённому восстанию. Выводы из состоявшихся бесед с нужными людьми были сделаны быстро. «...Граф Алексей Григорьевич Орлов, – читаем в мемуарах Ю.В. Долгорукова, – разговаривая с(о) славянами, венецианскими подданными и нашими единоверцами, уверился, что они недовольны своим правлением; также их соседи – черногорцы, турецкие подданные, и все греки в Архипелаге преданы двору российскому». А.Г. Орлов немедленно отправил донесение в Петербург, «дабы на сии народы и обстоятельства делать своё внимание, и он представляет свои услуги, если прислан будет флот и войско...». Из рескрипта Екатерины II на имя А.Г. Орлова от 29 января 1769 г. можно узнать следующее: Алексей Григорьевич уведомлял императрицу о «действительной тамошних народов склонности к восстанию против Порты» и предлагал «употребить» «себя к службе Отечества вместе с православными греческими и славянскими народами»¹¹. В результате были установлены политические контакты с лидерами Венецианской республики, королевства Сардинии и других итальянских государств. На всё это требовались деньги, много денег. Здесь-то неоценимую помощь оказал банкирский дом братьев Маруцци.

По возвращении в Петербург П. Маруцци получил должность воспитателя детей Павла Петровича, прежде всего – Константина. Это назначение было связано с «греческим проектом», согласно которому на трон освобождённой Греции прочили именно великого князя Константина Павловича.

В 1770-е гг. в Российской империи сложилась своего рода внешнеполитическая концепция восточной политики, имевшая целью возрождение Греческой или Византийской империи, так называемый «греческий проект». Российская империя тогда вела войны с Османской империей, и план предусматривал, в случае безоговорочной победы над турками и взятия Константинополя, создать новую «Византийскую империю» – марионеточное по отношению к России греческое государство. Императором этой возрождённой Византии должен был стать Константин Павлович, великий князь, сын наследника Павла Петровича (будущего Павла I) и внук Екате-

рины II. Вольтер призывал императрицу дойти в войне с турками до Стамбула, вновь превратить его в Константинополь, разрушить Османскую империю, спасти балканских христиан. Он даже дал практический совет: для большего сходства с подвигами древности использовать в степных боях против турок колесницы.

Исследования этого вопроса обычно ограничиваются сферой дипломатии и придворной политики, однако важную роль играло его культурное измерение. Оставшись, в основном, политически нереализованным, «греческий проект» на протяжении нескольких десятилетий влиял на культурную и интеллектуальную жизнь России.

Как известно, «греческий проект» в развёрнутой форме был изложен Екатериной II в письме к австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г.¹² Несколько ранее, примерно в 1780 г., он был намечен в меморандуме А.А. Безбородко, возможно, предназначенном для встречи двух императоров в Могилёве. Очевидно, что ко времени рождения в 1779 г. великого князя Константина Павловича он уже существовал в достаточно разработанном виде. Выбор имени для новорождённого князя и выбитая в честь его появления на свет памятная медаль с античными фигурами и надписью «Назад в Византию» достаточно ясно свидетельствовали о намерениях императрицы, связанных с новорождённым внуком. «Ум князя Потёмкина постоянно занят идеей создания империи на Востоке: ему удалось заразить императрицу этими чувствами, и она оказалась в такой степени подвержена химерам, что окрестила новорождённого великого князя Константином, наняла ему в кормилицы гречанку по имени Елена и говорит в своём кругу о том, чтобы посадить его на трон Восточной империи. Тем временем она сооружает город в Царском Селе, который будет называться Константинополем», – писал английский посол Дж. Харрис¹³. Многочисленные оды на рождение великого князя показывают, что, несмотря на всю секретность, окружавшую дипломатическую переписку о «греческом проекте», российское общество было прекрасно осведомлено об этих намерениях – да они и не слишком скрывались. На них прозрачно намекает заказанный императрицей английскому художнику Р. Бромптону портрет великих князей Александра и Константина Павловича (1781 г.), ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже. На картине изображены внуки Екатерины II, каждый с лентой и звездой ордена св. Андрея

Первозванного. Они играют в совсем не детские игры: Александр разрубает гордиев узел, а Константин держит знамя Константина Великого, увенчанное лабарумом – победоносным крестом.

Сюжет в прозрачной форме выражал саму идею «греческого проекта». В письме от 24 мая 1781 г. государыня сообщала барону Ф.М. Гримму: «...Бромптон, английский художник, обосновавшийся здесь и обладающий большим талантом, ученик Менгса, написал двух моих внуков – это прелестная картина: старший забавляется, разрубая гордиев узел, а другой положил себе на плечо знамя Константина. Эта картина в моей галерее выглядит не хуже картин Ван Дейка»¹⁴. Подобное изображение в глазах современников символизировало подвиги Александра Македонского и первого христианского государя Константина Великого. Так как картина была исполнена между двумя русско-турецкими войнами, можно с несомненностью утверждать, что это – программа, заявляющая об истинных целях «греческого проекта» в интересах христианства. О том, какое значение императрица придавала портрету, свидетельствует её желание послать Ф.М. Гримму в Париж копию с него. Получив копию, барон писал: «Все находят картину очаровательной, толпами приходят ко мне её посмотреть... Она восхищает всех»¹⁵.

Грек П. Маруцци прекрасно подходил для роли воспитателя будущего претендента на греческий трон: всей своей деятельностью он поддерживал Россию как опору греков в борьбе с Османской империей. Его позиции в особенности укрепил брак с дочерью господаря Молдавии, казнённого турками. Эта семья, таким образом, выглядела как хранительница византийских традиций.

На кладбище Александро-Невской Лавры (некрополь XVIII в.) на могиле П. Маруцци установлен памятник с латинской надписью: «Маркизу, действительному тайному советнику, кавалеру ордена св. Анны, посланнику императрицы Екатерины в Венецию и другие города Италии, супругу Зои Гика, кувикулярию (камергеру) Е.В., сына императора Павла, Константина, командору ордена Св. Иоанна Иерусалимского – маркизы Ламбро и Константин дорогому брату сей памятник поставили»¹⁶. Любопытно, что будучи камергером двора Константина Павловича, маркиз назван здесь византийским титулом «кувикуларий».

Наряду с титулами и почётными званиями П. Маруцци в надгробной надписи особо упомянут его брак с Зоей Гика. Этот брак,

устроенный императрицей, знаменовал содружество двух знатных семей, представлявших страны, где под османским гнѐтом сохранялось православное вероисповедание и остатки византийских традиций. Маруцци были выходцами из Эпира, области в северной Греции, князя Гика – из Албании.

Княжеский род Гика (Ghika) дал, начиная с XVII в., нескольких молдавских и валахских господарей. Основатель династии, Георгий I, был назначен Портою в 1658 г. молдавским, а в 1660 г. – валахским господарём, он умер в 1664 г. Григорий III (Grigore III Ghica, ?–1777), бывший сначала драгоманом в Порте, затем дважды становился господарём Молдавского княжества (с 18 марта 1764 г. по 23 января 1767 г. и с 28 сентября 1774 г. по 10 октября 1777 г.), а также господарём Валахии (с 28 октября 1768 г. по 5 ноября 1769 г.). Как правитель он проявил себя врагом Австрии и союзником Российской империи. При заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. Григорий III Гика был утверждѐн Екатериной II господарём Молдавии. За противодействие уступке Буковины Австрии в 1777 г. он был задушен по приказанию великого визиря Османской империи¹⁷.

Императрица приняла участие в судьбе его семьи, пригласив его вдову Роксандру Гика с дочерьми и племянницами в Петербург, назначив ей пенсию в 2 000 рублей и пожаловав 2 100 десятин земли на реке Ингулец¹⁸. Так осиротевшая семья князя Григория оказалась в Петербурге и была обласкана при дворе. Одна из княжон Гика значится фрейлиной в придворном календаре 1799 г.¹⁹. Восточный облик и костюм дочерей Роксандры произвѐл в Петербурге сильное впечатление²⁰. И.И. Бернулли в своих записках так описывает княжон Гика: «Внимательно осмотрел я (в 1777 г.) небольшое общество молодых женщин, появившихся в обыкновенном их одеянии, но прибывших из отдалѐнной и малоизвестной страны... У них были длинные (продолговатые. – *Т.Ф.*), невинные лица, чудные чѐрные глаза, белый, отчасти желтоватый цвет лица, чѐрные, совсем гладкие волосы, спереди связанные и через лоб висевшие (описание чѐлки. – *Т.Ф.*), голова, покрытая чем-то вроде чепца. Их восточного богатого одеяния не могу я подробно описать»²¹.

Сохранилась живописная иллюстрация к этим словам – портрет одной из дочерей молдавского господара Гика, Зои, написанный

прославленным живописцем и портретистом Александром Рослином. Сегодня полотно хранится в Национальном музее Швеции в Стокгольме. Приведём его описание в путеводителе этого музея, проникнутое духом удивления перед экзотическим изображением обитательницы «отдалённой и малоизвестной страны»: «Александр Рослин. Портрет Зои Гика, 1777 Zoie Ghika, moldavisk prinsessa Холст, масло. 64,7 × 53 см Национальный музей Швеции, Стокгольм. “Портрет Зои Гика” – картина шведского художника Александра Рослина. Дочь молдавского господаря Григория III Гика Зоя изображена без парика (что казалось необычным для XVIII в. – Т.Ф.), на ней молдавский костюм: головной убор, напоминающий тюрбан и украшенный розами, белое шёлковое платье, шитое серебром, и меховой жакет без рукавов (безрукавка. – Т.Ф.). Этот костюм элегантен, но без претензии на избыточное богатство. Зоя Гика сохраняла национальный костюм, хотя и жила при дворе императрицы Екатерины II. Александр Рослин приехал в Россию в 1775 году для получения заказов на портреты русских придворных. Он оставался в России около двух лет и написал около 75 портретов, многие из которых он заканчивал уже по возвращении в Париж. Портрет Зои Гика был одним из последних завершённых Рослином портретов перед его отъездом. Часто этот портрет приводится как пример изумительного качества работы художника несмотря на огромное количество заказов, над которыми он работал одновременно. Действительно, портрет гордой беглянки завораживает зрителя и сегодня. Портрет приобретён Национальным музеем Швеции в 1990 году и хранится там по сей день. Наряду с портретом “Дама с вуалью” он стал одним из символов экспозиции Рослина в музее».

Брак Зои Гика и маркиза Павла Маруцци был заключён в Петербурге, вероятно, по желанию Екатерины II, принимавшей участие в судьбе семейства и благоволившей к П. Маруцци²². С этим связан и портрет, который, по словам И.И. Бернулли, увековечил «очаровательную маркизу Зою Маруцци». Он полагает, что её сестрой (или племянницей) была княжна Смарагда Карловна Гика (1733–1818), дочь молдавского господаря²³.

О высоком статусе обоих семейств свидетельствуют их надгробные памятники и эпитафии. На кладбище Александро-Невской Лавры сохранилось великолепное надгробие Смарагды Карловны

Гика с эпитафией, прославляющей княжну за благотворительность. На памятнике ещё в 1883 г. находилась следующая стихотворная эпитафия:

«Смарагда, Гиков дочь, мать сирым и несчастным,
Земной свой путь сверша, здесь телом почует.
Но духом радостным и тлену непричастным
В обителях Отца, с Спасителем живет»²⁴.

Дочь Павла Маруцци и Зои Гика, Александра Павловна, ставшая женой Сергея Павловича Сумарокова, кавалерственная дама ордена св. Екатерины II степени, имела брата Константина, который скончался в 1846 г. – ровно за год до её смерти. Это был последний мужской представитель семьи, о чём мы узнаём из надгробной надписи на памятнике, установленном сестрой на кладбище в Венеции: «Константину, маркизу Маруцци, сыну Пано (Павла), с умом острым и образованным, кавалер-камергеру Е.В. Императора России, командору ордена Св. Иоанна Иерусалимского, последнему представителю своей фамилии, – от любящей и скорбящей сестры маркизы Александры Сумароковой». К.П. Маруцци был похоронен в склепе с надписью и гербом на плите, помещённой на мраморный пьедестал с колоннами и фризом. На памятнике было примечание: «Грек-эпириот на российской службе»²⁵.

Род Маруцци и род Сумароковых не имели мужского потомства. В день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., генерал-лейтенант С.П. Сумароков именованным высочайшим указом в награду за «долговременную, отлично-усердную службу престолу и Отечеству» был возведён в графское достоинство. Спустя две недели, 8 сентября 1856 г., в связи с бракосочетанием его дочери Елены Сергеевны (внучки маркиза П. Маруцци и княжны З. Гика) с генерал-адъютантом Ф.Н. Эльстоном последнему было разрешено принять фамилию и титул жены. Так было положено начало фамилии графов Сумароковых-Эльстон, представитель которой стал впоследствии князем Юсуповым.

Примечания

¹ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 125.

² Титул маркиза он и его братья Ламбро и Константин получили в 1765 г. от императрицы Марии-Терезии: австрийская дипломатия, стремясь воспрепятствовать

проникновению России в Венецианскую республику, заигрывала с влиятельным и богатым греческим семейством Маруцци.

³ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 119.

⁴ Алексеев В.Н. Граф М.И. Воронцов – вице-канцлер, канцлер и дипломат. Часть 1 (1744–1758) // Воронцовы – два века в истории России. Вып. 13. СПб., 2010. С. 22.

⁵ Там же.

⁶ Кадырбаев А.Ш. Российские военные моряки – выходцы из иностранных фамилий в Восточном Средиземноморье. 1767–1833 // Елагинские чтения. Вып. V. СПб., 2011. С. 18–34.

⁷ АВПРИ. Ф. 41. Сношения России с Венецией. Оп. 3. Д. 1. Л. 1. Цит. по: Смелянская И.М. К истокам средиземноморской политики Екатерины II // Восточный архив. 1999. № 2–3.

⁸ Официально дипломатические отношения между Венецианской республикой и Российской империей были установлены только в мае 1782 г. В летописи Библиотеки Академии наук от 5 ноября 1885 г. отмечено: «На заседании Общего собрания академик Я.К. Грот доложил, что директор “Музея Коррер” командор Бароцци (Венеция) передал ему для Академии переписку маркиза П. Маруцци (посол Екатерины II в Венеции) с разными государственными лицами той эпохи».

⁹ АВПРИ. Ф. 2–6. Внутренние коллежские дела. Цит. по: Смелянская И.М. Указ. соч. С. 94.

¹⁰ Рюльер К. История анархии в Польше и разделения этой республики. СПб., 1807; 1862. – *Rulhière C. Histoire de l’anarchie de Pologne et du demembrement de cette république.* Цит. по: Плугин В. Алехан, или Человек со шрамом: Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского: Документальная повесть с некоторой долей вымысла. М., 1996. С. 182.

¹¹ Долгоруков Ю.В. Записки. «Записки» Ю. В. Долгорукого частично опубликовал в своём «Сказании о роде князей Долгоруковых» П.В. Долгоруков (издано в Санкт-Петербурге в 1840 г.).

¹² Елисеева О.И. Екатерина Великая. М., 2010. С. 432.

¹³ Брикнер А.Г. Потёмкин. СПб., 1991. С. 62.

¹⁴ Письма Екатерины II к Гриму // РА. 1878. Т. 3. С. 206.

¹⁵ 2 (13) февраля 1783 г. Там же. С. 322.

¹⁶ Усечённый гранитный обелиск на прямоугольном постаменте, увенчанный мраморной каской с плюмажем, в ограде из фигурных прутьев с карнизными поясками. На северной стороне овальный медальон с рельефом герба. На южной – медальон с монограммой, под ним ниша с яйцевидной урной. На постаменте с южной стороны накладная мраморная доска с высеченной надписью: «Папо **Maruzzi marchioni / Janninesi/a Catherina II, Russoiimperatrice / immortemefnoriae / in equites S. Annae primi ordinis cooptato / ne-gotiis eius apud remiub. Venetam / aliosq Jtaliae principes / egregie fungito /**

Paolo I Russor imperatori / pio felici augusto/a privalis ionsiliis/vital integntate morumq elegantia / spectatissimo, / conjugii optime merito / Zuiza Gika, princeps / Constantiinus, filius / Pauli Russor. Imper. Cubicularius / ordinis Hierosolym. Commendatarius / parti optima / Constantmis et Lambrus marchioner / fratri carissimo / morentes / monumentum posuerunt / Vixit annos LXIX, / obiit X kal. Jul an MDCCIC».

¹⁷ По просьбе австрийской императрицы Марии Терезии Турция передала Австрии часть молдавских земель – Буковину. Молдавский господарь Григорий Гика выразил протест Порте против этого злоупотребления, изложив права страны и обвинив турецкое правительство, которое не имело права самовольно отнимать землю у Молдовы, как страны, которая покорились на условиях (и только), что её будут защищать от чужого господства, а не делить её с соседями по своей воле. В результате австрийских интриг и доносов Григорий III Гика в 1777 г. в Стамбуле был предан смерти турками.

¹⁸ Село Александровка Николаевской области до 1947 г. называлось Роксандровкой, по имени первой владелицы – Роксандры Гика, жены князя Молдавии и Валахии Григория III Гика. Село было пожаловано вдове императрицей Екатериной II, и Роксандра Гика с двумя сыновьями, двумя дочерьми и тремя племянницами оказалась в Херсоне.

¹⁹ Придворный календарь. СПб., 1898. С. 144.

²⁰ Гика, княгиня Елена Михайловна – писательница (1828–1888), племянница господаря Григория Гика. Была замужем за князем А.А. Кольцовым-Масальским. Под псевдонимом Comtesse Dora d'Istria написала «La vie monastique dans l'Eglise orientale» (1855), «Les femmes en Orient» (Цюрих, 1858; по-русски в «Заграничном Вестнике», 1865); «Excursion en Roumelie et en Moree» (Цюрих, 1858); «Des femmes par une femme» (Цюрих, 1864; русский перевод: СПб., 1866); «Les roumains et la rapaute»; «La poesie des Ottomans» (1877), «Gli Albanesi in Rumenia» – история князей Гика в XVII–XIX веках (Флоренция, 1873) и ряд статей в журналах и газетах.

²¹ РА. 1902. № 1. Записки Бернулли.

²² «В ту пору г-н Маруцци, греческий купец, что имел в Венеции торговый дом, но теперь вовсе отошёл от дел, приехал в Петербург, был представлен ко двору и как человек приятный стал вхож в лучшие дома. Императрица отличала его, ибо остановила на нём выбор, желая сделать его доверенным лицом в Венеции». *Казанова Дж.* История моей жизни. М., 2009.

²³ РА. 1902. № 1.

²⁴ *Саутов В.И.* Петербургский некрополь. М., 1883.

²⁵ Constantino march. Maruzzi / del fu Pano / di pronto e culto ingegno / cav. ciambellano di S. M. / L Imperatore di tutte le Russie / commendatore / dell Ord. di S. Gio. di Gerusalemme / ultimo superstito del suo nome / la march. Alessandrina Sumarokoff / sorella amarose e dolente / fece. – Российский некрополь в Неаполе, Венеции и Сан-Ремо // Русско-итальянский архив. Т. 2 / Под ред. А. Шишкина и Д. Рицци. Салерно, 2002. С. 407–440.

ПРАВЛЕНИЕ РЮРИКА В «ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕРИИ» МЕДАЛЕЙ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Е.В. Пчелов

кандидат исторических наук, доцент

*Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва)*

В царствование Екатерины II были созданы две серии медалей на темы древней русской истории – так называемые «портретная» и «историческая»¹. Их появление во многом связано с особенным увлечением императрицы русской историей и тем значением, которое она придавала созданию официальной российской «историографии». Для Екатерины II это было важным средством легитимации своей власти, она всячески стремилась подчеркнуть свою «русскость», своё служение России и поставить себя в ряд российских самодержцев. Как известно, по распоряжению императрицы, Г.-Ф. Миллер подготовил первое издание «Истории Российской с самых древнейших времён» В.Н. Татищева, которая стала публиковаться начиная с 1768 г. Именно это произведение в царствование Екатерины II выполняло своеобразную роль официальной истории России, несмотря на попытку князя М.М. Щербатова, занимавшего официальную должность историографа, создать новую масштабную панораму русской истории. Екатерина II сама занималась на крайне любительском уровне изысканиями из области истории России и составила «Записки касательно российской истории», в основном опиравшиеся на «Историю» В.Н. Татищева. Создание медальных серий служило важным средством репрезентации российской монархии и официального взгляда на историю Отечества.

Императрица составила проекты 235 медалей на исторические события, начиная от смерти легендарного новгородского «старейшины» Гостомысла (860 г.) и до конца княжения Мстислава Великого (1132 г.). По признанию самой Екатерины II этот текст был сочинён ею за один день. В основе описания предполагавшихся медалей лежала «История» В.Н. Татищева. По этим проектам с конца 1780-х гг.

началось создание медалей в реальности. Полностью весь замысел осуществить не удалось – было отчеканено только 94 медали. События русской истории представлены в «исторической серии» медалей с чрезвычайной подробностью. Так, периоду от смерти Гостомысла до конца правления Рюрика посвящено 22 медали. Рассмотрим их подробнее и проанализируем, как работала императрица над русской историей и какие сюжеты выбирала.

На аверсе всех медалей помещались портреты того князя, во время правления которого произошли те или иные события. Разумеется, на аверсе вышеупомянутых медалей представлен портрет Рюрика, который через изображения Рюрика на медали «портретной серии» (эта серия начала изготавливаться в 1768 г.) и на значительно более ранней яшмовой печати из серии, созданной резчиком И.-Х. Доршем по заказу Я.В. Брюса, в конечном итоге восходит к портрету этого князя из «Титулярника» 1672 г. Портрет Рюрика на аверсе медалей «исторической серии» сопровождается надписью «Великий князь Новгородский и варяг Рюрик». Первая часть титула – «великий князь» – опирается на текст «Истории» В.Н. Татищева, где Рюрик назван «великим князем», а также на подпись к портрету Рюрика из «Титулярника». Вторая часть показывает, что Рюрик был князем и Новгородским, и Варяжским (князь варяг, то есть варягов, в морфологии языка XVIII в.). Это утверждение также базируется на тексте «Истории» В.Н. Татищева, о чём будет сказано далее.

На реверсе медалей изображены сюжетные композиции, сопровождаемые надписями-изречениями. Как соотносятся эти композиции с татищевскими текстами? Прежде всего, нужно отметить, что Екатерина II использовала при составлении проектов медалей и собственно текст татищевской «Истории», расположенный в «летописном» порядке, и текст так называемой «Иоакимовской летописи» – некоего летописного памятника, якобы, открытого В.Н. Татищевым, но вызывающим большие и обоснованные сомнения в исторической науке. Если эта летопись и существовала в реальности, то она, скорее всего, была создана в XVII в., а никак не первым новгородским епископом Иоакимом на рубеже X–XI вв., как полагал В.Н. Татищев (вопрос об историчности самого Иоакима Корсунянина здесь опустим). Итак, рассмотрим весь комплекс «рюриковой» части медалей «исторической серии» подробнее².

1. «Кончина Гостомысла 860 года». Изображён новгородский «старейшина» Гостомысл, лежащий на ложе. Надпись к сюжету – «Неустройству упреди советом».

2. «Приход послов новгородских к варягам 860 года». Изображена встреча Рюрика и его братьев с новгородскими послами. Надпись: «Приидите владети нами».

3. «Приход Рюрика со братиею к рубежам руским в 861 году». Рюрик с братьями и воинами стоят у реки, за которой виден город. Надпись: «Разумом и храбростию славны».

4. «Старую Ладогу крепили в 861 году». Рюрик перед стеной Старой Ладоги. Надпись: «Тако нача».

5. «Приняты от всех чинов руских в 861 году». Рюрик с братьями и дружиной перед русскими мужами, он опирается на щит с изображением солнца. Надпись: «Надежда причина радости».

Первые пять сюжетов посвящены собственно призванию варяжских князей. История изложена в соответствии с «Иоакимовской летописью» и текстом В.Н. Татищева, где говорится, что Рюрик первоначально стал князем именно в Ладоге. Призвание Рюрика, согласно «Иоакимовской летописи» было обусловлено желанием его деда, правителя Гостомысла, перед смертью отправившего посольство за Рюриком, чтобы сохранить преемственность власти (о весьма сомнительной историчности Гостомысла здесь говорить не будем).

Любопытно, что дата призвания варяжских князей на медалях обозначена как 861 г. (а не 862 г., как датировано это событие в Повести временных лет). Иоакимовская летопись хронологии не имеет, а «История» В.Н. Татищева относит призвание варяжских князей, как и вся летописная традиция, к 862 г. Следовательно, Екатерина II самостоятельно скорректировала дату призвания. Каким образом? Вероятно, она заметила некоторое кажущееся противоречие текста татищевской «Истории» с текстом «Иоакимовской летописи». В «Иоакимовской летописи» говорится следующее: «Рюрик по смерти братии облада всею землёю, не имея ни с ким войны. В четвёртое лето княжения его преселися от старого в Новый град великий ко Ильменю, прилежа о росправе земли и правосудии, яко и дед его»³. По-видимому, Екатерина II прямо сопоставила эти два известия (о принятии власти после смерти братьев и переселении в Новгород) и решила, что они

произошли в одном году, одно за другим. В «Истории» же В.Н. Татищева смерть Синеуса и Трувора – братьев Рюрика – датирована 864 г. Если 864 г. – четвёртый год княжения Рюрика, то по «включающему» счёту лет (то есть включающему и первый и последний годы промежутка), как раз и получалось, что Рюрик с братьями пришли на Русь в 861 г.

Значительно более интересен выбор самих сюжетов. Призванию посвящено четыре медали. Послы приходят к Рюрику. Рюрик приходит на Русь. Он укрепляет Ладогу, свою столицу (в основе этого сюжета слова «Истории» В.Н. Татищева – «пришли к словянскому первое и утвердиша город старый Ладогу»)⁴. Рюрик с братьями приняты на Руси. Последний сюжет вообще не находит никаких аналогий в татищевских текстах.

Что же хотела подчеркнуть Екатерина Великая этими сюжетами? Во-первых, конечно, законную преемственность власти (от Гостомысла к Рюрику); во-вторых, добровольное призвание, приглашение правителя; в-третьих, то, что призванные государи были разумны и храбры (показательно при этом, что разум здесь стоит на первом месте); наконец, в-четвёртых, что это призвание было единодушным решением всех сословий («от всех чинов русских»), что дало надежду на будущее. Призвание было радостным, это было призвание-триумф, сопровождавшееся укреплением старого города, то есть укреплением традиций. Представляется, что нет необходимости сопоставлять всё вышесказанное с восшествием на престол самой императрицы, во всяком случае так, как понимала или хотела это событие понимать она. В официальной идеологии подчёркивалась мысль о преемственности Екатерины II по отношению к лучшим традициям прежних государей, о как бы добровольном и единодушном согласии общества с её воцарением, о радости и надежде, сопровождавших это восшествие.

Посмотрим, как оправдались эти надежды в дальнейшем.

Следующие три сюжета медалей «исторической серии» связаны с братьями Рюрика, Синеусом и Трувором.

6. «Синеус скончался на Белеозере в 864 году». Изображён могильный курган у Белоозера. Надпись: «Без наследия памятен».

7. «Трувор скончался в Изборске в 864 году». Могильный курган перед Изборском. Надпись: «До днесь памятен».

Несмотря на то, что о братьях Рюрика известно гораздо меньше, чем о нём самом, оба брата остались в памяти навсегда...

8. «Соединение Белоозера и Изборска к Новгороду в 864». Изображён Рюрик, опирающийся на скалу. Юноша приставляет щиты с гербами Белоозера и Изборска к гербу Новгорода (разумеется, гербы, современные эпохе Екатерины II). Вдали видны ель и пальма. Надпись: «Паки соедини».

Вслед за смертью братьев следует объединение их земель Рюриком под своей властью и, следовательно, объединение земель всего тогдашнего Русского государства. Мотив объединения земель, как известно, – вечная и позитивная *idée fixe* русской истории...

Следующие пять сюжетов составлены из трёх (!) предложений Иоакимовской летописи: «В четвёртое лето княжения его преселися от старого в Новый град великий ко Ильменю, прилежа о росправе земли и правосудии, яко и дед его. И дабы всюду росправа и суд не оскудел, посажа по всем градом князи от варяг и славян, сам же проименовася князь великий, еже гречески архикратор или василевс, а онии князи подручны. По смерти же отца своего облада варягами, емля дань от них»⁵.

9. «Переселился из Ладоги в Новгород Великий в 864 году». Рюрик в окружении новгородцев у стола со щитом, на котором изображён новгородский герб. Надпись: «Предвидя доброе».

10. «Рюрик прилежал о расправе и правосудии». Рюрик сидит за столом, рядом с ним стоят люди, один из них держит весы, другой – свиток. Надпись: «Расправую и правосудием».

11. «Рюрик посла начальники по городам». Рюрик стоит у стола и перед ним группа из шести мужей. Надпись: «Начальниками начале устрои».

12. «Рюрик имяновался князь великий». Рюрик стоит у трона в короне и княжеской мантии со скипетром в руке, а другую руку протягивает новгородцам для поцелуя. Надпись: «Имянем и делами».

13. «Владел и варягорусами». Изображена карта с Морем Варяжским, Морем Руским и Озерами Невскими. Надпись: «Властвовал обоюдными странами».

Рюрик предстаёт здесь как справедливый правитель, заботящийся о правосудии, направляющий начальников в города (то есть создающий систему управления в регионах), владеющий двумя

странами – и Русью, и варягами (вот откуда надпись в титуле Рюрика, сопровождающая его портрет, на аверсе медалей). Самое главное, Рюрик – по сути, самодержавный государь.

Это настоящий монарх с надлежащими регалиями, справедливый властитель – такой же, как и сама Екатерина II. Такое понятие, как «правосудие», было одним из центральных в политической риторике и символике екатерининского царствования (вспомним знаменитый портрет кисти Д.Г. Левицкого «Екатерина-законодательница в храме богини правосудия», 1783 г., ГРМ). Назначение наместников («начальников») отсылало к губернской реформе императрицы. Наконец, обладание двумя странами недвусмысленно фиксировало права России на Балтике, а «Невские озёра» на карте непосредственно отсылали к месту будущей столицы России. Рюрик «предвидел доброе», то есть как бы предвидел будущую славу страны на тех же самых землях и берегах, которыми владел.

Следующие пять сюжетов медалей посвящены киевскому князю Аскольду (называемому в «Истории» В.Н. Татищева Оскольдом и, согласно Иоакимовской летописи, действовавшему единолично, без «хрестоматийного» Дира).

14. «Поляня и горяня просят у Рюрика князя». Рюрик сидит на троне, перед ним три представителя полян и горян. Надпись: «Дела раждают упование».

15. «Полянам и горяням дал Осколда пасынка своего». Рюрик представляет полянам Аскольда. Надпись: «Упование не тщетное».

16. «Осколд просит и получает дозволение идти ко Царю граду». Рюрик стоит у трона, перед ним Аскольд с картой. Надпись: «Над землею и морями».

17. «Осколд войну имел с Польшею и древлянами». Аскольд в вооружении стоит на поле, справа и слева от него два коленопреклонённых воина. Надпись: «Защищал и оборонял».

18. «Осколд ходил на греков в 865». Лодки с воинами плывут по реке, впадающей в море. Надпись: «Шел ко Царю граду».

Первый сюжет опирается на текст «Иоакимовской летописи»: «Славяне, живущие по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюсче дани тяжки и поделями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику пред-

нии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вваде им Оскольда и вои с ним отпусти»⁶. Увидев достойное правление Рюрика и его добрые дела, поляне и некие «горяне» (в древней летописной традиции такого этнонима нет) просят у него князя, как бы повторяя первое «призвание князей». Рюрик отправляет на княжение своего пасынка, то есть ближайшего родственника, Аскольда (предположение о том, что Аскольд был пасынком Рюрика, принадлежит В.Н. Татищеву, который счёл имя «Дир» сарматским словом со значением «пасынок»). Таким образом подчёркивается единоподданная власть Рюрика – Аскольд не самостоятельный князь (каковым являлся на самом деле), а назначенный Рюриком в «южную столицу» Руси родич. Далее Аскольд идёт к Царьграду, то есть к Константинополю, на что испрашивает разрешение у Рюрика. Этот аспект совершенно неизвестен ни «Истории» В.Н. Татищева, ни «Иоакимовской летописи», и принадлежит исключительно Екатерине II. Как верный наместник отчима, Аскольд, разумеется, и шагу не может ступить без согласия на то своего сюзерена. Итак, единоначалие и верноподданство – вот то, что отражено в этих сюжетах.

Показательна надпись «Над землёю и морями». Власть князей простирается и над сушей, и над водной стихией – совсем как у российских императоров, начиная с Петра Великого. Сюжет семнадцатой медали вообще уникален. Оказывается, Аскольд вёл победоносную войну с Польшей (во времена реального Аскольда польского государства как такового даже не существовало). Это ошибка, невольная или сознательная, самой императрицы. Так она поняла (или захотела понять) следующую фразу «Истории» В.Н. Татищева: «Оскольд же остался во граде том и, умножа варяги, нача владеть всею Польскою землёю, имея войну со древляны и со угличи»⁷. Польская земля – это, конечно, земля полян, то есть киевская земля, а никак не Польша, да к тому же Аскольд не воевал с нею, а просто владел. Но для Екатерины II было важно подчеркнуть исконные права России на польские земли, причём справедливый князь «защищает» и «обороняет» Польшу (и «примкнувших к ней» древлян). Именно так виделось императрице участие России в разделах Речи Посполитой.

Ну и наконец, поход Аскольда на греков символизировал путь к Константинополю, Царьграду – в полном соответствии с греческим проектом императрицы, с её политико-идеологическими устремле-

ниями в этом направлении. Россия и при Аскольде (а вернее, Рюрике), и при Екатерине II вышла к Чёрному морю. Правда, окончание похода Аскольда в медальной серии не было отражено. Полное поражение русского войска не могло соответствовать благостно-победоносной картине великого прошлого. Тем более не могло оно отвечать и иллюзиям на современность.

Сюжет следующей медали также небезинтересен.

19. «Усмирил новгородския безпокойства». Рюрик у Новгорода, под его ногами аллегорическая фигура беспокойства. Надпись: «И зависть победы».

Сюжет основан на известии «Истории» В.Н. Татищева о мятеже под предводительством некоего Вадима, датированном 869 г. (о реальности этого персонажа здесь также говорить не стоит). Усмирение бунта – одна из задач справедливого и достойного правителя, можно сказать, его прямая обязанность и необходимость. Как и Рюрику, Екатерине II тоже пришлось усмирять такой бунт – бунт «маркиза» Пугачёва.

Последние три медали связаны с семейными обстоятельствами Рюрика, его кончиной и наследием.

20. «Вручает сына и княжение Олгу князю Урманскому». Рюрик сидит на троне, рядом стоят женщина с младенцем Игорем на руках и Олег. Надпись: «Великодушен до конца».

21. «Скончался в Нове городе в 879 году». Опустевший трон под балдахинном, рядом на столах лежат регалии. Надпись: «Рановременно».

22. «Брак Рюрика с Ефандою княжною Урманскою». Изображены Рюрик и Ефанда. Надпись: «Добродетель и любовь».

Не останавливаясь (как и во всех других подобных случаях) на реальности абсолютно мифической «урманской» (то есть норвежской) княжны, отметим, что казалось бы, хронология событий в порядке медалей нарушена. Ясно, что брак с Ефандою был раньше рождения сына и кончины самого Рюрика, но, по-видимому, Екатерине II нужно было зачем-то подчеркнуть значимость этого события. Ответ на вопрос, как кажется, лежит в девизной надписи. «Добродетель и любовь» – вот то, на чём зиждется достойное, справедливое правление. Вот смысл и содержание идеального царствования и девиз идеального монарха. Нет нужды говорить,

что как Гостомысл, так и Рюрик своевременно позаботились о преемственности власти. История первого правления на Руси началась и закончилась, по сути, одинаково, однотипными событиями, описав как бы логический круг.

Итак, что же сделала Екатерина II в **первой части «исторической серии»** медалей, посвящённой самому первому, начальному правлению государя на Руси? Какие идеи представила она публике? Анализ сюжетов показывает абсолютно сознательное конструирование государыней образа идеального правителя и соответствующего правления, соотносимое с успехами и событиями правления самой императрицы. Это конструирование достигалось, во-первых, детальным «прочтением» татищевских исторических текстов, во-вторых, определённым домысливанием событийного ряда, и, в-третьих, его интерпретацией в нужном ключе.

Медали демонстрируют мотивы преемственности и законности власти (в начале и в конце этого правления), причём власти добровольно и единодушно «призванной», что соотносится с воцарением самой Екатерины II, разумного и храброго государя, укрепления (создания) городов и городской администрации, объединения «исконных» земель, торжества правосудия, справедливого монарха, защиты владений от врагов, усмирения мятежей, обретения высокого статуса и т.д. Перед нами достойная жизнь достойного правителя. Рюрик совершает всё то, что должен был сделать мудрый и справедливый монарх за время своего правления. Он укрепляет города, чинит правый суд, назначает городских начальников, внимает просьбам подданных, усмиряет мятежи, расширяет пределы своих владений. Тем самым создаётся образ добродетельного и великодушного государя, а его правление соотносится с идеалом просвещённой монархии и проецируется на деятельность самой Екатерины II. Основание новых городов, губернская и городская реформы, военные победы, присоединение «исконных» земель, справедливое правосудие и даже усмирение бунта во благо государства – всё это делает Екатерину II «сегодняшним Рюриком», а Рюрика – «вчерашней Екатериной».

Принципиально важно главное: Рюрик – **первый** из череды русских государей. Его дела – это своего рода программа для государей последующих. Программа, которую выполняют государи достойные и которой пренебрегают государи дурные. Деяния Рюрика – это дея-

ния самой Екатерины II, достойной государыни, идущей по стопам своего далёкого предшественника. Так в комплексе медальных сюжетов о княжении первого русского государя императрица создаёт парадигму идеального правления с одной стороны, и отражение собственного правления – с другой.

Примечания

¹ Подробно история создания этих медальных серий и их содержание охарактеризованы в кн.: *Гаврилова Л.М.* Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

² Их описание см.: *Смирнов В.П.* Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 26–34 (№ 63–84).

³ *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. I. М., 1994. С. 110.

⁴ Там же. Т. II. М., 1995. С. 33.

⁵ Там же. Т. I. С. 110.

⁶ Там же. С. 110.

⁷ Там же. Т. II. С. 33.

ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО САМОСОЗНАНИЯ В «МАЛЫХ ЖАНРАХ» ЭРМИТАЖНОГО САЛОНА ЕКАТЕРИНЫ II

Т.И. Акимова

кандидат филологических наук, доцент

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск)*

Эрмитажный салон Екатерины II, возникший на литературной основе, строился на представлениях императрицы о салонном творчестве, почерпнутым из книг, и характеризовался, таким образом, общим признаком литературного мышления монархини – критичностью и самоанализом. Не случайно в этой связи государыня обращалась к «малым жанрам», уже получившим в салонной литературе статус оценочных как по отношению к самосознанию автора, так и по отношению к светскому обществу в целом, – портрета и афоризма.

Основой Эрмитажных собраний Екатерины II служило совместное творчество императрицы со своими придворными, построенное по принципу «буриме»¹. Сначала, судя по приведённым документам П. Свинына, роль «зачинщицы» брала на себя сама государыня, а затем право первой скрипки отводилось и другим посетителям её салона. Суть литературной игры заключалась в том, что хозяйка, «взяв лоскуток бумаги, чертила несколько строк или подавала его которому-нибудь из собеседников для предложения вопроса или текста. После сего всякой из присутствовавших обязан был, не приготавливаясь и прочитав только последние слова предыдущей фразы, продолжать её или опровергать»².

П. Свинын приводит всего 21 листок, содержащий лаконичные ответы на самые незатейливые вопросы светских бесед. По своей структуре эти ответы можно отнести к жанру афоризма, как раз и представляющему собой лаконичное и оригинальное высказывание³. Очевидно, Екатерина II имела представление об афоризмах, выходящих из-под пера Паскаля и Ларошфуко в связи с её интересом

к «салонной» литературе. Как известно, «Разнообразные литературные игры, требовавшие спонтанной импровизации, быстрого ответа на заданную тему, немало содействовали популярности лаконичных жанров, их стилистической шлифовке»⁴.

Легко угадывается и направленность екатерининских «штудий» с избранным обществом на выработку модели речевого поведения. Помимо приятного и весёлого времяпрепровождения со своими европейскими и русскими гостями, среди которых называются «Дидрот, Гримм, Шуваловы, Панины, Потёмкин, Нарышкин, Сегюр, Кобенцель, Сент-Эленс, Принц де Линь, Строганов, Безбородко и прочие»⁵, императрица оттачивала мастерство светской речи для дворянского поведенческого инструментария. С этой целью она и создавала своеобразные «вопросники» для тех, кто уже получил в светском обществе статус остролова и образца изысканной галантности.

Тематически вопросы группируются по нескольким разделам:

- самопрезентация через раскрытие своего интимного мира (*Какая книга мне нравится? Самые драгоценные для меня воспоминания; Мои достоинства; Мой портрет*);
- умение выстраивать диалог с другим собеседником (*Что заставляет меня смеяться? Почему меня любят? Лекарство для утоления гнева моей любезной супруги; Мой способ объясниться в любви*);
- нормативное конструирование «другого», портрет (*Каким должен быть муж мой? Какие качества должен иметь тот, кто хочет быть добрым мужем? Качества, чтоб быть моею сестрою; Каковым должен быть мой друг? Портрет Г-жи Кактен*);
- нормативность организации светского досуга (*Главные правила эрмитажных вечеров; Что я нахожу прекрасным? Как я воспитываю моих кур и голубей? Мои воздушные замки; Не знаю что*);
- идеалы, к которым нужно стремиться или на которые ориентироваться (*Кто мой герой в истории? Дорога, которую думаю достичь бессмертия; Народные пословицы*).

Архетипически эти темы восходят к двум жанрам – риторическому (портрета) и народному (пословицам) – и отражают мышление императрицы, создающей жанровую модель по принципу контаминации как литературных, так и фольклорных образцов. Поскольку

Свиньин обозначил только те ответы, которые принадлежали Екатерине II, то рассмотрим их в качестве «базовых» во всей литературной игре, проходившей на собраниях Эрмитажа.

Во-первых, создавая свой портрет, Екатерина II **обращает внимание** на чувство меры и такт, обязательные при общении с другими людьми: «Я не люблю заставлять собою зевать других, и чувствую скуку за четверть часа ранее»⁶. Видимо, это качество своего характера она кладёт в основу Эрмитажного кружка, потому что все ответы российской государыни диалогичны – они либо провоцируют на ответ, либо являются реакцией на реплику предыдущего автора. Так, в игре в народные пословицы венценосная писательница демонстрирует сначала пародию на «народную» логику: «Понедельник не вторник», – и подхватывает высказывание предыдущего оратора: «Лошадь короля – не тайный советник», заостряя фразу и делая её более «злободневной», эпиграмматической: «Исключая необыкновенных случаев»⁷. Кроме того, в изображении себя Екатерина II **играет** именно на логических приёмах, в отличие от натуралистических зарисовок своих собеседников. Сравним её ответ на задание «Мой портрет»: «держусь прямо, когда не горблюсь, и стою, когда не сижу» с ответом предыдущего «игрока»: «Волосы на голове, мало зубов во рту, нос посреди лица, две ноги, две руки и толстое брюхо»⁸.

Во-вторых, задавая тон игре, государыня устремляет комическое перо не на абстрактные вещи, например, на общечеловеческие пороки, как это было принято у классицистических писателей, но направляет смеющийся взгляд на повседневность и обнаруживает нелепость в привычном и хорошо узнаваемом обиходе. Например, на вопрос «Что я нахожу прекрасным?» она отвечает с самоиронией о том, что могут видеть и заметить любые её гости: «Английский сад, который не кончается 15 лет и к которому беспрестанно что-нибудь прибавляют»⁹. Или намеренно направляет внимание иностранных посетителей салона на обилие и пышность результатов своего просвещённого управления, поданное через образ домашних птиц: «Не знаю, как воспитываются мои птицы; только знаю, что они так жирны, что едва передвигают ноги»¹⁰.

В-третьих, Екатерина II включает в своё игровое пространство всех своих приближённых подданных, будь то Л.А. Нарышкин, «попавший» в ответ государыни на вопрос о причине смеха¹¹, или

Г.А. Потёмкин, зашифрованный в ответе на вопрос о друге: «Я требую, чтоб он отказался от порока спесиваться, от смешной слабости презирать равных себе, от недостатка – считать свои обязанности за безделки»¹². Эти примеры подтверждают эпиграмматический характер смеха императрицы, подчёркивающий его контактную и диалогическую природу.

В-четвёртых, ответы Екатерины II передают самый большой диапазон её смехового голоса, так как она проявляет главное качество смеха – его непостоянство, мгновенное существование. От признака привычного порядка, регламентации придворной жизни, в подшучивании над церемониальным журналом в вопросе о книге, которая нравится: «Всех выше придворный календарь, потому что эта книга содержит в себе более всех других неопровергаемых истин»¹³, императрица легко переходит на серьёзный тон и в весёлой игре неожиданно постулирует правило, адресованное своим подданным в вопросе о герое: «Мой герой тот, кто более сделал добра своему отечеству»¹⁴.

В-пятых, монархиня с полной очевидностью и отчётностью осознаёт свою управляющую роль в этом свободном веселии, что подтверждается не только ответом об эрмитажных правилах: «Самый лучший способ для сего иметь ума за четверых, хоть бы было нас сорок»¹⁵, но и переводит шуточный вопрос «Какие качества должен иметь тот, кто хочет быть добрым мужем?» в серьёзный тон: «Idem, стараться о приобретении познаний, необходимых для взаимного уважения»¹⁶, формулируя поведенческие нормы из лёгкой забавы.

Другой забавой салона были игривые прозвища. О том, что Лев Александрович Нарышкин имел прозвище «шпынь», было известно даже за пределами малого круга¹⁷ Екатерины II, «дозволившей приближённым в шутку называть себя “твое величество”»¹⁸. Потёмкинский протеже А.М. Дмитриев-Мамонов прозывался «красный кафтан»¹⁹. Получали весёлые имена и другие фавориты императрицы. Этот факт лишь подтверждает цель государыни через весёлую забаву и литературную игру выработать правила и модели поведения, повышающие качество личностного самосознания, сначала для своего ближнего круга и подданных, а затем и для дворянского сословия в целом. Поэтому отголоски её просвещения можно найти в последующую эпоху.

Те же духовно-личностные ощущения выражал «Арзамас» (1815–1817), созданный «с тем, чтобы проводить время приятным образом и про себя смеяться глупостям человеческим»²⁰. Подчиняясь весёлой и свободной стихии, члены группы достигали тех божественных высот, которые могли быть подвластны только царям, но способом к его достижению становилось словесное творчество. Известно, что на каждом заседании велись протоколы и писались речи, на которые мог следовать ответ. Венцом заседаний был жареный гусь, символизировавший абсолютную свободу выражения и являвшийся пародией на государственную символику и таинства масонов: «Уста твои прикоснулись к таинственным символам: к лире – конечно не Хлыстова и не Барабанова – и к Сове, сей верной подруге Арзамаского Гуся, в которой истинные арзамасцы чтят изображение сокровенной мудрости»²¹. Подчиняя всё, как самое сокровенное, так и оппозиционное пародии, члены литературного объединения показывали такую меру свободы, которая сопоставима лишь с поведением абсолютного монарха. За упоением свободой следовали постановка и решение идеологических задач – осознание своего места в обществе.

Первой задачей для любого человека, осознавшего себя свободным, стало определение позиции в споре между «старым» и «новым». Возникший ещё во Франции на этапе перехода к классицизму, он закончился победой свободного французского языка, и такую же победу в отношении к языку Екатерина II ждала от российских писателей, провоцируя на подобные споры своими шуточными законами в Эрмитажном салоне. Так, она подала пример идеологической борьбы литературными методами, представив членам салона Эрмитажный устав²². Он был направлен, с одной стороны, на личностное раскрепощение, а с другой – на чувство меры и вкуса как неперемный атрибут просвещённой личности.

Отводя Эрмитажному салону функцию защиты литературной модернизации, Екатерина II сделала эмблемой всего старого и отжившего академика В.К. Тредиаковского, а конкретно его поэму «Телемахиду», написанную силлабикой и переполненную старославянизмами. Узаконивая нелепость подобного сочинительства, монархиня прибегала к шуточному наказанию в обозначенном ею смеховом пространстве – салоне. По свидетельству мемуаристов,

«императрица, забыв, так сказать, своё величество, обходилась со всеми просто; были сделаны правила против этикета; кто забывал их, то должен был в наказание прочесть несколько стихов из “Телемахида”, поэмы старинного сочинения Тредьяковского»²³. Этой задаче посвятил себя и «Арзамас», сделавший Беседу и Академию главными объектами осмеяния и словесной игры: «Благодаря неистощимым затеям Жуковского, Арзамас сделался пародией в одно время и учёных академий, и масонских лож, и тайных политических обществ»²⁴, а краеугольным камнем своей идеологии положивший чувство меры и вкуса: «мне предстоит поле самое обширное. Оно усеяно поражёнными врагами рассудка и вкуса, обломками тяжёлой артиллерии Беседы и Академии, и посреди трофеев величественный Арзамас...»²⁵. Теперь писатели отрекались от своих имён и приобретали новые, почерпнутые из балладного творчества В.А. Жуковского: «Уваров – Старушка; Дашков – Чу!; Блудов – Кассандра; я – Светлана; Жихарев – Громобой; Тургенев – Эолова Арфа»²⁶ и становились литературными персонажами единого игрового пространства свободных и независимых художников.

Второй задачей явилось оттачивание чувства вкуса и меры, порождений рационалистического просветительского ума, направленного и на постижение граней комического. Интересна в этой связи записка Екатерины II, в которой упоение императрицей словесной игрой осуществлялось параллельно с постижением сущности смеха – безмерного и всеобъемлющего.

В этой связи арзамасцев можно назвать продолжателями монаршей «забавы»: «От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в лето второе и в месяц второй или, может быть, и в третий, по обыкновенному летоисчислению месяца Студёного в 24 день, в доме его превосходительства Кассандры был шестнадцатый ординарный Арзамас»²⁷; или: «Члены пропели несколько строф из известного “Певца в Беседе”. Президент прохрипел несколько псалмов, написанных в старом русском слоге, и наконец объявил собранию, что “оно имеет перенести себя в другую Академию для сотворения тамо празднества по случаю получения Академиею нового себе президента, принадлежавшего искони покойнице Беседе”. – Общество разделилось на Разряды, поплелось в другую Академию, – свет всегда был и будет противен глазам и умам нашим»²⁸. Так, высмеивая

иерархические и статусные различия, члены «Арзамаса», как и Екатерина II, ратовали за корпоративный творческий союз равноправных членов общества, определяющим показателем которых являлись бы чувства меры и вкуса.

Таким образом, восприняв просветительскую идеологию свободы и равенства, возможную в екатерининском Эрмитажном салоне, арзамасцы утверждали дружескую корпоративность и писательское ремесло как независимое и не подвластное никому. При этом пародийность и шутовство служили способом критической самопроверки логической точности и ясности в выражении. Не принимая политическую идеологию императрицы, писатели XIX в. реализовывали её завет по созданию общества равно талантливых и равно свободных людей, живущих по собственным установленным правилам и воплощающих собой гармонию братского единения и упоения жизнью:

«С яркой звездой на главе
Гением тихим носилось
В свежем гражданском венке божество:
Просвещение, дав руку
Грозной и мирной богине Свободе!»²⁹.

Итак, забавляясь и смеясь в Эрмитажном салоне, Екатерина II оставалась верна своим принципам самовоспитания и проявления личностного начала, выражающегося в авторстве литературного текста. Правда, размеры этого текста в дружеском кружке императрицы были невелики, но тем очевиднее бросалась в глаза попытка венценосной писательницы приравнять речевое высказывание к поступку и провозгласить нормой светского общения лаконичные афористичные фразы, свидетельствующие как об уме их автора, так и о статусном величии. Поэтому смех в её салоне превращается из инструмента дружеского общения в нормативный показатель светского общения высокородных особ. Екатерининское видение одновременно «большого» и «малого», «сиюминутного» и «вечного», «нормативного» и «свободного», выражающееся в лаконичной фразе, говорит о масштабе её личности, соразмерной титанам Возрождения, но открытой, согласно культуре рококо, только избранному обществу её салона.

Примечания

- ¹ *Свиньин П.* Литературные забавы Екатерины Великой в Эрмитаже // Сын Отечества. 1936. № 2. С. 81–97.
- ² Там же. С. 82.
- ³ «Афоризм – изречение, выражающее с определённой лаконичностью и в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль». См.: Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 1. А–Б. М., 1991. С. 273.
- ⁴ *Жирмунская Н.А.* Предисловие // Ларошфуко и др. Суждения и афоризмы. М., 1990. С. 9.
- ⁵ *Свиньин П.* Указ. соч. С. 83.
- ⁶ Там же. С. 95.
- ⁷ Там же. С. 91.
- ⁸ Там же. С. 97.
- ⁹ Там же. С. 88.
- ¹⁰ Там же. С. 92.
- ¹¹ Что заставляет меня смеяться? – Г. Обер-Шталмейстер // Там же. С. 89.
- ¹² Там же. С. 96.
- ¹³ Там же. С. 87.
- ¹⁴ Там же. С. 88.
- ¹⁵ Там же. С. 90.
- ¹⁶ Там же. С. 94.
- ¹⁷ *Бердников. Л.* Сиятельный Арлекин // Библиополе. 2007. № 1. С. 69–72.
- ¹⁸ *Свиньин П.* Указ. соч. С. 71.
- ¹⁹ «Обладая врождённым вкусом, фаворит любил носить всё красное, гармонировавшее с его чёрными глазами. Поэтому Екатерина прозвала его “красный кафтан”». Цит. по: *Елисеева О.И.* Григорий Потёмкин. М., 2006. С. 500.
- ²⁰ «Арзамас»: сборник: в 2 кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. М., 1994. С. 78.
- ²¹ Там же. С. 336.
- ²² *Пыляев М.И.* Энциклопедия императорского Петербурга. М., 2007. С. 119–120.
- ²³ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 239.
- ²⁴ «Арзамас». С. 78.
- ²⁵ Там же. С. 322.
- ²⁶ Там же. С. 270.
- ²⁷ Там же. С. 379.
- ²⁸ Там же. С. 415.
- ²⁹ Там же. С. 424.

«ИНЫЕ» БИБЛИОТЕКИ Н.Б. ЮСУПОВА (МОСКВА, СПАССКОЕ-КОТОВО)

К.Г. Боленко

кандидат исторических наук

Государственный музей-усадьба «Архангельское»

Всякий раз, когда заходит речь о библиотеке известного вельможи и коллекционера Николая Борисовича Юсупова (1751–1831), первая ассоциация – это библиотека в усадьбе (ныне музее-усадьбе) Архангельское. То самое «книгохранилище», которое в 1830 г. А.С. Пушкин упомянул в послании «К вельможе», а многие поколения советских посетителей музея имели возможность видеть в реконструированном экспозиционном варианте на втором этаже Большого дома. Специалисты вспомнят библиотеку в Петербурге, упоминаемую в записках путешественников И. Бернулли и Г. фон Реймерса и в путеводителе по Петербургу И.Г. Георги, и библиотеку в Москве, в свою очередь упомянутую в 1808 г. Мартой Вильмот¹. Пожалуй, только специалисты по истории книги и библиотек, хорошо знакомые с юсуповскими сюжетами, укажут на наличии неких книг в таких усадьбах Н.Б. Юсупова, как Ракитное Курской губернии и Спасское-Котово – Московской². Неоднократные констатации этих фактов не отменяют того, что изучение иных библиотек Николая Борисовича по сути ещё не начиналось и как научная проблема ещё не было осмыслено.

Собственно, настоящая статья представляет собой попытку если не концептуализации, то во всяком случае проблематизации этой темы. Можно, конечно, идти, что называется, «от источника», благо некоторые из этих документов выявлены и сведения о них (не сами источники) даже были введены в научный оборот, однако в последние десять-пятнадцать лет изучение истории частных библиотек сделало такой шаг вперёд и столкнулось с такими сложностями именно теоретико-методологического характера, что не учитывать их при изучении библиотек Н.Б. Юсупова нам кажется недопустимым – и для изучения библиотек самого Николая Борисовича, и с точки зрения истории библиотек в целом.

Центральной будет проблема базовой терминологии: что понимать под библиотекой. К примеру, можно ли считать книжные комплексы, находившиеся в разных домах и усадьбах, разными частями одной библиотеки? или же следует вести речь о разных библиотеках, составлявших единое владельческое книжное собрание? или же некорректно вести речь даже о едином книжном собрании, а правильнее будет говорить о разных библиотеках и разных книжных собраниях, почти никак не связанных между собой, кроме как юридически. Ведь книжные комплексы в имениях и городских домах, унаследованных Н.Б. Юсуповым от матери, гипотетически также могли быть созданы ею или даже обоими родителями и оставаться нетронутым атрибутом интерьеров этих усадеб и домов в течение десятилетий, вплоть до следующего наследника. Так, к примеру, случилось с библиотекой самого Николая Борисовича в Архангельском, когда только в конце XIX – начале XX в., при его правнучке, Зинаиде Николаевне Юсуповой (в замужестве Сумароковой-Эльстон), та часть библиотеки, которая располагалась на втором этаже дворца, была перемещена на первый этаж в совершенно новые шкафы, с неизбежными изменениями в первоначальной владельческой расстановке.

В свою очередь, для того, чтобы в перспективе сколько-нибудь удовлетворительно решить вопрос об употреблении термина «библиотека», представляется необходимым свести к минимуму употребление двух других широко распространённых терминов, ключевых для изучения библиотек, не предназначенных для широкого публичного использования, а именно – «личная» и «частная». На наш взгляд, термин «частная» имеет чересчур сильные юридические коннотации и, скорее, хорош для описания владельческой принадлежности в тех случаях, когда необходимо отделить библиотеки, принадлежащие частным лицам, от библиотек, принадлежащих государству, муниципалитетам или общественным организациям (корпоративные библиотеки по этому признаку, разумеется, будут отнесены к частным). В тех же случаях, когда необходимо абстрагироваться от юридической принадлежности и подчеркнуть частный характер именно бытования и использования, лучше подходит термин «приватный». Перед термином «личный» он имеет то преимущество, что охватывает всю совокупность непубличных библиотек: и собственно личные, и семейные, и дружеские, и родовые.

Мы решительно отказываемся от употребления термина «библиотека» как многозначного, во всяком случае, избегаем его употреблять в значении «совокупность книг». Кроме самого книжного собрания в понятие «библиотеки», по нашему мнению, обязательно должна входить система книгохранения, пространственной и тематической организации, обслуживания, доступа к книгам, а также вспомогательных «сервисов», не обеспечивающих, но облегчающих доступ к необходимому экземпляру и его целевое использование (например, надписи на шкафах, описи, каталоги, кресла, столы, подставки, осветительные приборы и т.д.). При этом остаётся открытым вопрос, можно ли считать библиотеки, находящиеся в разных домах, различными или разнесёнными по различным хранилищам частями одной. Критерии, которые позволяли бы ответить на этот вопрос, для частных библиотек ещё не сформулированы и, наверное, даже будучи сформулированы, останутся размытыми, но только такой подход позволит рассматривать частные и общественные библиотеки как части единого информационного и социокультурного пространства, единой «библиотечной культуры».

Под московской библиотекой Н.Б. Юсупова обычно имеют в виду библиотеку, находившуюся в доме в Огородной слободе (том самом, что «у Харитонья в переулке»). Именно её упоминает в 1808 г. Марта Вильмот. Библиотека располагалась на пути в картинную галерею, «сердце» юсуповских коллекций. Нет сомнения, что в её основе должна была лежать библиотека матери, Ирины Михайловны (урождённой Зиновьевой, 1718–1788), которая во второй половине XVIII в. проживала преимущественно в Москве и совершенно точно покупала книги. Во всяком случае нам известно о её единичных книжных приобретениях: к примеру, имеются её владельческие записи на «Сочинениях» Димитрия Ростовского в шести частях (Б.м., б.г.) и «Христианской философии» (М., 1782)³. После выхода в отставку в 1804 г. и переезда в Москву⁴ Николай Борисович, очевидно, перевёз в московский дом и свою петербургскую библиотеку, которая насчитывала в 1800 г. более 10000 томов. Впрочем, материнская библиотека, по всей видимости, была к тому времени уже перевезена в Петербург, во всяком случае частично, и растворилась в книжном собрании сына. Так, из 880 томов книг на русском и церковнославянском языках в петербургской библиотеке насчитывалось не менее 128 томов православной религиозной литературы (включая

упомянутые сочинения Димитрия Ростовского и «Христианскую философию»)»⁵ – слишком много для Н.Б. Юсупова, не отличавшегося сильной религиозностью.

Имеются сведения о том, что в 1806 г. Николай Борисович распорядился о строительстве на своём подворье специального библиотечного павильона, соединённого с домом крытой галереей⁶. Этому библиотечному зданию был отпущен недолгий срок. Ещё в 1810 г. Н.Б. Юсупов купил у наследников Н.А. Голицына имение Архангельское, которое начал быстро превращать в свою парадную усадьбу; часть книг была перевезена туда. Московское здание в 1812 г. сгорело, и книги, заблаговременно эвакуированные в Астрахань и ярославские вотчины, на рубеже 1810–1820-х гг. были большей частью перевезены в Архангельское и размещены на втором этаже дворца и на втором этаже западного флигеля⁷.

О том, что в Москве и в 1820–1830-е гг. должны были оставаться какие-то книги и существовать какое-то помещение, полностью или частично отведённое под книжное хранение, исследователи догадывались, однако в пользу этого мнения имелось единственное и не очень надёжное прямое свидетельство⁸ и общелогические соображения того рода, что не мог же Николай Борисович обходиться в Москве вообще без книг, особенно в холодный сезон. К тому же представить периодически открывавшийся для публики дворец просвещённого вельможи вообще без такого статусного элемента, как библиотека, было затруднительно. Давно известные сведения из путеводителя по Москве 1824 г. о наличии у Н.Б. Юсупова библиотеки в 18000 томов⁹ с полным на то основанием были относимы специалистами к Архангельскому, тем более, что сам автор очерка о коллекциях князя в 1828 г. включил те же сведения о коллекциях и библиотеке в статью об Архангельском¹⁰, а при перепечатке его в 1835 г. сделал важное уточнение: «Г-н И.-Г. Шницлер упрекает меня, что в своём “Guide du voyageur” я написал, что все коллекции находятся в Москве. Проживая в Москве уже много лет, я бы мог считать эту ошибку непростительной, если бы князь Н. Юсупов не уверял меня тогда, что намерен перевезти свои коллекции в Москву, в новопостроенное крыло своего дома, и расположить там значительную часть своих книг и картин, где они бы и оставались до конца его жизни»¹¹. И в статье 1828 г., и в путеводителе 1835 г. автор пишет, что «князь Юсупов приказал оборудовать в Москве

помещения специально для своей библиотеки. Было бы очень желательно, чтобы она была перевезена туда, где она могла бы быть очень полезна литераторам, которым она могла бы служить пособием»¹².

Ж. Лекуант де Лаво не сообщает, откуда им была взята реплика И.Г. Шницлера; учитывая, что в 1820-е гг. Иоганн Генрих Шницлер проживал в России и служил частным учителем, в том числе в Москве, она могла быть высказана устно или в частной переписке. Видимо, всё это останавливало исследователей от поисков её источника. К счастью, недавно в одном из сочинений этого немецкого историка удалось обнаружить довольно обширный очерк о подмосковных усадьбах (Петровский дворец, Коломенское, Царицыно, Кусково, Останкино), в том числе об Архангельском, с упреком в неточности, адресованным Ж. Лекуанту де Лаво и короткой, но бесценной для нас обмолвкой о московском книжном собрании Юсупова: «Городская библиотека князя насчитывает, приблизительно, не более 5–6 тысяч томов»¹³.

То, что библиотека эта могла существовать и позже, подтверждается косвенным свидетельством. Так, к 1908 г. относится отчёт известного в своё время архивиста и историка Николая Васильевича Рождественского, который в начале XX в. проводил рекаталогизацию библиотеки в Архангельском. В числе пособий, которыми он пользовался, он упомянул «Опись книг Московского дома»¹⁴. Владельческая принадлежность этого собрания книг неизвестна, однако обращает на себя внимание тот факт, что упомянутые в том же отчёте книжные собрания, привезённые из других юсуповских усадеб, Спасского-Котова и Ракитного, отчётливо связываются с именем Н.Б. Юсупова-старшего. Долгое время жизнь и его сына, Бориса Николаевича, и его внука, Николая Борисовича-младшего, была слабо связана с Москвой и серьёзной потребности в библиотеке у них могло и не быть. Вероятность же того, что книги, оставшиеся от предка, продолжали служить украшением интерьера, очень велика. Во всяком случае сведений о перевозке их в Архангельское, в Петербург или в иную усадьбу в документах не обнаружены. Собственно, с похожим вариантом мы сталкиваемся в Архангельском: в усадьбе не живут, но книги никуда не увозят; книгами не пользуются, но книжное собрание не разрознивают.

Взаимоотношения между книжными собраниями (или, если угодно – библиотеками) Москвы и Архангельского строились очень

интересно. Так, сохранилось мемуарное свидетельство литератора Александра Петровича Милюкова, согласно которому весной, когда Н.Б. Юсупов переезжал на лето в Архангельское в числе других вещей везли книги из его библиотеки. Разумеется, мы должны принимать во внимание общую невысокую осведомлённость А.П. Милюкова о деталях жизни князя, однако то, что отношения между этими собраниями были непростыми и могли включать в себя перевозку туда и обратно не только отдельных книг, но и значительных книжных массивов, свидетельствует сама полемика между Ж. Лекуантом де Лаво с одной стороны, и И.Г. Шницлером – с другой. Просвещённый вельможа, испытывавший некоторое давление общественного мнения, по-видимому, колебался, где именно и в которой пропорции разместить своё книжное собрание, как устроить отдельные хранилища. Если принимать во внимание репрезентационные функции такого собрания, то задача действительно была почти неразрешимой. Производить эффект на публику могла только большая энциклопедическая библиотека, к тому же принципы разделения одних тематических коллекций от других или одних и тех же на разные части были совершенно не ясны. Эта задача не была разрешена до смерти Н.Б. Юсупова, а затем уже стала совершенно не актуальной.

К сожалению, мы ничего не знаем о других книжных собраниях Николая Борисовича, которые, без сомнения, должны были находиться в других его московских домах: в доме на Большой Никитской улице или во дворце в Васильевском.

Любопытным примером того, что могла представлять собой библиотека в редко посещавшемся доме, может служить опись книгам, вывезенным в Москву в 1887 г. из родовой подмосковной усадьбы Спасское-Котово: 288 томов и 170 изданий, причём в основном разрозненные многотомники. По тематике преобладает беллетристика с небольшими вкраплениями хозяйственной, экономической, медицинской, исторической, географической и религиозной литературы. Годы издания – 1712–1814 гг., со значительным преобладанием за 1780-е гг. – 1810 г. Мы, без сомнения, имеем дело с библиотекой Николая Борисовича Юсупова (возможно, частично включающей фрагменты родительского книжного собрания), а совпадение последнего года издания непрерывного периода пополнения библиотеки (1810) с годом покупки Архангельского недвусмысленно

указывает на происхождение библиотеки и её судьбу. В частности на то, что, скорее всего, полные многотомники были изъяты и перевезены в Архангельское или Москву (до войны или после неё, мы не знаем), а оставшееся книжное собрание, напоминающее скорее букинистический хлам, чем библиотеку, просто перестали пополнять. Если оставшиеся книги продолжали стоять в шкафах, то они, конечно, исполняли в определённой мере статусно-репрезентационную и эстетическую функции, а также могли служить источником лёгкого развлекательного чтения как для самого Н.Б. Юсупова во время редких посещений Спасского, так и для его содержанок. Существование такой лёгкой, по сути дачной библиотечки вполне вероятно. Конечно, она представляет интерес как один из возможных типов вельможных библиотек, эффективный анализ которых оказывается совершенно невозможным без выяснения истории их формирования, функциональной специфики и места в ряду других библиотек того или иного владельца.

Примечания

¹ Наиболее полную сводку свидетельств о петербургской (до начала XIX в.) и московской (1808) библиотеках Юсупова см.: *Боленко К.Г.* Библиотека Н.Б. Юсупова: между личной коллекцией и общественным собранием (в печати).

² Впервые: *Дружинина Е.В.* Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском (Из истории книг, посвящённых театру) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 320–321.

³ Соответственно, инв. № РК-11333–11335, 11336.

⁴ *Иванова В.И.* Другой Юсупов. Князь Н.Б. Юсупов и его владения на рубеже XVIII–XIX столетий: Исторический очерк. М., 2011. С. 40.

⁵ Номера в разделе «Российские книги» – соответственно, 749–751 и 130.

⁶ *Иванова В.И.* Указ. соч. С. 94.

⁷ *Боленко К.Г.* Указ. соч.

⁸ *Миллюков А.П.* Доброе старое время (Очерки былого). СПб., 1872. С. 182.

⁹ *Le Coite de Laveaux G.* Guide du voyageur à Moscou... М., 1824. P. 277/

¹⁰ *Le Coite de Laveaux G.* Arkhangelskoye // Bulletin du Nord. М., 1828. Cahier 3. P. 285–286.

¹¹ *Le Coite de Laveaux G.* Description de Moscou contenant tout ce que cette capitale offre de curieux et d'interessant. М., 1835. P. 276 (пер. Н.Т. Унаняц и наш. – К.Б.).

¹² *Le Coite de Laveaux G.* 1) Arkhangelskoye. P. 286; 2) Description de Moscou... М., 1835. P. 285.

¹³ *Schnitzler J.-H.* La Russie, la Pologne et la Finlande. Tableau statistique, géographique et historique De toutes les parties de la Monarchie Russe prises isolément. Paris, 1835. P. 92.

¹⁴ Государственный музей-усадьба «Архангельское». Инв. № АГЮ-81. Л. 1.

АНТРЕПРЕНЁР ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ ДЖ. АСТАРИТА В ПЕТЕРБУРГЕ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

М.П. Пряшникова
кандидат искусствоведения
г. Москва

Деятельность итальянского композитора и антрепренёра Дженнаро Астариты (1745–1805) в Петербурге проходила на рубеже XVIII–XIX в. Композитор неаполитанской школы, он был довольно известен в Европе. Его деятельность началась в 1770 г. на посту капельмейстера Неаполитанской оперы. Свою первую оперу он поставил в Неаполе в 1765 г., а в 1770 г. – три новых оперы. Начиная с этого времени он ежегодно писал и ставил в разных театрах по 2–3 оперы ежегодно. Всего он написал более 40 опер (в основном комических), а также балет и ряд произведений в других жанрах. Его произведения шли в лучших театрах Венеции, Флоренции, Турина, ряда европейских столиц, ставились и в России. Известно, что в 1779 г. после смерти композитора Т. Траэтты ему было поручено завершение неоконченной оперы этого композитора, которая была поставлена в том же году в Венеции.

В 1780-х гг., выбирая для себя место службы, Дж. Астарита обратил внимание на Петербург, где с давних времён существовала императорская итальянская придворная труппа, деятельность которой достаточно щедро оплачивалась. Композитор впервые приехал в Россию в 1784 г., после скоростного отъезда из Петербурга знаменитого Джованни Паизиелло, надеясь занять ставшее вакантным место придворного капельмейстера. Этого назначения он не получил, предпочтение было отдано не менее известному по всей Европе итальянцу Джузеппе Сарти (1729–1802). Петербург к тому времени уже был знаком с творчеством обоих авторов, так как их оперы уже ставились итальянской придворной труппой, на основании чего и был сделан выбор.

Не получив места в придворном театре, Дж. Астарита не уехал из России. Он был приглашён в Москву, в Петровский театр, возглав-

ляемый М. Медоксом, в качестве капельмейстера, где в январе 1785 г. знаменитый балетмейстер Ф. Морелли поставил балет с музыкой Дж. Астаритты «*La Vengeance de Cupidon...*» («Отмщённый Купидон»). Это время было не слишком удачным для владельца театра М. Медокса, и Дж. Астарита был вынужден вскоре покинуть Москву. По-видимому, он снова пытался занять место капельмейстера при дворе, даже специально сочинил новую оперу «*I Capricci in amore*» («Причуды любви»), сведений о постановке которой в Петербурге не сохранилось. Это ему в очередной раз не удалось: в 1787 г. на место придворного капельмейстера был приглашён всемирно известный Доменико Чимароза.

Дж. Астарита не терял надежды, и в январе 1789 г. в Петербурге состоялся концерт из его произведений в Аничковом дворце, с участием итальянских придворных певцов и музыкантов под его управлением. Летом того же года в Петербургском деревянном театре была поставлена опера на русское либретто Я.Б. Княжнина «Притворно сумасшедшая» (на титульном листе партитуры, сохранившейся в Петербурге, заглавие написано по-итальянски: «*La Finta foletta*»), с музыкой Дж. Астариты, написанной без учёта русской специфики, в типично неаполитанском стиле.

К сожалению, желаемого контракта так и не последовало, и композитор уехал на несколько лет в Италию. В 1791 г. ему удалось поставить свою оперу «*I Capricci in amore*», написанную для Петербурга, в венецианском театре, однако он продолжал стремиться в Россию. В 1795 г. его усилия увенчались успехом. Дж. Астарите было поручено, как комиссионеру российского императорского двора, набрать итальянскую оперную труппу из лучших певцов и привезти её в Петербург, взяв на себя роль антрепренёра, композитора и, как сказали бы сейчас, музыкального руководителя этого коллектива.

Состав труппы, сформированный Дж. Астаритой, оказался очень качественным. Ему удалось пригласить таких звёзд, как примадонна Тереза Сапорити (1763–1869), первая исполнительница роли Донны Анны в моцартовском «Дон Жуане». Был заключён контракт со Стефано Мандини (бас-буфф, 1750? – после 1810) и его братом Паоло Мандини (тенор, 1757–1842), блиставших в итальянских театрах Европы, и особенно в Вене, в операх В.А. Моцарта, Дж. Паизиелло, Д. Чимарозы и целом ряде других. По своему составу

это была одна из лучших итальянских трупп в Европе того времени, а её выступления в Петербурге надолго запомнились поклонникам этого жанра в российской столице.

Привезённая Дж. Астаритой труппа на протяжении почти десяти лет услаждала слух петербургских меломанов и немало способствовала воспитанию достаточно широкого круга любителей высокого оперного искусства. Дирекцией императорских театров в это время руководил образованнейший европеец, страстный итальяноман Николай Борисович Юсупов (1751–1831). Приступив к своим обязанностям в 1791 г., князь с большим знанием дела подходил к подбору трупп, определял основные параметры заключаемых контрактов. Особенностью подхода Николая Борисовича к организации работы итальянских музыкантов стало то, что антрепризы были, с одной стороны, придворными, но с другой стороны – частными. Так, согласно контракту, привезённая труппа находилась на содержании Дж. Астариты, и за финансовую сторону её работы нёс ответственность антрепренёр. С другой стороны, Дирекция императорских театров предоставляла для работы итальянцев музыкантов придворного оркестра с капельмейстером Ф. Антонолини, декорации и костюмы, рабочих сцены. Это, безусловно, способствовало созданию стабильно высокого уровня итальянских оперных постановок, так как антрепренёр на свои средства не смог бы обеспечить работу большого и квалифицированного оркестра, хора, качественного декоративного оформления. В результате несколько поколений петербургской публики приобщились к высокому оперному искусству, и круг его почитателей не ограничивался придворной аудиторией, в него вошли также широкие слои городской интеллигенции, чиновничества и даже разночинцев¹.

Контракт с Дж. Астаритой, заключённый Дирекцией императорских театров, обнаружен в Российском государственном архиве (Санкт-Петербург) авторами энциклопедии «Музыкальный Петербург. XVIII век»². Из найденного документа следует, что это уже второй контракт. Первый, пока ещё не обнаруженный, был составлен 1 сентября 1795 г. Второй контракт был подписан в июле 1796 г. Согласно ему, антрепренёр должен был содержать труппу певцов на свои средства. Оркестр, декорации, костюмы, обслуживающий персонал были казёнными и поставлялись Дирекцией императорских

театров. Постановки опер-серия, более сложные и дорогостоящие, чем оперы-буфф, включали расходы Дирекции на балет и приглашение первого солиста-кастрата. Контракт также включал пункт, по которому оперные певцы будут использоваться для участия в концертах и придворных мероприятиях в Петербурге и пригородных резиденциях. Находясь на содержании антрепренера, певцы в то же время носили звание придворных, то есть их статус повышался.

Доходы Дж. Астариты как антрепренёра состояли из перспективных поступлений и абонементной платы держателей лож. В контракте четко оговаривалось количество ежегодных спектаклей и количество премьер – отдельно опер-серия и опер-буфф. Дирекция получала сбор от строго оговоренного количества спектаклей в свою пользу, а основную часть доходов забирал себе антрепренёр на содержание артистов.

Во время работы в Архиве внешней политики Российской империи нами было обнаружено дело «О требовании капельмейстера италианской труппы Астарита на театральную дирекцию и о жаловании певца Альберторелли»³. Дело довольно большое по объёму, оно содержит переписку по вопросу о денежном конфликте между руководителем труппы Дж. Астаритой, несколькими певцами его труппы и дирекцией императорских театров. К разрешению конфликта оказались привлечены прошлые и нынешние руководители дирекции императорских театров, неаполитанский посол А. Серра-Каприола, к которому, вероятно, обращались за помощью итальянские певцы. Герцог Антонио де Мареска де Серра-Каприола (1750–1822) был довольно влиятельным лицом в Петербурге, будучи женат на дочери генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского. Должность посланника в российской столице он занимал с 1783 г. по 1807 г., и, несомненно, был частью высшего петербургского общества.

Первый документ в деле – это жалоба Дж. Астариты. По видимому, текст прошения был составлен им в 1802 г. на итальянском языке, а затем для прохождения дела по инстанциям был написан другой документ, излагающий историю вопроса на русском языке. В нём текст написан от имени неназванного лица, и Астарита упоминается как одно из действующих лиц конфликта.

В документе указано, что Дж. Астарита заключил с Н.Б. Юсуповым два контракта, «для исполнения коих содержал он две италиан-

ские труппы для представления серьезных и комических опер»⁴. Как видим, было действительно два контракта, даты которых не указаны, о чём и было сказано в статье, помещённой в энциклопедии «Музыкальный Петербург». Второй из них, как оказалось, был составлен не для того, чтобы продолжить работу труппы на старых условиях, а в связи с тем, что Николай Борисович хотел, специально оговорить условия работы труппы с операми-серия.

Деятельность итальянской оперной труппы в 1795–1798 гг. отличалась прекрасным подбором репертуара и очень высоким исполнительским уровнем. Не случайно, что петербургский издатель Б.Т. Брайткопф в эти годы выпускал уникальное для того времени издание – нотный журнал на итальянском языке, по 24 номера в год, с прибавлением к нему уведомления и систематических указателей произведений и росписи вышедших тетрадей. Его название очень точно отражает особенности положения этой труппы в Петербурге: «Giornale musicale del teatro italiano di St-Pietroburgo, o scelta d'arie, duetti, terzetti, overturi etc. delle opere buffe, rappresentate sul Teatro imperiale de St-Pietroburgo nell'anno 1796, e sequenti, dati in luce ed accomodati d'un cembalo solo da Bernardo Theodoro Breitkopf, dilletante...»⁵. В названии журнала отражены особенности существования этой итальянской труппы: она не названа императорской (то есть является частной антрепризой), но выступает на сцене императорского театра. Благодаря этому изданию, полностью дошедшему до наших дней, мы сейчас можем восстановить список наиболее популярных опер и имена главных исполнителей, которые неизменно упоминаются перед каждой арией или ансамблем.

Издание журнала – очень дорогое мероприятие, поэтому составитель включал только самые любимыишиеся публике отрывки из опер – сцены и арии, каватины, дуэты, терцеты, квинтет и даже увертюры. В числе опер, шедших в первый год работы театра, опубликованы отрывки из оперы Ф. Бианки «La villanella garita» («Похищенная крестьянка»), включая сочинённые для этой оперы другими композиторами вставные номера, созданные Л. Керубини, В.А. Моцартом, П. фон Винтером и др.; «Cosi fan tutte» («Все они таковы») и «Le nozze di Figaro» («Свадьба Фигаро») В.А. Моцарта; «La pastorella nobile» («Благородная пастушка») и «La lanterna di Diogene» («Фонарь Диогена») П. Гульельми; «Il barbiere di Sevi-

glia» («Севильский цирюльник»), «La molinara» («Мельничиха»), «I zingari in fiera» («Цыгане на ярмарке»), «Gli shiavi per amore» («Рабы любви») Дж. Паизиелло; «L'Italiana in Londra» («Итальянка в Лондоне»), «Il matrimonio segreto» (**«Тайный брак»**) и «La ballerina amante» («Влюблённая балерина») Д. Чимарозы; «Gli amanti consolati» («Утешенные любовники») Дж. Сарти; «Il burbero di buon core» («Благодетельный грубиян») В. Мартин-и-Солера; «Ринальдо д'Аст» самого Дж. Астариты. Из числа опер-серии имеется только «Didone abbandonata» («Покинутая Дидона») Дж. Паизиелло и «La clemenza di Tito» («Титово милосердие») В.А. Моцарта. Повторюсь: это были не все идущие в театре оперы, а лишь наиболее любимые публикой. Всего же, по подсчётам, сделанным автором статьи о труппе Дж. Астариты в энциклопедии «Музыкальный Петербург», в репертуаре труппы с 1795 по 1800 г. было около 40 названий опер. Пользующиеся особой любовью публики спектакли итальянцев переводились на русский язык и шли в исполнении русской оперной труппы. Это, например, сочинённые ещё в Вене в 1780-х гг. оперы В. Мартин-и-Солера «Редкая вещь» («Una Cosa rara») и «Диянино дерево» («L'Arbore di Diana»), **исполнявшиеся еще прежней итальянской оперной труппой**; а из репертуара театра Дж. Астариты были переведены «Трубочист-князь» («Lo Spazzocamino principe») М.А. Портогалло, «Ринальдо д'Аст» («Rinaldo d'Ast») Дж. Астариты, «Цыгане на ярмарке» («Gli Zingari in fiera») Дж. Паизиелло.

В журнале Б.Т. Брайткопфа упомянуты основные солисты труппы Дж. Астариты: уже упоминавшиеся Стефано и Паоло Мандини, Санти Ненчини (бас-буфф), Никколини, Алиппи, Анжело Тестори (сопранист, кастрат); певицы Тереза Сапорити, Джулия Гаспарини (сопрано), Тереза Мачурлетти (сопрано), Камилла Бальони (сопрано). К сожалению, в последние годы издания журнала имена исполнительниц упоминались не всегда. Имена ещё нескольких певцов труппы Дж. Астариты стали известны благодаря обнаруженному в АВПРИ документу. Это «жалобщики», требовавшие дополнительной оплаты от антрепренёра: певцы Альберторелли и Бертини, а также певица-буфф М. Карани.

Обязанности Дж. Астариты не ограничивались только театром. В распоряжении Н.Б. Юсупова от 5 июля 1796 г. указано: «препоручить театрального воспитанника Прокофия Максимова для обу-

чения пению содержателю итальянской труппы Астарите», хотя он не числился в преподавателях Театральной школы⁶.

Если принять во внимание, что второй контракт, хранящийся в Российском государственном архиве, был заключён летом 1796 г., незадолго до смерти императрицы и вступления на престол Павла Петровича, изменившего столь многое в придворной жизни, то понятно, что целый ряд положений контракта так и не получил воплощения. Тем не менее, в 1796 г. Дж. Астарита успел принять в труппу новых певцов, исполнителей главных партий для постановок опер-сериа – сопрано Терезу Мачурлетти и сопраниста (кастрата) Анджело Тестори.

Павел I рассматривал придворную итальянскую оперу (прежде всего серьёзную) как неперемный атрибут величия двора, и намерен был отмечать главные государственные события постановками итальянских опер-сериа. Поэтому во время коронации, проходившей в 1797 г. в Москве, туда прибыли лучшие силы антрепризы Астариты. Документы «Архива дирекции императорских театров» подтверждают пребывание в Москве во время коронации певиц Терезы Мачурлетти (по документам – Мажиорлетти) и Джулии Гаспарини, певцов Паоло и Стефано Мандини. Сохранились их расписки в получении денег за поездку в Москву и участие в спектаклях «Утешенные любовники» («*Gli Amanti consolati*») Дж. Сарти, «Дидона» («*Didone abbandonata*») Дж. Паизиелло, «Итальянка в Лондоне» («*L'Italiana in Londra*») Д. Чимарозы.

При новом императоре акценты в театральной политике были кардинально смещены: Павел I отдавал явное предпочтение не итальянской, а французской комической опере; поэтому французская оперная труппа была усилена. Итальянская, хотя была сохранена и даже стала с 1799 г. называться императорской придворной, была сокращена – не только состав труппы, но и расходы на неё.

По-видимому, Дж. Астарита в 1799 г. отошёл от руководства труппой, но остался в ней как капельмейстер. В 1797 г. из Италии приехал Катарино Кавос, с 1 сентября 1798 г. занявший место капельмейстера императорских театров. С итальянской труппой он стал работать с 1 апреля 1799 г., по-видимому, вторым дирижёром, вместе с Дж. Астаритой. О том, что последний числился капельмейстером итальянской придворной труппы, свидетельствует текст

документа, сохранившегося в АВПРИ. В письме А.Л. Нарышкина 1802 г. говорится «об удовлетворении требования находящегося при театральной дирекции капельмейстера Астариты»⁷.

Руководителем итальянской труппы в конце 1799 г. назван либреттист Ф. Моретти, давно и плодотворно творивший в Петербурге в качестве поэта – сочинителя текстов к произведениям композиторов-итальянцев, работавших в русской столице, а в качестве инспектора при нём состоял бывший танцор придворной труппы, а затем многих годы смотритель Каменного театра А. Казасси. В 1800 г. инспектором итальянской труппы был назначен композитор, работавший в России ещё с 1788 г. (с перерывами) В. Мартини-Солер. В том же 1799 г. режиссёром итальянской труппы назначен певец Санти Ненчини с дополнительным гонораром за эту работу 1000 рублей в год⁸.

Переведение итальянской труппы в состав придворной имело самые печальные последствия для прежнего её антрепренёра Дженнаро Астариты. Переход артистов в штат дирекции императорских театров означал прерывание их контрактов с прежним антрепренёром, что означало необходимость для него выплачивать всем неустойку и оплату дорожных расходов для возвращения «в отечество своё».

Как сказано далее во вновь найденном документе, «в 1799 году Его императорского величества Павел I указать изволил Г-ну Оберкаммергеру Нарышкину, бывшему Гоф-маршалу и директору театральных зрелищ, написать ко мне следующее:

Копия

Ордер Г-ну Астарита

Государь император указал мне объяснить вам, что Его величество не соблагволив оставить италианскую труппу на прежнем основании с бывшею дирекциею, оставляет некоторых из вашей труппы, а протчих отставляя, в знак своего монаршаго милосердия всемилостивейшее им пожалует невеликое вознаграждение.

В С:Петербурб: апреля 3 дня 1799.

Подписано в оригинале А. Нарышкин»⁹.

Таким образом, итальянская труппа продолжила свои спектакли, перейдя в штат дирекции императорских театров, однако состав труппы был уменьшен – отставлены певцы и певицы Альберторелли,

Балиони (секонда донна К. Бальони), Бертини, Сапорита (Т. Сапорити) и Кирони (певица-буфф М. Карани), для выплаты которым Дирекция выделила 20000 рублей. Наиболее крупной потерей для труппы была, несомненно, Тереза Сапорити, певшая почти во всём репертуаре. Она была вскоре восстановлена в составе труппы. Кроме того, она была не только певицей, но и композитором, автором многих итальянских романсов, сборник которых был ею даже издан с посвящением великой княгине Елизавете Алексеевне.

В марте 1799 г. в газетах было опубликовано распоряжение дирекции императорских театров, согласно которому итальянские певцы во время Великого поста должны были участвовать в концертах, исполняя сольные партии в ораториях. Дирижёром в этих концертах был назначен Дж. Астарита. Как уже говорилось, его труппа перешла в ведение Дирекции императорских театров, и он остался только капельмейстером. На этом посту он пробыл, по-видимому, до своего отъезда из России в 1803 г. В «Архиве дирекции императорских театров» не сохранилось сведений о выплате ему каких-либо сумм за этот период.

С весны 1799 г. итальянская труппа, хотя и стала придворной, всё же потеряла своё привилегированное положение, на первое место выдвинулась французская придворная труппа. Оставшиеся актёры начали использовать свои связи при дворе, в надежде получить от антрепрёнера дополнительную плату. Певцы Альберторелли, Тестори, Пиццолли и капельмейстер К. Кавос, к тому времени получавшие жалованье уже из казны, как служащие императорских театров, обратились к А. Серра-Каприола (посланнику Неаполитанского королевства в Петербурге), чтобы он поговорил с бывшим генерал-губернатором графом П.А. Паленом и директором императорских театров А.Л. Нарышкиным, надеясь получить плату в соответствии со старым контрактом, заключённым с Дж. Астаритой. В результате последнему пришлось заплатить и им, хотя они оставшиеся полтора года работы по старому контракту получали плату в Дирекции императорских театров.

В июне того же 1799 г. Дж. Астарита, как он утверждает, был вызван к петербургскому полицмейстеру Невельскому, который взял с него расписку в получении этих 20 000 рублей. В расписке содержался пункт, утверждающий, что этих денег ему достаточно для

удовлетворения увольняемых актёров, и он не будет ничего требовать от Дирекции дополнительно. Как сказано в найденном прошении, это «распоряжение было начало всех несчастий», постигнувших после того Г. Астарита. Вышеупомянутые 20 000 остались в полиции, и его Превосходительство Г. Директор объявил отставленным актёрам, что они имеют деньги получить от Г. Астарита»¹⁰.

Не получившие денег актёры обратились в полицию, приложив к прошению свои контракты, по которым их работа в России заканчивалась только через два года, с требованием выплатить деньги за весь срок и за дорогу на родину, как было записано в контракте. Дж. Астарита дело проиграл и был вынужден заплатить актёрам 31 500 рублей. 20 000 рублей были выданы через полицию, а ему пришлось добавить ещё 11 500 рублей из своего кармана, которые он, как утверждает, «добыл с великими трудами».

Как сказано в документе, «вместо награждения за свою ревность к службе Его императорскому величеству, принуждён был Дж. Астарита заплатить означенные 11 500, отчего и происходит его разорение»¹¹.

Оказавшись без денег, с непонятным собственным контрактом, где не были оговорены условия прерывания его прежних обязательств перед актёрами, Дж. Астарита попытался получить с дирекции хоты бы те деньги, которые он тратил на содержание прежней труппы, когда она была ещё его собственной. Положение усложнялось тем, что дважды сменилось руководство императорскими театрами. Ещё при князе Н.Б. Юсупове по его приказанию Дж. Астарита проводил какие-то ремонтные работы в театре за 1550 рублей, снимал для актёров квартиры и покупал для них дрова и мебель, оплачивал копирование партитуры оперы «Томира» («*Tomira*») П.А. Гульельми (поставлена итальянской труппой в 1800 г.) – всего на сумму 7 500 рублей, которые он просил дирекцию ему вернуть.

Проводя расследование по этому вопросу, глава ведомства в 1802 г. князь Александр Борисович Куракин обратился к Н.Б. Юсупову, который в своём обстоятельном письме подтвердил: «Касательно поправки театра, то она была во время управления моего в 1798-м году, и театральная дирекция делала её с согласия упомянутого Астарита и общею как его, так и дирекции суммою для распространения партера и умножения лож, дабы через то не токмо

сбор дохода увеличить и возратить употреблённые издержки, но и, напротив, удобнее бы пользоваться лучшим доходом; почему, если бы контракты Астарита оставались далее в своей силе, то удовлетворялись бы совершенно и его издержки»¹².

Под давлением со стороны своих актёров, поддержанных директором А.Л. Нарышкиным, Дж. Астарита заплатил даже оставшимся в штате императорских театров актёру Пиццолли, капельмейстеру Кавосу и сопранисту Анджело Тестори. В особую статью была выделена тяжба по оплате певца Альберторелли. Астарита заплатил ему 5 300 рублей «за то, что оный Альберторелли по его контракту обязан был ему служить три года, но как был он в числе отставленных, то и требовал от Астарита полной платёж за все три года, да ещё 300 руб. на дорогу; после же сего его превосх: Г. Директор велел продолжать ему служить и за то также получил жалованье от Дирекции, и таким образом по оному контракту получил он двойной платёж. Следовательно, должен Альберторелли возратить ему, Астарита, за один год жалованье, ибо ни под каким видом не следует ему получать двойное жалованье»¹³.

Дж. Астарите удалось также найти поддержку А. Серра-Каприолы, благодаря посланию которого А.Л. Нарышкин обратился к ставшему в 1802 г. заведующим труппами императорских театров поэту Аполлону Александровичу Майкову (1761–1838), чтобы тот собрал необходимые документы – контракты, расходные книги и другие касающиеся до этого дела бумаги, находящиеся в дирекции – и сделал на их основании обоснование права Астариты на выплаты ему из казны понесённых расходов: «По домогательству неаполитанского посланника дюка Серра-Каприола об удовлетворении требования находящегося при театральной дирекции капельмейстера Астариты нужны мне касающиеся до сего дела сведения, дабы на основании оных был я в состоянии сделать надлежащий по сему обстоятельству отзыв помянутому посланнику»¹⁴.

Дело, начавшееся в 1799 г., пришло к завершению лишь в 1803 г. Театральный историк конца XIX в. С.В. Танеев в своей книге по истории императорских театров привёл текст из указа 1803 г., где было сказано: «...рассматривая претензии прежнего содержателя италиянской труппы Астариты, нашли мы, что ему недодано по разным с ним расчётам 10000 рублей». По решению

театральной дирекции они были выданы ему из Кабинета¹⁵. После этого Дж. Астарита в 1803 г. покинул Петербург.

Примечания

¹ Вспомним, например, роман Ф.М. Достоевского «Белые ночи», герои которого, владелица маленького домика с мезонином и её внучка по приглашению снимающего у них комнату жильца отправляются на «Севильского цирюльника» Россини, а затем посещают итальянскую оперу ещё несколько раз. Весьма консервативно настроенная бабушка с удовольствием принимает это приглашение, так как сама в молодые годы постоянно посещала итальянскую оперу и много раз слушала хорошо ей знакомого «Севильского цирюльника». Её молодость, как можно подсчитать, приходилась как раз на годы выступлений в Петербурге певцов труппы Астариты.

² Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь. Т. 1. XVIII век. Кн. 1. СПб., 1996. С. 68.

³ АВПРИ. Ф. 1. Административные дела. Оп. II–6. 1802. Д. 52.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Музыкальный журнал итальянского театра в Петербурге, содержащий избранные арии, дуэты, терцеты, увертюры и т.п. из опер-буфф, представленных в императорском театре Санкт-Петербурга в 1796 г. и последующие, увидевшие свет и переложенные для чембало соло Б.Т. Брайткопфом, дилетантом...

⁶ Архив дирекции императорских театров. Вып. 1. Отдел II. СПб., 1892. С. 460.

⁷ АВПРИ. Ф. 1. Оп. II–6. 1802. Д. 52. Л. 8.

⁸ АДТИ. Вып. 1. Отдел III. С. 65.

⁹ АВПРИ. Ф. 1. Оп. II–6. 1802. Д. 52. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 2 об.

¹¹ Там же. Л. 2 об.–3.

¹² Там же. Л. 6–6 об.

¹³ Там же. Л. 3 об.–4.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ *Танеев С.В.* Из прошлого Императорских театров. СПб., 1885. Вып. 1. С. 18–19.

«СОТВОРЕНИЕ МИРА» В ПЕТЕРБУРГЕ: Й. ГАЙДН – А. ЭБЕРЛЬ – Л.-В. ТЕППЕР ДЕ ФЕРГЮСОН

О.А. Байрд (Яценко)

г. Бирмингем

(Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии)

Обстоятельства создания Филармонического общества в Петербурге известны в основном из труда скрипача и музыкального педагога Евгения Карловича Альбрехта (1844–1894) «Общий обзор деятельности Санкт-Петербургского Филармонического Общества», опубликованного в Петербурге в 1884 г.: «В ноябре 1801 года несколько камер-музыкантов придворного театрального оркестра и несколько любителей серьёзной музыки собирались по временам у придворного банкира барона Раля. На одном из таких вечеров начался разговор о последних сочинениях Й. Гайдна и В.А. Моцарта. Виолончелист Бахман прочёл присутствовавшим несколько писем, полученных им из Вены, с описанием того блестящего успеха, который имел Й. Гайдн при исполнении им своей оратории “Сотворение мира”. Вслед за этим был возбуждён вопрос, почему бы и в Петербурге не исполнить ту же ораторию с тою же благотворительной целью. Новая мысль была так горячо принята к сердцу кружком поклонников искусства, что осуществление её было немедленно обеспечено предложением посильного содействия со стороны всех присутствовавших, начиная с барона Раля, пользовавшегося своим исключительным положением, кончая коллежским ассессором Аделунгом»¹.

Видимо, на основании этого фрагмента часто делается вывод, что открытие Филармонического общества в 1802 г. **было ознаменовано** первым петербургским исполнением знаменитой оратории Й. Гайдна², однако это неверно³. Известие о **венских премьерax** «Сотворения мира» в апреле 1798 г. и марте 1799 г.⁴ распространились быстро. Сообщение о следующем венском исполнении оратории в декабре 1799 г. появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях»

в начале 1800 г., задолго до получения писем Бахманом⁵. Разумеется, знали в Петербурге и об исполнении «Сотворения мира» 9 марта 1800 г. в Офене (Будапешт), во дворце эрцгерцога Иосифа-Антоня, Палатина Венгерского. Концерт знаменовал собой день рождения эрцгерцога, а **ораторией дирижировал сам Й. Гайдн, которого пригласила юная супруга эрцгерцога, великая княжна Александра Павловна.**

Петербургские музыкальные круги откликнулись на эти события примерно за год до даты, обозначенной Е.К. Альбрехтом: 18 декабря 1800 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщила о предстоящем исполнении «духовного вокального и инструментального концерта, никогда ещё здесь не исполнявшегося, под названием “Сотворение”, сочинение господина Гайдна». Петербургская премьера «Сотворения мира» под управлением Антона Калливоды (?–1814), директора музыки Немецкого театра, состоялась в Каменном театре 19 января 1801 г.⁶ 12 октября 1801 г. «Сотворение мира» под управлением ученика Й. Гайдна, Иоганна Денглера, было исполнено в Москве⁷.

8, 15 и 28 декабря 1801 г. в Петербурге состоялись ещё три исполнения оратории под управлением венского композитора и исполнителя Антона Эберля (1765–1807)⁸, хорошо известного жителям столицы: он жил здесь с 1796 г. по 1799 г., и в 1801 г. приехал в Петербург во второй раз. Доход от первых двух концертов шёл в пользу вдов и семей покойных музыкантов, а третий концерт был бенефисом самого А. Эберля.

20 декабря 1801 оркестром опять дирижировал Антон Калливода, причём либретто исполнялось уже не на немецком языке (который показался русским слушателям неподходящим для пения), а в итальянском переводе графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811) и графа Юрия Виельгорского (1753–1807), а тромбоны были заменены роговым оркестром⁹. В том же 1801 г. немецкий текст либретто был переведён на русский язык Н.М. Карамзиным. То есть в течение 1801 г., ещё до создания Филармонического общества, «Сотворение мира» под управлением двух разных дирижёров можно было услышать в Петербурге не меньше пяти раз.

Формальное создание Филармонического общества действительно было ознаменовано исполнением оратории Й. Гайдна

24 и 31 марта 1802 г. Именно об одном из этих концертов и вспоминал годы спустя Фридрих фон Шуберт, офицер русской армии и зять банкира Александра Ралля: «Едва Гайдн сочинил своё несравненное “Сотворение мира”, как все петербургские любители музыки объединились, чтобы основать филармоническое общество в пользу вдов и сирот музыкантов, которое всё ещё существует. Представление полностью удалось, и никогда ещё не было в Петербурге такого музыкального торжества, в котором приняли участие и профессиональные музыканты, и любители, и Теплов со своей капеллой¹⁰. Среди исполнителей можно было увидеть лиц всех рангов – офицеров в их униформах, старого графа Строганова в голубой ленте, барона Ралля, Теплова¹¹ и других; все пунктуально участвовали в репетициях, которых было немало, и все они были очень длинными и трудными; а старый капельмейстер Парис¹² с красным лицом и напудренной головой сурово дирижировал оркестром, состоящим из трёхсот человек. Хоры были исполнены императорской придворной капеллой, которая под руководством Бортиянского достигла высочайшей степени совершенства»¹³.

Среди имён музыкантов и покровителей музыки, принимавших участие в ранних исполнениях «Сотворения мира» и стоявших у основания Филармонического общества иногда называется и имя Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона (1768–1838) – музыканта и композитора, достаточно хорошо известного в музыковедении и пушкинистике: в 1816–1819 гг. он преподавал хоровое пение в Императорском Царскомсельском лицее и написал музыку к «Прощальной песне» воспитанников первого курса. Он состоял членом Филармонического общества с момента его основания в 1802 г. до 1816 г., когда он переехал из Петербурга в Царское Село. Кроме того, встречается утверждение, что при исполнении «Сотворения мира» Л.-В. Теппер дирижировал хорами.

Недавно вышли в свет доселе совершенно неизвестные собственноручные мемуары Людвиг-Вильгельма Теппера де Фергюсона. Среди прочего, они проясняют степень его знакомства с музыкальной жизнью Вены и его отношение к Й. Гайдну, его положение в петербургских аристократических и музыкальных кругах и связи с основателями Филармонического общества. К сожалению, сам Л.-В. Теппер не упоминает о своём участии в петербургских ис-

полнениях оратории Й. Гайдна, но существует ряд дополнительных источников, которые вкупе с мемуарами позволяют прояснить общую картину и точнее установить роль Л.-В. Теппера в исполнении композиций Й. Гайдна и в других концертах Филармонического общества.

Мемуары Л.-В. Теппера в очень значительной степени меняют наше представление о венском периоде его жизни. До сих пор на основании статей в ранних музыкальных словарях, считалось, что Л.-В. Теппер, сын влиятельного и богатейшего польского банкира, провёл в Вене восемь лет, где учился музыке у Иоганна-Георга Альбрехтсбергера и встречал В.А. Моцарта, Й. Гайдна и Л. ван Бетховена. Из мемуаров мы видим, что Л.-В. Теппер побывал в Вене летом 1789 г. и летом 1793 гг., но эти приезды отнюдь не были связаны с изучением музыки. В ноябре 1793 г. в Вену приехал уже не богатый и беспечный юноша, а обнищавший сын разорившегося банкира. Он провёл в Вене не восемь лет, а меньше трёх, и навсегда уехал в августе 1796 г. Принимая самое активное участие в музыкальной жизни Вены, он в то же время жил на грани нищеты, полагаясь на великодушие и щедрость польских патронов. Он пытался зарабатывать на хлеб секретарской службой, и только потеряв всякую надежду на успех на этом поприще, обратился к музыке. У него не было средств платить учителям, поэтому он учился композиторскому мастерству, просматривая партитуры великих мастеров и слушая Антонио Картеллиери (1772–1807), повторявшего уроки, полученные от И.-Г. Альбрехтсбергера.

Л.-В. Теппер никогда не встречал В.А. Моцарта, хотя представление «Волшебной флейты» в Вене в июле 1792 г. стало одним из самых сильных музыкальных впечатлений его юности. Он действительно был знаком с Л. ван Бетховеном, а визит к Й. Гайдну летом 1789 г. явно был предметом его гордости.

«Три недели мы провели в Вене, которая понравилась мне настолько, что понадобилось огромное усилие, чтобы всё же отказаться от дальнейших радостей и решиться расстаться с ней. Я совершил путешествие в Эстергази в Венгрии, чтобы увидеть Иосифа Гайдна, который был приглашён туда князем того же имени, дедом нынешнего¹⁴. Этот князь жил как великий магнат, имел свой небольшой двор, очень хороший театр и собрал вокруг себя всё, что только могло

доставить ему его богатство для изучения и удовольствия. Если приезжал иностранец, он сразу посылал ему экипаж для осмотра его садов и билеты в театр.

В тот же самый вечер я отправился к Гайдну и сразу узнал его по многочисленным портретам, которые я видел раньше. Я обратился к нему, сказав, что я энтузиаст-любитель и поклонник его сочинений и специально приехал, чтобы лично узнать его. Он пришёл поужинать со мной; **на следующее утро карета герцога сопровождала нас на нашей прогулке**: Гайдн показал мне детали сада, потом он пообедал со мной, и я вернулся в Вену.

Он коротко рассказал мне свою историю, которая содержала любопытные детали. Когда я **сказал ему, что я думаю о его сочинениях** и о том, какой энтузиазм они вызывают повсюду, он ответил: «Ах, молодой человек! В Вене есть некто, кто победит всех нас, потому что он универсальный гений, а я – **только ребёнок по сравнению с ним**». Он говорил о Моцарте. Он был ещё жив в ту эпоху, но я не имел удовольствия видеть его, потому что он был в отъезде. Говорили, что он очень уважал Гайдна и считал его своим учителем в композиции»¹⁵.

Нет сомнения в том, что это была отнюдь не единственная встреча Л.-В. Теппера с Й. Гайдном. Во время последнего пребывания в Вене он стал свидетелем возвращения знаменитого композитора из Англии 20 августа 1795 г. **Й. Гайдна принимал князь Карл Лихновский** (1761–1814), покровитель В.А. Моцарта и Л. ван Бетховена. Л.-В. Теппер хорошо знал К. Лихновского и часто бывал в его доме. Был Л.-В. Теппер и постоянным посетителем барона Готтфрида ван Свитена (1733–1803), который станет автором немецкого либретто «Сотворения мира».

Л.-В. Теппер появился в России осенью 1797 г. Он не хотел ехать в эту страну, видя в ней виновницу несчастий своей родины, но **сразу по приезде в Петербург он был гостеприимно принят в петербургских аристократических, деловых и финансовых кругах**, где имя варшавского банкирского дома Тепперов было очень хорошо известно: «Гостеприимство, которым всегда отличался Петербург, показало себя в полной мере. Почти везде меня встречал накрытый стол, что было большой переменной от положения, когда я не знал, что принесет день, только надеясь на какие-нибудь приглашения.

Моё имя было известно в Петербурге лучше, чем где-либо ещё, из-за финансовых связей нашего дома с русским двором, которые были установлены ещё при императрице Анне. Этот интерес к **моей** персоне в сочетании с моим талантом принёс мне успех; и не прошло и месяца, как я стал известен так хорошо, что оказался вынужден выбирать знакомства, так как моего дня не хватало, чтобы посетить всех. Петербург большой город, и чтобы отдавать визиты, экипаж так же необходим, как и ноги. Ко мне проявляли такое внимание, что почти каждый день в часы обеда и ужина я видел перед своей дверью кареты, запряжённые четырьмя или даже шестью лошадьми»¹⁶.

Среди первых петербургских знакомых Л.-В. Теппера были люди, которые через несколько лет будут стоять у **основания Филармонического общества**: представляется, что именно в **доме придворного банкира Александра Ралля** жил Л.-В. Теппер на первых порах своего пребывания в Петербурге – его жене Елизавете, урождённой Мол(л)во, он посвятил свою «Grande Sonate pour le Fortepiano», ноты которой были опубликованы петербургской фирмой «Gerstenberg & Dittmar». Среди корреспондентов виолончелиста Даниэля Готтлиба Бахмана вполне могли быть венские приятели Л.-В. Теппера. Знал он в Вене и своего соотечественника, князя Михаила Виельгорского (1754–1807), брата Юрия Виельгорского, петербургского любителя музыки. Имя Фёдора (Фридриха) Павловича Аделунга было ему хорошо знакомо задолго до приезда в Петербург – зимой 1792–1793 гг. Л.-В. Теппер состоял при польской дипломатической миссии в Дрездене и не раз встречал дядю И.Ф. Аделунга, Иоганна-Кристофа (1732–1806), в **гостях у главы миссии, князя Адама Казимира Чарторижского**: «По душе мне были и все развлечения и удовольствия; а наряду с ними – моя служба и чудесное и поучительное общество князя Чарторижского. Этот аристократ много видел, много читал и имел поразительную память. Он говорил больше чем на двенадцати языках (понимал восемнадцать) и писал почти на всех; он любил искусства и изящную словесность; и он говорил о вещах с полным знанием фактов и всегда выказывал исключительный вкус. Всё, что он говорил, было остроумно и носило отпечаток неистощимой весёлости. Несколько раз в неделю за его столом собирались самые выдающиеся литераторы Дрездена, и он всегда удивлял и очаровывал их. Это там я познакомился со знаменитым Аделунгом»¹⁷, который

часто составлял ему компанию и с которым он особенно любил разговаривать»¹⁸.

Петербургский племянник Иоганна-Кристофа Аделунга, Фёдор Павлович Аделунг (1768–1843), был не только сверстником Л.-В. Теппера, но и имел коммерческие дела с Александром Раллем. В 1801–1802 гг. он был вторым директором Немецкого театра после Августа Коцебу. Нет сомнения в том, что он входил в тот круг учёных, где Л.-В. Теппер и его жена нашли своих друзей: «...В Петербурге он в большой степени состоит из немцев, и их количество хоть и ограничено, но все они достойные люди. Я создал несколько связей в их кругу, и так как склонности моей жены совпали с моими, у нас образовалось избранное общество. Материальное положение их семей, привычка к удобствам и честность согласовались с нашими взглядами. Кроме того, немецкий язык был знаком и мне, и моей жене. Разговоры – то весёлые, то серьёзные, но всегда оживлённые и интересные, наполняли наши вечера, которые заканчивались трапезой, на которой председательствовало веселье. Некоторые из таких вечеров давались по определённым дням недели; зимой они были более длинными, что делало их не столько приятными, сколько уютными, и мы никогда не могли выдержать их полностью. Это была та часть, которую мы не особенно любили, и я признаюсь, что мы находили их трудными. Но для меня они стали некой колыбелью дружбы, тем, что я искал»¹⁹.

Неудивительно, что, лично зная Й. Гайдна, хорошо помня венскую музыкальную жизнь, занимая пост придворного капельмейстера и находясь в близких отношениях с петербургскими музыкантами и покровителями музыки, Л.-В. Теппер не мог не принять участия в первых исполнениях «Сотворения мира», хотя его роль была не совсем такой, как её описывала современные наблюдатели.

В марте 1802 г. лейпцигская газета «Für die elegante Welt» напечатала репортаж из Петербурга, датированный 14 декабря 1801 г., который с энтузиазмом сообщал читателям об исполнении «Сотворения мира» неделей раньше, 8 декабря: «Наконец по инициативе графа Виельгорского собрались вместе почти все здешние любители музыки, и восьмого числа нынешнего месяца исполнили “Сотворение мира”, которое удовлетворило самые строгие требования, привело в восторг как знатоков, так и любителей, и вызвало безраздельные

аплодисменты в адрес его создателя. Управление было доверено господину Тепперу де Фергюсону, которому господин Эберль из Вены оказал самую большую поддержку... Местные любители музыки выразят своё почтение великому мастеру (Й. Гайдну. – О.Б.(Я.)), послав ему медаль, для создания которой уже был избран местный придворный медальер Леберехт»²⁰.

Это было не первое упоминание имени Л.-В. Теппера в газете «Für die elegante Welt». Месяцем раньше в ней уже была опубликована заметка, тоже датированная декабрём предыдущего 1801 г.: «Господин Теппер фон Фергюсон назначен императорским капельмейстером. Очень примечательно, что этот молодой артист, который во времена расцвета своего богатейшего дома, может быть, образовал свой талант лишь до уровня, соответствующего хорошему воспитанию, сумел развить его до степени совершенства, сделавшей его достойным поста, полностью связанного с музыкой. Кроме того, он назначен музыкальным учителем великих княжон с жалованием в 2000 рублей в год»²¹.

Из описания исполнения «Сотворения мира» можно увидеть, что это было грандиозное и прекрасное музыкальное торжество: среди любителей в исполнении участвовали граф Зубов и князь Александр Нарышкин, граф Юрий Виельгорский и барон Александр Ралль. Среди профессиональных исполнителей были музыканты и певцы немецкого театра и итальянской труппы. Среди них особенно выделялась «любимица публики» Тереза Маджиорлетти²². Она была уже немолода, но современники, единодушно критикуя её внешность, также единодушны в высочайшей оценке её «сильного, молодого и очаровательного»²³ голоса. Антон Эберль из Вены, который, по словам лейпцигской газеты, оказал Л.-В. Тепперу поддержку при дирижировании оркестром, был младшим другом и одним из самых одарённых учеников В.А. Моцарта. Л.-В. Теппер не называет имени Антона Эберля в своих мемуарах, но нет сомнения в том, что они были знакомы в Вене – почти ровесники, они оба фигурируют в книге И.-Ф. Шёнфельда «Музыкальное искусство в Вене и Праге на 1796 год»: А. Эберль как «искусный пианист и композитор, кто, в основном, кладёт на музыку литературные произведения», а Л.-В. Теппер как «артистичный молодой человек, который хотя и должен считаться любителем, но изучал музыку больше восьми

лет и в своих путешествиях приобрёл знания и вкус. Он обладает невероятной скоростью игры. Его бессчётные рулады очень быстры, и все кто слушают его, не могут не восхищаться его манерой»²⁴. Оба названы Иоганном Альбрехтсбергером в числе выдающихся исполнителей на клавишных инструментах²⁵. Надо полагать, что их сближало и сходство личных обстоятельств: оба изучали право, готовясь к юридической или дипломатической карьере, семьи обоих обанкротились, и оба обратились к музыке, чтобы обеспечить своё существование.

Они должны были встречаться несколькими годами ранее в Петербурге, где А. Эберль, жил в 1796–1999 гг., **будучи, как Л.-В. Теппер**, композитором, учителем музыки и капельмейстером. Они были вхожи в одни и те же дома – как и Л.-В. Теппер, А. Эберль посвятил одно из своих сочинений мадам Ралль, жене банкира, а **другое – Наталье Куракиной**, урождённой Головиной. В 1799 г., к свадьбе великой княжны Александры Павловны, А. Эберль написал кантату «La Gloria d’Imeneo» на слова кавалера Филиппа Гаттески, который фигурирует в **воспоминаниях Л.-В. Теппера. Не раз адресатом музыкальных сочинений** обоих была великая княжна Мария Павловна.

Поэтому неудивительно встретить рядом имена А. Эберля и Л.-В. Теппера в сообщении об исполнении оратории Й. Гайдна в Петербурге. **К сожалению, они оказались странным образом** противопоставлены друг другу, так как в лейпцигскую заметку случайно или намеренно вкралась очень серьёзная ошибка, которая была сразу замечена и вызвала суровую отповедь в гамбургской «Staats – und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Korrespondenten»: «В описание петербургского исполнения “Сотворения мира” в газете “Für die elegante Welt” закралась ошибка, которую из любви к истине следует признать публично. Корреспондент этой газеты приписывает всё управление исключительным представлением этого музыкального шедевра господину капельмейстеру Тепперу фон Фергюсону, оставляя господина Эберля из Вены в тени, как какого-то второстепенного персонажа. Эту несправедливость тем менее можно оставить без внимания, так как факты происходили на глазах у всего города. Весь Петербург был свидетелем, что это г-н Эберль стоял на возвышении перед большим оркестром, отбивал такт, определял время и давал выражение всему исполнению. Глаза всех уважаемых

участников большого оркестра были направлены на г-на Эберля, в то время как г-н Теппер сидел за роялем, аккомпанируя речитативам солистов и помогая им в интонировании, и со своего места он не мог видеть большей части оркестра. Если бы хотели приписать аккомпаниатору, сидящему за роялем, управление целым оркестром, то и в Вене, и в Офене великий человек доверил бы своё произведение незнакомцу, но при каждом исполнении “Сотворения мира” Гайдн выполнял те же обязанности, которые Эберль взял на себя в Петербурге»²⁶.

Можно понять раздражение Антона Эберля – на протяжении многих лет его постоянно путали с другими – композиции А. Эберля настолько часто издавались под именем В.А. Моцарта, что он дважды был вынужден публиковать письма, указывающие на ошибочные атрибуции²⁷: «как бы ни льстило мне сознание того, что даже знатоки считают мои сочинения произведениями Моцарта, я ни в коем случае не могу позволить музыкальной публике оставаться в этом заблуждении». Теперь в лейпцигской заметке его успех был приписан Л.-В. Тепперу.

Можно понять и конфуз последнего – вряд ли он желал иметь сомнительную репутацию человека, присваивающего себе успехи и достижения другого. Неприятно было и то, что суровое опровержение появилось именно в гамбургской газете – Л.-В. Теппера хорошо знали в Гамбурге: там он провёл целый год и начал свою композиторскую карьеру, опубликовав ораторию на слова оды «К радости» Фридриха Шиллера. В Гамбурге жил его старший брат со своей семьёй, и заметка могла поставить и их в неловкое положение. Более того, тема была подхвачена и распространена берлинской «Allgemeine Literatur-Zeitung»: «Композитору Эберлю, чья музыкальная слава стоит на столь прочных основаниях, что его сочинения часто публикуются под именем Моцарта и вызывают такой всеобщий восторг, что даже французы, кому их собственная слава часто мешает оценить иностранные произведения, принимают их в свой национальный институт, может быть довольно безразлично, он ли сам или кто-то другой дирижировал произведением мастера. Но всё-таки газета “Für die elegante Welt” должна поблагодарить друга истины за следующую поправку: “Сотворением мира” в Петербурге дирижировал не господин Теппер де Фергюсон, которого по известным причинам

так предпочитает эта газета²⁸, но господин Антон Эберль из Вены, и ему одному принадлежит вся слава этого исполнения. Весь Петербург подтверждает это в один голос, и я сочувствую корреспонденту, который ищет славы в ложных сообщениях»²⁹.

В дело вмешался граф Юрий Виельгорский, и 29 апреля 1802 г. газета «Für die elegante Welt» нехотя признала свою ошибку³⁰.

Исполнение «Сотворения мира» под управлением Антона Эберля состоялось за два месяца до свадьбы Л.-В. Теппера – он женился 12 (24) февраля 1802 г. Газетная баталия развернулась именно в то время, когда в его новой семье происходили драматические события – в марте умер тесть, Иоганн-Арнольд Северин; в мае хоронили свояка, Жозе Педро Селестино Вельо. Надо полагать, что будучи в трауре, Л.-В. Теппер не принимал участия в концертах 24 и 31 марта 1802 г. под управлением Гийома-Алексиса Париса, ознаменовавших создание Филармонического Общества. Его неловкое положение в соединении с печальными семейными обстоятельствами, видимо, стали причиной того, что Л.-В. Теппер не упоминает в своих мемуарах ни Антона Эберля, ни своё участие в декабрьских исполнениях «Сотворения мира».

Из программ концертов Филармонического общества хорошо видно, что грандиозные оратории Й. Гайдна быстро заняли прочное место в репертуаре: в марте 1803 г. дважды исполнялись «Времена года», 6 апреля 1804 г. опять прозвучало «Сотворение мира». К этому времени состав оркестра и манера исполнения определились и приобрели уверенность. Хоровая капелла Д.С. Бортиянского, впервые приняв участие в исполнении «Сотворения мира» 14 марта 1802 г., стала постоянно появляться в больших концертах Филармонического общества. В своих мемуарах Л.-В. Теппер заметил: «Для придворной церкви император держал хор из восьмидесяти певцов. Он представляет собой вершину совершенства: я сомневаюсь, что где-нибудь ещё, даже в Риме, можно услышать что-нибудь подобное»³¹.

Сам Л.-В. Теппер тоже оказывается постоянным участником концертов – веймарский «Journal der Luxus und der Mode», рассказывая об пасхальных исполнениях «Сотворения мира» в Петербурге 15 и 30 марта 1805 г.³², сообщал: «Первое представление этого года было повторением “Сотворения мира” Й. Гайдна, уже исполнявшегося в прошлом году»³³. Около двухсот участников были частью

членами Императорской капеллы, частью любителями со струнными и духовыми инструментами. Сольные партии исполнили госпожа Маджиолетти, здешняя примадонна итальянской оперы, господин Ранкони³⁴, тенор, и немецкий певец господин Хюбш³⁵, бас. Господин Парис, музыкальный директор французского театра (ранее был в Гамбурге), находясь в центре оркестра, со своей обычной точностью дирижировал исполнением целого; господин Хартманн³⁶ играл первую скрипку; и за роялем сидел господин Теппер, придворный капельмейстер»³⁷.

Гийом-Алексис Парис (1756–1840), дирижёр бельгийского происхождения, был давним знакомцем Л.-В. Теппера – они жили в Гамбурге в одно и то же время, где Г.-А. Парис, видимо, руководил театром для французских эмигрантов, о жизни которых Л.-В. Теппер подробно рассказывает в своих мемуарах. На протяжении многих лет он был постоянным дирижёром концертов Филармонического общества.

В 1812 г. в зале Филармонического Общества была исполнена оратория «Te Deum» самого Л.-В. Теппера. Дополнительные подробности о его сочинениях находим в его мемуарах.

«Я не буду перечислять все мои сочинения, достаточно сказать, что я попробовал всего понемногу, и некоторые из них заслужили аплодисменты. Среди них были квинтет для клавесина и четырёх духовых инструментов, несколько квартетов для скрипок, гобоя и виолончели, военная симфония, концерт для клавесина, концерт для двух кларнетов и фагота и несколько других.

Чтобы закончить, я упомяну Реквием, который был исполнен в Филармоническом обществе. Приём, который публика оказала этому моему сочинению, которое требовало и таланта, и серьёзных занятий, показал мне, что если бы они смогли услышать мои произведения для театра, то приняли бы их очень хорошо.

После войны 1812 года я написал ораторию на русском языке на освобождение Москвы. Её собирались исполнить, но события скоро привели к заключению мира с Францией, поэтому, стараясь избежать всего, что может не понравиться той нации, её исполнение отменили»³⁸.

Ситуация была окончательно улажена и акценты правильно расставлены, когда в мае 1806 г. берлинская газета «Allgemeine musikalische Zeitung» продемонстрировала очень хороший образец

журналистского мастерства, поместив правдивую, интересную и содержательную заметку «О современном состоянии музыки в России», которая, среди прочего, содержала и восторженное описание концертов Филармонического общества в роскошном зале дома Кусовникова на Невском проспекте (будущем доме Энгельгардта): «Места для музыкантов здесь устроены в виде амфитеатра, и в нижнем полукруге достаточно места для солиста, рояля и нескольких контрабасов. Хор располагается в центре на возвышении. Большое внимание обращено на отдельные партии в их отношении к целому, а места для зрителей устроены так, что самый отдалённый слушатель не упускает самый тихий звук, а самый близкий – не оглушён барабанами. Голосами солистов дирижирует уважаемый господин Теппер, а инструментами оркестра управляет талантливый музыкальный директор, господин Парис»³⁹.

Примечания

¹ *Альбрехт Е.К.* Общий обзор деятельности Санкт-Петербургского Филармонического Общества. СПб, 1884. С. V–VI.

² *Келдыш Ю.В., Левашиёва О.Е., Кандинский А.И.* История русской музыки: в 9 т. Т. 4. М., 1983. С. 254; Санкт-Петербург: Хроника трёх столетий / Сост. А.В. Доливо-Добровольский и Н.О. Харламова, СПб., 2003; *Чистова И.С.* Быт пушкинского Петербурга. СПб, 2003; *Ковалёв К.П.* Бортнянский. М., 1989 и т.д.

³ Эту ошибку заметили и прокомментировали *П.П. Столянский* в очерке «Музыка и музицирование в старом Петербурге» (Л., 1926. С. 92–93.) и *А. Mooser* в работе «*Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIIIe siècle*» (Geneva, 1948–1951. Vol. 3. P. 740). Тем не менее, ошибка продолжает повторяться в позднейших публикациях.

⁴ Генеральная репетиция в присутствии публики происходила во дворце Шварценберга 29 апреля 1798 г. На следующий день там же состоялась премьера оратории. Хотя о ней было широко известно, вход был только по пригласительным билетам, и событие имело частный характер. Дополнительные концерты такого же частного характера были даны 7 и 10 мая 1798 г., а затем 2 и 4 марта 1799 г. Первое публичное исполнение состоялось в венском Бургтеатре 19 марта 1799 г.

⁵ Бахман(н), Даниэль Готтлоб (1748–1811).

⁶ *Mooser A.* Op. cit. P. 740–741.

⁷ *Ibid.* Vol. 2. P. 654.

⁸ *Ibid.* P. 654; *Ewens F.J.* Anton Eberls Leben und Werke. 1927. Дата исполнения – 8 декабря 1801 г. – указана в заметке от 14 декабря в газете «*Die elegante Welt*». 1802. Bd. 2. S. 117.

⁹ *Allgemeine Musikalische Zeitung.* 1801/1802. Vol. 4. S. 344–345. См. также: *Tarr E.* East Meets West: the Russian Trumpet Tradition from the time of Peter the Great to the October Revolution. 2003. P. 29

¹⁰ Явная описка мемуариста или издателя. С 1796 г. Придворной капеллой руководил Дмитрий Степанович Бортнянский (1751–1825).

¹¹ Теплов Алексей Григорьевич (1763–1825) – тайный советник, сенатор.

¹² Guillaume-Alexis (Alexandre) Paris (1756–1840) – музыкант и дирижёр бельгийского происхождения, в Петербурге с 1799 г. См.: Mooser R-A. Guillaume-Alexis Paris (1756–1840): un musicien belge en Russie au debut du XIX siecle // Revue belge de Musicologie. 1946. Vol. 1. № 1. P. 21–26.

¹³ Schubert F. von. Unter dem Doppeladler. Stuttgart, 1962. S. 77.

¹⁴ ^c 1761 г. Йозеф Гайдн был капельмейстером при дворе венгерского князя Пауля Антона Эстергази (Paul Anton Esterházy, 1711–1762) и его преемника Николая Эстергази (1714–1790), известных знатоков музыки и покровителей искусств. Большую часть времени Й. Гайдн жил во дворцах Эстергази в Айзенштадте (территория Венгрии до 1921 г.) и Фертоде (Fertód).

¹⁵ Теппер де Фергюсон Л.-В. Моя история. М.; СПб., 2012. С. 168–169.

¹⁶ Там же. С. 341.

¹⁷ Иоганн Кристоф Аделунг (Johann Christoph Adelung, 1732–1806) – лингвист и переводчик. С 1787 г. главный библиотекарь частной библиотеки курфюрста Саксонии. Дядя историка и археолога Ф.П. Аделунга (1768–1843).

¹⁸ Теппер де Фергюсон Л.-В. Указ. соч. С. 245.

¹⁹ Теппер де Фергюсон Л.-В. Указ. соч. С. 421.

²⁰ Die elegante Welt. Leipzig, 1802. Bd. 2. S. 117. Медаль, изготовленная в золоте, действительно, была вручена Й. Гайдну 25 июля 1808 г. русским послом в Вене князем А.Б. Куракиным. Allgemeine Musikalische Zeitung. 1809. Bd. 11. S. 724–725.

²¹ Die elegante Welt. Leipzig, 1802. Bd. 2. S. 87.

²² Therese Maggiorletti, Macciorletti (Blasi) (175?–18??) – выдающаяся итальянская оперная певица. Прибыла в Россию в 1795 г. или 1796 г.

²³ См. напр.: Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000; Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955; Брусилов Н.П. опоминания // Исторический вестник. 1893. Т. 52. № 4.

²⁴ Johann-Ferdinand von Schönfeld. Jahrbuch der Tonkunst vor Wien und Prag. 1796.

²⁵ J.G. Albrechtsberger's collected writings on thorough-bass, harmony and composition / Ed. I. Chevalier von Seyfried. Vol. 1. London, 1855. P. 242.

²⁶ Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Korrespondenten. 1802. 27 April. № 67.

²⁷ G. Grove's Dictionary of Music and Musicians. Vol. 7. P. 848.

²⁸ Намёк не ясен. Издателем газеты был Иоганн Готтлиб Карл Шпацир (Johann Gottlieb Karl Spazier, 1761–1805). Сведений о его знакомстве с Теппером и о его петербургских корреспондентах обнаружить не удалось.

²⁹ Allgemeine Literatur-Zeitung. 1802. 22 May. S. 615–616.

³⁰ «Следуя одному из докладов, полученных из Петербурга, о представлении гайдновского “Сотворения мира”, которое было настолько особенным, что уважаемая публика продолжает им интересоваться, указываем, что по сообщению господина графа Виельгорского, всем исполнением руководил не господин Теппер де Фергюсон, а господин Эберль из Вены. Однако, вряд ли стоит сомневаться в том, что дирижировать мог бы любой способный артист. В конце концов, в этом нет ничего удивительного». Die elegante Welt. 1802. № 2. P. 408.

³¹ Tenner de Фергюсон Л.-В. Указ. соч. С. 449.

³² Dunlop C.C. The Russian Court Chapel Choir. 1796–1917. 2000. P. 161.

³³ 6 апреля 1804 г.

³⁴ Доминико Ронкони (1772–1839) – итальянский тенор, провёл в Петербурге 1802–1811 гг.

³⁵ Johann Baptist Hübsch (1764–1815) – немецкий оперный певец, бас.

³⁶ **Johann Gottfried Hartmann (1779–1828) – скрипач Дирекции Императорских театров.** Приобрёл славу выдающегося исполнителя.

³⁷ Journal der Luxus und der Mode. Weimar, 1805. August. S. 533–534.

³⁸ Tenner de Фергюсон Л.-В. Указ. соч. С. 346.

³⁹ Darstellung der gegenwertigen Zustand der Musik in Russland, vornamlich in St Petersburg //Allgemeine Musikalische Zeitung. 1806. May. S. 308–311. Заметка датирована 30 марта 1806 г.

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ КИРЬЯНОВО И ОБРАЗ КНЯГИНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ В ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ «НАРВСКАЯ ЗАСТАВА»

А.А. Жиркова

Музей «Нарвская застава» (Санкт-Петербург)

Одно из определений понятия «музей» – «институт общественной памяти». Есть люди, память о которых необходимо сохранять. Таким человеком является княгиня Екатерина Романовна Дашкова, выдающийся деятель истории и культуры, незаурядная личность.

В Санкт-Петербурге на проспекте Стачек, который в XVIII–XIX вв. назывался Петергофской дорогой, находится дом приморской дачи-усадьбы Е.Р. Дашковой Кирьяново. Это одно из немногих сохранившихся мемориальных мест, связанных с княгиней, её первая земельная собственность.

В 2012 г. усадьба Кирьяново отмечала 250-летие. Большой удачей представляется то, что в апреле 2007 г. в части правого крыла этого исторического здания открылся филиал Санкт-Петербургского государственного учреждения «Музей “Нарвская застава”», задачей которого стало изучение жизни и деятельности княгини, истории усадьбы, комплектование фондов и создание экспозиции по этой теме. Цель данной статьи – показать, каким образом музей рассказывает о Екатерине Романовне и её усадьбе.

«Нарвская застава» – это историко-краеведческий музей, посвящённый истории земель юго-запада Петербурга. Экспозиция музея построена по тематико-хронологическому принципу и охватывает историю этих земель с древнейших времён до настоящего времени. Она располагается в двух зданиях: главный корпус – в доме – памятнике архитектуры конца XIX в. на улице Ивана Черных, филиал – в усадебном доме княгини Е.Р. Дашковой¹. Экспозиция, находящаяся здесь, включает следующие разделы: «Древнейшая история южного побережья Финского залива»; «Эпоха Ингерманландии и коренное население региона»; «Эпоха Петра I и появление Петергофской дороги»; «Княгиня Е.Р. Дашкова и история усадьбы

Кирьяново»; «Петергофская дорога как дачное аристократическое предместье Петербурга». Экспозиция музея на ул. Ивана Черных хронологически продолжает историю этих земель и охватывает период конца XIX–XX вв.

Таким образом, тема жизни и деятельности княгини Е.Р. Дашковой в данном случае включена в обширные хронологические рамки историко-краеведческого музея. Тем не менее, о княгине музей рассказывает не только как о выдающейся фигуре в истории Петергофской дороги (как о Шереметевых, А.С. Строганове и многих других). Отношение к этой теме особое, ведь здесь появляется такое важное для музея понятие, как мемориальность места.

Сложность, вставшая перед сотрудниками музея – недостаточная изученность истории усадьбы Кирьяново. Пока нет ни одного фундаментального исследования истории этой усадьбы. О ней в числе многих других усадеб рассказывается в историко-архитектурном путеводителе по Петергофской дороге С.Б. Горбатенко, деятельности княгини в Кирьянове посвящены статьи Ю.М. Сугоныева, в работах Е.Н. Фирсовой история Кирьянова прослеживается по упоминаниям в «Записках» Е.Р. Дашковой, а также в других источниках².

Конечно, сказывается недостаточность данных, ведь сама княгиня довольно редко упоминает эту усадьбу, хотя она связана с важнейшими событиями её жизни. Не имеет смысла повторять все факты из истории усадьбы, изложенные в вышеназванных работах. Хотелось бы остановиться лишь на некоторых моментах.

Существует мнение, что Кирьяново – это «несчастливая земля». В доказательство приводятся факты, описанные в «Записках» – однажды Е.Р. Дашкова провалилась здесь в болото, впоследствии на неё упала перекладина от ворот³. Тем не менее, названа усадьба была в честь самого счастливого дня в жизни княгини – дворцового переворота 28 июня 1762 г., произошедшего в день святых бессребренников Кира и Иоанна.

Дни святых Кира и Иоанна – христианских врачей, умерших мученической смертью в 311 г. в египетском Канопе, православная церковь отмечает дважды. Это 31 января (13 февраля по н.с.) – день мученической кончины святых, и 28 июня (11 июля по н.с.) – день перенесения мощей святых, произошедшее в 412 г. 11 июля (28 июня по ст.ст.) 2012 г. православная церковь отметила

1600-летие перенесения мощей святых Кира и Иоанна⁴. И так, 250-летний юбилей усадьбы Кирьяново и 1600-летний юбилей православного праздника, в честь которого она наречена, совпадают.

Не так часто усадьбы называли именами святых, если только не по названию церкви, находящейся на усадебной территории. Никаких упоминаний о церкви или часовне в Кирьянове нет. Насколько это название уникально, было ли ещё что-то названо именами этих святых? Известно, что по приказу княгини в её белорусском имении Круглое в 1802 г., к 40-летию восшествия на престол Екатерины II, была возведена церковь Кира и Иоанна⁵. Иногда церкви или престолы с таким названием появлялись по велению самой императрицы. Например, в 1765 г. в Москве на Солянке (на Кулишиках) была построена по проекту архитектора К.И. Бланка церковь Кира и Иоанна (разрушена в 1934 г.)⁶. В Петербурге же 15 сентября 1762 г. был освящён первый придел Кира и Иоанна при только что отстроенной в камне Благовещенской церкви на Васильевском острове. Имеются сведения, что эта церковь была приходским храмом Академии наук⁷. Придел этот впоследствии был переименован в Никольский. Церковные престолы освящались именами Кира и Иоанна и в подмосковных имениях других участников переворота. Так, в 1786 г., по приказу Александра Ивановича Рославлева в его имении Ловецкие Борки строится деревянная церковь Кира и Иоанна⁸. В селе Остров, пожалованном Екатериной II А.Г. Орлову-Чесменскому, были освящены два придела при церкви Преображения – в честь Кира и Иоанна и св. Екатерины⁹.

Имена святых Кира и Иоанна получали также корабли. В 1762 г. в петербургском Адмиралтействе был спущен на воду корабль, который при закладке назван в честь прусского короля («Фридрих Рекс»), но с восшествием Екатерины II на престол переименован в «Кир Иоанн»¹⁰. В 1786 г. в Архангельске был построен корабль «Кир-Иоанн», он был зачислен в Средиземноморскую эскадру адмирала С.К. Грейга¹¹.

Таким образом, название усадьбы, посвящённое столь важному событию, стоит в ряду других подобных названий того времени, оно использовалось и самой императрицей, и её сподвижниками при освящении церковных престолов, в названиях кораблей, но всё же оно уникально для усадьбы.

Интересна история усадебного дома в Кирьянове. Известно, что первый дом пострадал от наводнения. Новый усадебный дом начал строиться, когда Е.Р. Дашкова вернулась из-за границы и была назначена на должность главы Академии наук, а затем Российской Академии. В то же самое время, в 1783 г., было принято решение о строительстве нового здания Академии наук на Васильевском острове, и княгиня наблюдала сразу за двумя стройками. Строительство здания Академии наук было поручено архитектору Дж. Кваренги. Авторство дачи-усадьбы Екатерины-Романовны вызывает споры – Дж. Кваренги или сама Е.Р. Дашкова? Долгое время здание приписывалось Дж. Кваренги, и сейчас мемориальная доска на фасаде указывает на это. Тем не менее, всё чаще исследователи склоняются к мнению, что сама хозяйка – автор проекта своей усадьбы. Когда говорят об истории Кирьянова, обычно приводят описание усадьбы, сделанное И.-Г. Георги в 1794 г., где сказано, что дача «приведена в нынешнее состояние самой княгиней без помощи садовника или архитектора», а ведь это было написано ещё при жизни Екатерины Романовны хорошо знакомым с ней человеком. «Указанию Георги на то, что автором ансамбля была сама Дашкова, можно верить», – пишет исследователь истории Петергофской дороги С.Б. Горбатенко, ссылаясь на простоту и ясность архитектурного решения усадьбы, для создания которого важны не столько профессиональные архитектурные знания, сколько «общая культура и знания века просвещения»¹². Существует также мнение о том, что проект принадлежал княгине, а приведён в исполнение был Дж. Кваренги¹³. Учитывая воспоминания сына академика Ф. Шуберга, в которых говорится, что Екатерина Романовна обычно не меньше двух раз в день навещала стройку Академии наук и даже поднималась на строительные леса¹⁴, можно предположить, что своей собственной усадьбе она уделяла не меньшее внимание и наблюдала за всеми этапами строительства. В таком случае, усадьба – это не только мемориальное место, где жила княгиня, но и её произведение, плод её мысли и творческих исканий. Княгиня обладала знаниями в области архитектуры, не случайно в «Каталоге» её московской библиотеки указаны научные труды на темы, которые, по словам исследователя А.И. Воронцова-Дашкова, «особенно занимали Дашкову», и среди них – книги по архитектуре, например, «Principes de l'architecture»¹⁵ и др.

Годы, когда княгиня стояла во главе двух академий, напрямую связаны с усадьбой. Дом на Английской набережной и Кирьяново на Петергофской дороге – два места жительства Екатерины Романовны в это время. Когда у Академии Российской ещё не было собственного здания, некоторые заседания проходили «в доме княгини Дашковой». В каком именно? Некоторые издания говорят прямо: «Заседания Российской Академии проходили в конференц-зале петербургской Академии наук или же в доме президента (ныне просп. Стачек, 45)»¹⁶. Версия о Кирьянове как о месте работы над словарём разработана также в статьях Ю.М. Сугоняева. В них указано на то, как могли решаться транспортные проблемы при поездках из города в предместье. У автора этих статей возникла даже такая мысль: «Не вынашивала ли Екатерина Романовна планов по завершении строительства здания “Большой академии” на набережной разместить “Малую” (то есть Российскую Академию) в предместье Санкт-Петербурга?»¹⁷. Все эти вопросы требуют глубокого изучения.

История усадьбы после того, как её покинула Е.Р. Дашкова, тоже вызывает не меньше вопросов. Она перешла по наследству двоюродному племяннику княгини Ивану Илларионовичу Воронцову-Дашкову, но сдавалась в наём ещё при жизни Екатерины Романовны.

Усадьба связана с литературной жизнью первой половины XIX в., а также с масонским движением. В 1820-е гг. здесь устраивались литературные вечера, на которых «почти каждый вечер собирались литераторы, большею частью масоны разных лож, кажется, в то время ещё существовавших открыто. Распорядителем этих собраний, где угощение совершалось в складчину всеми гостями-братьями, был И.А. Крылов, прозванный друзьями “Соловьём”»¹⁸. И.А. Крылов, как известно, был центральной фигурой и на собраниях в усадьбе Приютино, которую К.Н. Батюшков назвал «приютом для добрых душ». Хозяином Приютино был Алексей Николаевич Оленин, один из воспитанников княгини¹⁹. Интересный вопрос – бывал ли в Кирьянове А.С. Пушкин, ведь петербургский дом И.И. Воронцова-Дашкова поэт посещал, а также гостил на многих дачах Петергофской дороги.

По поводу связи усадьбы Кирьяново с масонским движением исследователь Л.В. Кудзеевич приводит такой интересный

факт: 24 июня 1821 г. в день Рождества Иоанна Предтечи на даче И.И. Воронцова-Дашкова проходило торжественное заседание масонской ложи «Астрея». «Для масонов, придававших большое значение символам», важной причиной выбора этого места могло быть название дачи в честь святых Кира и Иоанна²⁰.

И.И. Воронцов-Дашков был владельцем усадьбы до 1838 г., затем продал её купцам Якимовым.

Можно предположить, что история усадьбы Кирьяново хранит ещё немало тайн, и исследователям предстоит сделать много интереснейших открытий, связанных с самой усадьбой, знаменитой хозяйкой и её потомками.

Каким образом музей раскрывает тему жизни и деятельности Е.Р. Дашковой и истории Кирьянова? «Высказыванием» любого музея, в первую очередь, является его экспозиция. Место, где находится филиал музея «Нарвская застава», несомненно, мемориальное, но существует одна сложность – музей не располагает мемориальными предметами, связанными с княгиней. По какому пути пойти, каким образом показать посетителям историю Кирьянова, масштаб личности хозяйки этой усадьбы?

Существует такое свойство музейного предмета, как знаковая. То есть музейный предмет, помещённый в экспозицию, может символически замещать, представлять другой предмет, в результате чего «мир вещей» преобразовывается в «мир смыслов»²¹. В разделе экспозиции музея, посвящённом Е.Р. Дашковой, представлены типологические предметы, близкие по времени создания к жизни хозяйки усадьбы. Некоторые вещи, например, мебельный гарнитур, поступили из Академии наук. Все предметы помещены в комплекс, представляющий условный интерьер – «комнату княгини». Они взаимодействуют и дополняют друг друга. Эти экспонаты показывают не только свою предметную сущность, они несут ещё и нематериальное значение, являются «символами» занятий, увлечений Екатерины Романовны. Например, клавесин показывает её любовь к музыке, столик с книгами и письменными принадлежностями – её научные и литературные занятия. Таким образом, с помощью музейной реконструкции создаётся «эффект погружения» в атмосферу XVIII в., что дополняется аудиовизуальными средствами – звучанием клавесинной музыки.

Музей – это не только демонстрация экспонатов, но и определённое пространство, созданное по своим законам и принципам, оказывающее эмоциональное воздействие на посетителя. Важно передать не только информацию, но и «аромат эпохи», атмосферу жизни того человека, с которым связано мемориальное место, в первую очередь не вербальными средствами, а языком экспонатов. Не располагая, к сожалению, мемориальными предметами, с помощью предметного мира той эпохи музей стремится рассказать о разнообразных интересах, бурной деятельности, духовном мире Екатерины Романовны.

В экспозиционном пространстве музея активно используется живопись. Во-первых, картины – необходимая принадлежность усадебного интерьера XVIII в. Во-вторых, их роль – дополнить визуальный ряд о жизни княгини. Все живописные работы, представленные в музее, можно разделить на две группы.

Первая – это копии прижизненных портретов исторических деятелей. Сюда входят копии портретов Е.Р. Дашковой работы Д.Г. Левицкого, адмирала С.К. Грейга (подлинник – в фондах Центрального Военно-Морского музея), М.В. Ломоносова. Картины выполнены представителем петербургской династии художников, замечательным портретистом М.В. Петровой-Маслаковой.

Именно эти портреты выбраны не случайно, ведь они представляют нам круг общения княгини и семьи Воронцовых, их государственную деятельность, роль в развитии науки, культуры. Так, адмирал С.К. Грейг был приглашён на русскую службу при участии М.И. Воронцова, принят в почётные члены Академии наук по ходатайству Е.Р. Дашковой. С.К. Грейг – тоже герой Петергофской дороги, владелец дачи Санс-Эннуи, пожалованной ему Екатериной II за военные заслуги. Мебель с дачи адмирала была передана в музей «Нарвская застава» и находится теперь в усадьбе княгини, ведь при жизни эти исторические деятели общались. Интересен тот факт, что диплом об избрании Екатерины Романовны в почётные члены Философского общества в Филадельфии (копия которого также представлена в экспозиции музея) был передан ей через С.К. Грейга²².

Особая, знаковая роль у портрета М.В. Ломоносова. Представляется справедливым, что портрет учёного украсит музейный зал, посвящённый академической деятельности княгини. Его про-

изведения послужили источником для «Словаря Академии Российской». В период директорства Е.Р. Дашковой вышло в свет полное собрание сочинений учёного. Параллелей здесь может быть много. Символично и то, что первый живописный портрет Михаила Васильевича был написан художником Г.К. Преннером по заказу М.И. Воронцова, а по инициативе Екатерины Романовны выполнен портрет М.В. Ломоносова для Конференц-зала Академии наук²³.

Вторая группа картин – это произведения, выполненные по заказу музея на тему жизни княгини. Так, в экспозиции находятся несколько работ, автором которых является А.Д. Лукашенко, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Каким образом музею рассказать об участии княгини в дворцовом перевороте, который определил название самой усадьбы? В интерьер помещена картина, посвящённая этому событию и изображающая двух наездниц – Екатерину Великую и Екатерину Малую, в мундирах, направляющихся в Петергоф во главе гвардейцев. Напротив неё – картина с изображением вида усадьбы Кирьяново и муляж ордена св. Екатерины, полученного Е.Р. Дашковой за участие в этом перевороте. Кроме того, в экспозиции есть живописное полотно, изображающее двух Екатерин ещё до момента переворота. Таким образом, существует определённая динамика, в небольшом пространстве зала показаны разные события из жизни княгини.

Академическая деятельность княгини также представлена картиной того же художника «Заседание Академии Российской». Это собирательный образ, речь идёт не о каком-то конкретном заседании, а о круге общения, деятельности княгини во время жизни в усадьбе, о тех, кто мог посещать Кирьяново в то время, в начале работы над словарём. Примечательно, что действие картины проходит на фоне интерьера усадьбы. Картина позволяет избежать в экспозиции монотонного повторения портретов академиков, представляет яркий зрительный образ, а также визуально продолжает пространство экспозиционного зала.

Эти живописные работы, не являясь подлинными произведениями времени жизни Е.Р. Дашковой или их копиями, служат музею своеобразным «наглядным пособием», выступают как вспомогательное средство при раскрытии темы. При создании современной экспо-

зиции необходимо думать не только об исторической достоверности, но и об особенностях восприятия экспозиции посетителем, что выражается в использовании вспомогательных средств, таких как макеты, для чего и служат специально созданные для музея произведения. «Наряду с собиранием, изучением, хранением и экспозицией современный музей в процессе экспозиционной деятельности сам создаёт пополняющие его фонды художественные произведения»²⁴.

Всё же гордостью любого музея являются подлинные работы той эпохи, о которой рассказывает музей, и отношение к ним особое. Такими экспонатами в музее «Нарвская застава» являются офорты современника княгини Е.Р. Дашковой, испанского художника Ф. Гойи из серии «Капричос». Согласно исследованиям сотрудника музея Ю.М. Сугоняева, Екатерина Романовна и живописец в одно и то же время находились в Риме и могли там встречаться. Княгиню вполне могло заинтересовать полемическое содержание работ Ф. Гойи, его сатира на пороки высшего общества. Она сама высмеивает эти пороки в своих литературных произведениях. К тому же Е.Р. Дашкова увлекалась искусством гравировки: «Екатерина Романовна целые вечера проводила с мольбертом или резцом в руках»²⁵. Её сын, Павел Михайлович Дашков, был гравёром-любителем и делал успехи в этом искусстве.

Княгиня являлась также одним из крупнейших коллекционеров своего времени. «В 1807 году, в мае месяце, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урождённая Воронцова, бывшая Первым Президентом Российской Академии, принесла в дар Университету Кабинет Натуральной Истории и других редкостей, который она собирала более 30 лет. К приращению его содействовали ей император Иосиф II, Курфюрст Саксонский, Король Шведский, Великий герцог Тосканский и другие царственные особы. Кабинет содержал всего числом 15121 предмет, в том числе животных, натуральных и окаменелых 4805; растений сухих, плодов и проч. 765; камней и руд 7924; антиков – отпечатков 1636. Вслед за тем княгиня Дашкова подарила университету ещё 332 предмета: это были драгоценные камни, физические инструменты, антики, оригинальные рисунки насекомых и значительная библиотека»²⁶. Эти коллекции пострадали от пожара в здании Московского университета в 1812 г. Ещё раньше Е.Р. Дашкова подарила собственные коллекции минералов Академии наук, когда там формировался «минералогический кабинет».

Недавно фонды музея пополнились новыми экспонатами – большой коллекцией окаменелостей, которые в сочетании с минералами образуют комплекс, посвящённый деятельности Екатерины Романовны как известного коллекционера.

Естественнонаучные кабинеты были характерны для эпохи Просвещения как в России, так и в Европе²⁷. Такие коллекции были у многих знатных людей – А.С. Строганова, Г.А. Потёмкина и др. Представляется, что для Е.Р. Дашковой как для главы Академии наук они имели особое значение. Не случайно одну из коллекций она предоставила профессору В.М. Севергину, читавшему публичные лекции по минералогии. Эту науку княгиня считала важной, так как «одна из важнейших отраслей её работы и работы Академии – огромный труд по изучению, описанию, а затем использованию природных богатств страны»²⁸.

Для музея тема коллекционирования интересна ещё и тем, что подобные частные собрания были предтечами музея как общественного института. В своих зарубежных путешествиях Е.Р. Дашкова выступает посредницей императрицы при приобретении различных коллекций – гемм, драгоценных камней и др. Эти предметы в числе других пополнили собрание Эрмитажа, которое начало формироваться при Екатерине II.

Из Эрмитажа в филиал музея поступили копии гравюр с видами Академии наук, ведь именно с академической деятельностью связаны годы жизни Екатерины Романовны в Кирьянове. Гравюры должны быть представлены в зале, посвящённом именно этой деятельности княгини. Там же будет экспонироваться академическая мебель, картина «Заседание Академии Российской», окаменелости и минералы, копии документов.

Важная функция музея – культурно-просветительская, функция образования и воспитания. В настоящее время переосмысливается роль музея в современном обществе, меняются формы работы с посетителем. Музей «Нарвская застава» в этом плане идёт в ногу со временем, в нём, кроме традиционных экскурсий, проводятся костюмированные и театрализованные музейно-педагогические программы, различные мероприятия.

Одним из таких ежегодных мероприятий является акция «Ночь музеев», которая собирает большое количество посетителей.

Для музея мероприятие интересно ещё и тем, что единственный раз в году имеется возможность продемонстрировать посетителям центральную часть усадебного дома Екатерины Романовны, где в настоящее время размещается Дворец бракосочетаний Кировского района Санкт-Петербурга. Каждый год для этого мероприятия задаётся определённая тематика. Например, тема 2009 г. – «Музыка на Петергофской дороге». В центральной части усадьбы в течение всей ночи петербургский хор «Мария» исполнял «Гимн», сочинённый Е.Р. Дашковой для Магдалинской церкви в Дублине. В 2011 г., в связи с Годом космонавтики, общей для всех музеев стала тема космоса. Сотрудниками была подготовлена экскурсия, связанная с Академией наук и её достижениями в XVIII в., когда были заложены основы научных знаний, в том числе и в астрономии. В 2012 г. темой акции стали «Петербургские тайны». Несмотря на свой солидный возраст, Кирьяново до сих пор остаётся настоящей тайной как для широкой публики, так и для историков.

В 2010 г. в центральной части усадьбы проходила историко-краеведческая конференция, посвящённая 300-летию Петергофской дороги, во время которой затрагивался вопрос об истории Кирьянова. В марте 2011 г. в другом историческом здании Петергофской дороги, бывшем усадебном доме К. Сиверса, где ныне размещается ДК «Кировец», было проведено мероприятие, посвящённое дню рождения Екатерины Романовны – презентация созданного музеем фильма о княгине «Е.Р. Дашкова. Глава двух академий». С этой презентацией музей участвовал в объявленном администрацией Кировского района Санкт-Петербурга конкурсе «Ярмарка идей», который он выиграл. В 2012 г. в центральной части усадебного дома прошло торжественное мероприятие, посвящённое 250-летию Кирьянова, включавшее в себя научную конференцию и театрализованное представление.

Нужно отметить, что усадьба Е.Р. Дашковой, как подлинный исторический и архитектурный памятник XVIII в. – одна из немногих сохранившихся дач-усадоб на Петергофской дороге, является важным объектом показа во время автобусных экскурсий в Петергоф. В 2011 г. были проведены ремонтно-реставрационные работы фасада здания, и этот старинный дом предстал в новом блеске. В настоящее время существует проект «Царский путь», подразумевающий объединение исторических мест, мест отдыха на старинной Петергофской

дороге в единый «кластер», создание туристических маршрутов по этой некогда знаменитой местности. Если проект осуществится, то музей «Нарвская застава» туда удачно впишется. Музей и сейчас ведёт работу по привлечению к сотрудничеству туристических фирм. Разработаны городские маршруты, включающие в себя экскурсии по музею: «Женщины в истории России», «Тайны дворцовых переворотов». Во время зимних праздников популярностью у туристических групп пользуется программа «Святочные вечера в старинной усадьбе», которая носит познавательный-развлекательный характер.

В последнее время в работе музеев важное место заняла рекреационная функция – организация досуга посетителей. Очень важно, что люди стремятся отдыхать, проводить праздники именно в музее, поэтому музей разработал и проводит детские новогодние праздники и дни рождения. Это театрализованные костюмированные программы, в которых присутствует такой персонаж, как хозяйка усадьбы, Е.Р. Дашкова, которая встречает гостей.

Среди многочисленных музейно-педагогических программ хочется выделить те, которые связаны с деятельностью княгини по созданию словаря и вообще с русским языком. Это «Уроки русской словесности» и «От азбуки до букваря, от букваря до словаря» – программы, рассчитанные на разную возрастную аудиторию, но объединённые одной темой – историей русского языка. Широкие хронологические рамки музея дают возможность показать «Словарь Академии Российской» в контексте развития русского языка, ведь экспозиция позволяет говорить и о новгородских берестяных грамотах, и о реформах алфавита Петра I, и об Академии Российской, и о писателях XIX в. Таким образом, есть возможность продемонстрировать, что предшествовало созданию словаря, для чего он был необходим, представить «Словарь Академии Российской» как предтечу появления русской классической литературы XIX в. Хочется подчеркнуть, что «Словарь», переизданный и подаренный музею МГИ им. Е.Р. Дашковой, служит не только важным экспонатом. Он активно используется в музейно-педагогической работе, причём в различных программах, так как это неисчерпаемый источник разных музейных тем и находок.

Особенностью подачи образа Е.Р. Дашковой в музее «Нарвская застава» является то, что личность княгини и её деятельность

показана в контексте истории как отдельного региона, так и страны в целом. Это обусловлено историко-краеведческим профилем музея, ведь история конкретной местности отражает историю всей страны, особенно это касается территории Петербурга и его окрестностей. Уникальность музея – в этом сочетании краеведческого аспекта (с его комплексностью и многоплановостью) и мемориальности (подразумевающей особое внимание к отдельной исторической личности). Не случайно в экспозиции портрету Екатерины Романовны предшествует портрет Петра I (находится в предыдущем зале). Вспомним слова А.И. Герцена: «Дашкову русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном...»²⁹.

Несмотря на то, что интерес к имени княгини явно возрос в последние годы, не так уж много музеев, рассказывающих об этой уникальной исторической личности. А ведь у такой формы подачи исторического материала, как музейная экспозиция, музейная программа, у самого музейного института есть ряд преимуществ. Их великолепно выразил Н.Л. Лейбсон: «Молодые поколения всё хуже воспринимают чисто вербальную информацию, гораздо лучше – информацию в образе и звуке, с эмоциональным фактором, с возможностью активного соучастия и “погружения в среду”. Важно не просто предоставить книгу, пусть даже очень хорошую, но и создать условия, которые пробуждали бы к ней интерес, увлекли бы... Именно музеи становятся центрами притяжения, предлагая оптимальные формы коммуникации между разными сферами культуры и обществом»³⁰. Иными словами, в музей может прийти и специалист-историк, и школьник, и просто интересующийся человек – каждый вынесет что-то своё в зависимости от знаний и опыта, для каждого в музее найдётся интересная информация.

Конечно, любая музейная экспозиция, а также её интерпретация в форме экскурсий, музейных программ, не является прямой передачей прошлого. Это отражение нашего отношения к событиям прошлого, наших сегодняшних знаний о них. Следовательно, изменения (такие, как появление новых научных открытий, новых концепций) изменяют и сам музей, его интерпретацию истории. В конце 2012 г. вышла книга о Кирьянове С.Б. Горбатенко, которая

проливает свет на многие вопросы в истории этой усадьбы. Должно быть, экспозиции музея «Нарвская застава», посвящённой усадьбе Кирьяново и княгине Е.Р. Дашковой, ещё не раз придётся изменяться и дополняться. Хочется надеяться, что неизменным будет одно – память о великой россиянке в этом историческом мемориальном месте.

Примечания

- ¹ Адрес музея: Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 23; адрес филиала: Санкт-Петербург, пр. Стачек, д. 45 (правое крыло).
- ² *Горбатенко С.Б.* Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002. С. 84–87; *Сугоняев Ю.М.* Страницы истории Петергофской дороги. XVIII век. Дашкова в Кирьяново: обустройство двух академий // 300 лет Петергофской дороги. Страницы истории (по материалам научно-краеведческой конференции). СПб., 2010. С. 17–33; *Фирсова Е.Н.* Дача Е.Р. Дашковой «Кирианово» // Воронцовы – два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Вып. 11. СПб., 2007. С. 209–217.
- ³ *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. М., 2010. С. 199.
- ⁴ Юбилейные и памятные даты в 2012 г.// Православный церковный календарь. М., 2012. С. 26.
- ⁵ *Фирсова Е.Н.* Имение Круглое при М.С. Воронцове //Воронцовы – два века в истории России. С. 198.
- ⁶ Сорок сороков. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. Т. 2. М., 1994. С. 268–269.
- ⁷ *Жигало М.В. Тукиянен И.А.* Самые известные храмы Санкт-Петербурга. М., 2007. С. 43.
- ⁸ Ловецкие Борки. Церковь Кира и Иоанна. Фотографии и описания // Народный каталог православной архитектуры. URL: <http://sobory.ru/article/index.html?object=16563>
- ⁹ *Кавельмахер В.В.* Церковь Преображения в Острове // Научные труды В.В. Кавельмахера. URL: http://www.kawelmacher.ru/science_kawelmacher14.htm
- ¹⁰ Рамбург Иван Степанович // Большая биографическая энциклопедия: Словари и энциклопедии на Академике: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/105577
- ¹¹ Кир Иоанн (линейный_корабль, 1786) // URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кир_Иоанн_\(линейный_корабль,_1786\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кир_Иоанн_(линейный_корабль,_1786))
- ¹² *Горбатенко С.Б.* Указ. соч. С. 86.
- ¹³ *Весёлая Г.А., Фирсова Е.Н.* Москва в судьбе княгини Дашковой. М., 2002. С. 272.
- ¹⁴ *Воронцов-Дашков А.И.* Указ. соч. С. 187.
- ¹⁵ *Он же.* Московская библиотека княгини Е.Р. Дашковой // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996. С. 139.

- ¹⁶ Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы / Сост., вступ. Ст., прим. Г.И. Смагиной. СПб., 2001. С. 420.
- ¹⁷ Сугоняев Ю.М. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Бурнашёв В.П. Воспоминания об А.Е. Измайлове // Дело. 1874. Апрель. С. 169–170.
- ¹⁹ Фирсова Е.Н. Дети и воспитанники княгини Дашковой // Воронцовы – два века в истории России. С. 273.
- ²⁰ Кудзеевич Л.В. Массонский праздник на даче графа И.И. Воронцова-Дашкова // 300 лет Петергофской дороге. С. 47–52.
- ²¹ Воротникова Е.Ю. Становление экспозиции современного музея как научно-художественной системы // URL: <http://museumstudy.ru/content/files/vorotnikova2.pdf>
- ²² Воронцов-Дашков А.И. Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале. С. 236.
- ²³ Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: (очерки о жизни и деятельности директора Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой). СПб., 2006. С. 192–203.
- ²⁴ Розенблюм Е. Время и пространство в музейной экспозиции // Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции. На пути к музею XXI века: сборник научных трудов. М., 1997. С. 116.
- ²⁵ Гореликова-Голенко Е.Н. Увлечение Екатерины II и Екатерины Дашковой драгоценными камнями и минералами // Е.Р. Дашкова и её современники. М., 2002. С. 68.
- ²⁶ История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым: 1755–1855. М., 1855. С. 386
- ²⁷ См. об этом: Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб., 2004.
- ²⁸ Гореликова-Голенко Е.Н. Указ.соч. С. 68–69.
- ²⁹ Цит. по: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. М., 1983. С. 78.
- ³⁰ Лейбсон Н.Л. Историко-мемориальный музей выдающихся деятелей науки в Петербурге. Проект // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции 28 июня – 4 июля 1999 г. Т. I. СПб., 1999. С. 195–196.

ИСЛАМ В РОССИИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЧЕРЕЗ ИЗУЧЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

В.И. Шеремет

*доктор исторических наук, профессор,
академик Российской академии естественных наук
Институт востоковедения РАН (г. Москва)*

Взаимоотношения России и исламского мира – проблема настолько же сложная, насколько и актуальная. Люди Востока зачастую не понимают многого из того, что происходит в нашей стране. Нам, в свою очередь, тоже нелегко понять, что влечёт египтян на площадь Ат-Тахрир или что заставляло ливийских повстанцев предавать мучительной и позорной казни одного из крупнейших революционных деятелей Арабского Востока Муаммара Каддафи. Мы по сути не знаем своих восточных соседей, а они не знают нас – или не понимают, или просто не хотят знать.

Давайте вернёмся на века назад. Славянский этнос пришёл с Вислы и Одера на Восточно-Европейскую равнину, которая граничит с Великой степью. Наши предки столкнулись здесь с представителями различных тюркских этносов. В то время славяне ещё не были христианами, а их восточные и южные соседи ещё не приняли ислам. Постепенно в VI–IX вв. **славяне формировали свою государственность**, а в Великой степи складывались государства других этносов (Хазарский каганат и др.). Со временем различные этносы обретали ту веру, которую исповедуют до сих пор: славяне – христианство, тюркские народы (за исключением чувашей) – ислам.

Наши предки освоили Русскую равнину и начали продвижение на восток, к Сибири. Ислам вёл экспансию вдоль берегов Средиземного, Красного и Чёрного морей, в Центральной Азии, до Поволжья и Сибири.

С IX в. уже можно говорить о соприкосновении мира Креста и мира Полумесяца на той территории, где ныне расположена Российская Федерация.

Какие искажающие факторы действовали на восприятие исламским миром образа соседа на севере? Конечно, воинственность славян в отстаивании земли и веры; излишняя, как полагали в X–XIII вв. в исламском мире, независимость славянских женщин, кое-какие бытовые факторы и т.д.

Восточные славяне, а потом и русский народ находились под случайными впечатлениями паломников, которые, вернувшись из далёких краёв, рассказывали небылицы на уровне обывательских домыслов. «Там, в мире ислама, жарко, там едят всё сладкое и все ходят голые, только и занимаются любовью, да ещё воюют». Наших предки делали вывод: ну, нам это непонятно, нам это не годится.

Непонимание происходило прежде всего потому, что между нами – миром ислама и миром Руси – было очень много посредников. Во-первых, крестоносный Запад, который хорошо знал ситуацию на мусульманском Востоке в эпоху становления Российского государства и обретения им независимости от Орды. Западу не было нужно, чтобы Россия знала реальное положение дел на Востоке. Во-вторых, греческое духовенство в Османской империи (на территории которой находились святые места Палестины, Сирии и Ливана) отнюдь не стремилось делиться с Москвой лаврами открывателей Востока западному миру и тем более – экономическими благами, которые дарил султан в обмен на покорность православных подданных стамбульскому властелину.

Исламский мир во все времена находился (и остаётся до сегодняшнего дня) в постоянном состоянии, которое мы называем джихадом. Джихад, который вели мусульмане XI в. против западных рыцарей во время крестовых походов и который был борьбой ислама против иноземных интервентов, совершенно очевидным образом преобразился и продолжается в веке XXI как форма борьбы с критикой ислама, как расширение сферы культурного и, по возможности, политического ареала ислама.

Последний призыв к джихаду я услышал совсем недавно в Москве. Речь шла о джихаде в отношении современной России. Нет, люди, исповедующие ислам, не говорили о ятаганах, никого не предполагали подвергать уничтожению. Говорили о джихаде информационном: о том, что современная молодёжь Москвы (и России в целом) слишком распущена, слишком свободна и слишком многого

хочет. Нужен информационный наступательный джихад, который поможет подчинить её...

Воинствующий путь ислама – явление, с которым России придётся встречаться в будущем, поскольку «внутренние джихады» и противостояния в странах ислама выплёскиваются в неисламский мир, оказывая влияние и на нашу страну.

Рассмотрим ситуацию на Востоке в начале 2012 г. Турция и арабские страны (и республиканские, и королевские – иорданский, саудовский режимы) – это сунниты, с которыми соседствуют шииты Ирана, Ирака, Йемена, а также ряд воинствующих джихадистов. Последних укрепили, вопреки своей первоначальной задумке, Соединённые Штаты Америки. Рассматривая разные сценарии, мы, востоковеды, видим внутриисламские столкновения, опасаясь при этом, что взаимный джихад среди внутренних течений ислама выплеснется на улицы Москвы – ведь в столице России находятся миллионы гастарбайтеров из разных исламских стран. Надо знать, на кого из исламских авторитетов духовного звания мы можем опереться, чтобы предотвратить эти столкновения.

Почему ислам не утвердился в России несмотря на многовековое соседство и общение русского народа с этносами, исповедующими эту религию? Прежде всего потому, что мы восприняли не религиозную, а государственную часть ислама через взаимоотношения с Османской империей, а затем Крымским ханством и северокавказскими социумами. В XIII в. русские княжества встретились с монголо-татарами, которые до XIV в. оставались язычниками. Рука об руку с исповедующими ислам жителями Волжской Булгарии славяне умирали под ударами монгольской конницы. И для болгар, и для славян, и для многих других народов, как христиан, так и мусульман, монголы были иноверцами-захватчиками. Лишь при хане Узбеке, современнике Ивана Калиты, Золотая Орда приняла ислам в качестве государственной религии. До этого среди ханов и ордынской элиты было немало христиан (например, сын Батыея Сартак).

Примечательно, что в равнинной, плоскостной Чечне и в Ингушетии первым утвердился не ислам, а христианство. По-настоящему на этой территории ислам окреп на исходе XVIII – в первой половине XIX в. В 2011 г. вышла книга «Мятежный этнос и имперская власть», в которой показано, как славяне и вайнахские народы сражались

против тех же монголо-татар. Наверное, эти стороны совместного прошлого надо помнить и не позволять сталкивать народы тем представителям радикального экстремистского ислама на Кавказе, которые пытаются ослепить враждой христиан и мусульман, заставить забыть наше боевое прошлое и века проживания в мире.

Православные историки молчат о том, что не ислам, а христианство, первым пришло на Кавказ. Столкнувшись с тюркским этносом, который постепенно превратился в исламский, мы, собственно, и стали Российским государством. Поэтому необходимо, чтобы мы более последовательно, более глубоко изучали ислам, нежели исламский мир изучает нас. У мусульман было много стран и земель. У нас – одна на всех. Россия!

Можно с гордостью сказать, что мы традиционно опережаем страны Европы в исламоведении, уже на исходе XVII в. и в XVIII в. отрешившись от одностороннего взгляда на Восток как на нечто отсталое и сугубо враждебное России.

Я хочу сослаться на «Проскентарий» (1651–1654) Арсения Суханова, который одним из первых сказал, что надо не столько смотреть на религиозные различия (ведь корень у христианства с исламом один и тот же – авраамическое единобожие), сколько на различия политические и бытовые.

Затем пришёл XVIII в. – век Просвещения, скепсиса, широких контактов и жестоких войн. Изучать друг друга стало трудно, но, тем не менее, возможно. Например, через пленных, которых захватывали обе стороны во время многочисленных русско-турецких войн. Участь их была весьма различна. Русские, как правило, никогда не принуждали приверженцев ислама переходить в христианство. В отношении наших пленных турки часто действовали насильно, хотя Коран прямо запрещает насильственное обращение в ислам.

Необходимо отметить ещё один важный момент – балканский фактор. Отношение балканских народов к России было двояким, обуславливаясь её политикой. Сегодня она оказывала этим народам помощь, а завтра прекращала покровительство в обмен на уступки со стороны султана по тем или иным внешнеполитическим вопросам. Балканские народы, в свою очередь, относились к России «по случаю», то поддерживая её в борьбе с Портой, то прекращая эту поддержку – хотя и с большой надеждой на конечную защиту Россией их интересов в составе исламской империи.

Мусульмане-албанцы, подданные султана, в XVII–XVIII вв. участвовали на стороне турок во всех русско-турецких войнах, будучи пострашнее любых янычар. Это было, по отзывам современников, настоящее зверьё, не щадившее ни противников-русских, ни своих ближайших соседей-христиан – греков, сербов, болгар. Их умело натравливали правители Османской империи, играя на религиозном и этническом факторах. Албанцы, – говорил Стамбул, – дети только султану. «Албанский фактор» и в наши дни играет на Балканах исключительно важную и совсем не позитивную роль.

Возникает вопрос: а как относилась к исламу Е.Р. Дашкова? Отвечаю: с интересом и осторожностью. Не знала его. Специально не изучала. В своих путешествиях по Европе она не посещала населённого мусульманами юга Балкан.

Екатерину Романовну можно считать политическим агентом Екатерины II. Причём не только агентом влияния – княгиня, на мой взгляд, занималась политической разведкой для Екатерины II в Центральной и Западной Европе. Существуют данные, что Е.Р. Дашкова состояла в определённой переписке с Михаилом Илларионовичем Кутузовым, который ездил по Западной Европе и встречался с теми же людьми, что и Екатерина Романовна. М.И. Кутузов залечивал на европейских курортах две сквозные раны от турецких пуль в голове, а княгиня занималась семейными делами, давала образование сыну.

И Е.Р. Дашкова, и Михаил Илларионович с огромной осторожностью относились к исламу. Полководец практически свободно владел турецким языком, знал ислам на уровне обрядности. Екатерине Романовне это было не нужно, но необходимость осторожности и поощрительности в отношении мусульманских народов несколько раз прозвучала в её трудах. Это знаменательно, как и позиция светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического. Великие умы России (и сама Екатерина II) считали, что с исламом легче дружить, чем воевать.

М.И. Кутузов как создатель русской разведывательной сети на Ближнем Востоке, просуществовавшей с 1793 г. по 1918 г., а отчасти и до Второй мировой войны, и Екатерина Романовна, которая заложила в деятельность Академии наук целый ряд гуманитарных направлений, включая исламские штудии, если не напрямую иссле-

довали ислам, то понимали, что к нему надо относиться с предельным вниманием. При этом ни княгиня, ни Михаил Илларионович не видели в исламе врага.

В свою очередь Стамбул (прежде всего – высшие круги улемов) очень внимательно отслеживал политическую жизнь в Петербурге и место ислама в России. Никогда ни одного слова худого не было сказано в Османской империи ни в отношении М.И. Кутузова, ни в отношении Е.Р. Дашковой, чего не скажешь об Александре Васильевиче Суворове. Он ненавидел ислам всеми фибрами души, видя в нём «сугубо супостата на момент сражения», и считал, что «турок-исламцев» надо загнать в Малую Азию, за Босфор, освободить от них Константинополь и т.д. В ответ на такое отношение турки совершили три известных, но неудавшихся покушения на него. На мой взгляд, ненависть А.В. Суворова к исламу была непродуктивной.

Затронув проблему отношения военных и государственных деятелей России прошлого к исламу, обратим особое внимание на светлейшего князя Потёмкина-Таврического. Его позиция была следующей: с исламом надо дружить, ислам следует изучать. В отношении восстания шейха Мансура в конце 1780-х гг., когда императрица говорила, что повстанцев надо давить, он отвечал, что давить ислам не можно, себе дороже станет. Действительно, тогда удалось спокойно замирить Кавказ в самый сложный период – вскоре после присоединения Крыма.

Вот те подходы, которые существуют в России по отношению к исламскому миру. Осторожность, договорённости, взаимная терпимость и никаких силовых акций! На ислам нельзя давить. Надо вести диалог – следовательно, его надо изучать. Более 1,6 миллиарда человек в мире верят в Аллаха и пророка Мухаммада. И цифра эта растёт...

На недавней встрече с исламскими кругами (о которой уже шла речь), когда была оглашена идея информационного джихада, я высказал очень простую мысль. Вот вы, досточтимые люди Корана, говорите о том, что надо нести русским журналистам знание Священной Книги. Согласен, надо. Я сейчас сходу прочитаю вам пяток аятов – стихов из Корана на память. При этом я православный и им останусь. Вы меня всё равно не обратите в вашу веру. Будете навязывать её другим – вызовете ожесточение. Кстати, а почему бы

мусульманскому журналисту, работающему в России, не изучать труды отца Павла Флоренского или Феофана Затворника? Вы о нём что-нибудь можете сказать? Ответом мне было общее молчание учёных-исламистов. Для них Феофан Затворник – нечто очень далёкое.

Возникает вопрос: почему для меня обязательным должен быть взгляд на Коран с почтением? Если всё же обязателен – то такое же отношение к моим святыням должно быть обязательным и для вас! Давайте идти вместе. Мир, как и семья, делается с двух сторон. Следовательно, то, на что я акцентирую внимание в своей концепции – не отрицание чужого. Понимание парадигмы «чужого – иного – другого» может быть основой и для вашего, люди ислама, шага к диалогу с моим миром!

Хотел бы ещё некоторые бытовые вещи привести из реалий екатерининской эпохи. Вот два фрагмента из отчёта турецкого посла.

В одном речь идёт о дворцовом театре Екатерины II. Комедия – пишет посол в Стамбул, – значит собрание стихов. В театре мужчины и женщины сидят вместе, все смотрят на сцену. «А от полноты щедрости, если довольны, вместо того, чтобы бросать артистам бакшиш деньгами, они бьют рукой об руку. Мужчины и женщины делают, таким образом, одно и то же, как будто их хлопанье в ладоши интереснее артистам, чем несколько золотых монет». Вот так своеобразно воспринимал наш театр исламский посол.

Во втором фрагменте отражено восприятие русской кухни. Дипломата угощали в доме какого-то русского вельможи. Потчевали от души, было подано восемнадцать перемен блюд. Это послу понравилось. Но как же он болел, вкусив кислых щей со сметаной! Реакция посла – надо отучать русских кушать щи и подавать почаще жирный плов с бараниной. Боюсь, что многие из нас от такой пищи тоже будут болеть.

Два бытовых примера, а сколько в них заложено...

Мы и мир ислама ничего не должны навязывать друг другу. Ни форм общения, ни бытовых навыков. Надо находить путь культурного равновесия.

Информационный джихад уже развернулся. Например, в Стамбуле создан информационный масс-медийный центр, вкладываются колоссальные деньги, подбираются люди и из молодёжной

среды, чтобы пропагандировать, к сожалению, не взаимное изучение культур и ценностей, а только жёсткое продвижение исламских ценностей.

Нам, России, нечего делать с оружием в руках на Востоке, но понять механизмы конфронтации в том регионе – значит, оградить от подобного разворота событий через знания нашу страну, где есть приверженцы всех мировых религий. Верно сказал пророк Мухаммад (да будет им доволен Аллах): «Тот, кто вышел по дороге знаний, прямым путём идёт в рай». На Востоке уважают знания. Знание – сила, а знание о другом – это шаг к мудрости.

Литература

Анализ протестов в исламском мире против фильма «Невинность мусульман» // URL: <http://www.bbc.co.uk/news/wqrd-middle-east-19632673>

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX века). М., 2010.

Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Отв. ред. и автор предисловия В.И. Шеремет. М., 2005.

Шеремет В.И. «Ислам» значит мир // Родина. 2006. № 6.

Шеремет В.И. «Мир Запада» и «мир ислама» – хроно-географическое пространство и формы взаимодействия // Международный консорциум по изучению европейских культур. Учебно-научная академия «Россия, Европа и ислам». Крым, Форос, сентябрь 2005 г. М., 2005.

Шеремет В.И. Глобализм по-исламски начинался на берегах Босфора // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом: научно-литературный альманах. Вып. 1. 10 лет со дня «черного вторника» 11 сентября 2001 года. М., 2011.

Шеремет В.И. Дозволено ли послу «шалить»? Чрезвычайное посольство Селима III в Петербург в 1793 г. // Наука и религия. 2003. № 4.

Шеремет В.И. Ислам и христианская Европа // Вестник РАЕН. Т. 6. № 2. М., 2006.

Шеремет В.И. Православные патриархи и османские власти // Культурное наследие Египта и Христианский Восток. М., 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств
ГРМ	Государственный Русский музей
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	Государственный Эрмитаж
РА	Русский архив
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
СБ. РИО	Сборник Императорского Русского исторического общества

Научное издание

Е.Р. ДАШКОВА В КРУГУ СОВРЕМЕННОКОВ

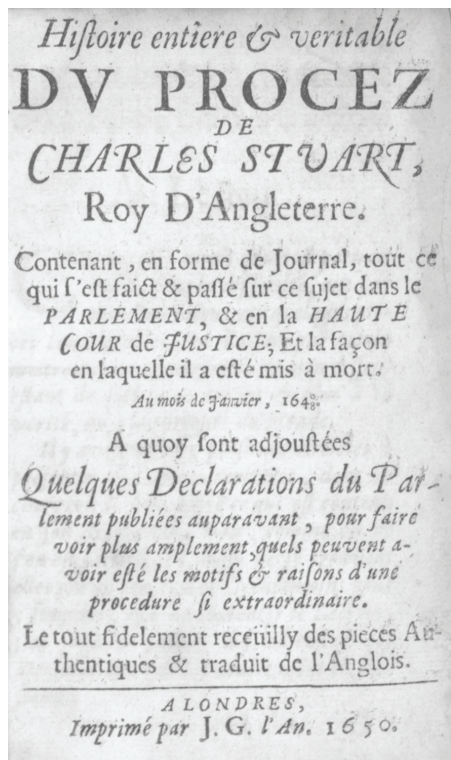
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ И ЭПОХА

Редактор РИО – *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная верстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано в печать 22.01.13. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman Суг.
Усл.-печ. л. 20,5. Тираж 200 экз.

К статье Е.В. Полевщиковой «А.Р. Воронцов в Лондоне:
штрихи к портрету “русского джентльмена”»

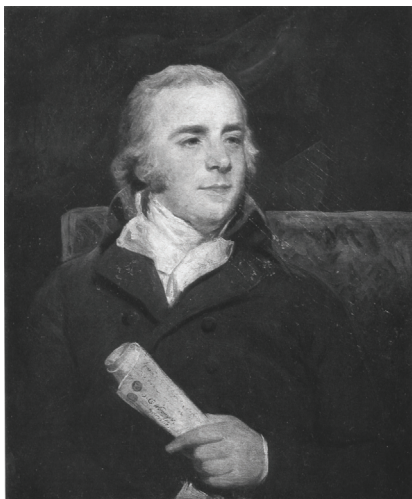
Книга из библиотеки
А.Р. Воронцова

Клиффорд-стрит: Вертикальная проекция домов № 4–9
(в центре – дома № 6 и 7)

*К статье Н.Я. Серебряковой «Пример служения Отечеству:
письма С.Р. Воронцова в Адмиралтейств-коллегию»*

С.Р. Воронцов

Кон. XVIII в. Худ. Дж. Хоппнер. ГМИИ

Г.Г. Кушелёв с сыновьями

1804–1805 гг. Худ. В.Л. Боровиковский. ГРМ

**Памятник А.С. Грейгу
в Николаеве**

1873 г. М.О. Микешин, А.М. Опекушин

**Памятник И.Ф. Крузенштерну
в Санкт-Петербурге**

1869 г. И.Н. Шредер, И. Монигетти

*К статье О.А. Мецзяковой «История одной дружбы:
многолетняя переписка С.Р. Воронцова и Ф.В. Ростопчина»*

Ф.В. Ростопчин
1800 г. Худ. С. Тончи. ГРМ

С.Р. Воронцов
1805–1806 гг. Худ. Т. Лоуренс. ГЭ

П.А. Пален
XIX в. Неизв. худ. ГЭ

А.А. Безбородко
1794 г. Худ. И.Б. Лампи-старший ГЭ

*К статье Т.М. Фадеевой «Греческий проект в лицах:
маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы
в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.»*

Зоя Гика
1777 г. Худ. А. Рослин.
Национальный музей Швеции
(Стокгольм)

А.Г. Орлов-Чесменский
1779 г. Худ. К.Л. Христенек. ГТГ

**Герб рода Маруцци
на надгробном памятнике**
Лазаревское кладбище
(Санкт-Петербург)

*К статье Е.В. Пчелова
«Правление Рюрика в “исторической серии” медалей
Екатерины Великой»*

Медаль «Приход Рюрика собратиею к рубежам руским в 861-м году»

Медаль «Приняты от всех чинов русских в 861 году»

Медаль «Рюрик именовался князь великий»

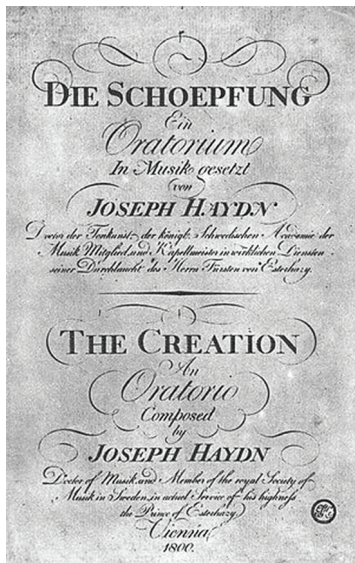
Медаль «Брак Рюрика с Ефандою княжною Урманскою»

К статье О.А. Байрд (Яценко) «Сотворение мира» в Петербурге:
Й. Гайдн – А. Эрбель – Л.-В. Тейпер де Фергюсон»

Й. Гайдн
1799 г. Худ. В. Кинингер, К. Пфайфер

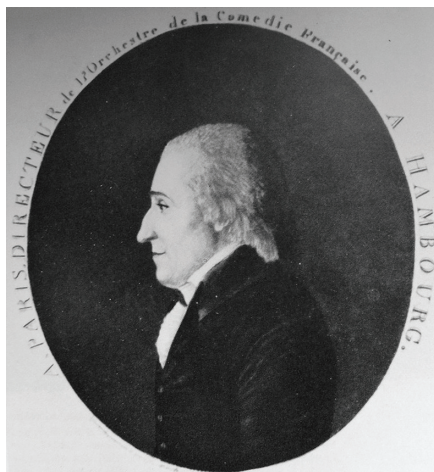

Партитура оратории «Сотворение мира». Вена, 1800

А. Эрбель
Ок. 1800 г. Худ. Ф. Ягеманн, К. Раль

Г.-А. Парис
1798 г. Худ. Э. Кведеней

К статье А.А. Жирковой «История усадьбы Кирьяново и образ княгини Е.Р. Дашиковой в историко-краеведческом музее “Нарвская застава”»

Фасад усадьбы Кирьяново, обращённый в сторону моря

**Фрагмент экспозиции филиала музея «Нарвская застава»:
условный интерьер «комната княгини»**

К статье Л.В. Тычиной
«Дашковское общество в 2012 году: хроника событий»

**Встреча руководства МГИ им. Е.Р. Дашковой
с Главой Российского Императорского Дома**

Сидят великая княгиня Мария Владимировна и ректор института Л.В. Тычина,
стоят проректор Н.П. Карпиченко и академик Е.П. Чельшев

**День св. Екатерины: презентацию
родословной княгини Е.Р. Дашковой (составитель – Е.Н. Фирсова)
проводит председатель Дашковского общества Л.В. Тычина**

